

Часть I

New York Times Bestseller

Орудия Смерти

Книга шестая

ГОРОД НЕБЕСНОГО ОГНЯ

КАССАНДРА КЛЭР

Перед вами очередной потрясающий бестселлер New York Times от всемирно известного автора классического городского фэнтези – Кассандры Клэр!

В ее новом долгожданном романе «Город небесного огня» Клэри и ее друзья окажутся лицом к лицу с поистине страшным противником: родным братом Клэри.

Себастьян Моргенштерн обращает нефилимов против собственных собратьев. Используя Инфермальную чашу, он превращает Сумеречных охотников в порождения мрака, разрывая семьи и возлюбленных, чтобы пополнить ряды своей мрачной армии.

Любовь будет принесена в жертву и многие отдадут свои жизни в страшном сражении за судьбу этого мира в захватывающем заключительном романе «Орудий Смерти»!

- [Кассандра Клэр](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

Кассандра Клэр

Город небесного огня. Часть I

Cassandra Claire

The Mortal Instruments Trilogy 6: City of Heavenly Fire

The Mortal Instruments Trilogy 6: City of Heavenly Fire – Copyright © Cassandra Claire, LLC

© Изображение / Иллюстрация на обложке. Cliff Nielsen

© Перевод. ООО «Прогресс ИД», 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ Классик», 2015

Элайасу и Джоуну

В Боге слава, ведь если человек мечтает, Искру огня небес в душе он обретает.

– Джон Драйден, «Авессалом и Ахитофел»

Пролог

Как снег на голову

Институт Лос-Анджелеса, декабрь 2007 г.

В день, когда погибли родители Эммы Карстейрз, погода стояла отличная. С другой стороны, погода в Лос-Анджелесе почти всегда радует.

Ясным зимним утром они высадили Эмму возле Института за Прибрежным шоссе. На небе – ни облачка, сплошная безбрежная синь, протянувшаяся от утесов Пасифик-Палисадес до пляжей Пойнт-Дюма.

Ночью доставили сводку о демонической активности в районе береговых пещер Лео-Каррильо. Расследование поручили Карстейрзам. Позже в памяти Эммы всплыло, как мама, поправляя выбитую ветром прядь, предложила отцу начертать Руну отваги, на что Джон Карстейрз лишь рассмеялся и ответил, что не очень-то доверяет всем этим новомодным рунам. Дескать спасибо, но ему вполне хватает и «Серой книги».

Впрочем, в тот момент Эмме было недосуг слушать споры про защитные руны и прочие обереги. Наскоро обняв родителей, она побежала вверх по ступенькам, не обращая внимания на бьющий по лопаткам рюкзачок.

Эмма до сих пор была в восторге, что удалось устроиться стажером в Институт. И дело не в том, что здесь жил Джулиан, ее лучший друг, – всякий раз, оказываясь внутри этих стен, она испытывала пьянящее чувство полета над океаном, который был рядом, только руку протяни. Институт представлял собой массивное сооружение из камня и дерева в конце усыпанной гравием дороги, вившейся между холмами. Все его окна выходили на океан и небо, отчего дух захватывало. Девочка мечтала как-нибудь разок забраться вместе с Джулианом на крышу – жаль только, что родители запрещали, а ей так хотелось проверить, можно ли оттуда разглядеть границу пустыни в южной стороне.

Входная дверь ее узнала и послушно поддалась при первом же прикосновении. Вестибюль и коридоры нижних этажей были многолюдны – Сумеречные охотники сновали по своим делам. Должно быть, какое-то совещание, решила Эмма. Из толпы ее глаза выхватили Эндрю Блэкторна, отца Джулиана и главу Института. Не желая терять время на приветствия, она шмыгнула в раздевалку на втором этаже, где сменила свои джинсы и футболку на униформу стажера: безразмерную рубашку, хлопчатобумажные штаны свободного покроя и – самая важная деталь экипировки – заплечный меч.

Кортана. Это слово означало «малый меч», хотя, с точки зрения Эммы, ничего малого в нем не было: лезвие длиной с ее собственное предплечье. Гравировка на искрящемся металле до сих пор вызывала у девочки произвольные мурашки: «*Я – Кортана, той же стали и закалки, что Жуаёз и Дюрандаль*».

Отец объяснил, что это значит, когда впервые вложил клинок в руки десятилетней дочери. – Будешь с ним тренироваться с моего разрешения, пока не достигнешь восемнадцати. И уже тогда он станет твоим, – сказал он и, с улыбкой наблюдая, как Эмма водит пальцем по надписи, спросил: – Что, непонятно?

Она помотала головой. «Сталь» – это понятно, но вот «закалка»... При чем тут физзарядка и утренние обливания холодной водой, на которых всегда настаивал отец, мол, закаляйся! Разве у стали бывает насморк?

– Ты ведь слышала про Вэйландов? – продолжил отец. – Они были знаменитыми

оружейниками еще до того, как Железные сестры взялись ковать все клинки Сумеречных охотников. Из горнила Вэйланда-Кузнеца вышли *Экскалибур* и *Жуаёз*, мечи короля Артура и Ланселота, а также *Дюрандаль*, принадлежавший героическому Роланду. Та к вот, этот меч тоже выковали Вэйланды, из той же самой стали. А любую сталь полагается закалять, то есть сильно-сильно нагреть, чуть ли не до расплавления, чтобы сделать прочнее... – Он поцеловал дочь в макушку. – Мы, Карстейрзы, носили этот меч многие поколения, и гравировка напоминает нам, что Сумеречные охотники суть оружие Ангела. Пусть нас закаляет огонь – от этого мы лишь прибавляем в силе. Страдания нас не сломят, мы всегда выживем.

Эмма чуть не прыгала от нетерпения: скорей бы пролетели эти шесть лет, что отделяли ее от восемнадцатого дня рождения, когда ей уже можно будет странствовать по миру, уничтожая демонов, когда ее саму опалит то самое закаляющее пламя. Но пока что пришлось довольствоваться тем, что, надев перевязь с мечом, Эмма покинула раздевалку, на ходу воображая, как все будет. Вот она стоит на вершине утеса на мысе Пойнт-Дюм – его даже отсюда видно, – и *Кортаной* отражает атаку целого полчища раум-демонов. А плечом к плечу с ней бьется Джулиан – естественно! – разя врагов из своего любимого арбалета.

Эмма и представить не могла, что Джулса по какой-то причине не будет рядом. Они были знакомы аж... в общем, сколько она себя помнила. Блэкторны и Карстейрзы всегда держались вместе, а Джулс был всего-то на пару-другую месяцев постарше; можно сказать, Эмма всю жизнь в буквальном смысле провела в компании своего друга. Еще в младенческом возрасте они сообща учились плавать в океане, потом встали на ноги, потом выучились бегать – тоже вместе. Эмму носили на руках его родители, а старшие брат с сестрой поучали уму-разуму, когда они с Джулсом уж очень шалили.

Что, кстати, случалось сплошь и рядом. Взять хотя бы тот случай, когда они сделали яркосиним семейного кота Блэкторнов, белого и пушистого Оскара. В ту пору им было по семь лет. Всю вину принял на себя Джулс; он вообще отличался этим свойством – проявлять благородство. В конце концов, рассудительно пояснил мальчик, Эмма – единственный ребенок в семье, зато у него самого имелось еще шестеро братьев и сестер, так что старшие Блэкторны куда быстрее забудут про свой гнев, нежели старшие Карстейрзы.

А еще Эмма хорошо помнила те дни, когда умерла мама Джулса – это произошло вскоре после рождения Тэйви. Пока в каньоне пылал погребальный костер и в небо тянулся столб дыма, она стояла, сжимая руку друга в своей ладони. Джулс плакал, а она думала о том, что мальчишки плачут по-другому, не как девчонки, – из горла Джулса вылетали не то всхлипы, не то надрывные стоны, словно ему раздирали тело крючьями. Не исключено, что мальчишкам вообще приходится труднее, ведь им, если по правилам, не полагается плакать...

– Ой! – Эмма чуть не опрокинулась на спину, когда, увлеченная собственными мыслями, нечаянно наткнулась на Блэкторна-старшего, высокого мужчину с такой же растрепанной шевелюрой, как у большинства его детей. – Простите, пожалуйста, мистер Блэкторн, я не нарочно!

Тот добродушно усмехнулся:

– В жизни не видал человека, который бы так спешил на занятия.

Последние слова она уже не услышала, успев умчаться вглубь коридора.

Учебный класс был одним из любимейших помещений Эммы во всем институтском корпусе. Он занимал чуть ли не целый этаж, а его восточные и западные стены были сделаны из прозрачного стекла. Куда ни бросишь взгляд, повсюду видна синева моря. Линия побережья плавно изгибалась с севера на юг, а на запад, за горизонт, к невидимым отсюда Гавайям, уходил безбрежный простор Тихого океана.

В центре зала, отражаясь в идеально отполированном паркете, стояла семейная

воспитательница Блэкторнов, властолюбивая и суровая Кейт, в данную минуту увлеченная уроком метания ножей, который она преподавала двойняшкам. Ливви прилежно следовала указаниям, а вот Тай хмурился и держался строптиво.

Джулиан, одетый в свободный тренировочный костюм, лежал на боку возле западного панорамного окна, что-то втолковывая Марку, который делал вид, что с головой ушел в свою книжку и ни чуточки не замечает болтовни младшего сводного брата.

– А тебе не кажется, что имя Марк плохо подходит Сумеречному охотнику? – услышала Эмма, приблизившись к ребятам. – Сам подумай. Ведь что значит «Марк»? «Знак», «отметина» и так далее. Вот подойдет кто-нибудь и скажет: «А ну-ка, Метка, где твоя отметка?» Тебе понравится?

Марк тряхнул светлой шевелюрой и гневно уставился на Джулиана, который рассеянно поигрывал стилусом, держа его как кисточку, о чем Эмма не переставала делать ему замечания. Это же, можно сказать, продолжение руки Охотника, а вовсе не орудие маляра.

Марк театрально вздохнул. Ему перевалило за шестнадцать, и он считал себя достаточно взрослым, чтобы воспринимать любые поступки Эммы и Джулиана как проявление детской глупости.

– Если тебя это волнует, можешь звать меня полным именем, – сказал он.

– Марк Энтони Блэкторн? – скривился Джулиан. – Слишком длинное. А если на нас демоны нападут, что тогда? Пока я доберусь до «Блэкторна», тебя уже прикончат.

– Думаешь, если они нападут, это *ты* будешь меня спасать? – вскинул брови Марк. – Ничего не перепутал? Еще посмотрим, кто до кого доберется. Салага!

– Мало ли чего на свете не бывает, – подтягивая коленки к груди, пробурчал Джулиан, задетый пренебрежительным тоном.

Волосы у него торчали во все стороны, как у деревенского пугала. Хелен, старшая сестрица, регулярно атаковала Джулса щетками и расческами, но все без толку. У него была типично блэкторновская шевелюра, как у отца и большинства братьев и сестер, – другими словами, непокорная поросль каштанового цвета, или цвета темного шоколада, как определяла Эмма. Их фамильное сходство всегда завораживало девочку, которая мало чем походила на отца с матерью, разве что цветом кудрей: ее отец был блондин.

Последние месяцы Хелен пребывала в Идрисе вместе с Алиной, своей подругой. Они обменялись семейными кольцами и, как выражались Эммины родители, «были настроены весьма серьезно», имея в виду, что девушки смотрели друг на друга увлажненными глазами. Понаблюдав за ними, Эмма решила, что, если ей когда-либо доведется влюбиться, она ни за что не позволит себе подобную слащавость. Она чувствовала, что окружающие придают какое-то особое значение тому факту, что и Хелен и Алина были девушками, однако не могла взять в толк отчего. Блэкторнам, судя по всему, Алина нравилась. Рядом с ней всегда было спокойно, и Хелен в ее присутствии уже не так напоминала сердитого ежика.

Отсутствие Хелен, впрочем, означало, что о прическе Джулса заботиться некому, и солнечный свет, заливавший учебный зал, казалось, окунул кончики его растрепанных вихров в расплавленное золото. Сквозь панорамные окна восточной стены виднелись тенистые прогалины гор, чья вереница отделяла море от Санфернадской долины: сухие, пыльные, изрезанные каньонами холмы, испещренные кактусами и зарослями прочих колючек. Порой Сумеречные охотники выходили на полевые тренировки, и Эмма особенно любила такие дни, когда можно было отыскать тайные тропы, которые вели к таинственным водопадам, где на близлежащих камнях уютно пригрелись разленившиеся ящерицы. Джулиан владел искусством приманивать их к себе в ладонь, где они застывали, пока он тихонько гладил им затылок большим пальцем.

– Берегись!

Эмма инстинктивно пригнулась, и над ее головой просвистел нож с деревянным лезвием. Учебный клинок врезался в окно и, отскочив, угодил Марку в ногу. Юноша отложил книгу и поднялся, обводя зал хмурым взглядом. Вообще говоря, на занятиях он считался помощником Кейт и должен был присматривать за порядком, хотя предпочитал просто читать в сторонке, а не возиться с преподаванием.

– Тиберий, – мрачно сказал он. – Прекрати швыряться в меня ножами.

– Он не нарочно. – Ливви решительно встала между Марком и своим братом-близнецом.

Тиберий был столь же смугл, насколько Марк светлокож, и он был единственным из Блэкторнов, если не принимать во внимание Марка с Хелен – эти двое из-за своей фейрийской крови не считались, – кто не обладал каштановыми кудрями и аквамариновыми глазами, характерными семейными признаками. У Та я была волнистая смоляная шевелюра и серые глаза, отливавшие сталью.

– Не извольте сомневаться, – заявил Тай. – Я целился в него преднамеренно. И даже попал.

Марк раздраженно втянул воздух через стиснутые зубы и обеими руками подергал себя за волосы. Глаза у него были типичные блэкторновские, цвета ярьмедянки, зато волосы, как и у Хелен, были светлыми, материнскими. Поговаривали, что их родительница была принцессой фейрийского Летнего двора; плодом ее интрижки с Эндрю Блэкторном стали двое детей, которых она как-то ночью оставила на ступенях Института, после чего навсегда исчезла.

Отец Джулиана принял полукровок в свою семью и воспитал из них Сумеречных охотников. Эта кровь была доминантной, и, хотя Совет косо смотрел на подобные вещи, подкидышам позволили оставаться под крылом Конклава до тех пор, пока их кожа сможет носить на себе руны. И Хелен, и Марк получили свои первые знаки в десятилетнем возрасте, и их кожа действительно все выдержала, хотя Эмма, присутствовавшая на церемонии, отметила про себя, что рунизация сказалась на Марке куда болезненнее, чем на обычном Сумеречном охотнике. Пока стилус выписывал знаки и фигуры, мальчишка морщился, хотя отважно пытался это скрыть. В последнее время, кстати, она много чего еще начинала находить в Марке, к примеру, как привлекательно смотрится его немного странное, отмеченное эльфическими чертами лицо и насколько широки его плечи под складками бесформенной футболки. Она и сама не понимала, с какой стати вдруг начала обращать внимание на подобные особенности, и за это дулась на саму себя. Порой от досады хотелось даже прикрикнуть на Марка, а иногда тянуло куда-то убежать и спрятаться. Хуже всего было, когда накатывало желание проделать и то и другое одновременно.

– Смотри, дырку протрешь, – сказал Джулиан, поглядывая на нее поверх вымазанных краской колен.

Эмма встрепенулась, выбитая из размышлений:

– А? Какая дырка?

– В Марке, естественно. Опять на него уставилась.

В его голосе звучала досадливая обида.

– Не ори! – прошипела она и выхватила из руки Джулса стилус.

Мальчишка тут же дернул его обратно, началась молчаливая, но ожесточенная схватка, кто кого. Наконец, Эмма со смешком перекатилась в сторону. Они с таких давних пор тренировались вместе, что девочка заранее могла сказать, какой прием Джулс вот-вот применит. Беда лишь в том, что Эмма слишком мягко к нему относилась, и малейшая мысль, что кто-то может причинить ее другу вред, доводила ее чуть ли не до бешенства. Порой даже в собственный адрес.

– Ты все еще злишься из-за тех пчел, да? – тем временем произнес Марк, направляясь к Тиберию. – Но сам посуди, нельзя же держать пчел в собственной комнате!

– А вот мне сдается, ты поступил злокозненно, желая мне досадить, – сообщил Тай.

Он был невысок росточком для своего возраста – только что пошел в третий класс, – зато словарным запасом и своеобразной манерой выражаться мог запросто сойти за дедушку лет эдак восьмидесяти. Врал он в редчайших случаях, а все из-за того, что не понимал, какая ему будет от этого польза. Вдобавок Тай не мог взять в толк, отчего некоторые его слова и поступки могут дико взбесить окружающих, так что чужой гнев приводил его порой в откровенное недоумение, а порой пугал, что целиком зависело от его текущего настроения.

– При чем тут «досадить»? Тай, ты же сам понимаешь, что нельзя держать пчел в доме...

– Я их изучал! – багровея, объяснил Тай. – Это важное дело, к тому же они мне друзья, и вообще, я отлично разбираюсь, что и как надо делать!

– А про гремучую змею уже забыл? – поинтересовался Марк. – Нам иногда приходится отбирать у тебя кое-какие вещи лишь потому, что мы желаем тебе добра, ведь ты можешь пострадать. Да, я знаю, тебе трудно это понять, но мы все же тебя любим.

Тай уставился ему в лицо. Он знал, что означают слова «я тебя люблю», знал, что они предполагают нечто хорошее, однако не мог взять в толк, как это помогает хоть что-то объяснить или оправдать.

Марк нагнулся и уперся ладонями в колени, смотря Таю прямо в глаза:

– Ладно, мы сделаем вот что...

– Ха! – Эмма наконец-то сумела уложить Джулиана на лопатки и отобрать стилус.

Хихикая словно от щекотки, мальчишка извивался под ней до тех пор, пока она не пришила обе его руки к полу.

– Сдаюсь, – просипел он, ухмыляясь. – Силачка несчастная.

Джулиан откровенно над ней насмехался, и Эмма вдруг сообразила, что вот эта поза – верхом на Джулсе – была, вообще-то, странноватая, к тому же в голову отчего-то полезли мысли, что у него, как и у Марка, тоже симпатичная физиономия. Круглая, мальчишеская, давным-давно знакомая, но сейчас Эмма, словно заглядывая в будущее, видела, каким будет это лицо, когда он повзрослеет.

В зале раздался гул: сработал звонок у входа в Институт. Звук от него исходил низкий, тягучий, как у церковного колокола. Со стороны, а вернее сказать, в глазах *примитивных*, то есть простых обывателей, Институт напоминал руины то ли католической миссии, то ли монастырской школы; кругом были расставлены таблички «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ» и «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», однако, несмотря на это, кое-кто из мирян (как правило, одаренных малой толикой Видения) время от времени все же добирался до входной двери.

Эмма скатилась с Джулиана и принялась отряхиваться. Девочка уже не смеялась. Джулиан приподнялся и с тревожным любопытством вскинул на нее глаза:

– Все в порядке?

– Локтем ударилась, – буркнула Эмма, озираясь по сторонам. Ливви послушно следила за Кейт, которая учила ее правильно держать нож, а Тай до сих пор неодобрительно покачивал головой, вероятно думая о словах Марка. Тай... Именно Эмма невольно дала Тиберию это прозвище, а все потому, что он родился, когда ей самой было полтора года и она еще не могла правильно произносить его имя. «Тай-Тай», – говорила она. «Интересно, а он сам-то об этом помнит?» – подумала девочка. Тай вообще очень необычен: что-то сразу привлекает его внимание, а что-то он в упор не замечает. Абсолютно непредсказуемый тип.

– Эмма?...

Джулиан подался вперед, и вдруг кругом все взорвалось. Яркая вспышка – и внешний мир за стеклом стал бело-золотым с красными сполохами, будто Институт охватило пламя. Пол под ногами накренился, словно корабельная палуба. Эмма качнулась и упала, а с нижних этажей

наплывал страшный, нечленораздельный крик.

Ливви всхлипнула, кинулась к Таю, обхватила брата обеими руками, как если бы заслоняла от угрозы собственным телом. Она принадлежала к тем немногим, кому Тай позволял к себе прикасаться; мальчик стоял как вкопанный, одной рукой вцепившись в рукав сестринской футболки. Сбитый с ног Марк уже поднимался; темная шевелюра Кейт подчеркивала бледность ее лица.

– Вы двое ни с места, – приказала она Эмме с Джулианом, извлекая меч из поясных ножен. – Присмотрите за близняшками. Марк, ты со мной.

– Нет уж! – возмутился Джулиан, вскакивая с пола. – Марк...

– Ничего, я справлюсь, – улыбнулся тот, даря младшему брату подбадривающую улыбку; у него в руках уже виднелись клинки. С ножами он умел работать, меткостью отличался замечательной. – Будь рядом с Эммой, – добавил он и, коротко кивнув обоим, исчез вслед за Кейт. Дверь в тренировочный зал гулко захлопнулась.

Джулс шагнул к Эмме, подал руку и помог встать. Ей захотелось сказать, мол, не стоит беспокоиться, я и сама могу, но помощь все же приняла. Сейчас она особенно остро понимала, как это важно: делать что-то продуктивное, лишь бы чем-то подсобить. Снизу донесся очередной крик, где-то звонко лопнуло и осыпалось стекло. Эмма кинулась к двойняшкам; те не шевелились, словно превратились в крошечные статуи. Ливви была пепельно-бледной; Тай цеплялся за ее футболку до побелевших костяшек.

– Ничего, все обойдется, – сказал Джулиан, кладя руку на худенькое плечо младшего брата. – Что бы ни случилось, все будет хорошо...

– Да ведь ты не понимаешь, что происходит, – возразил Тай сдавленным голосом. – Как же ты можешь заявлять, будто все обойдется? Ты же не знаешь, в чем тут дело.

Вновь раздался какой-то вопль. Даже не крик, а нечто худшее. Скорее вой, дикий и зловеющий. «*Неужто оборотни?*» – растерянно предположила Эмма. Да нет, боевой клич оборотней она уже слыхала, тут что-то гораздо более темное. И жестокое.

Ливви прижалась к брату-близнецу. Тай вскинул глаза на старших, внимательно присмотрелся к Эмме, перевел взгляд на Джулиана.

– Если мы решим здесь прятаться, – сказал он, – и они нас найдут, то за все, что случится с нашей сестрой, отвечать будешь *ты*.

Ливви терлась лицом о его плечо; мальчик говорил негромко и спокойно, но Эмма ни капли не сомневалась в предельной серьезности его слов. Каким бы пугающе глубоким ни был его интеллект, какими бы странностями в отношении чужих людей он ни отличался, Тай был неразлучен со своей сестрой. Когда Ливви болела, он спал в изножье ее кровати, стоило ей оцарапать руку, как он впадал в панику, и то же самое можно было наблюдать с ее стороны.

На лице Джулиана всеми красками играли противоречивые эмоции. Он встретился взглядом с Эммой, и она едва заметно кивнула. Остаться здесь, в тренировочном зале, и покорно ждать, пока за ними придут «крикуны» с нижних этажей... От самой этой мысли не то что мурашки бежали – кожа съеживалась, будто хотела слезть с костей.

Джулиан прошелся по залу и вернулся с арбалетом и парой кинжалов.

– Тай, тебе придется на время отпустить Ливви, – сказал он.

Поколебавшись секунду-другую, близнецы перестали напоминать сиамскую пару. Джулс передал Ливви один из ножей, второй протянул Тиберию, но тот устоял на клинок с видом человека, наткнувшегося на инопланетный артефакт.

– Ответь-ка, – сказал Джулс, опуская руку, – все-таки зачем ты притащил пчел в свою комнату? Чем они тебе так глянулись?

Мальчик молчал.

– Тем, что они отлично сработались, да? – продолжил Джулиан. – А теперь прикинь такую вещь: сейчас мы тоже должны действовать сообща. Надо добаться до Командного пункта и выйти на связь с Конклавом. Подать сигнал SOS. Усекаешь, да? Чтобы они выслали подкрепление и нас выручили.

Сухо кивнув, Тай протянул ладонь за клинком:

– То же самое и я собирался предложить. Если б только Кейт с Марком умели слушать...

– Вот именно, – подала наконец голос и Ливви. Свой кинжал она взяла намного уверенней, чем брат, словно уже знала, что и как делают с холодным оружием. – Тай всегда смотрит в корень.

– Ладно, – сказал Джулиан. – С этого момента ведем себя как можно тише. Вы двое пробираетесь со мной до Командного пункта. – Он вскинул взгляд на Эмму: – А Эмма идет за Тэйви и Дрю и потом встречается с нами. Договорились?

У девочки дернулось и ушло в пятки сердце, упало камнем, как морская чайка. Октавию всего-то пара годиков от роду. А восьмилетняя Дрю еще и к физподготовке приступить не успела, не говоря уже про боевой курс. Но ведь кому-то же надо за ними отправиться? Да и в глазах Джулиана читается мольба.

– Ясное дело, – кивнула она. – Я как раз собиралась этим заняться.

Кортана надежно закреплена на спине, в руке – метательный нож. По венам будто пульсирует жидкий металл в такт биению сердца. Эмма скользит по коридорам Института, прижимаясь к стенам. То тут, то там путь прерывается холлами, в чьи окна маняще заглядывают зеленые горы и синий океан с такими мирными, белоснежными облаками над ним – будто в издевку. На ум пришли родители: должно быть, нежатся сейчас где-нибудь на пляже, ни сном ни духом не ведая, что творится в Институте. Эх, вот бы их сюда на подмогу; а с другой стороны, хорошо, что беда их миновала...

Эмма добралась до той части институтского корпуса, которая была ей особенно хорошо знакома: семейный сектор, общежитие. Девочка прощмыгнула мимо пустующей комнаты Хелен, где почти не осталось личных вещей, а плед на кровати успел запылиться. Вот и закуток Джулиана, где после миллиона вечерних посиделок ей тоже все знакомо. Комната Марка – заперто. Следующей по счету шла спальня мистера Блэкторна, и как раз с ней по соседству располагалась детская. Эмма сделала глубокий вдох и плечом толкнула дверную створку.

От увиденного в крошечной голубой комнатухе у нее до предела распахнулись глаза. Тэйви стоял в своей кроватке, вцепившись ручонками в прутья. Весь красный, даже багровый от долгого крика. Друсилла, загораживая брата, заняла оборонительную стойку; обеими руками она стискивала меч – одному Ангелу известно, где только она его раздобыла, – кончик которого был нацелен прямо на Эмму. Руки Дрю ходили ходуном, косички торчали, будто рога у козленка, но в ее типично блэкторновском взгляде ясно читалось: «Попробуй тронь моего брата».

– Дрю, – как можно безмятежнее промолвила Эмма. – Дрю, это я. Джулс меня за вами прислал.

Выпав из рук малышки, меч лязгнул о пол, а сама она зашлась плачем. Эмма скользнула к кроватке, свободной рукой выхватила оттуда карапуза и посадила себе на бедро. Тэйви был маловат для своего возраста, однако весил не меньше десятка кило... вдобавок он тут же вцепился ей в волосы. Девочка только охнула.

– Мемма, – сообщил кроха.

– Да-да, это я. Тс-с, сиди тихо. – Она поцеловала его в макушку, от которой пахло детской присыпкой и слезами. – Так, Дрю, хватайся за мой ремень, ясно? Идем на Командный пункт. Там мы в безопасности.

Дрю сунула обе руки за оружейный пояс Эммы; она уже перестала плакать. Сумеречные охотники вообще не плаксивы, даже если им всего-то восемь лет.

Эмма выглянула в коридор. Шум внизу был еще жутче. По-прежнему раздавались чьи-то вопли и низкий вой, звенело стекло, трещали доски. Эмма двинулась вперед, крепко прижимая Тэйви и бормоча что-то невнятное, но успокоительное, мол, все устроится и все будет хорошо. В этой части Института было особенно много окон, и солнечный свет бил сквозь проемы жестко и грубо, словно специально хотел ослепить.

А ведь она и вправду едва видела перед собой: не только из-за солнца, но и из-за паники. И по этой причине свернула не туда. Не успев сообразить что к чему, вместо знакомого коридора Эмма с детьми оказалась на верхней площадке широкой лестницы, которая вела прямоком в вестибюль с громадной двустворчатой дверью, за которой была улица.

Весь нижний этаж был заполнен Сумеречными охотниками. Кое-кто в черной униформе, что выдавало, как знала Эмма, его принадлежность к нефилимам лос-анджелесского братства, другие – в красной. Статуи, ранее украшавшие вестибюль, были повалены, пол засыпан обломками и мраморной крошкой. Витражное окно, смотревшее на океан, разбито вдребезги, повсюду стекло и кровавые потеки.

В животе у девочки сжался тугой, болезненный ком. Посреди всего этого разгрома высилась одинокая фигура в алом. Белесые, чуть ли не седые волосы, лицо с чеканным профилем, напоминающее лик Разиэля, только без капли милосердия, глаза черные как антрацит, в одной руке меч со звездчатым узором, в другой – кубок из мерцающего адамаса.

При виде чаши что-то шевельнулось в памяти Эммы. Взрослые не очень-то любили обсуждать политику в присутствии малолеток, но девочка знала, что сын Валентина Моргенштерна сменил имя и поклялся отомстить Конклаву. А еще она знала, что он создал свой кубок – абсолютную противоположность Чаши смерти, так как превращал Сумеречных охотников в демонические создания, воплощение зла. Ей доводилось слышать, как мистер Блэкторн именовал переродившихся охотников не Сумеречными, а Помраченными, вроде бы это определение дал Конклав, а еще он говорил, что скорее умрет, чем согласится стать одним из них.

Та к вот он каков, Джонатан Моргенштерн, которого все называли Себастьяном. Персонаж злой сказки, как выясняется, не был всего лишь страшилкой для детей, а оказался фигурой во плоти. *Сын самого Валентина...*

Эмма ладонью прижала голову Тэйви к своему плечу. Она не могла сойти с места, будто чугунные вериги нацепила. Кругом Себастьяна кишели Сумеречные охотники в красном и черном, да еще какие-то личности в темных плащах – они что, тоже Охотники? Трудно сказать: их лица прятались в глубинах капюшонов... Стоп! А вот и Марк! Руки юноши завернуты за спину, в затылок дышит какой-то стражник в красном. Оба метательных ножа валяются на полу, тренировочная униформа перемазана кровью.

Себастьян вскинул руку и крючком согнул фарфорово-белый палец.

– Ко мне ее, – приказал он.

По толпе пошла рябь, ряды Охотников раздвинулись, и вперед шагнул мистер Блэкторн, таща за собой Кейт. Наставница его детей отчаянно упиралась, силилась отбиться, но тот был слишком силен. Эмма глазам своим не поверила, когда мистер Блэкторн толкнул Кейт на пол, вынуждая встать на колени.

– Ну а теперь, – прошелестел Себастьян голосом, каким мог бы разговаривать шелк, – испей из Чаши ада.

С этими словами он наклонил кубок, вжимая ободок в стиснутые губы Кейт.

Вот когда Эмма наконец узнала, откуда брался тот страшный вой. Кейт попыталась

отвернуться, однако мистер Блэкторн без церемоний вдавил кубок сильнее, заставляя разжать рот, и Эмма увидела, как женщина сделала глоток. Кейт вновь отчаянно дернулась в сторону, но на этот раз Блэкторн дал ей свободу; он хохотал, вторя Себастьяну. Женщина упала на пол, тело забилося в конвульсиях, а из глотки вырвался тот самый вопль, который на самом деле был воем боли, словно саму ее душу разлучали с телом.

По вестибюлю прокатился одобрительный смех; Себастьян усмехнулся, в его лице мелькнуло что-то предельно жуткое и одновременно притягательное: так смертоносная змея может блистать своей красотой, да и большая белая акула тоже.

Эмма увидела кое-что еще: за Себастьяном неотступно следовали двое. Седящая особа с боевым топором в руках и какая-то высоченная личность, закутанная в угольно-черный плащ. Ничего иного не было видно, разве что мыски темных сапог выглядывали из-под полы. Рост и ширина плеч выдавали в нем мужчину.

– Это все, что осталось от местных Охотников? – спросил Себастьян.

– Еще есть мальчишка, Марк Блэкторн, – ответила женщина, топором показывая на юношу. – По годам вроде подходит.

Себастьян бросил взгляд на Кейт, которая уже не билась в конвульсиях, а лежала у его ног как мертвая; за спутанными волосами лица не было видно.

– Встань, сестрица Кейт, – промолвил он. – Встань и приведи мне этого Марка Блэкторна.

На глазах оцепеневшей Эммы Кейт медленно поднялась. Сколько девочка себя помнила, эта женщина всегда работала в Институте: она вела занятия, когда родился Тэйви, когда умерла мама Джулса, да и когда сама Эмма приступила к курсу боевой подготовки. Кейт преподавала им иностранные языки, перевязывала порезы и прикладывала примочки к ушибленным местам, и именно из ее рук дети получили свое первое оружие. Все это время она была членом семьи, зато сейчас – с пустым взглядом, механически переступая через мусор на полу, – она тянула руки, чтобы схватить Марка.

Дрю всхлипнула, тут же выбив Эмму из ступора. Девочка развернулась и сунула Тэйви в руки сестры; та пошатнулась от неожиданности, но вмиг сориентировалась и прижала к себе малыша.

– Беги, – шепнула Эмма. – Дуй что есть сил на Командный пункт. Скажешь Джулиану, мол, я здесь.

В ее голосе читалось что-то такое, что не допускало возражений. Друсилла и не стала спорить, а просто кивнула и, покрепче обхватив брата, беззвучно, босиком, полетела по коридору.

Проводив ее взглядом, Эмма вновь стала наблюдать жуткое зрелище, что разворачивалось этажом ниже. Кейт подталкивала Марка в спину – не рукой, а кончиком ножа между лопатками. Подростка пошатывало, он едва не упал под ноги Себастьяну. Сейчас было видно, что он побывал в настоящем бою: на руках и запястьях резаные раны, лицо испещрено свежими шрамами; он явно не имел времени для выписывания исцеляющих рун. Правая щека представляла собой один сплошной кровоподтек.

Себастьян критически осмотрел пленника и раздраженно выпятил нижнюю губу.

– Этот экземпляр вовсе не полноценный нефилим, – процедил он. – Смахивает на помесь. Фейрийская кровь, если не ошибаюсь. Почему не доложили?

По толпе пронесся встревоженный шепоток. Женщина с топором опасно поинтересовалась:

– Лорд Себастьян! Означает ли это, что Чаша на нем не сработает?...

– Я не к этому, – поморщился Себастьян. – А к тому, что он мне неинтересен.

– Его можно отправить в Соляную долину, – предложила все та же воительница. – Или,

скажем, на Эдомские вершины, и там принести в жертву, на радость Асмодею и Лилит...

– Нет, – ответил Себастьян. – Нет, это было бы неразумно. Полагаю, вряд ли следует проделывать такие вещи с носителями крови Дивного народца.

Марк плюнул ему в лицо.

Себастьян так изумился, что пару секунд просто хлопал глазами. Затем он обернулся к отцу Джулиана.

– Подойди и научи его уму-разуму, – сказал он. – Если хочешь, можешь поранить, я не против. У меня нет никакого желания терпеть выходки твоего отпрыска-полукровки.

Мистер Блэкторн шагнул вперед, вздымая двуручный меч. Лезвие уже было окрашено чьей-то кровью. Глаза у Марка распахнулись от ужаса. Меч пошел вверх...

Метательный нож покинул ладонь Эммы и, проделав воздушное путешествие, закончил его в груди Себастьяна Моргенштерна.

Тот покачнулся, а меч Блэкторна упал вместе с безвольно повисшей рукой. Многие в толпе закричали, а Марк, пока Себастьян разглядывал рукоять, торчавшую из груди ровнехонько напротив сердца, уже принял боевую стойку, сжав кулаки.

– Гм, – сказал Себастьян и со скучающим видом выдернул клинок.

Лезвие было алым от крови, но Себастьяна это явно не беспокоило. Отшвырнув оружие в сторону, он вскинул голову, разглядывая лестничную площадку. Эмма физически ощутила взгляд темных, пустых глаз, которые словно ощупали ее ледяными пальцами. Девочке показалось, что ее взвешивают, оценивают степень исходящей угрозы, сопоставляют данные и, наконец, с презрительным безразличием принимают решение.

– Жаль, что ты не переживешь этот день, – сообщил Себастьян, обращаясь к Эмме. – А то смогла бы уведомить Конклав, что Лилит даровала мне необоримую силу. Мою жизнь оборвет разве что меч, подобный Блистательному. Что ж, тем хуже для нефилимов, что они больше не могут вызывать к заступничеству Небес, и те жалкие зубочистки, что они пытаются выковать в своей Адамантовой цитадели, уже не в состоянии мне навредить. – Он обернулся к своей армии и, брезгливо отряхивая одежду, приказал: – Убейте девчонку.

Марк бросился к ступенькам, очевидно желая опередить других и защитить ее, но темная личность в плаще перехватила юношу на бегу и дернула назад. Руки в черных перчатках крепко обвили торс. Марк отбивался как мог, но тут его заслонила толпа Помраченных, лавиной хлынувшая на лестницу.

Девочка ринулась прочь. Бегать она выучилась на калифорнийских пляжах, где песок ежесекундно уходит из-под ног, так что на твердом покрытии она могла посоперничать с самим ветром. Она неслась по коридору, перепрыгивая через банкетки, затем одним махом преодолела коротенький пролет из ступенек, резко свернула вправо и ворвалась в Командный пункт, как ребята именовали офис институтской администрации.

Помещение отличалось внушительными размерами, стены были уставлены стеллажами с разными справочниками. Этажом выше имелась Библиотека, но именно отсюда мистер Блэкторн командовал всем учреждением. Вот его стол красного дерева с двумя телефонами: один белый, другой черный. Сейчас трубка черного аппарата находилась в руке Джулиана, и мальчишка надрылся, крича в микрофон:

– Говорю вам, вы обязаны держать Портал открытым! Мы еще в опасности! Повторяю...

Дверь за спиной Эммы застонала – Помраченные навалились на захлопнутую створку. Джулиан встревожено вскинул взгляд и при виде девочки выронил телефон. Эмма безмолвно смотрела то на друга, то на восточную стену за его плечом, вернее, на светящуюся пелену вместо бетона. Это и был Портал, эфемерный прямоугольник, в котором вертелись какие-то серебристые формы, метались разодранные облака и бушевал ветер.

На подкашивающихся ногах Эмма приблизилась к Джулиану, и он схватил ее за плечи, словно хотел на ощупь убедиться, что перед ним не привидение.

– Эмма... – выдохнул он и тут же взял себя в руки. Голос его обрел силу и напор. – Так, а где Марк? И что с моим отцом?

Девочка помотала головой:

– Они... я не смогла... – Эмма сглотнула. – Это Себастьян Моргенштерн, – прошептала она и вздрогнула от очередного удара по двери. – За ними придется вернуться...

Девочка повернулась к двери, но Джулиан перехватил ее за руку.

– В Портал! – крикнул он, пересиливая нарастающий вой ветра и шум в коридоре. – Прыжок в Идрис! Быстрее! Конклав вот-вот перекроет телепортационный тоннель!

– Но как же Марк?! – воскликнула она, хотя и сама не понимала, что можно предпринять в такой ситуации, как пробиться сквозь армию Помраченных, дубасящих в дверь, и как совладать с Себастьяном Моргенштерном, чья мощь превосходила силы любого Сумеречного охотника. – Надо что-то делать...

– *Да Эмма же!* – в отчаянии крикнул Джулиан, и в этот миг дверь поддалась.

В комнату хлынул поток озверелых помощников Себастьяна. Воительница с топором кричала что-то про эдомский огонь, где сгорят все нефилимы вместе с их отродьем...

Джулиан кинулся к Порталу, дернув за собой Эмму; та лишь успела испуганно обернуться. Возле правого виска свистнула стрела и со звоном вынесла оконное стекло. Джулс стиснул пальцы на запястье Эммы плотнее и вместе с ней вывалился в телепортационную бурю.

Часть первая

Извлеку из тебя огонь

Я извлеку из среды тебя огонь, который и пожрет тебя: и Я превращу тебя в пепел на земле перед глазами всех, видящих тебя.

Все, знавшие тебя среди народов, изумятся о тебе; ты сделаешься ужасом, и не будет тебя во веки.

Книга пророка Иезикииля, 28:18–19

– Вообрази себе что-нибудь умиротворяющее.

Допустим, пляж под Лос-Анджелесом: белый песочек, негромкий рокот прибоя, ты эдак мирно прогуливаешься вдоль кромки набегающих волн и...

Джейс насмешливо приоткрыл один глаз:

– Ой, до чего романтично.

Парень, сидевший напротив, вздохнул и почесал в затылке, еще больше растрепав темную шевелюру. Хотя стоял промозглый декабрьский денек, оборотни обладали меньшей чувствительностью к холоду, нежели люди, и вот почему Джордан не только был без куртки, но и закатал рукава рубашки. Ребята расположились на одной из полянок Центрального парка, устроившись прямо на пожухлой траве в особенной позе: ноги скрещены по-турецки, руки на коленях, ладони обращены вверх.

Неподалеку от них высилась скала – по-видимому, выход какой-то горной породы. Отколовшиеся в свое время куски усыпали землю разнокалиберными глыбами, одну из которых Изабель и Алек Лайтвуды приспособили себе под скамейку. На вскинутый взгляд Джейса девушка ободряющее помахала рукой. Алек, заметив этот жест, недовольно толкнул ее в плечо. Было видно, что он что-то втолковывает Иззи – должно быть, напоминает, что нельзя отвлекать внимание того, кто из всех сил старается сосредоточиться. Джейс мысленно улыбнулся: никто не настаивал, чтобы Лайтвуды составили им компанию, и тем не менее они все-таки здесь. Якобы для моральной поддержки, хотя, как подозревал Джейс, Алек последнее время просто устал болтаться без дела, Изабель же ревновала брата к его свободолюбию и вечно таскалась следом, к тому же они оба старательно избегали родителей и не хотели показываться в Институте.

Джордан щелкнул пальцами под носом «ученика»:

– Эй! ты вообще меня слушаешь?

Джейс нахмурился:

– Слушал. Пока ты не пустился в затасканные пошлости. Тоже мне, психолог... Начитался, поди, рекламных брошюр.

– Ах так? Ну тогда изволь сам сообщить, какая именно ментальная картинка вызывает у тебя спокойствие и умиротворенность.

Джейс снял ладони с колен – от сидения в позе лотоса ныли запястья – и слегка откинулся, опираясь о землю заведенными назад руками. Холодный ветер шелестел немногочисленными сухими листьями, что еще оставались в кронах деревьев; на бледном фоне зимнего неба они смотрелись чуть ли не элегантно, словно на рисунке пером.

– Какая картинка, спрашиваешь? А про то, как я убиваю демонов, – сказал он. – Видеть, как после грамотно проведенного приема валится замоченный тобой демон, – это, знаешь ли, очень умиротворяет и успокаивает. Хотя бывают случаи, когда из них брызжет во все стороны, так я этого не люблю. Подтирать замучаешься, да и...

– Хватит.

Джордан вскинул ладони. Сползшие рукава приоткрыли вытатуированные узоры, что испещряли его кожу. «Шанти, шанти, шанти», – бормотал он. Джейс знал, что «шанти» означает «мир, превосходящий всякое понимание»^[1] и что для погружения в покой это слово полагается произнести троекратно. Увы, последнее время ничто, кажется, не способно было привести его в равновесие. Огонь в жилах не давал уму передышки, мысли набегали слишком

резво, обгоняя друг дружку, ни дать ни взять, фейерверк в голове. Сновидения, столь же яркие и красочные, как и живописные холсты старых мастеров... Он старался вытравить это наваждение, час за часом отдавая всего себя тренировкам, тяжелым трудом и потом зарабатывая синяки и шишки, а однажды он так и вовсе сломал несколько пальцев. Ничего, впрочем, добиться не удалось, если не считать, что он довел Алека до белого каления вечными просьбами помочь с исцеляющими рунами и вдобавок ко всему умудрился поджечь стропила.

К счастью, Саймон однажды обмолвился, что его сосед по комнате медитирует каждый день, и, если верить его словам, именно этот навык позволил ему обуздать приступы неконтролируемой ярости, которые зачастую сопровождают превращение в волка. А отсюда было уже рукой подать до предложения Клэри – мол, пусть Джейс тоже это попробует. И вот почему они уже второй раз устраивают медитационный практикум. Первое занятие кончилось тем, что Джейс развел костер прямо на паркете в комнате Саймона и Джордана, в результате чего Джордан настоял, чтобы отныне все тренировки проходили на свежем воздухе. Во избежание. А то ведь выселят, чего доброго...

– Никаких картинок про убийства, – твердо заявил Джордан. – Мы просто стараемся, чтобы тебе было спокойно и уютно. Война, кровь, кишки на полу – это все вещи отнюдь не умиротворяющие. Разве у тебя нет других приятных воспоминаний?

– Оружие, – пожал плечами Джейс. – Обожаю, сил нет.

– Так. Боюсь, у нас тут клинический случай персонально извращенной философии бытия.

Джейс подался вперед, упираясь руками в землю.

– Я воин, – негромко, но внятно произнес он. – Ратоборец. Меня таким на свет произвели и вырастили. У меня никогда не было игрушек. Я забавлялся оружием. Да я спал в обнимку с деревянным мечом аж до пяти лет! Мои первые книжки с картинками были средневековыми демонологиями. Колыбельные песенки? Заклинания против демонов. Так что не надо мне рассказывать, что именно приносит умиротворение и покой. Какие там пляжи с белым песочком, поющие птицы на ветвях. Ты что, вконец обалдел? Лучше дай мне меч-кладенец в одну руку, а в другую – стратегию беспроегрышной битвы!

Джордан невозмутимо смотрел ему в лицо:

– Ты хочешь сказать, для тебя покой – это война?

Джейс выразительно воздел руки к небу, затем поднялся, отряхивая джинсы:

– Поздравляю, наконец-то ты угодил в точку.

Он обернулся на треск сухой травы и успел заметить силуэт Клэри между деревьями. Через пару секунд она вышла на полянку. За ней неотступно следовал Саймон. Клэри держала руки в задних карманах и чему-то смеялась.

Джейс понаблюдав за ними; есть что-то в том, когда смотришь на людей, не подозревающих о чужом пристальном взгляде. В памяти всплыл случай, когда он случайно увидел Клэри: на противоположном конце кофейного зала «Джава Джонс». Тогда она тоже смеялась и болтала с Саймоном, прямо как сейчас. Вспомнилось, каким неприятным комком шевельнулась в груди ранее незнакомое чувство ревности, не давая сделать вдох, и как потом нахлынуло злорадное удовольствие, когда она подошла поговорить, оставив Саймона в одиночестве.

Но времена меняются. Его уже не снедает ревность в адрес Саймона, зато появилось сдержанно-ворчливое уважение к его упрямству и храбрости, вплоть до того, что уже можно бы думать о нем как о друге, хотя вряд ли это слово будет когда-либо произнесено вслух. Джейс мигнул, когда Клэри вдруг бросила на него взгляд и послала воздушный поцелуй, мотнув при этом рыжей косичкой. Она такая маленькая, вернее, хрупкая, словно фарфоровая куколка, – вот что первое приходит в голову, пока не узнаешь, до чего она сильная...

Клэри направилась к Джейсу с Джорданом, оставив Саймона карабкаться по валунам к

тому месту, где сидели Алек с Изабель; отдуваясь, парень устроился возле девушки, которая тут же подалась к его плечу, о чем-то щебеча; движения губ не разобрать из-за темной вуали волос, скрывавших ее лицо.

Клэри остановилась перед Джейсом, покачиваясь на каблуках и насмешливо улыбаясь:

– Ну, как успехи?

– Джордан хочет, чтобы я думал про пляж с песочком, – мрачно вздохнул Джейс.

– Упрямец, правда? – обратилась девушка к Джордану. – На самом деле он хочет сказать, что это ему по душе и он жутко благодарен.

– Вот уж черта с два! – возмутился Джейс.

Джордан фыркнул:

– Без меня ты бы летел сейчас по Мэдисон-авеню, постреливая огнем из всех своих отверстий. – Он тоже поднялся на ноги и, побряхтывая, принялся натягивать зеленую куртку. – Твой дружочек с приветом, – сообщил он Клэри.

– Это точно, – согласилась та. – Ни убавить, ни прибавить.

Джордан скорчил гримасу, но в ней не было злости.

– Ладно, – сказал он, – я пошел. Еще с Майей надо встретиться.

Вскинув руку в насмешливом прощальном жесте, он скользнул в заросли и тут же скрылся из виду без малейшего звука, как и подобает волку. Джейс еще пару мгновений смотрел ему вслед. «Кто бы мог подумать...» – мелькнула рассеянная мысль. Действительно, еще с полгода назад он счел бы ненормальным всякого, кто заявил бы, что его, Джейса, поджидают лекции, читаемые оборотнем.

За последние месяцы у него с Джорданом и Саймоном и в самом деле возникло что-то вроде дружбы. Он то и дело спасался у них в комнатухе от ежедневной институтской суеты, где слишком многое напоминало о том, до чего Конклав был еще не готов к полномасштабной схватке с Себастьяном.

Erchomai – Я грядущу^[2]. Словно легчайшим пером это слово вдруг коснулось изнанки мыслей, заставив вздрогнуть и поежиться. Перед глазами мелькнул образ оторванного крыла ангела, брошенного в лужу золотой крови.

– Эй, ты чего? – насторожилась Клэри.

Судя по лицу Джейса, парень находился сейчас в миллионе километров отсюда. Впрочем, с тех пор как Небесный огонь поселился в его теле, он все чаще уходил вглубь самого себя. Девушка подозревала, что это был побочный эффект подавления эмоций, и испытала прилив сочувствия, даже вины. Когда они познакомились, Джейс был до того сдержан и подвержен самоконтролю, что его сокровенная суть пробивалась наружу, можно сказать, как свет сквозь щели в рыцарских доспехах. Чтобы сорвать всю эту защиту, ушло немало времени. Зато теперь, когда пламя в его венах заставляло вновь нацеплять броню – на сей раз чтобы не навредить другим, – вставал новый вопрос: сумеет ли он снова раскрыться, когда кончится эта война?

Джейс моргнул, выбитый из ступора девичьим голосом. Зимнее солнце, хоть и стояло в зените, было холодным; под его лучами черты лица заострились, глазные впадины отделились. Он протянул руку к Клэри и вздохнул.

– Ты была права, – промолвил Джейс тем серьезным, особенным голосом, который берег только для нее. – Занятия с Джорданом и вправду помогают. Честное слово. И мне действительно это нравится.

– Да я так и думала.

Клэри обвила пальцами его запястье. Кожа была теплой, вернее даже, горячей, явно на несколько градусов выше нормальной температуры. Все это началось после того, как Блистательный, меч архангела Михаила, отделил Джейса от не-Джейса. Сердце парня стучало в

привычном, ровном ритме, зато вены, сквозь которые прокачивалась кровь, теперь чуть ли не гудели, как пламя, бушующее за закрытой дверцей печи.

Клэри привстала на цыпочки, собираясь поцеловать его в щеку, но он обернул к ней лицо, и их губы встретились. С той поры как огонь впервые завел свою песню у него в крови, между ними ничего не было, кроме нескольких поцелуев, да и то это можно было назвать поцелуями с натяжкой. Сейчас Джейс вел себя куда смелее, его губы казались мягче, ладонь слегка сжала ей плечо. На какой-то миг их тела соприкоснулись; Клэри физически ощутила, как зудят и пульсируют его вены. Он прижался сильнее, и между ними проскочила искра, сухая и резкая, как разряд статического электричества.

Джейс первым прервал поцелуй и резко выдохнул. Не успела Клэри хоть что-то сказать, как от камней донеслись саркастические аплодисменты – им приветственно махали Саймон, Изабель и Алек. Джейс поклонился, а смутившаяся Клэри отшагнула и сунула большие пальцы за пояс.

Парень вздохнул:

– Ну что, пойдем присоединимся к этим беспардонным любителям подсматривать?

– Что поделаешь, других друзей, похоже, у нас не будет.

Саймон и Изабель сидели бок о бок, о чем-то тихо беседуя. Алек, расположившийся поодаль, не отрывал взгляда от экрана мобильного телефона.

Джейс плюхнулся возле своего *парабатая*:

– Я слышал, если долго паялится на эту штуковину, она однажды зазвонит.

– Он эсэмэсничает с Магнусом, – сообщила Изабель, бросая на брата неодобрительный взгляд.

– Вранье, – машинально среагировал тот.

– Э-э, да она права, – протянул Джейс, заглядывая Алеку через плечо. – Ох и ничего себе, да у вас целые переговоры ведутся! И не вздумай отрицать, я же вижу.

– Но ведь день рождения же... – Алек решительно захлопнул телефон.

В последнее время он выглядел не лучшим образом: сильно исхудал, и его синий свитер висел теперь мешком; дырки на локтях, обкусанные и запекшиеся губы. Клэри потянуло приласкать его, утешить. Первую неделю после размолвки с Магнусом он провел как в тумане, ничего не видя и не слыша, не в силах поверить в случившееся. Да они и сами не могли в это поверить. Клэри всегда считала, что Магнус любил Алека, в смысле, по-настоящему, без рисовки. И Алек, судя по всему, тоже так считал.

– Я просто хотел, чтобы... ну... в общем, чтобы он не думал, будто я забыл...

– Исстрадался, бедненький, – кивнул Джейс.

Алек дернул плечом:

– Кто бы говорил. «Ой, я такой влюбленный! Ой, она моя сестра! Ой, что же мне делать...»

Джейс швырнул в него горстью опавшей листвы, заставив Алека отмахиваться и отплевываться.

Изабель рассмеялась:

– Джейс, а ведь он прав!

– Дай-ка мне телефончик, – сказал тот, протягивая руку. – Александр! Давай телефон, говорю.

– Это вообще не твое дело. – Алек отставил мобильник подальше. – Забудь, как и не было, договорились?

– Слушай! Ты не ешь, не спишь, весь приклеился к этому дурацкому аппарату и хочешь, чтобы я *просто* забыл?

В голосе Джейса прорезались нотки раздражения; Клэри знала, до чего ему не нравилась

обида, нанесенная Алеку, хотя не была уверена, что Алек, в свою очередь, это осознавал. При обычных обстоятельствах Джейс бы прикончил – или, как минимум, запугал до смерти – любого, кто причинит боль его другу, брату, можно сказать, но этот случай был иным. Джейс обожал выходить победителем, но разве можно одержать победу над разбитым сердцем, пусть бы оно и принадлежало другому? Тому, которого сам любишь?

Джейс подался вбок и без лишних слов выхватил мобильник из ладони *парабатая*. Алек было запротестовал, потянулся за телефоном, но Джейс отстранил его одной рукой, а другой принялся прокручивать сообщения на экране. «*Магнус, пожалуйста, перезвони. Я просто хочу быть уверен, что с тобой все в порядке...*»

Он покачал головой:

– Ну, знаешь ли... Хватит, в самом деле. – И, решительно переломив тонкий телефон пополам, с отвращением швырнул обломки себе под ноги: – Вот так!

Алек ошеломленно глазел на землю:

– Ты... ты СЛОМАЛ МОЙ ТЕЛЕФОН!!!

Джейс пожал плечами:

– Настоящий друг не даст названивать своим бывшим. Да еще когда при этом дают отбой. Я серьезно. Возьми себя в руки. Ну сколько можно, в самом деле?

Алек побагровел от гнева:

– Ты что себе позволяешь? И вообще, трубка была совсем новой! Вот уж спасибо!

Джейс благосклонно улыбнулся и откинулся спиной на каменную глыбу:

– Всегда пожалуйста.

– А ты взгляни под другим углом, ведь не все так плохо, – вступила Изабель. – Теперь мама не будет доставать тебя эсэмэсками. Я вот, к примеру, после шестого сообщения за день вынуждена вообще отключать телефон.

С этими словами она многозначительно похлопала себя по карману.

– А с чего Мариза к вам так пристает? – заинтересовался Саймон.

– Да это все из-за совещаний, – дернула плечом Изабель. – Конклав устраивает их одно за другим и хочет, чтобы мы рассказывали, как проходила битва. И вот нам всем пришлось перед ними выступать... я не знаю, раз пятьдесят. «А изложите-ка нам, как Джейса обдало пламенем Блистательного... Опишите отступников, ну, этих, Помраченных... Как выглядит Чаша ада?... В подробностях, в подробностях, пожалуйста. Каким оружием они пользовались, какие руны носили?... Во что был одет Себастьян?... А теперь – во что был одет *каждый* из них?...» Короче, ни дать ни взять, секс по телефону, только скучнее.

Саймон поперхнулся.

– А еще им хотелось знать наше мнение о том, чего добивается Себастьян, – подхватил Алек. – И когда он собирается вернуться. И чем займется.

Клэри подалась вперед, оперевшись локтями в колени:

– Приятно слышать, что у Конклава есть тщательно продуманный и надежный план.

– Они просто не желают верить, – высказался Джейс, уставившись в небо. – В том-то и загвоздка. И неважно, сколько раз мы расскажем им про битву и сколько раз повторим, до чего опасны Помраченные. Совет не хочет верить, что нефилимов можно переманить на сторону зла. Что Сумеречные охотники способны убивать своих же братьев.

Клэри своими глазами видела, как Себастьян создал первых Помраченных. Видела, насколько пуст у них взгляд и с какой яростью они способны сражаться. Эти создания ужасали девушку.

– Нет, они больше не Сумеречные охотники, – тихо промолвила она. – Это – автоматы.

– Пока сам не увидишь, не поверишь, – вздохнул Алек. – Конклав не хочет принимать их за

реальную угрозу... Так, крошечное войско, к тому же разрозненное... Скорее они решат, что опасность нависла лишь над нами, над Нью-Йорком, зато в целом Сумеречные охотники пребывают в безопасности.

– Но они правы, считая, что если Себастьяна хоть что-то волнует, так это наша Клэри, – сказал Джейс, и вдоль позвоночника девушки побежали ледяные мурашки тревоги и омерзения. – Правда, он не испытывает настоящих чувств к ней. По крайней мере, не в привычном нам смысле. Но даже если он и питает какие-то чувства, то именно к Клэри. И еще к Джослин. Вот уж кого он *ненавидит*. – Юноша задумчиво помолчал. – Не думаю, однако, что свой удар он нанесет здесь. Это было бы чересчур... очевидным.

– Я надеюсь, ты говорил об этом Конклаву? – нахмурился Саймон.

– Тысячу раз, – махнул рукой Джейс. – Похоже, моя интуиция у них не в почете.

Клэри не отрывала взгляда от своих ладоней. Как и всех остальных, ее тоже допрашивал Конклав. Она ответила на все их вопросы, хотя знала про Себастьяна кое-что такое, о чем предпочла не распространяться. Например, о том, чего он от нее добивался...

После битвы, откуда Джейс вернулся с огнем в жилах, она перестала видеть настоящие сны. Теперь это были просто кошмары, где главной фигурой был Себастьян.

– Все равно что воевать с призраком, – продолжил Джейс. – Конклав не может разыскать Себастьяна, им не удастся ни напасть на его след, ни даже найти тех Охотников, которых он превратил в Помраченных.

– Делают, что могут, – пожал плечами Алек. – Идет укрепление оборонительного периметра вокруг Идриса и Аликанте. На самом деле не только там, а повсюду. Откомандированы десятки экспертов на остров Врангеля.

Остров Врангеля был своего рода центральным нервным узлом всех тех защитных оберегов и заклинаний, которые охраняли мир, и в особенности Идрис, от происков со стороны демонов, не говоря уже про прямое вторжение. Эта охранная сеть не была идеальной, и порой демоны ухитрялись просочиться сквозь нее, однако если она вдруг вообще исчезнет... Клэри даже поежилась при этой мысли.

– Я слышала от мамы, что маги Спирального лабиринта уже всю ищут способ обернуть вспять эффект действия Чаши ада, – сообщила Изабель. – Думаю, дело пошло бы куда веселее, если б у них имелся реальный материал для экспериментов...

Она затихла. Клэри знала, в чем тут дело. Трупы Темных охотников, погибших в долине, доставили в Город костей, чтобы их там исследовали Безмолвные братья. Увы, за ночь тела успели истлеть так, что напоминали мертвецов десятилетней давности. Только и осталось, что сжечь бранные останки.

Изабель вновь обрела голос:

– Да и Железные сестры работают не покладая рук. На склады поступают тысячи новых клинков и мечей, выкованных в небесном горниле...

Она бросила взгляд на Джейса. Сразу после битвы, когда Небесный огонь метался по его венам с такой силой, что он порой вопил от боли, Безмолвные братья взялись испытывать его льдом и пламенем в надежде изыскать способ вытянуть огонь из тела юноши, каким-то образом взять его под контроль.

Ничего не вышло. Пламя, некогда обитавшее в мече, не спешило найти себе новое пристанище. Брат Захария рассказал Клэри, что давным-давно, еще на заре эпохи Сумеречных охотников, нефилимы пытались поймать Небесный огонь и поместить его внутрь оружия, которым можно было разить с успехом демонов. Попытки не удались, так что в конечном счете пришлось остановиться на клинках серафимов, которые и стали их излюбленным оружием. Безмолвным братьям тоже пришлось отступить, и теперь огонь Блистательного таился в жилах

Джейса, будто змея, готовая ужалить в любой миг. Ему только и оставалось надеяться, что рано или поздно внутреннее пламя удастся взять под контроль и избежать самоуничтожения.

Громко пискнул мобильник, сообщая об эсэмэске. Изабель хлестким движением кисти раскрыла аппарат.

– Мама пишет, чтобы мы немедленно пришли в Институт, – сказала она. – Опять какое-то совещание. Нас уже ждут. – Девушка поднялась, отряхивая джинсы. – Я бы тебя пригласила, – обратилась она к Саймону, – но, сам понимаешь, запрет на нежить, всякое такое...

– Ага, помню-помню, – также поднимаясь, кивнул он.

Вслед за ними встала Клэри и, протягивая руку Джейсу, сказала:

– Мы с Саймоном отправляемся по магазинам по случаю Рождества. Вас с собой не берем, потому как нельзя смотреть на подарки раньше времени.

Алек спал с лица:

– Ты хочешь сказать, что теперь я *тоже* должен купить вам подарки?!

Клэри покачала головой:

– А что, разве Охотники не празднуют Рождество?

Внезапно ей припомнился вечер у Люка, когда на ужине по случаю Дня благодарения народ попросил Джейса разделать жареную индейку, а он возьми да накинься на нее с мечом, так что блюде остался лишь ворох мелконарубленного мяса. Может, им и вправду неведомы такие праздники?

– Ну как же, мы обмениваемся подарками, чтим смену времен года, – возразила Изабель. – В свое время был даже обычай отмечать зимой тот день, когда Ангел вручил Джонатану-охотнику Орудия смерти. Подозреваю, впрочем, что многим из нас не нравится оставаться в стороне от веселья, которое позволяют себе *примитивные*, и вот почему среди институтских столь многие устраивают рождественские вечеринки. Лондон, к примеру, этим особенно славится. – Она пожала плечами. – Просто... просто я не думаю, что мы отправимся на праздник в нынешнем году.

– О... – Клэри смутилась. Ну конечно же они не могут веселиться после потери Макса. – Гм... В общем, мы пошли. Хоть подарки купим... и совсем не обязательно организовывать что-то грандиозное.

– Вот именно. – Саймон развел руками. – Мне, к примеру, надо найти подарки к празднику ханука. Потому что так предписывают законы иудаизма. Еврейский бог страсть какой суровый. И крайне ревнивый по части презентов.

Клэри улыбнулась. Похоже, Саймону с каждым днем все легче и легче произносить слово «бог».

Джейс вздохнул и поцеловал девушку: мимолетный клевок сжатыми губами в висок, но и от этого у нее побежали мурашки. Невозможность по-настоящему прикоснуться к Джейсу или поцеловать его здорово раздражала. Клэри заверяла, что ничего страшного, что она все равно будет любить его, пусть даже не прикасаясь, но правда в том, что все это начинало действовать на нервы: девушке сильно не хватало того чувства защищенности и уверенности, которое приходит, когда люди совместимы физически.

– Давай, до скорого, – сказал Джейс. – А мы с Иззи и Алеком в Институт.

– Э-э, нет, – вдруг возразила Изабель. – Ты, мой милый, Алеку телефон раскурочил. Конечно, я не отрицаю, мы все об этом мечтали неделями...

– ИЗАБЕЛЬ... – укоризненно произнес Алек.

– ... но раз уж ты его *парабатай*, да к тому же единственный, кто еще не поговорил с Магнусом, так сходи к нему да потолкуй.

– О чем, собственно? – надломил бровь Джейс. – Ты что, всерьез думаешь, что простыми

словами можно кого-то убедить не расставаться, не рвать отношений?... А знаешь, что-то в этом есть, – торопливо добавил он, завидев, с каким выражением Алек на него смотрит. – Действительно, чем черт не шутит, а? Попытка, как говорят, не пытка.

– Спасибо. – Алек пожал Джейсу плечо. – До меня давно долетали слухи, что при желании ты бываешь жутко убедительным.

– Ага, свежо предание... – буркнул Джейс, с места переходя на бег трусцой.

Как же он все-таки спортивен. И грациозен, мрачно подумала про себя Клэри. Да. И еще сексуален. На все сто.

Она слабо помахала ему вслед: «Увидимся!»

Если не помру от тоски раньше...

Семейство Фрэй никогда не отличалось приверженностью к строгому соблюдению религиозных канонов, но Клэри обожала Пятую авеню в рождественскую пору. Воздух насыщен сладковатым ароматом жареных каштанов, витрины магазинов сияют серебром, мерцают голубыми, изумрудными, алыми искрами. В этом году каждый уличный фонарь украсили внушительными кристаллическими снежинками, отчего лучи зимнего солнца преломлялись во все стороны золотыми копьями. А уж что говорить про исполинскую елку в Рокфеллеровском центре! Тень от лесного великана лежала на Клэри с Саймоном, когда они стояли у ледового катка, разглядывая неумех, еле стоящих на ногах.

У нее в руках была большая чашка горячего какао, и по телу уже разливалось приятное тепло. Сейчас Клэри чувствовала себя почти что обычным человеком: как и все, она пришла на Пятую авеню поглазеть на витрины и елку – у них с Саймоном это вообще была нерушимая многолетняя традиция.

– Как в старое доброе время, правда? – сказал он, словно подслушал ее мысли.

На Саймоне были черный полущубок и шарф, подчеркивающий бледность лица. Под глазами расплылись густые тени, свидетельствующие о том, что он уже порядочное время не подкармливался кровью. Словом, парень выглядел тем, кем, собственно, и был: голодным, усталым вампиром.

«М-да, – подумала она. – *Почти* как в старое доброе время...»

– С той только разницей, что народу вокруг нас прибавилось, так что надо дополнительно запастись подарками, – сказала Клэри. – И еще эта вечная пытка: что бы такое подарить на Рождество человеку, с которым только-только начинаешь встречаться?

– Действительно, что можно презентовать Сумеречному охотнику, у которого все есть? – усмехнувшись, кивнул Саймон.

– Джейсу больше всего нравится оружие, – продолжала рассуждать девушка. – А еще он любит книги, но ведь в Институте и так громадная библиотека... – Тут она просветлела лицом. Саймон был музыкантом; и хотя его группа играла из рук вон плохо, да к тому же они вечно меняли название – недавно остановились на «Летальном суфле», – все же у ее друга было настоящее музыкальное образование. – Слу-ушай! А что бы ты подарил человеку, который любит брэнчать на пианино?

– Рояль.

– Саймон!

– Ну, тогда во-от такущий метроном. Чтоб им можно было охаживать врагов. Как дубиной. Ежели понадобится.

Клэри раздраженно топнула.

– Тогда купи ему ноты. С Рахманиновым еле совладаешь, но ему же нравится борьба...

– А что, хорошая мысль. Надо взглянуть, нет ли здесь поблизости какого-нибудь

музыкального магазинчика. – Клэри прикончила свое какао, закинула бумажный стакан в ближайшую урну и вытащила мобильник. – Ну а ты? Что придумал для Изабель?

– Вообще без понятия, – пожал плечами Саймон.

Ребята двинулись в сторону авеню, где толпились зеваки, разглядывая нарядные витрины.

– Ой, да брось! Мне кажется, она непривередливая.

– Ты это... Имей в виду: мы сейчас обсуждаем мою девушку. – Саймон сдвинул брови. – Девушку... Не знаю. Мы с ней еще это не обсуждали. В смысле, наши отношения.

– Саймон, не откладывай. Эрвэтэ – важнейшее дело.

– Чего-чего?

– РВТ, говорю. «Расставь все точки». Определись: что у вас за отношения? куда они ведут? какая из вас получается пара? Скажем, вы просто весело проводите время или у вас, как бы это выразиться... все очень сложно и так далее. Например, она собирается рассказывать о тебе родителям? Держит на коротком поводке или тебе разрешено встречаться с кем-то еще? Такие вот вещи.

Саймон окончательно побелел:

– Да ты что... Серьезно?

– Серьезней некуда. Ну а тем временем – парфюм! – Клэри схватила спутника за воротник и развернула лицом к магазину косметики, где в колоссальной витрине стояли шеренги сверкающих флакончиков и пузырьков. – Да не простой, а особенный, – добавила она, решительно увлекая парня в сторону ароматической секции. – Изабель же не может пахнуть, как все, верно? Здесь надо что-нибудь типа инжира, ветивера или...

– Инжир? Ты издеваешься?! – На лице Саймона был написан неподдельный ужас.

Клэри уже собиралась расхохотаться, как проснулся ее мобильник. От мамы.

«Ты где?»

Девушка закатила глаза, потрясла головой и принялась набивать ответную эсэмэску. Джослин до сих пор нервничала, когда полагала, что дочь находится в компании Джейса. И это несмотря на тот простой факт, о котором не уставала напоминать Клэри, – что Джейс, пожалуй, самый безопасный вариант из всех возможных: во-первых, ему возбраняется злиться, во-вторых, он не имеет права распускать руки и, в-третьих, не может совершать любые действия, вызывающие прилив адреналина.

С другой стороны, Джейс и вправду одержим. Они с матерью своими глазами видели, как все происходило, когда Себастьян угрожал Люку. Клэри до сих пор не решалась рассказывать про все, чему была свидетелем в доме Себастьяна, который мог перемещаться куда угодно. Про эту жуткую смесь грез и кошмаров: есть вещи, которые Джослин знать не следует. Вещи, взглянуть в лицо которым сама Клэри до сих пор не желала.

– Думаю, Магнус сошел бы с ума от восторга, попав в этот магазин, – заметил Саймон, беря в руки одну из бутылочек с масляно отсвечивающей жидкостью, где плавал какой-то сверкающий порошок. – А скажи-ка, есть такие правила, что запрещали бы покупать подарки для человека, который только что перестал поддерживать отношения с твоим близким другом?

– Трудно сказать. А ты кого имеешь в виду под другом? Магнуса или Алека?

– Алек, во всяком случае, помнит мое имя, – ответил Саймон, возвращая бутылочку на место. – И я за него переживаю. Я понимаю, отчего Магнус так поступил, но ведь Алек себе места не находит... Мне кажется, если кто-то тебя вправду любит, то обязан простить, когда ты искренне сожалеешь о допущенной ошибке.

– Знаешь, тут все зависит от того, что человек натворил, – заметила Клэр. – И я не имею в виду одного лишь Алека, это общее правило... Зато Изабель, думаю, простит тебе что угодно, – торопливо добавила она.

Саймон недоверчиво нахмурился.

– Так, не шевелись, – скомандовала девушка, пшикая из какого-то пузырька возле головы Саймона. – Ровно через три минуты я узнаю, чем пахнет твоя шея.

– Ого, – фыркнул тот. – Долго же ты решалась на этот шаг.

Клэри не стала утруждаться поиском остроумной шпильки в ответ – ее мысли до сих пор были заняты словами Саймона насчет прощения. В памяти всплыли еще один голос, еще одно лицо и пара глаз. Себастьян, сидящий напротив них за столиком парижского кафе. *«Как ты думаешь, ты смогла бы меня простить? В смысле, достойны ли прощения такие, как я?»*

– Есть вещи, которые никогда не извинить, – сказала она. – Я никогда не прощу Себастьяна.

– Ты его не любишь.

– Пусть не люблю, но он все-таки мой брат. При других обстоятельствах... – *Что бы да кабы... К чему мусолить?* Она постаралась выкинуть из головы эту мысль и подалась вперед, делая глубокий вдох носом. – Ну вот, пожалуйста. Ты пахнешь финиками и курагой.

– Думаешь, Иззи понравится напоминать кулек сухофруктов?

– Гм... Не факт. – Клэри выбрала другую склянку. – Ну и какие у тебя планы?

– А?

Она вскинула глаза, отвлекаясь от текущей головолмки – чем конкретно тубероза отличается от обычной розы, – и увидела недоуменный взгляд.

– Ты же не можешь вечно делить крышу с Джорданом, верно? – пояснила она. – Есть, скажем, всякие колледжи...

– Куда ты сама поступать не собираешься, – возразил он.

– Допустим, но ведь я принадлежу к Сумеречным охотникам. Мы продолжаем учиться и после восемнадцати, скажем, нас отправляют стажироваться в другие филиалы, это и есть наши университеты.

– Я бы очень не хотел, чтобы ты куда-то уезжала. – Саймон сунул руки в карманы полушубка. – А в колледж я поступать не могу. Или ты думаешь, моя мать возьмется оплачивать учебу? Студенческого кредита мне не видать как своих ушей, я же по всем документам мертвец. И вообще, сколько надо времени, чтобы народ заметил, что я, в отличие от них, не меняюсь с годами? Шестнадцатилетний старшекурсник... Об этом ты не думала?

Клэри отставила склянку:

– Саймон...

– А и правда, может, для матери чего купить? – горько продолжил он. – Подскажи-ка, какой именно подарок может означать: «Спасибо, что вышвырнула меня из дому и сделала вид, будто я сдох»?

– Букет орхидей?

Но сарказм Саймона успел улетучиться.

– Знаешь, наверное, сейчас уже не старое доброе время. Раньше я бы принес тебе коробку карандашей, альбомы, прочие художнические штучки, но ты же больше не занимаешься рисунком, правда? Если не считать работы со стилусом... Вот так-то. Ты уже не рисуешь, а я уже не дышу. Найди десять отличий с прошлым годом.

– Тебе надо с Рафаэлем потолковать, – посоветовала она.

– С Рафаэлем?

– Он знает, как и чем живут вампиры, – пояснила Клэри. – Как обустраиваются, как зарабатывают деньги... не знаю... как снимают квартиры, наконец. В общем, он в этом разбирается. Наверняка смог бы помочь.

– Вот именно, что смог бы. Не станет же, – насупившись, возразил Саймон. – С тех пор как Морин сменила Камиллу, от ребят из «Дюмора» ни слуху ни духу. А я знаю, что Рафаэль ходит

под ней. Думаю, они до сих пор уверены, что на мне Каинова печать, в противном случае уже давно бы выслали кого-то по мою душу. Вопрос времени, я считаю.

– Нет-нет. Они знают, что тебя трогать нельзя. Не то жди войны с Конклавом. Институт ясно дал понять свою позицию. Ты защищен.

– Клэри, – вздохнул Саймон. – Мы все беззащитны, до единого.

Не успела девушка ответить, как прозвучало ее имя. В полнейшем недоумении она принялась озираясь по сторонам и увидела собственную мать, которая пробиралась сквозь скопище покупателей. За витринным стеклом, на тротуаре, поджидал Люк. Своей фланелевой рубашкой в крупную провинциальную клетку он резко выделялся на фоне пижонистых, модно одетых ньюйоркцев.

Выбравшись наконец из толпы, Джослин поспешила к ребятам и с чувством обняла дочь, пока та строила удивленные глаза Саймону. В ответ он пожал плечами. Наобнимавшись, мать отступила на шаг:

– Ведь я места себе не находила! С тобой могло приключиться что угодно!

– Мам, да что ты так разнервничалась?

Джослин опешила:

– Как? разве ты не в курсе? Я думала, Джейс уже прислал тебе эсэмэску.

По жилам Клэри побежал холод, словно ее окунули в ледяную прорубь.

– Нет... Я не... Та к что случилось-то?!

– Саймон, извини, пожалуйста, – обратилась Джослин к спутнику Клэри, – но нам с дочерью надо немедленно в Институт.

С прошлого раза у Магнуса мало что изменилось. Джейс увидел все ту же тесную площадку и знакомую желтую лампочку. Применив ко входной двери отпирающую руну, он взбежал по лестнице, перескакивая по две ступеньки за раз, и позвонил в нужную квартиру. «Здесь уже лучше без рун, – решил он. – На всякий, как говорится, пожарный...» В конце концов, Магнус мог сейчас резаться в какую-нибудь видеоигру – в голом виде. И вообще, тут можно ожидать чего угодно. Кто их знает, этих колдунов; еще неизвестно, чем они занимаются в свободное от работы время...

Он позвонил еще разок, понастойчивей. Еще два длинных звонка, и Магнус наконец дернул дверную створку на себя, демонстрируя взбешенную физиономию. Одет он был в мантию из черного шелка поверх белоснежной сорочки и штанов из мягкого твида. Ноги босые. Темная шевелюра всклокочена, на подбородке тень от щетины.

– Какого хрена ты приперся? – рявкнул он.

– Батюшки светы, – промолвил Джейс. – Что ж так неласково-то?

– Да оттого, что тебе здесь не рады!

Джейс задрал бровь:

– А я думал, мы друзья.

– Это вы с Алеком друзья. Он был мне очень дорог, вот и приходилось терпеть твое присутствие. Но теперь все иначе, так что держитесь-ка вы все от меня подальше. Такое впечатление, что до вас вообще медленно доходит. Ты уже... я не знаю... четвертый за сегодня? Ходят и ходят, будто им тут медом намазано. Надоели. – Магнус принялся загибать пальцы. – То Клэри пожаловала, то Изабель, то этот ваш Саймон...

– Саймон? *Саймон был здесь?*

– А ты этому удивляешься?

– Вот уж никогда бы не подумал, что его так волнуют твои с Алеком отношения.

– Ты что лепечешь? Какие такие отношения? – с ходу возразил Магнус, но Джейс уже

отпихнул его плечом и прошел в гостиную, с любопытством озираясь по сторонам.

Одной из особенностей квартиры Магнуса, которая приводила его в настоящий восторг, была вечная изменчивость обстановки. То все было выполнено в ультрамодерновом стиле, то царила атмосфера французского борделя или, скажем, опиекурильни Викторианской эпохи, а то ты вдруг оказывался на борту космической станции. Сейчас, впрочем, кругом царили полумрак и хаос. Кофейный столик заставлен коробками из-под китайской стряпни навынос, на коврике, разбросав все четыре конечности, в полнейшей неподвижности валялся Председатель Мяс, смахивая на застреленную лань.

– Попахивает инопланетным вторжением, – повел носом Джейс.

– Это все китайские обеды, – махнул рукой Магнус, падая на кушетку и вытягивая длинные ноги. – Давай не тяни. Чего пожаловал?

– Я считаю, ты должен вернуться к Алеку.

Магнус возвел очи горé:

– С чего вдруг?

– Потому что ему плохо. Потому что он просит прощения. Такого больше не повторится.

– Другими словами, он не собирается вновь за моей спиной спеться кое с кем из моих бывших, чтобы укоротить мне жизнь? Очень мило с его стороны.

– Магнус...

– К тому же Камилла мертва. Так и так ничего не выйдет.

– Ты сам знаешь, что я хотел сказать, – возразил Джейс. – Он не будет тебе лгать, не будет водить за нос, чего-то скрывать... или, я уж не знаю, что там тебя так задело. Не будет, короче. – Он плюхнулся в кожаное кресло напротив и надломил бровь: – Итак?

Магнус перевалился на бок:

– А ты-то чего так стараешься? Ну, расстроился Алек; тебе-то какое дело?

– Какое дело?! – эхом отозвался Джейс, да так громко, что Председатель Мяс подскочил, словно его ужалило током. – Ты в своем уме?! Алек – мой лучший друг, он мой *парабатай*, в конце концов! И сейчас ему плохо. Как и тебе, между прочим. Я тоже, знаешь, не слепой. Жрет не пойми что, в квартире свинарник, любимый кот и тот вон в истерике бьется.

– Ври, да знай меру!

– Короче, я за Алека болею, понял? – напирал Джейс, сверля Магнуса взглядом. – Больше чем за самого себя.

– А тебе никогда не приходило в голову, – слегка прикрыл веки Магнус, ковыряя некогда покрашенные, а нынче облупившиеся ногти, – что вся эта парабатайская канитель чересчур уж сурова? Да, ты волен сам выбирать себе *парабатая*, но это уже раз и навсегда, потом не отделаешься. Даже если он поднимет на тебя меч. Взять хотя бы Люка с Валентином. И пусть ближе твоего *парабатая* нет никого на свете, ты не можешь, к примеру, в него влюбиться. А когда *парабатай* гибнет, часть тебя умирает вместе с ним.

– Откуда тебе так много известно?

– Я не первый день имею дело с Сумеречными охотниками, – отозвался Магнус, хлопая по кушетке рядом с собой. Председатель тут же отозвался на приглашение и, подпрыгнув, устроился рядом, ткнувшись головой в бок хозяину. Длинные пальцы колдуна утонули в кошачьей шерсти. – И даже не первый год. Вы, если честно, странные существа. С одной стороны, полны хрупкого благородства и человеческого сострадания, а с другой – преисполнены бескомпромиссного и беспощадного ангельского огня. – Он сверкнул глазами на непрошеного гостя: – Это в особенности касается тебя, Джейс Эрондейл. Коль скоро этот огонь течет в твоих жилах.

– Допустим, в Сумеречных охотниках ты разбираешься. Но среди них кто-либо был тебе другом? В смысле, раньше, до Алека?

– Друг... – покрутил головой Магнус. – Что вообще означает это слово?

– Вот был бы у тебя всамделишный друг, ты бы не задавал таких вопросов... Ну так что? У тебя есть хоть один друг? Настоящий, а не просто приятель или знакомец, заскакивающий на вечеринку. Большинство тебя попросту боится, из других ты сделал своих должников, с кем-то еще переспал, но вот чтоб настоящий товарищ... Не ломится твой дом от друзей-то, как я погляжу.

– Это что-то новенькое, – отозвался Магнус. – Никто из вас еще не пытался меня оскорбить, ты первый.

– И как, сработало?

– Если ты имеешь в виду, не испытал ли я внезапный порыв возобновить отношения с Алеком, то нет. С другой стороны, отчего-то вдруг захотелось пиццы, но я не исключаю, что это не имеет отношения к делу.

– Алек предупреждал об этом, – кивнул Джейс. – Дескать, Магнус всегда старается обойти сугубо личные вопросы, сведя все к шуточкам.

Колдун сощурил глаза:

– Хочешь сказать, я один такой?

– В яблочко, – ответил Джейс. – Уж поверь знатоку. Ты терпеть не можешь говорить о самом себе, ты скорее готов разозлить людей, чем дать им повод тебя пожалеть. Сколько тебе лет, Магнус? Без вранья?

Тот отмолчался.

– Как звали твоих родителей? Отца, к примеру?

Магнус обжег его взглядом зеленовато-золотистых глаз:

– Если б я захотел лечь на кушетку и пожаловаться кому-то на своих родителей, то нанял бы психолога.

– А! – кивнул Джейс. – Понимаю-понимаю. Но мои-то услуги бесплатны.

– Да, я слышал, что ты дешевка.

Джейс ухмыльнулся и поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. На кушетке валялась подушка с вышивкой под британский флаг, и он без дальнейших церемоний подложил ее себе под голову:

– Знаешь, я ведь не тороплюсь. Хоть весь день готов тут просидеть.

– Замечательно, – сказал Магнус. – А я, пожалуй, подремлю.

Он потянулся было за скомканным пледом, что лежал на полу, но тут зазвонил мобильник Джейса. Застыв на полпути, колдун выждал, когда его собеседник извлечет телефон и взмахом кисти его раскроет.

Изабель.

– Джейс?... – сказала она.

– Я у Магнуса, – отозвался тот. – Вроде что-то клеется, пока не знаю. Как у тебя?

– Немедленно назад, – сказала Изабель, и Джейс резко выпрямился; подушка свалилась на пол. Голос девушки звучал напряженно; он отчетливо различил в нем резкие, царапающие слух нотки, словно от расстроенного пианино. – Возвращайся в Институт, Джейс. Как можно скорее.

– Да что случилось? Ну?

Он увидел, как подобрался, насторожился Магнус. Плед выпал из его разжавшейся ладони.

– Себастьян, – ответила Изабель.

Джейс прикрыл веки. Мысленным взором различил золотую кровь и белые перья, раскиданные по мраморным плитам пола. В памяти всплыли цепкие пальцы Себастьяна на запястье... бездонный мрак глазниц, с насмешливым интересом палившихся прямо в лицо... звон в ушах.

– Что происходит? – Голос Магнуса пробилась сквозь мысли. Только сейчас Джейс осознал, что уже очутился возле входной двери; мобильник вновь был в кармане. Он обернулся. Колдун стоял в шаге за спиной; взгляд жесткий, черты заострились. – Что-то с Алеком? Он в порядке?

– Тебе-то какое дело? – бросил Джейс, и Магнус вздрогнул, как от пощечины. Надо же: никогда такого не доводилось видеть, Магнус всегда держался непрошибаемо. Это единственная причина, отчего Джейс не шваркнул дверью со всей силы, вылетая наружу.

В институтской раздевалке было полно незнакомых плащей и пальто. В плечах Клэри заныли мышцы от непроизвольного напряжения, когда она, озираясь по сторонам, стаскивала свою шерстяную куртку и вешала ее на свободный крючок.

– Вы уверены, что Мариза не сказала, в чем дело? – вновь переспросила Клэри. От тревожных предчувствий у девушки слегка охрип голос.

Джослин наконец развернула длинный серый шарф, обмотанный вокруг шеи, и не глядя сунула его в руки Люка. Ее зеленые глаза простреливали вестибюль, внимательно обшаривая лифтовый холл, выцветшие от древности фрески с человеческими и ангельскими фигурами и даже сводчатый потолок.

Люк покачал головой:

– Она лишь упомянула, что совершено нападение и всем нам предписано как можно быстрее собраться здесь.

– Это твое «всем нам» меня особенно беспокоит. – Разговаривая, Джослин закручивала волосы в тугий узел на затылке. – Я не заглядывала в Институт вот уже несколько лет. Я-то им зачем понадобилась?

Люк пожал ей плечо: держись. Клэри знала, чего опасается мать, вернее, от чего им всем не по себе. Причина, по которой Мариза затребовала присутствие Джослин, могла быть связана лишь с тем, что появились новости про ее сына.

– Мариза просила подняться в Библиотеку, – сообщила Джослин.

Клэри шла впереди, за спиной звучали негромкая беседа матери с Люком и мягкое пошаркивание их подошв; походка отчима была уже не столь бодрой, как раньше. Он так и не оправился до конца после инцидента, который чуть не стоил ему жизни.

«Ты и сама знаешь, в чем тут дело», – прошелестел фантомный голос в голове. Конечно, внутри нее никто не сидел, это понятно, но ощущение все равно жутко неприятное. Брата она не видела со времен битвы в долине, но постоянно носила его призрачное – и зачастую бесцеремонное – присутствие на задворках мыслей.

«Все из-за меня. Ты знала, что я еще вернусь, что ушел не навечно. Я же предупреждал. Все, можно сказать, разжевал и в рот положил».

Erchomai.

Я гряду...

Вот и Библиотека. Сквозь полуприкрытую дверь доносилось зудение голосов. Джослин на секунду замешкалась; на лице – напряженная маска.

Клэри положила ладонь на дверную ручку:

– Всё, мы готовы?

Лишь в эту секунду она наконец обратила внимание, что на матери черные джинсы, высокие сапоги и черная же, обтягивающая водолазка. Словно сама того не осознавая, она выбрала наряд, ближе всего напоминающий боевую униформу.

Джослин кивнула дочери.

Кто-то сдвинул всю мебель в конец читального зала, расчистив пятачок по центру, где пол был украшен мозаичным портретом Ангела. Теперь здесь стоял солиднейший стол в виде

мраморной плиты, опирающейся на каменные фигурки коленопреклоненных херувимов. За столом – Анклав в полном составе. Кое-кого, например Кадира и Маризу, Клэри знала по именам, остальных лишь в лицо. Мариза не сидела, а стояла.

– Берлин, – громко говорила она, загибая пальцы. – Ноль выживших. Бангкок – ноль выживших. Москва – ноль выживших. Лос-Анджелес...

– Лос-Анджелес? – восторженно воскликнула Джослин. – Это же семейство Блэкторнов! Они...

Мариза вздрогнула, словно и не подозревала о появлении Джослин. Взгляд ее голубых глаз скользнул по Люку и Клэри. Сама она выглядела осунувшейся, изнуренной; волосы безжалостно стянуты на затылке в тугий пучок, здоровенное пятно – красное вино или кровь? – сидит на рукаве модного жакета.

– Там выжившие есть, – сказала она. – Дети. Сейчас они в Идрисе.

– Хелен, – промолвил Алек, и Клэри тут же подумала про девушку, которая билась вместе с ними при Беррене. Помнится, она еще видела ее в фойе Института, в компании с темноволосым пареньком, который словно прилип к ее руке. «Мой брат Джулиан...»

– Подружка Алины, – непроизвольно вылетело из ее уст, и взгляды всего Анклава обожгли девушку еле скрываемой враждебностью. Вот так всегда; можно подумать, то, кем она была и что собой представляла, вызывало у них реакцию отторжения. «Валентинова дочка! Валентинова дочка! тьфу!» – Она в порядке?

– На момент атаки Хелен находилась в Идрисе вместе с Алиной, – ответила Мариза. – Ее младшие братья и сестры уцелели, а вот в отношении старшего брата, Марка, имеются сомнения.

– Сомнения? – переспросил Люк. – Мариза, так что происходит, в конце концов?

– Думаю, все детали прояснятся, только когда мы сами окажемся в Идрисе, – ответила та, приглаживая и без того безупречно уложенные волосы. – Точно известно лишь, что за две последние ночи на различные Институты совершено несколько нападений, а именно шесть. Пока что непонятно, как именно были пробиты их защитные периметры, но поступают донесения, что...

– Себастьян, – сказала мать Клэри. Она не вынимала рук из карманов своих черных джинсов, но Клэри могла поклясться, что пальцы Джослин сжаты в кулаки. – Хватит бродить вокруг да около. Речь идет о моем сыне. Вина падает на него. В противном случае, Мариза, ты бы меня не вызвала. Скажешь, нет?

Взгляды женщин встретились, и Клэри показалось, что, если бы они обе не находились в Круге, острые грани их характеров высекли бы искры при столкновении.

Не успела Мариза вымолвить и слова, как дверь распахнулась, впуская Джейса. Лицо ярко-розовое от небольшого морозца, но головного убора нет; светлые волосы растрепаны ветром. Руки без перчаток, покрасневшие от холодной погоды пальцы, вязь старых и новых рун. Увидав Клэри, он подарил ей беглую улыбку, усаживаясь в кресло у дальней стены.

Как обычно, роль миротворца принял на себя Люк:

– Мариза, Себастьян в самом деле повинен в нападениях?

Та сделала глубокий вдох:

– Да, это так. И с ним были Помраченные.

– Ну конечно, это Себастьян, – не выдержала Изабель. Пока что она сидела, не отрывая взгляда от столешницы; теперь девушка вскинула голову. На лице застыла маска ярости и гнева. – Он же предупреждал о своем приходе. Ну, убедились?

Мариза вздохнула:

– Мы думали, что он атакует Идрис. На это указывали все разведданные. Идрис, а не Институты.

– Стало быть, он обманул ваши ожидания, – понимающе кивнул Джейс. – Как раз в его

стиле. Сдается мне, Конклаву и нам давно следовало разработать планы на этот случай. – Он понизил голос. – А ведь я вам говорил. Я предостерегал, что ему понадобятся новые солдаты.

– Джейс, – укоризненно произнесла Мариза. – Хватит колоть глаза. Этим делу не поможешь.

– А кто вам сказал, что я собрался помогать?

– Я бы скорее ждал атаку именно у нас, – поделился соображениями Алек. – Помните, что говорил Джейс? И ведь это правда: те, кого Себастьян ненавидит или любит, все здесь.

– Никого он не любит, – резко бросила Джослин.

– Мам, прекрати, – поморщилась Клэри. У нее колотилось сердце, в груди нарастала боль, и в то же время возникло странное чувство облегчения. Все это время она подспудно ждала появления Себастьяна – и вот он пришел. Неся с собой войну. – Так что предлагается делать? Укреплять подступы к Институту?

– А давайте-ка я попробую догадаться, – сказал Джейс, сочась сарказмом. – На повестку дня вынесен созыв Совета. Сто первый по счету. В яблочко?

– Конклав настаивает на немедленной эвакуации, – сухо обронила Мариза, и все притихли, даже Джейс. – Каждого Института, без исключения. Все члены Конклава должны вернуться в Аликанте. Не позднее чем послезавтра защитные обереги вокруг Идриса должны быть усилены вдвое. Чтобы никто не проскочил ни внутрь, ни наружу.

Изабель проглотила ком в горле:

– И когда мы покидаем Нью-Йорк?...

Мариза выпрямилась. К ней начинала возвращаться былая надменность, рот превратился в узкую линию, нижняя челюсть воинственно выдалась вперед.

– Можете паковать вещи, – сказала она. – Эвакуация начнется этим вечером.

Пробуждение напоминало падение в ледяную купель. Грубо вырванная из объятий сна, Эмма резко села и не смогла сдержать крик:

– Джулс! Джулс!

В темноте почудилось движение, на плечо легла рука, и глаза вдруг обжег свет. Эмма издала всхлип и, сиюсь отползти назад, закопошилась среди подушек. «А ведь и правда, я в кровати», – наконец сообразила она. Подушки за спиной, простыня сбилась во влажный от пота жгут. Девочка заморгала, избавляясь от пелены перед глазами.

Над ней склонилась Хелен Блэкторн, в аквамариновых глазах беспокойство, в руке – ночник из ведьминогo огня. Они в какой-то избушке с остроконечной крышей, словно сошедшей со страниц книги сказок. По центру комнаты стоит громадная кровать на четырех мощных ножках, а в тених за спиной Хелен смутно угадываются очертания мебели: внушительный старинный гардероб, длинная кушетка, колченогий столик.

– Г-где я? – прошептала Эмма.

– В Идрисе, – сказала Хелен, сочувственно глядя ей руку. – У тебя получилось выбраться. Это мансарда семейства Пенхоллоу.

– Мои р-родители, – стуча зубами от внутренней дрожи, спросила Эмма. – Ч-что с ними?

– Ты прыгнула через Портал вместе с Джулианом, – продолжила Хелен, обходя молчанием прямой вопрос. – Уж не знаю как, но вам всем удалось телепортироваться. Настоящее чудо, иного слова не подберешь. Конклав открыл тоннель, но ты и сама знаешь, насколько сложно в нем перемещаться. Дрю выскочила с Тэйви на руках, а тут и близняшки вслед за ней. Неразлучная парочка... И все, больше никого. Мы уж думали отчаяться, как тут появляетесь вы двое. Ты, кстати, вообще была без сознания... – Она смахнула упавшую прядь со лба девочки. – Мы себе места не могли найти от беспокойства. Видела б ты Джулиана, он...

– *Что случилось?* – потребовала Эмма, отстраняясь от прикосновения. Не потому, что недолюбливала Хелен, а потому, что сердце не позволяло вот так просто сидеть. – Что с Марком? Что с мистером Блэкторном?

Хелен помолчала. Затем вздохнула:

– За прошедшие пару суток Себастьян Моргенштерн нанес удары по шести Институтам. Сотрудников либо убивали, либо обращали в Помраченных.

Его Чаша ада на это способна... делать из Сумеречных охотников чудовища...

– Да, я видела, – прошептала Эмма. – Это случилось с Кейт. И с твоим отцом. Они вот-вот собирались заняться и Марком, но Себастьян сказал, что передумал, потому что у Марка фейрийская кровь.

Хелен передернула плечами.

– У нас есть основания верить, что Марк до сих пор жив, – сказала она. – Его удалось отследить до определенного момента, но затем он как бы исчез, хотя, если верить рунам, до сих пор не числится среди мертвых. Не исключено, что Себастьян держит его в заложниках.

– А родители? Мои родители? – напомнила Эмма, чувствуя, до чего пересохло горло от тревоги. Потому как она подозревала, что стоит за нежеланием Хелен отвечать на этот вопрос. – Где же они? Ведь их не было в Институте, значит, Себастьян не мог причинить им зла!

– Эмма... – Хелен вздохнула. Она вдруг показалась гораздо моложе, едва ли не ровесница Джулсу. – Себастьян не просто атакует Институты, он также убивает или похищает сотрудников прямо из их домов. Твои родители... Понимаешь, Конклав пытался их разыскать, но ничего не

вышло. А сегодняшним утром в районе Марина-дель-Рэй на берег выбросило их тела. Еще точно неясно, в чем причина смерти, но...

Ее голос превратился в торопливую вереницу невнятных объяснений, где громоздились официозные слова вроде «позитивной идентификации», «характерных признаков» и «отсутствия каких-либо вещественных доказательств». С ними соседствовали «длительное пребывание в морской воде», «невозможность транспортировки тел» и «сожжение на ритуальном костре непосредственно на месте обнаружения согласно их завещанию, как ты понимаешь...».

Эмма завизжала. Поначалу это был просто бессловесный крик, который поднимался все выше и выше; крик, от которого начинало саднить в горле и на языке появился привкус металла. Крик о потере настолько колоссальной, что для таких вещей человеческой речи мало. Словно легкие навечно лишали воздуха и отнимали небо над головой. Девочка кричала и кричала, кричала и рвала матрас, пока под ногтями не застряли перемазанные кровью перья, и все это время Хелен плакала и пыталась ее обнять, причитая:

– Эмма, Эмма, пожалуйста, перестань...

Свет усилился, разлился кругом. Кто-то зажег люстру, и Эмма услышала свое имя, произнесенное знакомым, некогда мягким, а сейчас настойчивым, требовательным тоном; Хелен исчезла из поля зрения, на ее месте возник Джулс. Он сидел в изножье и что-то ей протягивал, что-то ярко-золотистое, сверкающее в резком свете.

Кортана. Ее меч. Извлеченный из ножен, лежащий у него в руках, словно подношение. Кажется, она еще кричала, но клинок все же приняла, и в глаза бросились выгравированные слова, выжигая след на сетчатке: *«Я – Кортана, той же стали и закалки, что Жуаёз и Дюрандаль»*.

Она услышала голос отца:

«Мы, Карстейрзы, носили этот меч многие поколения, и эта надпись напоминает нам, что Сумеречные охотники суть оружие Ангела. Закаляйте нас в огне, от этого мы лишь прибавляем в силе. Страдания нас не сломят, мы всегда выживем».

Эмма раскашлялась, давась плачем, беря его под контроль, загоняя внутрь. Вот что имел в виду отец: как и Кортана, она тоже сделана из особой стали и должна крепиться. Даже если этого никогда уже не увидят ее родители. Она будет сильной ради них.

Девочка прижала меч к груди. Откуда-то издалека донеслись восклицания Хелен; старшая подруга попыталась было вновь ее обнять, но Джулиан, лучше всех понимавший, в чем сейчас нуждается Эмма, придержал сестру. Кулак Эммы сжимал обнаженное лезвие, между пальцами струилась кровь, стекая по рукам и груди, где острая кромка поранила кожу. Но Эмма этого не чувствовала. Покачиваясь взад-вперед, она стискивала Кортану, словно ничего на свете не было ей дороже, и кровь текла по ней, как слезы.

Саймон не мог отделаться от ощущения дежавю.

Ему уже доводилось бывать здесь, стоять возле институтских стен, наблюдая за исчезновением Лайтвудов в мерцающем мареве Портала. Впрочем, в ту пору он еще не носил на себе Каинову печать, и Портал тогда создал Магнус, а на сей раз вход в тоннель пребывал под контролем синекожей женщины-колдуньи по имени Катарина Лосс. Саймона вызвали, потому что Джейс хотел что-то обсудить насчет Клэри, пока у него было время перед исчезновением.

Клэри уходила вместе с ними.

Саймон чувствовал ее руку, ее пальцы, плотно сжимавшие ему запястье. Весь Анклав – чуть ли не полный списочный состав Сумеречных охотников Нью-Йорка – прошел в институтские ворота и скрылся в переливчатой дымке Портала. Лайтвуды, являясь местными хранителями, уйдут последними. Саймон терпеливо стоял здесь с раннего вечера, когда красные полосы в

небе еще спускались за небоскребы Манхэттена, ну а сейчас сцену перед глазами освещали лишь ведьмины огни, выдергивая из тьмы поблескивающие детали: то кнут Изабель, то огненную искру, которая при жестикуляции выпрыгнула из семейного перстня Алека, то блестящие снежинки в белесой шевелюре Джейса.

– Выглядит по-другому, – сказал Саймон.

Клэри скосила на него взгляд. Как и на всех прочих, на ней была своеобразная накидка, которую, как знал Саймон, Сумеречные охотники носили холодными зимами: широкий черный плащ из плотной, бархатистой материи, собранной складками на груди. Интересно, откуда они их берут? Получают с интендантского склада как униформу под расписку?

– В смысле?

– Я про Портал. Не такой, как у Магнуса. Более... лиловый, что ли.

– Может, потому, что у них разные подходы и взгляды на стиль?

Саймон пригляделся к Катарине. Она казалась воплощением бодрости и эффективности, ни дать ни взять, сестра милосердия в военном госпитале. Или воспитательница из детского сада. Решительно ничего общего с Магнусом.

– Как там Иззи?

– Мучается беспокойством. Как и все мы.

Они помолчали. Клэри сделала длинный выдох, в зимнем воздухе расплылось облачко ее дыхания.

– Жаль, что ты исчезаешь, – сказал Саймон ровно в тот миг, когда Клэри подумалось: «Жаль, что приходится оставлять тебя одного».

– Ничего, я справлюсь, – сказал он, словно услышал ее мысли. – За мной вон Джордан присмотрит. – И действительно, Джордан тоже был здесь, сидел на стене, что опоясывала Институт, и выглядел как заправский дозорный на сторожевой вышке. – И вообще, за последние пару недель меня ни разу не пытались прикончить.

– Не смешно, – нахмурилась Клэри.

Проблема, как догадывался Саймон, заключалась в том, что в собственной безопасности убеждать нелегко, ежели ты светолуб. Кое-кому из вампиров обязательно захочется привлечь Саймона на свою сторону, извлекая выгоду из его необычных способностей. Камилла уже пыталась его рекрутировать, того же самого можно ждать и от других. Впрочем, у него имелось отчетливое ощущение, что подавляющее большинство вампиров просто хочет от него избавиться. Раз и навсегда.

– Я практически уверен, что Морин попырует наложить на меня свои лапки, – сказал он. Морин Браун возглавляла нью-йоркский клан и полагала, что влюблена в Саймона. И все бы ничего, если забыть, что ей от роду вечные тринадцать лет. – Я слышал, что Конклав всем настоятельно рекомендовал меня не трогать, но...

– Морин хочет тебя потрогать, – криво усмехнулась Клэри. – Ощупать до самых, можно сказать...

– Тс-с, Фрэй. Без грубостей.

– Скажи Джордану, чтобы он не подпускал ее к тебе.

Саймон с непроницаемым видом глядел перед собой, стараясь не мазнуть взглядом по Изабель, которая встретила его лишь куцым взмахом руки, когда он пришел в Институт. Девушка помогала своей матери, не обращая внимания на ветер, трепавший ее черные волосы.

– Да подойди ты к ней уже, в самом деле, – досадливо бросила Клэри. – А то пялишься, как я не знаю кто...

– Ничего я не пялюсь. Так только, посматриваю иногда.

– Да уж я заметила... Послушай, ты же сам знаешь, какой у нее характер. Когда Изабель не в

духе, она всех дичится. Не разговаривает ни с кем, кроме Джейса или Алека, а все из-за того, что никому не доверяет. Та к что, если хочешь стать ее парнем, ты должен доказать, что тебе верить можно.

– А с чего ты решила, что я этого хочу? И вообще, она ни разу не использовала эти слова в разговоре. «Мой парень»... Придумаешь тоже...

Клэри наподдала ему по щиколотке:

– Вам давно пора заняться эрсэо.

– «Разбором своих отношений»? – раздался голос за спиной. Оглянувшись, Саймон увидел Магнуса, который смотрелся особенно долговязым на фоне темного неба. Одет он был неброско, в сумрачные тона – джинсы и черная футболка, – глаза полуспрятаны за челкой. – Я смотрю, что даже когда весь мир рушится во мрак и всех ждет гибель, вы двое стоите тут и обсуждаете свою любовную жизнь. Одно слово, тинейджеры.

– А ты сам-то что здесь делаешь? – последовал не самый умный вопрос от Саймона, который слегка растерялся от неожиданности.

– Пришел провести Алека.

Брови Клэри насмешливо поползли вверх.

– Ну-ка, ну-ка, про тинейджеров поподробнее!

Магнус предостерегающе вскинул палец:

– Не споткнись на скользкой дорожке, моя сладенькая.

И с этими словами он растворился в толпе, что окружала Портал.

– Сладенькая? – прищурил глаз Саймон.

– Хочешь – верь, хочешь нет, но он так меня уже называл, – пожала плечами Клэри. – Ой, погоди-ка... Она повернулась к нему всем корпусом и подергала за руку, заставляя вынуть ее из кармана джинсов. – Кольцо, – сказала она. – А правда, было здорово, когда все работало?

Саймон бросил взгляд вниз. Золотое кольцо, выкованное вручную в форме древесного листа, сидело на его правом безымянном пальце. В свое время оно формировало связующую нить с Клэри, но сейчас, когда ее собственное кольцо погибло, у него, по сути дела, остался лишь декоративный сувенир. Саймон понимал, что здесь, пожалуй, чересчур много от сентиментальности, но все-таки это была очень изящная вещица, к тому же своего рода символ их взаимного притяжения друг к другу.

Клэри крепко пожала ему запястье и вскинула глаза. Тени плясали в зелени ее радужки; Саймон отчетливо видел, что девушка испугана.

– Я знаю, это всего лишь очередное совещание Совета... – медленно начала она.

– Но ты все равно останешься в Идрисе.

– Так ведь это только на время! Пока не выяснится, что случилось с Институтами. И тогда мы вернемся... Слушай, я знаю, что ни позвонить, ни отправить эсмэски в Идрис нельзя, так что, если захочешь со мной пообщаться, скажи Магнусу, ладно? Уж он-то найдет способ переслать мне твою весточку.

У Саймона перехватило горло.

– Клэри...

– Я люблю тебя, – сказала она. – Ты мой самый лучший друг. – Девушка отпустила его руку. – Нет-нет, молчи. Ничего не хочу слышать.

Она развернулась и чуть ли не бегом кинулась к Порталу, где ее поджидали Джослин с Люком, у чьих ног стояли три туго набитых вещмешка. Мужчина не сводил с Саймона задумчивого взгляда.

Но где, кстати, Изабель? Толпа Сумеречных охотников успела поредеть. К Клэри присоединился Джейс, обняв за плечи. Мариза уже возле самого Портала, но вот Изабель,

которая все это время была рядом с ней...

– Саймон, – прозвучал голос у правого уха. Он обернулся и увидел Иззи, чье лицо напоминало бледное пятно на фоне темной шевелюры и плаща. Во взгляде застыл гнев пополам с печалью. – Похоже, пришла пора расстаться.

– Ну хорошо, – сказал Магнус. – Итак, я здесь. Чего ты хотел сказать?

Алек не сводил с него широко распахнутых глаз. Они отошли за угол и сейчас стояли в небольшом застуженном саду в окружении поредевших зеленых изгородей. Толстые плети плюща, вившиеся по каменным стенам и чугунной ограде, настолько оголились из-за зимы, что сейчас за воротами просматривалась улица с ее движением и пешеходами. Неподалеку обнаружилась каменная скамейка, чья щербатая поверхность была подернута корочкой льда.

– Я? Сказать?...

Магнус сверлил Алека мрачным взглядом, словно тот совершил некую глупость. Не исключено, что так и есть. Нервы звенели, как колокольчики на спятившем ветру, а в животе копилась тошнота. В тот последний раз, когда он видел Магнуса, колдун попросту ушел от него по заброшенному метротоннелю. Его фигурка становилась все меньше и меньше, пока вовсе не исчезла. «*Аку синта каму*», – сказал он Алеку. По-индонезийски «Я люблю тебя».

Это подарило искру надежды, которой хватило, чтобы названивать Магнусу десятки, сотни раз, чтобы ежеминутно посматривать на мобильник – не пропустил ли я эсэмэску? – и даже периодически выглядывать из окна своей комнаты, которая сейчас – без Магнуса – казалась пустынной и незнакомой, словно принадлежала чужому человеку.

Но вот Магнус стоит напротив, со своей вечно взъерошенной шевелюрой и кошачьими глазами с вертикальными щелями зрачков; голос подобен темной патоке, лицо... его остроугольное, чудесное лицо, не выдающее ничего, ни крошечки... Алек и сам хотел бы что-то промолвить, но слова прилипли к языку, словно его заставили выпить кружку клея.

– Ты хотел со мной поговорить, – терпеливо напомнил Магнус. – Во всяком случае, так мне показалось после всех этих названий и эсэмэсок. Не говоря уже о нашествии твоих приятелей на мою квартирку. Один за другим, один за другим. Как муравьи. Или ты это устраиваешь всем подряд?

Алек сглотнул из-за жжения в пересохшем горле и выпалил первое, что пришло ему в голову:

– Ты так и не простишь меня?

– Я... – Замолчав, Магнус отвернулся, покачивая головой. – Алек. Я уже простил тебя.

– Что-то не похоже. Скорее ты разозлен.

Когда Магнус вновь перевел на него свой взгляд, в нем уже читалось меньше суровости.

– Я волновался за тебя, – сказал он. – Нападения на Институты. Только-только об этом услышал.

У Алека закружилась голова. Магнус его простил, Магнус за него волновался...

– А ты знаешь, что мы уходим в Идрис?

– Да уж, Катарина поставила меня в известность, что ей поручено сформировать Портал, – сухо кивнул маг. – Та к что про все остальное было несложно догадаться. Единственное – несколько удивило, что ты не позвонил и даже эсэмэску не прислал, мол, я отбываю.

– Та к ведь ты не отвечал ни на мои звонки, ни на сообщения, – возразил Алек.

– Но раньше это тебя не останавливало.

– Рано или поздно кто угодно махнет рукой, – пожал плечами Алек. – А потом, Джейс сломал мой мобильник.

Магнус насмешливо фыркнул, выбросив облачко пара:

– Ох, Александр...

– Чего? – с искренним недоумением спросил тот.

– Ты... ты такой... даже поцеловать хочется, – вдруг заявил Магнус и тут же покачал головой. – Теперь понятно, отчего я не хотел больше с тобой встречаться?

– Да, но сейчас-то ты пришел, – сказал Алек. В памяти всплыло, как Магнус впервые поцеловал его, прижав к стене дома, где он жил, и все его косточки вдруг растаяли, а в голове мелькнуло: «Так вот, значит, как это бывает. Сейчас я понял». – И мог бы, к примеру...

– Нет, – решительно оборвал Магнус. – Ничего не выйдет. Ты никак не можешь себе это уяснить. – Его руки уже лежали на плечах Алека, большими пальцами поглаживая шею над воротником; в юноше словно проскочил электрический разряд. – Правда? – сказал маг и приник ближе, чтобы поцеловать.

Алек всем телом подался вперед. Тишина стояла мертвая. Под ногами хрупнул снег, рука мага скользнула вдоль шеи, чтобы прижать голову плотнее... На вкус Магнус был все тем же, горько-сладким и до глубины души знакомым; Алек позволил губам расслабиться – то ли чтобы вдохнуть воздух, то ли всхлипнуть, то ли дать дыханию Магнуса проникнуть внутрь, – но опоздал, потому что тот уже отпрянул и даже отшагнул назад. Кончено.

– Ты чего? – обмирая, чувствуя себя совсем крохотным, пролепетал юноша. – Что ты, Магнус?...

– Зря это я сделал, – не задумываясь, бросил колдун. Магнус явно терял самоконтроль, таким Алек видел его крайне редко; на высоких скулах заалели яркие пятна. – Я прощаю тебя, но быть рядом не могу. Не могу, и все. Такие вещи попросту невозможны. Я буду жить вечно, по крайней мере, пока кто-то меня не убьет, а вот ты – нет, и смириться с этим выше твоих сил, так что...

– Не надо говорить *мне*, на что я способен, а на что нет, – промолвил Алек со зловещей безапелляционностью.

Магнус настолько удивился, что сейчас его лицо напоминало физиономию чужого человека.

– Ну-у, по крайней мере, большинство людей с этим не может справиться, – пожал он плечами. – Я имею в виду простых смертных. Да и нам самим не легче. Собственными глазами увидеть смерть любимого человека... Знал я как-то одну девушку, тоже из наших, из бессмертных...

– Хочешь сказать, она связалась с кем-то из обычных примитивов? И чем кончилось дело?

– Тем, что он умер, – ответил Магнус тоном, глубинную горечь которого не смог бы выразить до конца ни один оттенок человеческой речи. Глаза мага мягко сияли в темноте. – Даже сам не пойму, с чего я вдруг взял, что это могло сработать, – сказал он. – Ты уж прости меня, Алек. Зря я пришел.

– Да, – кивнул тот. – Зря.

Магнус присмотрелся к Алеку с настороженным недоумением, будто только что увидел на улице знакомое лицо, но, как оказалось, это был совершенно посторонний человек.

– Уж не знаю, почему ты так поступил, – продолжил юноша. – За себя могу сказать, что неделями страдал из-за тебя, из-за того, что сам натворил, на чем свет стоит клял себя, что вступил в разговор с этой Камиллой... Локти себе кусал, жалел страшно, все осознал, извинялся раз за разом, прощения просил... *но тебя, Магнус, там не было*. Все это я проделал в одиночку, сам с собой. Та к что теперь даже хочется узнать, а на что же еще я способен. – Он задумчиво смотрел магу в лицо. – Да, я виноват в том, что случилось. Но и ты не без греха. Я ведь мог научиться забывать, что ты, в отличие от меня, бессмертен. Когда ты с кем-то, время, проведенное вместе, делится в равных долях на обоих. Так что в этом смысле между нами не такая уж большая разница. Но знаешь, что мне действительно не дает покоя? Твое молчание. Ты

же никогда ничего не рассказываешь. К примеру, я не знаю, когда ты родился. Ничегошеньки не знаю про твою жизнь. Кем была твоя первая любовь... или кто впервые разбил тебе сердце... Вот обо мне ты знаешь все, а я о тебе – ничего. И в этом-то вся загвоздка.

– Ты просто забыл, – мягко промолвил Магнус. – Ведь на самом первом нашем свидании я говорил, что тебе придется принять меня таким, какой я есть, без лишних вопросов...

Алек отмел аргумент в сторону:

– Во-первых, это вообще нечестно – требовать таких вещей. А во-вторых, в ту пору я мало чего понимал насчет любви, чтобы осознать весь смысл твоих слов. Ты, Магнус, ведешь себя как смертельно обиженный, но, согласись, кое в чем ты сам виноват.

– Да, – кивнул тот после паузы. – Что-то в этом есть.

– Но роли все равно не играет, я правильно понял? – подхватил Алек, чувствуя, как ледяной ветер гладит живот. – С тобой всегда так.

– Я не умею меняться, – пожал тот плечами. – Слишком много времени утекло. Знаешь, мы, бессмертные, превращаемся в окаменелости, что ли. Ископаемые, так сказать. Помнится, когда я тебя встретил, ты был полон такой наивной радости, юношеского восторга от жизни, что мне почудилось, будто благодаря тебе я сумею измениться, но...

– Меняйся сам, без чужой помощи, – сказал Алек, но слова вышли вовсе не колючими, как он планировал, а мягкими, чуть ли не молящими.

Магнус, однако, лишь головой покачал.

– Алек, – промолвил он, – знал бы ты, что за сны я вижу. В них город с кровавыми улицами, где стоят костяные башни. Если Себастьян заполучит желаемое, таким же станет и этот мир. А кровь, которая его затопит, будет кровью нефилимов. Иди в Идрис. Там безопаснее. Но будь начеку, не расслабляйся, не позволяй благодущию себя разоружить... Хочу, чтобы ты жил, – выдохнул он и, порывисто развернувшись, зашагал прочь.

Хочу, чтобы ты жил.

Алек осел на замороженные плиты скамьи и спрятал лицо в ладонях.

– Та к не навсегда же расстаемся, – запротестовал Саймон, но Изабель лишь насупилась.

– Иди-ка сюда, – сказала она, дергая его за рукав. На ней были длинные перчатки из бордового бархата, и на темно-синем фоне куртки юноши ее руки казались по локоть искупавшимися в крови.

Саймон прогнал непрощеную мысль. Кровь так и норовит напомнить о себе в самые неподходящие моменты.

– Куда ты меня тащишь?

Изабель закатила глаза и чуть ли не силой затолкала его в затемненную нишу возле парадных ворот Института. Местечко оказалось тесноватым, и Саймон ощутил тепло, исходившее от девушки. Вообще-то, став вампиром, он уже утратил способность реагировать на холод или жару, если только речь не шла о тепле человеческой крови. Он не мог сказать, от того ли это, что он уже вкусил крови Иззи, или же дело было в чем-то более глубоком, но, как бы то ни было, теплая пульсация ее вен ощущалась отчетливей, чем с кем бы то ни было еще.

– Если бы ты только знала, как бы я хотел уйти вместе с тобой в Идрис, – сказал он без обиняков.

– Здесь у тебя больше шансов выжить, – тут же возразила она, хотя ее взгляд смягчился. – А потом, мы ведь уходим не навечно. Нежить, которой позволено проникать в Аликанте, это члены Совета, да и то их пропустят лишь по причине намеченного совещания. Думаю, когда мы обсудим, что именно надо предпринять, нас отправят обратно. Мы же не можем отсиживаться в Идрисе, пока Себастьян крушит все подряд за его пределами. Сумеречные охотники сделаны из

другого теста.

Саймон провел пальцем по ее щеке:

– Так ты хочешь, чтобы я тут спрятался и не высовывал носа?

– За тобой присмотрит Джордан, – сказала Изабель. – Твой личный телохранитель. Ведь ты же лучший друг Клэри, – добавила она. – И Себастьян об этом знает. Что и делает тебя отличной мишенью для взятия в заложники. Вот почему тебе следует быть там, где его нет.

– Пока что он ничем не проявил повышенного интереса к моей персоне. С чего вдруг ему захочется сделать это сейчас?

Она пожала плечами и плотнее закуталась в плащ.

– Он вообще никем не интересовался, кроме Клэри и Джейса, но это не значит, что так будет тянуться вечно. Он же не дурак, – сказала она ворчливо, как если бы скрепя сердце признавала за Себастьяном какие-то заслуги. – А Клэри ради тебя пойдет на что угодно.

– Но и ради тебя тоже. – В ответ на недоверчивый взгляд Иззи он легонько приподнял ей подбородок. – Ладно. Раз уж ты уходишь ненадолго, то к чему весь этот драматизм?

Изабель скорчила гримаску. Рот и щеки у нее были розовыми от холода. Ему очень хотелось почувствовать своими холодными губами ее губы, полные крови и жизни, но под пристальным взглядом родителей девушки этого лучше не делать.

– Я ведь слышала, что пару минут назад сказала Клэри. «Я люблю тебя», разве не так?

Саймон замер:

– Да, но... Она же не в том смысле... Иззи...

– Не надо, – вскинула девушка руку. – Пожалуйста, я ведь не маленькая. Все понимаю. Дело в том, что слова эти она произносит очень уж легко, да и ты тоже, а вот я в жизни их никому не говорила, ни разу. Если не считать близких родственников.

– Я знаю, почему ты этого так сторонись, – ответил он. – Ведь, если их произнести, можно себе же сделать больно.

– Тебе. – Ее глаза были огромными, черными, как звездные зеркала. – Я могу тебе сделать больно.

– Я знаю, – кивнул Саймон. – Знаю, и меня это не волнует. Джейс как-то раз предупредил меня: дескать ты на шпильках пройдешься по моему сердцу, – но этим меня не остановить.

Изабель фыркнула:

– Он правда так сказал? И ты впрямь решил рискнуть?

Юноша наклонился ближе. Его дыхание – если бы оно у него было – слегка поворошило б ей волосы.

– Сочту за честь.

Она повернула к нему лицо, и их губы соприкоснулись. Какие они теплые... Ее руки были чем-то заняты. Расстегивает плащ? – на миг подумал он; но не станет же она раздеваться на глазах семьи? Хотя если б и стала, у него вряд ли хватит решимости ее остановить. Как-никак, а это Изабель, и она сказала – *почти*, – что любит его.

Губы девушки щекотали ему кожу.

– Возьми вот это, – шепнула она, и Саймон на миг испытал прикосновение чего-то прохладного к затылку. Затем ее затянутая в бархат рука скользнула по шее юноши.

Он взглянул вниз и увидел на своей груди посверкивающий кроваво-красный квадратик, рубиновую подвеску. Реликвия, дарующая способность обнаруживать проявление демонической энергии.

– Что ты, что ты, я не могу! – потрясенно запротестовал он. – Иззи, да это стоит бешеных денег!

Она расправила плечи:

– Ну, положим, это не подарок, а так, поносить на время. До нашей следующей встречи. – Ее пальцы легонько коснулись рубина. – Этот камень... он от вампира. Та к что все сходится.

– Изабель, я...

– Не надо, – прервала девушка, хотя, если честно, он и сам не знал, что собирается сказать. – Ничего не надо говорить, во всяком случае сейчас. – Изабель отшагнула назад. За ее спиной он видел ее семью и все, что осталось от Анклава. Люк уже шагал к Порталу, Джослин вот-вот должна была последовать за ним. Алек, шедший со стороны Института, мазнул взглядом по Саймону с сестрой и, не вынимая рук из карманов, поиграл бровями, но останавливаться тоже не стал. – Ты только... только не встречайся больше ни с кем, пока я там, ладно?

Она уже разворачивалась к нему спиной.

– Та к что ж получается-то? – негромко бросил он ей вслед. – Мы сами-то как бы встречаемся теперь или как?

Изабель лишь лукаво улыбнулась и побежала к Порталу. Он успел заметить, как она взяла Алека за руку, и они вдвоем шагнули внутрь. За ними вошла Мариза, затем Джейс, ну и, наконец, настала очередь Клэри, которая все это время стояла возле Катарины, обрамленной шипящим синим огнем.

Клэри подмигнула Саймону и сделала шаг. В Портале что-то взвихрилось, и через долю секунды исчезла и она.

Саймон машинально потрогал рубиновую подвеску. В камне почудилось какое-то биение, напоминавшее беспокойный пульс. Словно у него вновь появилось сердце.

3

Птицы на утесе

Клэри опустила вещмешок возле двери и огляделась. Где-то рядом звучали голоса матери и Люка – те раскладывали свои вещи, ходили по комнатам, включали лампы с ведьминым огнем, что освещали дом Ааматис. Клэри стиснула зубы. До сих пор непонятно, как Ааматис попала к Себастьяну. Хотя здесь уже поработали специалисты Совета на предмет опасных артефактов и дали «зеленый свет», Клэри знала своего брата. Под настроение он был способен уничтожить весь дом, как бы хвастаясь, что это ему под силу: превратить мебель в щепки, зеркала – в стеклянное крошево, разнести окна и двери.

Из комнаты, где находилась мать, донесся легкий вздох облегчения, и Клэри поняла, что Джослин сейчас думает о том же самом: какое счастье, что дом уцелел. К тому же не видно признаков, что с Ааматис приключилось несчастье. На кофейном столике несколько книг, пол хоть и запылен, но на нем ничего не разбросано, фотографии на стенах развешены аккуратно. Защемило сердце, когда девушка заметила возле камина снимок, где они с Джослин и Люком стоят, улыбаясь, в парке аттракционов на Кони-Айленд.

В памяти всплыли те минуты, когда она в последний раз видела сестру отчима: Себастьян принуждает кричащую Ааматис отпить из Чаши ада. Через пару мгновений после глотка во взгляде женщины погас огонек личного «я», и у Клэри мелькнула мысль, что это все равно что быть свидетелем чьей-то смерти. Впрочем, на чужую смерть она уже насмотрелась. У нее на глазах расстался с жизнью Валентин. Как же так получилось, что, несмотря на столь юный возраст, за ней уже тянется шлейф из привидений?...

Вошел Люк, хотевший проверить, работает ли камин, и тоже заметил висевшие рядом снимки. Коснулся одного из них, с парой голубоглазых подростков. Мальчик на фотографии был увлечен рисованием, его неулыбчивая старшая сестра мрачно смотрела в сторону камеры.

Люк выглядел уставшим, даже изнуренным. Прыжок через Портал привел их сначала к воротам Гарда, откуда они через весь город добирались до дома Ааматис. Отчим до сих пор морщился от боли в боку, хотя Клэри подозревала, что дело не только в ране, которая не успела залечиться. Приглушенность обстановки, уютные, такие знакомые половички в комнатах, аккуратно расставленные побрякушки, сувениры былых событий – все это лишний раз выразительно напоминало о том, что здесь безжалостно прервали обычное течение жизни.

Вошла Джослин, обняла мужа одной рукой, промолвила что-то негромкое, утешительное. Он обернулся, уронил ей голову на плечо. Сцена скорее царапающая душу, нежели романтическая, и Клэри стало неловко, словно она подглядела что-то очень личное. Стараясь не шуметь, девушка подхватила с пола свой вещмешок и отправилась на второй этаж.

Гостевая комнатка ничуть не изменилась. Тесновато, стены выкрашены в белое, окна круглые, словно иллюминаторы, – вон оно, это окошко, через которое Джейс пролез как-то ночью; а вот и все то же лоскутное одеяло. Девушка поставила вещмешок возле туалетного столика. Того самого, на котором Джейс утром оставил записку, что уходит и уже не вернется.

Присев на краешек постели, Клэри постаралась стряхнуть с себя паутину воспоминаний. Она и не подозревала, до чего это нелегко – вновь очутиться в Идрисе. Домом – нормальным, привычным домом – был Нью-Йорк. Идрис же означал войну и разруху. Именно здесь она впервые увидела смерть.

Кровь зудела в жилах, гулко стучала в висках. Страшно хотелось увидеть Джейса, увидеть Алека и Изабель: они бы дали ей точку опоры, позволили бы вновь ощутить себя в своей тарелке... Снизу еле слышно доносились шаги родителей, кажется, даже позвякивали чашки на

кухне. Спрыгнув с кровати, она присела на корточки в изножье, где стоял старомодный сундук. Подарок Амагис в прошлый раз, когда Клэри здесь останавливалась; сестра отчима предложила подобрать себе что-то из одежды.

Она откинула крышку. Да, все на месте, аккуратно свернутые вещи, проложенные оберточной бумагой: школьная форма, всепогодные джинсы и свитера, юбки со строгими блузками в комплекте, а на самом дне платье, которое раньше казалось ей подвенечным. Девушка достала его из сундука, развернула и, коль скоро сейчас уже больше знала про Сумеречных охотников, наконец поняла, о чем идет речь.

Не подвенечное, а траурное – вот что. Белое, незатейливое платье с коротким, плотно облегающим жакетом в комплекте, на котором вышиты серебристые руны скорби, а вот здесь, возле обшлаг, почти что невидимый рисунок с птицами.

Цапли.

Клэри аккуратно выложила наряд на постель. Перед внутренним взором встала Амагис; наверняка это платье было на ней в день смерти Стивена. Она надела его на себя, разгладила складки, застегнула жакет на все пуговицы, чтобы скорбеть по человеку, с которым ее уже не связывали узы брака. Покров вдовы для женщины, не способной произнести это слово.

– Клэри? – В дверях, опершись рукой о косяк, стояла мать. – Ну-ка, что это у тебя... О-о... – Джослин пересекла комнату, коснулась белой материи. – Ах, Амагис, Амагис...

– Она ведь так и не смогла смириться с потерей, – полувопросительно сказала Клэри.

– Да, есть такие люди. – Рука Джослин оставила платье, коснулась волос девушки, по-матерински заботливо поправила выбившуюся прядь. – Так же как и нефилимы: мы ведь без остатка отдаем себя любви. Влюбиться один-единственный раз в жизни и умереть от тоски... Мой старый учитель говаривал, что сердца нефилимов подобны ангельским: испытывают всю ту боль, что доступна людям, но, в отличие от них, никогда не излечиваются.

– Да, но у тебя-то получилось. Раньше ты любила Валентина, теперь Люка.

– Знаю, знаю. – Взгляд Джослин ушел куда-то вдаль. – Но это случилось лишь после того, как я провела много времени среди обычных людей; вот когда мне стало ясно, что люди по-иному относятся к любви. Оказывается, ее можно испытывать неоднократно. Стоит лишь залечить сердечную рану, ты можешь любить вновь и вновь. И я всегда любила Люка. Может, не отдавая себе отчета, но все равно любила. – Она показала на одежду, разостланную поверх одеяла: – Этот жакет. Надень его завтра.

Клэри ошеломленно взглянула на мать:

– На заседание Совета?...

– Погибли Охотники. Были Сумеречными, стали Темными, – сказала Джослин. – Из нас каждый кого-то потерял: кто сына, кто брата, кто сестру. Да мы все, нефилимы, одна большая семья. Не очень дружная, правда, но... – Она коснулась лица дочери, выражение ее лица пряталось в тени. – Завтра предстоит очень длинный день.

Когда дверь за матерью закрылась, Клэри переоделась в ночную рубашку и забралась в постель. Закрыла глаза, намереваясь заснуть, но не тут-то было. Под веками то и дело, будто фейерверк, вспыхивали образы: ангелы сыпятся с небес; золотая кровь; закованный в цепи и ослепленный Итуриэль... Картинки будущего. В голове всплыл сон, в котором она увидела брата: черные, сочащиеся кровью крылья, он бредет по ледяному озеру...

Клэри рывком отбросила одеяло. Жарко, кожа чуть ли не горит – воспалена из-за расшалившихся нервов. Выбравшись из кровати, девушка зашлепала босыми ногами на кухню в поисках стакана воды. Свет в гостиной потушен, но из-под двери пробивается тусклая полоска, доносится приглушенная, неразборчивая беседа. Кому-то еще не спится. Девушка осторожно прокралась дальше по коридору, пока голоса не обрели знакомый тембр. Она узнала мать, та

была явно чем-то расстроена.

– Как вообще она могла очутиться в шкафу? – говорила Джослин. – Я не видела ее... не знаю, с тех пор как Валентин забрал все наши вещи, еще в Нью-Йорке.

Ей отвечал Люк:

– Но разве Клэри не говорила, что она теперь у Джонатана?

– Да, но в этом случае она погибла бы вместе с тем домом, разве не так? – Голос матери звучал теперь гораздо громче, потому что Клэри стояла уже у самого дверного проема. – Со всеми шмотками, что еще Валентин мне покупал. Можно подумать, я собиралась вернуться...

Клэри замерла. Она видела в щелочку, что мать и отчим сидят за кухонным столом, спиной к дверям. Джослин сидела, уронив голову на подложенный локоть, а Люк утешительно гладил ее по спине. Клэри рассказала матери про то, что Валентин держал в кочующем доме вещи Джослин, явно полагая, что та когда-нибудь одумается и вновь станет с ним жить. Мать выслушала достаточно спокойно, однако вся эта история явно задела ее куда сильнее, чем полагала Клэри.

– Джослин, его больше нет, – промолвил Люк. – Я понимаю, что это может показаться чуть ли не абсурдом. Валентин всегда, можно сказать, был больше чем жизнь, даже когда прятался. Но факт есть факт: он мертв.

– В отличие от моего сына, – парировала Джослин. – Сколько раз я вынимала ту злосчастную шкатулку и рыдала над ней в его день рождения... А порой он мне снился... мальчик с изумрудными глазами, мальчик, который не был отравлен демонской кровью, который умел смеяться и любить, быть человеком: вот о каком мальчике я рыдала, но на самом деле он никогда не существовал.

«Вынуть шкатулку и расплакаться», – мрачно подумала Клэри: теперь она поняла, о чем идет речь. Незамысловатая коробка, служившая своего рода мемориалом по умершему ребенку, хотя он и продолжал жить – в каком-то смысле. Состриженный локон с младенческой головы, фотоснимки и крохотный башмачок. Последний раз, когда Клэри видела эту шкатулку, та находилась в распоряжении брата. Не исключено, что Себастьян получил ее от Валентина, хотя она не могла взять в толк, с какой стати брат вздумал бы ее хранить. Вот уж кого, даже при желании, не заподозрить в сентиментальности...

– Тебе придется сказать об этом Клэри, – покачал головой Люк. – Если тут как-то замешан Себастьян, она обязана знать.

У Клэри похолодело в груди.

– Очень жаль, что все так вышло, – посетовала Джослин. – Кабы нашлись во мне такие силы, я бы все скопом швырнула в камин... Только и осталось, что локти себе кусать, – гневно вырвалось у нее. – А я всего-то хотела уберечь Клэри! Но тот... то существо, которое вызывает у меня такой страх за дочь... и за всех нас... этого существа в помине бы не было, если бы не я!.. – Голос матери зазвучал тускло, горько. – Надо было его удавить еще в колыбели, – добавила она и изменила позу, так что теперь Клэри могла увидеть, что же лежит на столешнице.

Да, это она, сызмальства знакомая серебряная шкатулка. Тяжелая, с простой крышкой без украшений; лишь на боковой стороне выгравировано *Дж. К.*

Утреннее солнце сверкало на новенькой решетке ворот напротив Гарда. «Старые-то, надо полагать, разрушены во время сражения, – решила Клэри. – Вон еще и деревья стоят обгорелые по всему холму». За воротами открывалась панорама Аликанте, мерцала вода в каналах, огромные башни тянулись к дневному светилу, которое своим блеском делало их похожими на прожилки слюды в куске минерала.

Сам Гард успели более-менее восстановить. Огонь оказался бессилен против каменной

кладки, так что Старый город до сих пор опоясывала стена, в которой и были устроены новые ворота, изготовленные из прозрачного *адамаса*, того же самого материала, который пошел на возведение сторожевых башен. Решетку, по всей видимости, ковали вручную; отчетливо видна эмблема Совета – четыре буквы *C*, вписанные в квадрат, каждая соответствует определенной расе нежити, о чем и свидетельствует выбитый символ. Лунный серп для оборотней, колдовская книга для магов, эльфийская стрела для Дивного народца, ну а для вампиров – звезда.

Гм, звезда... «А что еще можно придумать в качестве характерного знака вампиров?» – задалась девушка вопросом. Каплю крови? клык? Нет. В звезде есть какая-то элегантная простота. Искра света во мраке, том самом мраке, который никогда не рассеется, к тому же звезда одинокая, страшно одинокая, и понять это способны лишь те существа, которым не умереть вовеки.

Клэри тосковала по Саймону до боли. После беспокойной ночи чувствовала себя совершенно разбитой, исчерпавшей эмоциональный ресурс. Делу не помогал и тот факт, что она со всех сторон притягивала к себе довольно неприязненные взгляды. Возле ворот кучковались десятки Сумеречных охотников, в большинстве своем незнакомых. Кое-кто украдкой косился на Джослин с Люком; жалкая горстка вышла вперед, чтобы поприветствовать вновь прибывших, ну а все остальные просто держались поодаль, не скрывая любопытства. Джослин сохраняла внешнюю невозмутимость, но, судя по всему, это стоило ей немалых сил.

По склону холма поднимались все новые и новые Охотники. У Клэри отлегло от сердца, когда она узнала семейство Лайтвудов: Мариза в авангарде, возле нее Роберт, Изабель, Алек и Джейс замыкающими. Все до единого в белоснежных траурных облачениях. Особенно торжественной выглядела Мариза. Клэри отметила про себя, что Роберт хоть и шел с ней рядом, но все же на расстоянии. Даже за руки не держались.

От семейной группы отделился Джейс и направился к девушке. Его тоже сопровождали внимательными взглядами, хотя сам он этого вроде бы не замечал. Среди нефилимов за ним водилась довольно странная репутация: вроде бы сын Валентина, но в то же время и не сын. Порабощен Себастьяном, высвобожден клинком Небес. Девушка в деталях знала эту историю, как, впрочем, и всякий, кто был на короткой ноге с Джейсом, но слухи все равно множились и ветвились, как кораллы, прибавляя все новые краски и выверты.

«... ангельская кровь...»

«... особенный дар...»

«... говорят, Валентин обучил его каким-то спецприемам...»

«... у него по венам течет огонь...»

«... куда смотрит Совет?! Обращают в нефилимы кого ни попадя...»

Шепоток тянулся за парнем, как липкое облако.

День стоял ясный, зимний, морозный, но солнечный, и дневной свет выхватывал в шевелюре Джейса золотые и серебряные нити, что заставило Клэри даже поморщиться от их ослепительной искристости.

– Я вижу, ты в траурном? – сказал он, касаясь рукава ее жакета.

– Ты на себя взгляни, – не осталась в долгу девушка.

– Да нет, мне просто казалось, у тебя здесь нет траурной одежды.

– Это не мое. Аматис, – объяснила Клэри. – Слушай... Нам надо поговорить.

Он послушно отошел вслед за ней в сторону. Девушка передала разговор, который случайно подслушала ночью, и добавила:

– Это совершенно точно та самая шкатулка, я ее помню. Раньше она была у мамы, но последний раз я видела ее у Себастьяна, в том доме.

Джейс запустил в волосы всю пятерню.

– Я так и думал, что это неспроста, – кивнул он. – Понимаешь, нынче утром Марица получила от твоей матери сообщение. – Парень избегал встречного взгляда. – Себастьян обратил сестру Люка. Специально, чтобы досадить твоей матери. Он же ее ненавидит. Он проник в Аликанте и похитил Аматаис перед сражением в Беррене. Себастьян, можно сказать, самолично предупредил меня об этом, еще когда мы были... гм... вместе. Дескать собирается выкрасть кое-кого из аликантийских Охотников. Вот только имени не назвал...

Клэри кивнула. Немножко странно слушать, как Джейс говорит о том периоде, когда они с Себастьяном были не просто соратниками, но и ближайшими друзьями. Все та же внешность, те же черты, но в ту пору Джейс был кем-то совершенно иным.

– Думаю, шкатулку Себастьян принес с собой и оставил в шкафу, – продолжил юноша. – С таким расчетом, чтобы в один прекрасный день твоя семья на нее наткнулась. Поставил подпись, если угодно.

– Так считает Конклав?

– Та к считаю я, – сказал он и наконец взглянул ей в глаза. – Ты же знаешь, что мы с тобой разбираемся в поступках Себастьяна в сто раз лучше членов Совета. Эти вообще ни бельмеса не смыслят в его мотивах.

– Зато им спится спокойней.

В воздухе расплылся удар колокола, и ворота распахнулись. Ребята присоединились к Лайтвудам, Джослин и Люку, которых уже подхватил поток Сумеречных охотников, хлынувший внутрь. Они миновали сады, разбитые под стенами крепости, взошли по каменным ступеням, а оттуда по длинному гулкому коридору попали в Зал Совета.

Джия Пенхоллоу, облаченная в тогу Консула, стояла в дверях, встречая каждого из вновь прибывших. Зал был в виде амфитеатра: половинка круга, опоясанная рядами взбиравшихся к потолку скамеек; в точке фокуса находился прямоугольный подиум с двумя пюпитрами – один для Консула, другой для Инквизитора. За пюпитрами два громадных окна с панорамой Аликанте за стеклом. Помимо пюпитров, на подиуме стояли четыре стула с высокими резными спинками, украшенными эмблемами: колдовская книга, месяц, стрела и, наконец, звезда, – места для нежити в составе Совета.

Перед подиумом стоял стол, накрытый голубым бархатом, а на столе в лучах солнца, проникавших сквозь окна, матово искрился Меч смерти.

Клэри уселась рядом с матерью, здесь же – Лайтвуды, кроме Роберта, который занимал пост Инквизитора. Люк задумчиво посмотрел на предназначавшийся ему стул, однако остался возле Джослин. В конце концов, сегодня не пленарное заседание, да и Люк был здесь не в своем официальном статусе.

Девушка осмотрелась по сторонам. Поток Сумеречных охотников иссяк до слабого ручейка; амфитеатр был заполнен чуть ли не под потолок, правда, кое-где на скамейках еще оставались свободные места. В свое время сюда можно было попасть разными путями, не только лишь через Гард. К примеру, один из ходов вел из Вестминстерского аббатства, другой – из барселонского собора Саграда Фамилия, третий – из московского Василия Блаженного, но все они были перекрыты после изобретения Порталов.

Джия Пенхоллоу взошла на подиум и громко хлопнула в ладоши.

– Уважаемые члены Совета, прошу внимания, – произнесла она.

Тишина воцарилась быстро, многие Охотники непроизвольно подались вперед. Последние дни в воздухе испуганными птицами носились слухи, но каждому хотелось получить достоверную информацию.

– Бангкок, Буэнос-Айрес, Осло, Берлин, Москва, Лос-Анджелес, – перечислила Джия, – были атакованы один за другим, у них даже не было времени сообщить о нападениях. Анклавы

потеряли практически всех Охотников: они были обращены. Другие – не так много, либо слишком пожилые, либо слишком юные, – попросту убиты. Тела оставлены нам для погребальных костров, для Безмолвного города, где тишина буквально звенит голосами павших воинов.

В передних рядах кто-то вскинул руку. Темноволосая смуглянка, на чьей щеке четко выделялась серебристая татуировка в форме рыбки *кои* – японского карпа. Клэри не часто доводилось видеть тату, которое не имело бы отношения к Меткам, хотя, впрочем, встречалось и такое.

– Ты сказала «обращены», – произнесла женщина. – Это что, фигура речи? Обращены во что? В прах?

Консул поджала губы.

– Я имела в виду нечто совсем иное, – сказала она. – Обращены в наших врагов. Речь идет о так называемых Помраченных, тех самых, кого Джонатан Моргенштерн – или Себастьян, как он сам предпочитает себя именовать, – вынудил повернуться спиной к нашему Завету посредством Чаши ада. Напомню, что каждый из филиалов получил оперативную сводку о сражении под Берреном, и факт существования Помраченных уже не был такой неожиданностью, хотя среди нас всегда найдутся такие, кто не хочет взглянуть правде в глаза.

По залу побежал гул, но Клэри едва его замечала, так же как и руку Джейса, который сжимал ее запястье. В ушах снова свистел ветер Берренской долины; перед глазами стояли лица тех, кто отнимал губы от кромки Чаши ада, чтобы с собачьей преданностью взглянуть на Себастьяна; Метки нефилимов бледнели, таяли на их коже...

– Охотники друг с другом не воюют, – безапелляционно заявил один из старцев в переднем ряду. Джейс шепотом уведомил, что это руководитель исландского отделения в Рейкьявике. – Сама мысль сродни богохульству!

– Как и убеждения Себастьяна, – кивнула Джия. – Его отец хотел очистить мир от нежити, зато сын преследует ровно противоположную цель – желает поставить нефилимов на службу зла.

– Но коли ему удалось превратить... *обратить* нефилимов в чудовища, что нам мешает изыскать способ «вернуть» их обратно? – вступила в разговор Насрин Чодри, глава мумбайского Института, воистину царственная особа в белом сари, декорированном рунической вязью. – Мы не из тех, кто бросает своих при первой же опасности.

– В Берлине был найден один из Помраченных, – сообщил Роберт. – Он находился в крайне тяжелом состоянии, и, по-видимому, его сочли мертвым. Сейчас над ним работают Безмолвные братья в надежде отыскать путь к вакцине и так далее.

– Один из Помраченных?! – взвилась женщина с японским карпом на щеке. – У него, знаете ли, имя есть! Имя Сумеречного охотника!

– Амальрик Кригсмессер, – после секундной паузы промолвил Роберт. – Его семья уже поставлена в известность.

«Маги Спирального лабиринта тоже не сидят сложа руки».

Мыслеречь Безмолвного брата эхом прокатилась по залу. Возле подиума встал мужчина в монашеском клобуке, и Клэри узнала в нем брата Захарию. Рядом с ним была Хелен Блэкторн, тоже в траурной белой одежде, взволнованная и нетерпеливая.

– Маги... – бросил кто-то презрительным тоном. – Вы считаете, ведьмаки способны на нечто большее, чем наши собственные Безмолвные братья? Вот уж вряд ли.

– А нельзя ли допросить этого Кригсмессера? – вмешалась какая-то высокая седовласая дама. – Вдруг он знает о ближайших планах Себастьяна, не говоря уже о способе лечения?

«Амальрик Кригсмессер едва балансирует на краю сознания, к тому же является рабом

Чаши ада, – возразил брат Захария. – Она управляет им полностью, без остатка, лишив воли и самой личности».

Вновь подала голос смуглянка с карпом:

– Я правильно понимаю, что в данную минуту Себастьян Моргенштерн неуязвим? Что его нельзя убить?

Зал опять загудел. Ответила Джия, и ей даже пришлось повысить голос:

– Первые атаки не оставили в живых ни одного нефилима. Я имею в виду тех, кого Себастьяну не удалось обратить. Однако при последнем по счету нападении – на лос-анджелесский Институт – шестерым удалось выбраться. Все до единого несовершеннолетние. Хелен Блэкторн! Будь так любезна, приведи свидетелей.

Девушка кивнула и, сопровождаемая взглядом Клэри, скрылась в боковой двери. Минутой спустя она вернулась, на сей раз неторопливым шагом, заботливо придерживая за плечо худенького мальчика с каштановыми вихрами, по виду никак не старше двенадцати лет. Клэри узнала его в ту же секунду. Она уже видела этого парнишку в институтском фойе при первом знакомстве с Хелен; та держала его за руку, которая была вымазана воском свечей, что украшали фойе. Ухмылка у него тогда была лукавая, а глаза отливали той же зеленоватой голубизной, что и у сестры.

Джулиан, точно. Младший братишка.

Сейчас на лице мальчика не то что ухмылки – подобия улыбки не было. Он выглядел измотанным и перепуганным. Неухоженным. Из обшлагов белого траурного жакета с чересчур короткими рукавами торчали костлявые запястья. На руках у него был ребенок. Годика два с половиной или три, такой же нечесаный. Не иначе фамильная черта. Остальные дети также были в траурных одеяниях с чужого плеча. Вслед за Джулианом шла девочка лет десяти, ни на миг не выпускавшая руку мальчика такого же возраста. Волосы у девочки были темно-каштановые, у мальчика – наполовину скрывавшие лицо черные кудри. «Двойняшки», – тут же решила Клэри. За близнецами шла девочка лет восьми-девяти, с круглой мордочкой, чью бледность еще сильнее оттеняли каштановые косички. Все Блэкторны – несомненное семейное сходство бросалось в глаза – выглядели ошеломленными, испуганными, за исключением Хелен, на чьем лице играли все краски гнева и скорби.

Ощущение страшной беды ужалило Клэри в самое сердце. На ум пришла мысль, что с ее знанием рун она, пожалуй, взялась бы создать нечто, что смягчило бы боль этих детей. Руны траура и скорби действительно существовали, но лишь в качестве дани уважения мертвым, подобно тому, как имелись руны любви, прославляющие это чувство. Своего рода обручальные кольца, если угодно, те самые, что символизируют сердечные узы. Но... Заставить влюбиться с помощью рун невозможно, так что вряд ли получится придумать руну против скорбной утраты. «Это же надо, – мрачно подумала девушка, – такая пропасть волшебства, и хоть бы крошечку магии для врачевания разбитых сердец».

– Джулиан Блэкторн, – сказала Джия Пенхоллоу, и ее голос был мягок. – Подойди сюда, пожалуйста.

У мальчика дернулся кадык. Он кивнул, передал кроху старшей сестре и сделал шаг вперед, простреливая взглядом зал. Он явно кого-то выискивал в толпе. Его плечи уже поникли, когда на подиум выскочила какая-то фигурка. Девочка, тоже лет двенадцати, со спутанными светлыми локонами, струившимися по спине. Она была в джинсах и мешковатой футболке, глаза опущены, будто не в силах вынести взглядов собравшихся. Было ясно, что девочке не нравится здесь быть – в зале, а может, и вообще в Идрисе, – но зато Джулиан тут же успокоился, когда увидел ее. В его лице уже не было испуга, когда она встала возле Хелен, повернувшись к залу вполоборота, чтобы ни на кого не смотреть.

– Джулиан, – повторила Джия все тем же медоточивым голосом, – ты не мог бы для нас кое-что сделать? Скажем, взять Меч смерти в руки?

Клэри дернулась в кресле. Ей самой доводилось касаться меча, ощущать его тяжесть. Его ледяной холод, крючьями впивавшийся в кожу, вытягивал из тебя правду, как на дыбе. Никто не может лгать, держа в руках Меч смерти, но даже если всей душой стремишься рассказать правду, она все равно выходит мучительно, словно раздирает тебя изнутри.

– Та к нельзя... – не веря своим ушам, прошептала она. – Это же ребенок...

– Самый старший из всех, кто выбрался, – хмуро пробурчал в ответ Джейс. – У них нет выбора.

Джулиан тем временем решительно кивнул; он уже стоял, расправив плечи:

– Да, я готов взять в руки этот меч.

Роберт Лайтвуд покинул свое место и приблизился к столу. Подняв меч, он встал напротив мальчика. Контраст между ними был до того разительным, что при иных обстоятельствах вызвал бы смехи: мощный воин в расцвете сил и неуклюжий подросток с веником вместо прически.

Джулиан простер руку и принял оружие. Едва его пальцы сомкнулись на рукояти, как он вздрогнул, сражаясь с болезненным ознобом. Девочка-блондинка дернулась было вперед – Клэри заметила на ее лице выражение полнейшего бешенства, – но Хелен не дала ступить ей ни шагу.

Джия тем временем также прошла вперед и опустилась на одно колено. Странная это была картина: мальчик с мечом, а сбоку от него Консул, чья тога, подолом устлавшая подиум, напоминала лужу разлитого молока, а у противоположного плеча – Инквизитор.

– Джулиан, – сказала Джия, и, хотя голос ее был негромким, по залу пронеслось эхо. – Перечисли тех, кто сейчас находится возле тебя.

Звонким мальчишеским голосом Джулиан произнес:

– Вы. Инквизитор. Моя семья... сестра Хелен, Тиберий и Ливия, Друсилла и Тэйви. То есть Октавий. А еще моя лучшая подруга Эмма Карстейрз.

– Вы все находились вместе во время нападения на Институт?

Джулиан отрицательно помотал головой:

– Кроме Хелен. Она была тут.

– А теперь расскажи нам, что видел. Сможешь? Ничего не пропустив?

Джулиан сглотнул. Мальчик был бледен. Клэри с легкостью представляла ту боль, что он сейчас испытывал, боль и тяжесть меча.

– Это случилось днем, – сказал он. – Мы как раз упражнялись в тренировочном зале. Нам преподавала Кейт. Марк присматривал за порядком. Родители Эммы совершали обычное патрулирование в районе пляжа. И вдруг что-то сильно вспыхнуло.

Я еще подумал, что похоже на молнию или салют. Только... я ошибся. Кейт с Марком сказали, чтобы мы их ждали в тренировочном зале, а сами пошли вниз.

– Но вы ждать не стали? – уточнила Джия.

– Потому что услышали шум битвы. И тогда мы разделились... Эмма побежала за Друсиллой и Октавием, ну а я на Командный пункт... в смысле, в директорский кабинет... чтобы оттуда сообщить обо всем Конклаву. Со мной были Ливия и Тиберий. По дороге пришлось миновать фойе. Там-то мы его и увидели.

– Его?

– Поначалу я решил было, что это тоже Сумеречный охотник. Только он совсем другой. На нем был красный плащ, весь расписанный рунами.

– А поточнее? Какие это были руны?

– Я такие еще не разучивал, но все равно они были... как сказать... неправильные, что ли. То есть не как в «Серой книге». Когда на них смотришь, то начинает подташнивать. И он еще

сбросил капюшон. Волосы светлые-светлые, я даже решил поначалу, что он седой и совсем старый. И только потом понял, что на самом деле это Себастьян Моргенштерн. А еще у него был меч.

– Ты смог бы его описать?

– Ярко-серебристый. По клинку и рукояти узор из черных звезд. Он вынул его из ножен и...

Джулиан поперхнулся, и Клэри чуть ли не кожей ощутила его борьбу с самим собой, когда ужас воспоминаний сражается с необходимостью все пересказать другим, а значит, заново в деталях пережить кошмар. Стиснув кулаки, девушка подалась вперед, не замечая, что ногти чуть ли не до крови впились в ладони.

– Он приставил его к горлу моего отца, – продолжил мальчик. – Кроме Себастьяна там были еще и другие. Тоже в красном...

– И тоже Охотники? – спросила Джия.

– Я не знаю... – Джулиан стал задыхаться. – Кое-кто был в черных накидках. Другие – в обычной униформе, только алого цвета. Я такого никогда не видел. А еще там была женщина с каштановыми волосами, и она держала кубок, очень похожий на Чашу смерти. Она заставила моего отца из него выпить. Он закричал, упал на пол. Брат тоже потом кричал.

– Брат? – встрепнулся Роберт Лайтвуд. – Какой именно?

– Марк, – ответил мальчик. – Они его куда-то вели, а он обернулся и крикнул, чтобы мы бежали наверх и там открыли Портал. Я побежал, только споткнулся на верхней ступеньке, и, когда посмотрел вниз, они все на него накнулись, прямо как... как... – Джулиан всхлипнул. – А отец уже поднимался, и глаза у него стали уже черные, он тоже бросился на Марка, будто не сын он ему...

Голос у него треснул, и в эту секунду светловолосая девочка, вырвавшись наконец из рук Хелен, бросилась вперед и встала между своим другом и Консулом.

– Эмма! – воскликнула Хелен, делая шаг в их сторону, однако Джия вскинула ладонь, прося остановиться.

Эмма задыхалась и была блее полотна. У Клэри мелькнула мысль, что ей еще не доводилось видеть столь сильного гнева в ребенке.

– Оставьте его в покое! – крикнула девочка, раскидывая руки крестом, как если бы хотела защитить Джулиана, хотя и была на целую голову ниже. – Вы же мучаете его!

– Эмма, все в порядке, – сказал Джулиан, чье лицо начинало розоветь, коль скоро допрос на время прекратился. – Так надо.

Она развернулась к другу:

– А вот и нет! Я тоже там была! И тоже все видела. Пусть и меня допросят! – Эмма вытянула обе руки, словно требовала, чтобы ей дали меч. – И между прочим, именно я попала ножом Себастьяну в сердце! Именно я увидела, что он остался при этом жив. Вот меня и спрашивайте!

– Нет-нет-нет... – начал было мальчик, но Джия уже подала голос, все такой же сладкий:

– Ну, конечно, Эмма, мы и с тобой поговорим. Только попозже. Держать Меч смерти немножко больно, но это не страшно, тут главное...

– Знаете что? – сказала Эмма. – Надоели вы мне, сил нет. – И с этими словами она шагнула к Джулиану, который всю прижимал меч к груди.

Было ясно, что расставаться с ним он не намерен. Когда девочка ладонями накрыла его кулаки на рукояти, Джулиан замотал головой – и в результате теперь они оба держали оружие.

– Я метнула нож в Себастьяна, – произнесла девочка звенящим голосом. – А он вынул его из груди и рассмеялся. И сказал: «Жаль, что ты не переживешь этот день. А то смогла бы уведомить Конклав, что Лилит даровала мне необоримую силу. Мою жизнь оборвет разве что меч,

подобный Блистательному. Что ж, тем хуже для нефилимов, что они больше не могут взывать к заступничеству Небес, и те жалкие зубочистки, что они пытаются выковать в своей Адамантовой цитадели, уже не в состоянии мне навредить».

Клэри передернула плечами. В словах, что передала Эмма, был весь Себастьян; он словно встал перед глазами девушки. Аудитория гудела растревоженным ульем, утопив шепот Джейса; Клэри увидела только, как шевелятся его губы.

– Но почему ты так уверена, что попала ему в сердце? Ошиблась, поди? – насупившись, спросил Роберт.

Вместо девочки ответил Джулиан.

– Эмма не умеет промахиваться, – заявил он обиженно-возмущенным тоном, словно его самого только что оскорбили.

– Я знаю, где расположено сердце и что это такое, – сказала девочка, бросив на Инквизитора взгляд, полный гнева... или скорее горечи. – В отличие от вас!

Отступив от Джулиана она бросилась прочь, едва не столкнув Роберта.

Эмма исчезла за боковой дверью, и Клэри непроизвольно втянула воздух сквозь зубы: неужели за ней никто не поспешит, не успокоит? Джулиан явно порывался сделать это, однако сам оказался словно в западне: с одного бока Консул, с другого – Инквизитор, а тут еще Меч смерти, давящий своей тяжестью. Что касается Хелен, то девушка глядела вслед малышке с нескрываемой болью, стискивая в руках самого крохотного члена осиротевшей семьи, Тэйви.

Не в силах вынести все это, Клэри поднялась на ноги. Джослин протянула было руку, но ее дочь уже летела вниз по проходу. Внизу покатый пол перешел в деревянные ступени, девушка прогрохотала по ним, шмыгнула мимо Джии с Робертом, мимо Хелен с детьми, а оттуда напрямик в дверь, за Эммой.

И едва не сшибла Алину, которая, хмурясь и покусывая губы, таилась за полуприкрытой створкой, наблюдая за тем, что происходит в зале. При виде Клэри на ее лице проступило откровенное изумление.

– Ты куда?

– Эмма! – задыхаясь, выпалила Клэри. – Эмма, только что!..

– Ну да, пробежала. Я хотела ее остановить, да куда там!.. – Алина вздохнула и бросила взгляд в зал, где Джия вновь приступила к допросу Джулиана. – Сама понимаешь, что они пережили за последнее время, и дети, и Хелен... Трех лет не прошло, как мать скончалась, и вот, пожалуйста, новая напасть. Из всех родных только дядя остался, да и тот в Лондоне.

– Ты думаешь, детей туда и отправят, когда все кончится? – спросила Клэри.

Алина покачала головой:

– Да вроде нет. Дяде этому предложили возглавить лос-анджелесский Институт, так что есть надежда, что он согласится переехать и воспитывать племянников. Но окончательного согласия он еще не дал. Наверное, не успел отойти от потрясения. Как-никак брат погиб... в смысле, Эндрю Блэкторн не то что бы мертв, но... В общем, это даже хуже смерти.

Ее голос был полон горечи.

– О да, я знаю, – кивнула Клэри. – До мелочей знаю, что это такое.

Алина помолчала, внимательней присматриваясь к ней.

– Пожалуй, – согласилась она. – А кстати, как теперь быть с Хелен, ума не приложу... Чем бы помочь... Она же себя поедом ест, мол, пока была тут, со мной, на Институт напали... Старается как может, но разве она мать всем этим детям? И дядя их еще не приехал, а у Эммы – Ангел спаси ее и сохрани! – того и гляди, нервы сдадут. У нее-то вообще от семьи никого не осталось.

– Вот я и хочу поговорить с ней.

Алина заправила выбившийся локон за ухо; на пальце правой руки блеснуло кольцо Блэкторнов.

– Не будет она ни с кем говорить. Разве что с Джулианом.

– Дай хоть рискнуть, – попросила Клэри. – Пожалуйста.

Алина бросила на нее оценивающий взгляд и вздохнула:

– Ладно. Прямо по коридору, первая дверь налево.

Коридор закруглялся полукольцом, уводя от Зала Совета в глубь здания. Голоса нефилимов становились все глуше и неразборчивей. Стены представляли собой гладкотесаный камень, украшенный гобеленами с различными сценами из славной истории Сумеречных охотников. Первая дверь налево оказалась самой обычной, деревянной, без какой-либо резьбы. Створка прикрыта неплотно, но девушка все равно решила постучаться, чтобы не застать девчушку врасплох.

Комната тоже была заурядной: деревянная панельная обшивка, множество стульев, да еще расставлены кое-как, словно наспех. Чуть ли не приемный покой в какой-нибудь больнице. Воздух спертый – запах нежилого помещения или, во всяком случае, того места, где проводят время вынужденно и к тому же объаты при этом волнением, даже скорбью.

В углу, впритык к стене, стоял стул, на котором и сидела Эмма. Сейчас она казалась еще меньше, чем в громадном зале. Мешковатая футболка не скрывала Метки; на левой руке, что лежала на рукояти короткоклинкового меча – девочка была левшой, как и Джейс, – изображена Руна прозорливости. Приглядевшись, Клэри поняла, что девочка была очень светлой блондинкой, но несмытая грязь делала ее волосы намного темнее. Из-под нечесаных прядей сверкали глаза, в которых читался вызов.

– Ну? – сказала Эмма. – Чего надо?

– Да ничего мне не надо, – пожала плечами Клэри, прикрывая за собой дверь. – Та к только, поговорить немного.

Девочка с подозрением сузила глаза:

– Что, все-таки решили допросить меня на Мече смерти, да?

– Нет. Я сама такое пережила, страшная вещь, врагу не пожелаю. Стыдно, что они взялись мучить твоего товарища. По-другому как-то надо...

– Я вообще считаю, что они просто обязаны были поверить ему на слово, – мрачно заявила Эмма. – Джулиан не врет.

Она метнула в Клэри взгляд, словно ожидала возражений и была готова драться за свои слова.

– Конечно не врет, – охотно согласилась девушка и сделала шаг поближе, будто боялась спугнуть зверька в лесной чаще. – Джулиан твой лучший друг, я правильно понимаю?

Эмма кивнула.

– У меня тоже есть лучший друг. Его зовут Саймон.

– Ах вот как? И где он? – Девочка взглянула Клэри за плечо, словно там вот-вот должен был материализоваться неизвестный ей юноша.

– В Нью-Йорке, – сказала Клэри. – И я очень по нему скучаю.

Эмма кивнула с понимающим видом, будто именно такого ответа и ожидала.

– Джулиан тоже был в Нью-Йорке, – сообщила она. – И я так соскучилась, что взяла с него слово: чтоб без меня ни ногой. Никуда и никогда.

Клэри фыркнула, придвинулась ближе.

– Какой красивый меч, – сказала она, показывая на клинок, лежавший у Эммы поперек колен.

Выражение лица девочки немного смягчилось. Она коснулась лезвия, несшего изящную гравировку из переплетенных рун и листвы. Эфес был выполнен из золота, а вдоль стальной кромки бежала вязь: *«Я – Кортана, той же стали и закалки, что Жуаёз и Дюрандаль»*.

– Отцовский. Передавался у нас в семье из поколения в поколение. Знамени-итый... – добавила она гордо. – Старая работа.

– *Той же стали и закалки, что Жуаёз и Дюрандаль*, – задумчиво прочитала вслух Клэри. – Мечи хоть куда... А ты знаешь, кто владел знаменитыми клинками?

– Кто?

– Исключительно герои, – сказала Клэри, усаживаясь на пол, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

Эмма нахмурилась.

– Я не герой, – заявила она. – Потому что ничего не сделала для спасения отца Джулиана. Или его брата, Марка.

– Я тебе очень, очень сочувствую, – сказала Клэри. – Я знаю, как это – потерять близкого, родного человека. Увидеть, как он уходит в Темноту. Становится кем-то... чем-то иным.

Однако Эмма отрицательно помотала головой:

– Нет-нет, Марк не ушел в Темноту. Его просто увели.

– В каком смысле? – нахмурилась девушка. – Куда увели?

– Они не стали поить его из Чаши. Кровь-то у него фейрийская, не подходит, – объяснила девочка, и Клэри припомнила, как Алек однажды обмолвился, что в семейном древе Блэкторнов был кто-то из числа Дивного народца. Словно предвосхищая следующий вопрос, Эмма рассудительно добавила: – Такая кровь только у Марка и Хелен. У них общая мать. Оставила их еще маленькими на руках у мистера Блэкторна. Джулиан и остальные – им сводные. Мать-то другая.

– М-м... – неопределенно кивнула Клэри, опасаясь, как бы эта девочка, и без того успевшая столь многое перенести, не приняла ее за шпионку, подосланную Советом выведать побольше. – Да, мы с Хелен знакомы. А Марк очень на нее похож?

– Еще как! У них обоих такие ушки заостренные и волосы светлые-пресветлые. Остальные-то Блэкторны куда темнее, правда? А Тай и вовсе чернявый. Никто понять не может: как так вышло? У Ливви каштановые волосы, а она-то ему близняшка!

На щеки девочки возвращалась розовая краска, лицо оживилось; было видно, что ей нравится рассказывать про семейство Блэкторнов.

– Та к ты говоришь, Марку не дали пить из Чаши? – напомнила Клэри. Про себя она удивилась, что Себастьяну отчего-то было не все равно. Брат, конечно, никогда не отличался фанатичностью Валентина, коль скоро речь заходила про нежить, но, с другой стороны, и любовью к ним отнюдь не пылал. – Уж не оттого ли, что заклятие не работает, если у кого-то кровное родство с нежитью?

– Может быть, – согласилась Эмма.

Клэри сочувственно положила руку девочке на плечо. Следующий вопрос будет жестоким, но не спросить тоже нельзя...

– А твои родители... Он ведь не превратил их в Помраченных?

– Нет... нет... – прошептала Эмма трясущимися губами. – Они погибли. Их не было в Институте во время нападения, потому что они расследовали сообщение о демонической активности в другом месте. После атаки их выбросило волнами на пляж. Я ведь могла пойти с ними, но мне хотелось остаться в Институте. Вместе потренироваться с Джулсом. А вот если бы пошла...

– То и тебя бы нашли на том пляже, – сказала Клэри.

– Откуда ты знаешь? – Глаза девочки сверкнули, в них читалось, что она хотела быть рядом с родителями в страшную минуту, хотела защитить их.

– Я вижу, из тебя получится отличный Сумеречный охотник, – сказала Клэри. – Я вижу твои Метки. Вижу шрамы. И то, как ты держишь свой меч. Если ты так ловка в своем возрасте, могу представить, какими умелыми воинами были твои родители. А это значит, что ты не смогла бы спасти их. – Она легонько коснулась меча. – Герои не всегда побеждают, – продолжила она, – они порой тоже терпят поражение. Но никогда не опускают руки. Не сдаются, понимаешь? Вот почему они герои.

Эмма сделала прерывистый вдох, и в этот миг раздался дробный стук в дверь. Клэри обернулась вполоборота и увидела Джейса. В неярком свете волосы у него отливали темным золотом, а глаза лишь на долю оттенка были светлее. Девушке показалось, что она видит огонь внутри него, подсвечивающий кожу и вены.

Эмма, стиснув свой меч, испуганно смотрела на него.

– Заседание Совета подошло к концу, – сообщил Джейс. – И сдается мне, Джия не в восторге, что ты удрала. Что вы обе удрали, – добавил он.

– То есть жди неприятностей, хочешь сказать? – спросила Клэри.

– Да ты из них не вылезает, – улыбнулся Джейс. – Ладно. Не переживай, обойдется... Слушай, мы уже уходить собрались. Ты как, с нами?

Девушка помотала головой:

– Встретимся позже, я найду к вам домой. Там и расскажете, что было решено на Совете.

Парень помедлил.

– Приходи с Алиной или Хелен, – посоветовал он. – И кстати, дом Консула на той же улице, что и наш дом...

Он дернул молнию, рывком застегивая куртку до самого горла, и выскользнул из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Клэри повернулась к Эмме, которая не сводила с нее глаз.

– Ты разве знакома с Джейсом Лайтвудом? – прошептала девочка.

– Ну да. А что тут особенного?

– Ой, он ведь такой знаменитый! – воскликнула Эмма с нескрываемым восторгом. – Лучший Охотник из всех! Самый лучший-прелучший!

– Мы с ним друзья, – кивнула Клэри, отметив про себя, что беседа принимает неожиданный оборот.

Эмма подарила ей насмешливо-снисходительный взгляд:

– И не только.

– С чего ты взяла?

– Я же не слепая. Видела, как он на тебя смотрел. А потом, всем известно, что у Джейса Лайтвуда есть близкая подруга, которую зовут Клэри Фрэй. Кстати, а почему ты не назвалась, когда пришла?

– Ну-у... подумала, что тебе мое имя все равно ничего не скажет... – ответила Клэри, удивляясь неожиданному напору.

– Ничего, я не дурочка, – заявила Эмма таким сварливым тоном, что девушке пришлось даже встать на ноги, чтобы спрятать невольный смех.

– Да уж, не дурочка. Ты очень сообразительна, – кивнула она. – И я, кстати, рада, что теперь ты знаешь, кто я. Потому что можешь прийти поговорить в любое время. Не просто о том, что произошло в Институте, а обо всем, о чем душа попросит. А еще у тебя появится возможность пообщаться с Джейсом. Тебе рассказать, как нас найти?

Эмма качнула головой.

– Нет, – ответила она, и ее голос вновь стал тихим. – Я знаю, где находится их дом.

– Ну и хорошо.

Клэри сложила руки на груди, по большей части для того, чтобы не дать себе обнять ребенка. Вряд ли Эмме это понравится, во всяком случае, в ее нынешнем состоянии. Она повернулась к выходу.

– У подружки Джейса Лайтвуда должен быть настоящий меч, я считаю, – внезапно заявила Эмма, и Клэри непроизвольно глянула на клинок, который прицепила к поясу нынешним утром. Старенький меч, который она захватила заодно с нью-йоркскими пожитками.

– А этот что, не годится разве? – коснулась она рукояти.

Эмма помотала головой:

– Ни в коем случае.

Тон девочки был до того серьезным, что Клэри все-таки не сдержала улыбку:

– Ну ладно, приму к сведению.

Когда Клэри постучалась в дверь жилища Инквизитора, ей открыл сам Роберт Лайтвуд.

Девушка на миг застыла, не вполне понимая, что следует сказать. Ей еще не доводилось беседовать с отчимом Джейса, можно сказать, она вообще его не знала. Он вечно держался в тени, порой в буквальном смысле, предпочитая стоять за Маризой, опустив руку на спинку ее стула. Это был крупный, темноволосый мужчина с аккуратно подстриженной бородкой. Девушка знала, что Роберт входил в Круг Валентина и был в свое время дружен с ее отцом, но это знание было отстраненным, как будто речь шла о ком-то другом. Лицо Роберта избороздили морщины, да и челюсть очень уж жестко посажена, что не позволяло воображению представить его молодым.

Когда он поднял на нее взгляд, Клэри обнаружила, что глаза у него в действительности были не черные, а синие, только очень темного оттенка. Выражение лица не изменилось ни на йоту, хотя неодобрительность можно было чуть ли не руками пощупать. Похоже, не только Джия была раздосадована ее побегом из Зала Совета вслед за Эммой.

– Если ты ищешь моих детей, – промолвил Роберт, – то они наверху. – Он замолчал, демонстрируя явное нежелание общаться.

Девушка прошла в пышно обставленную гостиную. Официальная резиденция Инквизитора и членов его семьи была весьма внушительной, с высокими потолками, тяжелой, дорогостоящей мебелью. В доме хватало места для арочных галерей, парадной лестницы и громадной люстры, которая висела на массивной цепи, освещая пространство тускловатым светом. Клэри рассеянно задалась вопросом, где сейчас Мариза и по душе ли ей все эти помпезные хоромы.

– Спасибо, – запоздало бросила она через плечо.

Роберт Лайтвуд пожал плечами и растворился в тени.

Почувствовав облегчение, Клэри взбежала по лестнице, перескакивая через ступеньку, затем, преодолев коридор и несколько поворотов, добралась наконец до верхнего этажа. Одна из дверей была прикрыта не полностью, из комнаты доносились голоса.

Постучавшись для приличия, она шагнула внутрь. Стены комнаты, которая напоминала скорее мансарду, были выбелены; в одном из углов стоял тяжелый старомодный шкаф с распахнутыми дверцами. На одной створке висела одежда Алека, практичная, хотя и небрежно подобранная; на противоположной дверце – униформа Джейса, элегантная, выполненная в строгих серо-черных тонах. А вот поясные ремни, ножны и прочая боевая экипировка у обоих была сложена в аккуратные стопки на полу.

Клэри усмехнулась, сама не понимая отчего. Было что-то трогательное в том, что Алек и Джейс делили общую комнату. Интересно, а они по ночам тоже не дают друг другу уснуть разговорами, как это происходит у них с Саймоном?

Алек и Изабель сидели рядышком на подоконнике. За их спинами Клэри видела закатные краски, отражавшиеся в воде канала. Джейс с ногами лежал на кровати, не обращая внимания, что ботинки могут перепачкать бархатное покрывало.

– Надеюсь, они все-таки решили, что нельзя просто сидеть и ждать, когда Себастьян атакует другие Институты, – говорил Алек. – С таким же успехом можно в нору забиться. Но Сумеречные охотники не прячутся!

Джейс потерся щекой о плечо; выглядел он усталым, белесые волосы растрепаны.

– Надо же, – задумчиво сказал он. – А вот мне сдается, мы только этим и заняты. Себастьян где-то там, мы сидим тут. Под удвоенной защитой оберегов. Все Институты до единого опустели.

Охранять мир от демонов уже некому. *Кто усторожит сторожей, а?*

Алек вздохнул и потер лицо:

– Будем надеяться, это ненадолго.

– Даже вообразить трудно, что может случиться, – сказала Изабель. – Мир без Сумеречных охотников. Демоны на каждом шагу. Нежить друг на друга насккивает.

– Был бы я Себастьяном... – начал было Джейс.

– Лучше не надо. Хватит нам одного, – оборвала Клэри его размышления вслух.

Все обернулись в ее сторону. Алек с Джейсом были разительно не похожи, в который раз отметила про себя девушка, но порой в их взглядах и жестах проявлялось что-то общее, некое свидетельство того, что они воспитывались вместе. Сейчас оба парня выглядели озадаченными, встревоженными. Изабель же излучала просто усталость и расстроенные чувства.

– Ну что? – сказал Джейс вместо обычного приветствия и криво усмехнулся. – Как там Эмма?

– Да ничего, держится, – повела плечом Клэри. – Ты лучше расскажи, что и как было, когда я убежала из Зала Совета.

– Ну, допрос к тому времени уже подходил к концу. В общем, за нападениями, судя по всему, и впрямь стоит именно Себастьян. А за ним, в свою очередь, не самая маленькая армия Помраченных. Сколько конкретно, никто сказать не может, хотя есть смысл предположить, что все без вести пропавшие на его стороне.

– Но все равно нас больше, – вставил Алек. – У него лишь те, с кем он начинал эту войну, плюс шесть захваченных Институтов. Зато у нас все остальные.

В глазах Джейса мелькнула тень.

– Себастьян это знает, – буркнул он. – И можешь не сомневаться, он с точностью до последнего солдата знает, сколько у него воинов. С кем, как и когда он может помериться силами, а с кем нет...

– Нежить на нашей стороне, – не уступал Алек. – Завтрашнее совещание как раз на эту тему, верно ведь? Переговоры с представителями, укрепление союза... такие вот вещи. А раз теперь мы знаем, чем занят Себастьян, можем приступить к разработке стратегии – скажем, ударить по нему с помощью Детей ночи, фей Летнего двора, ведьмаков...

Взгляды Клэри и Джейса встретились в безмолвном диалоге. *Ну конечно, раз мы теперь знаем, что Себастьян затеял, он сделает совсем другое. Неожиданное и неочевидное.*

– А потом все взялись обсуждать Джейса, – встряла Изабель. – Чего и следовало ожидать, сама понимаешь.

– Джейса? С чего вдруг? – Клэри присела в изножье кровати Джейса. – Что в нем такого особенного?

– Потому что народ принялся спорить, можно ли считать Себастьяна неуязвимым, и если да, то в какой степени. Можно ли нанести ему раны, в каких случаях они окажутся смертельными и так далее. К примеру, Меч Ангела, Блистательный, мог бы это проделать благодаря Небесному огню, который в нем заключался, но вся беда в том, что единственным источником Небесного огня теперь является небезызвестный тебе...

– Джейс, – мрачно кивнула Клэри. – Сами знаете, Безмолвные братья уже пытались отделить от него огонь, да не вышло. По той простой причине, что огонь поселился у него в душе... Ну, хорошо, и до чего они договорились? Возьмут Джейса за ноги и примутся колотить им по Себастьяну до потери пульса?

– Знаешь, брат Захария примерно так и выразился, – вставил Джейс. – С меньшим, правда, ехидством в голосе.

– Короче, дело закончилось обсуждением, как изловить Себастьяна живым. И можно ли

уничтожить всех Помраченных скопом. А еще можно ли заточить Себастьяна в какую-то темницу, где было бы все равно, неуязвим он или нет, – не выдержал Алек.

– Сунуть в алмазный гроб и зашвырнуть на дно морское, – предложила Изабель. – Кто «за»?

– В общем, когда им надоело обсуждать мою скромную персону, – сказал Джейс, – что лично мне было, конечно, интересно, они задались вопросом врачевания Помраченных. Ассигновали Спиральному лабиринту невообразимую сумму за способ снять заклятие Чаши ада.

– Я считаю, им бы лучше озаботиться не лечением, а уничтожением этих... существ, – жестко высказалась Изабель.

– Среди Помраченных очень много тех, кого члены Совета знают лично, – возразил Алек. – Это естественно, что их хотят вернуть к нормальной жизни.

– Да? Зато я хочу вернуть моего собственного младшего брата! – вскинулась Изабель. – Неужели Совет до сих пор не понял, что натворил Себастьян? Он же их всех убил! Я Помраченных имею в виду. Убил все человеческое, что в них заключалось, а оставил демонов, которые бродят теперь в их коже, как в маскарадных костюмах. Нам лишь кажется, что мы их знаем, а на самом деле это лишь оболочка...

– Успокойся, – требовательно сказал Алек. – Забыла, что родители в доме? Сейчас прибегут.

– Ага, – кивнула Изабель, – в доме они... Сидят по своим комнатам, лишь бы подальше друг от друга.

– Изабель. Это не наше с тобой дело, где и как они спят.

– *Они наши родители.*

– Да, но у них есть своя жизнь, – возразил Алек. – И мы обязаны это уважать, не лезть в их дела. – Он потемнел лицом. – Ты же знаешь, как много пар разводится, когда гибнет ребенок.

Изабель всхлипнула.

– Иззи?... – Алек с опозданием сообразил, что зашел слишком далеко. Упоминание о Максе действовало на сестру сильнее, чем на любого из Лайтвудов, даже на Маризу.

Девушка бросилась вон из комнаты, хлопнув за собой дверь.

Алек обеими руками вцепился себе в волосы, отчего они встали дыбом, как перья у селезня.

– Черт бы меня побрал... – пробормотал он и тут же осекся. Он редко позволял себе ругаться, да и то скорее бурчал, чтобы другие не слышали.

Бросив на Джейса виноватый взгляд, он пошел вслед за сестрой.

Джейс вздохнул, сбросил свои длинные ноги с кровати и встал. Затем потянулся как кошка, хрустнул плечами:

– Похоже, моя очередь провожать тебя домой.

– Ничего, сама дойду.

Он покачал головой, стаскивая висевшую на спинке кровати куртку. Было что-то нетерпеливое в его движениях, что-то хищное и загоняемое внутрь, отчего у Клэри побежали мурашки.

– Я все равно собирался ноги размять. Так что пойдем.

– Битый час дожидаемся. Ну и где они? – ныла Майя. Она полулежала на кушетке в квартире Джордана и Саймона, устроив босые ступни у Джордана на коленях.

– Говорил же, не надо заказывать тайское, – рассеянно отозвался Саймон. Он сидел на полу и возился с контроллером игровой приставки: та отказывалась работать вот уже несколько дней. В очаге тлело полено. Как и за всем прочим в этой квартире, за камином никто не следил, и комнату частенько застилало едким дымом. Джордан постоянно сетовал на холод, сквозняки, на щели в стенах и оконных переплетах, а также на хозяина квартиры, который пальцем о палец не ударил, чтобы хоть что-то отремонтировать. – Эти субчики из доставки вечно опаздывают.

Джордан добродушно ухмыльнулся:

– А тебе-то что? Ты все равно не ешь.

– Зато уже пью, – напомнил Саймон. И это правда. Он приучил свой желудок принимать почти любую жидкость – молоко, чай, кофе, – хотя твердая пища до сих пор вызывала у него рвотный рефлекс. Сомнительно, конечно, что напитки давали ему хоть что-то по части питательной ценности, ведь на это была способна лишь человеческая кровь, однако он, по крайней мере, мог хоть что-то пригубить в общественном месте, не перепугав окружающих до смерти. Вздохнув, Саймон отбросил контроллер. – Похоже, накрылась эта штукавина. Раз и навсегда. Что делает меня жутко счастливым, раз уж денег на покупку новой у меня нет.

Джордан взглянул на друга. Переезжая к нему на квартиру, Саймон вложил в общий котел все деньги, какие у него были, в общем-то не так уж много. К счастью, транжирой он тоже не был. Кроме того, жильем их обеспечивал «Претор Люпус», и от них же Саймон получал кровь.

– Ничего, зато у меня кое-что есть, – сказал Джордан. – Перезимуем.

– Так ведь это твои деньги, не мои. Ты же не можешь приглядывать за мной до бесконечности, – возразил Саймон, уставившись в синее пламя камина. – И что тогда? Я бы уже в колледж документы подавал, если б... если б не вся эта катавасия, будь она неладна. Мог бы и в музыкальное училище пойти. Или устроиться на работу. А сейчас что? Меня уже никуда и никогда не возьмут. Я на веки вечные так и останусь шестнадцатилетним...

– Гм... – донеслось от Майи. – В жизни не слыхала, чтобы вампиры где-то работали. Вот мы, оборотни, совсем другое дело. Скажем, Бэт подвизается диджеем, а Люк держит книжную лавку. А у вас сплошные кланы, кто чем занимается, непонятно. И ученых, кстати, среди вампиров тоже не сыскать.

– Как и музыкантов, – кивнул Саймон. – Взглянем правде в лицо, отныне моя профессия так и звучит: вампир.

– Сказать по правде, – заметила Майя, – меня несколько удивляет, что вампиры не шныряют по улицам, не охотятся на туристов. Как-никак, а нынче ими командует Морин. Вот уж кто действительно кровожаден.

Саймон поморщился:

– Сдается мне, кто-то из клана пытается ее обуздать. Скорее всего, Рафаэль. Или, к примеру, Лили, она ведь одна из самых сообразительных. И грамотных. Они с Рафаэлем всегда были неразлучны. Зато у меня среди вампиров друзей нет. И вообще, если вспомнить, какую из меня сделали мишень, остается лишь удивляться, что у меня вообще есть друзья.

Он услышал горечь в собственном голосе и бросил взгляд на снимки, которые его сосед по комнате пришил к противоположной стене: вот Джордан в компании друзей, вот на пляже, с Майей. «А не повесить ли мои фото тоже?» – подумал Саймон. И ничего, что, покидая дом матери, он ничего с собой не прихватил, наверняка что-то отыщется у Клэри. Надо будет забрать у нее и хоть немножко обжить квартирку. Ему нравилось делить кров с Джорданом, да и место казалось уютным, но все же этот дом не был настоящим. Не давал ощущения постоянства, не производил впечатление точки опоры.

– Своей кровати и то нет, – вслух сказал он.

Майя обернула к нему лицо:

– Саймон, ты чего? Все из-за нее, да? Потому что Изабель ушла?

Он дернул плечом:

– Сам не пойму. В смысле, конечно. Скучаю по ней, но... Клэри сказала, дескать без «эрвэтэ» не обойтись.

– «Расставить все точки», – понимающе кивнула Майя и махнула ладошкой на недоуменный взгляд Джордана. – Эх ты, темнота! Это значит определиться, вправду ли пару можно считать

парой. А как иначе? Без этого не обойтись.

– Как так получается, что все поголовно в курсе новомодных сокращений, кроме меня? – вслух пожаловался Саймон. – А потом, откуда я знаю, хочет ли Изабель быть моей подружкой?

– Вот этого я тебе сказать не могу, – развела руками Майя. – Девичий кодекс чести. Сам спроси.

– Каким образом? Она же в Идрисе.

– Значит, спросишь, когда вернется.

Саймон отмолчался, и Майя более мягким тоном добавила:

– Да вернется она, не скули. И Клэри тоже. Там всего-то простое совещание.

– Не знаю, не знаю... Над Институтами нависла опасность...

– Как и над тобой, – вставил Джордан. – И вот почему за тобой приглядываю я.

Майя бросила на него взгляд. В ее взгляде было что-то непривычное, чему Саймон не мог подобрать название. Последнее время он заметил, что между ней и Джорданом происходит что-то особенное, словно девушка держала дистанцию и в то же время задавала какой-то вопрос глазами, когда смотрела на своего ближайшего друга. А Джордан? Уж не заметил ли он, что Майя отстраняется – кстати, теперь Саймону показалось, что это видно невооруженным глазом, – или просто решил быть при своем до конца?

– А ты бы остался светолубом? – спросила Майя, вновь переключая внимание на Саймона. – В смысле, если б умел управлять этим свойством?

– Сам не знаю.

Он не раз задавался тем же вопросом, потом решил не морочить себе голову: какой смысл беспокоиться о вещах, которые тебе неподвластны? Быть светолубом – все равно что объявить себя ходячей золотой жилой. Потому что другим вампирам очень хочется отведать твоей крови, ведь тогда они тоже смогут свободно разгуливать при дневном свете. Но было и множество тех, кто желал Саймона прямо-таки изничтожить, коль скоро среди вампиров бытовало поверье, что светолубы попросту омерзительное извращение, которое надо вырывать с корнем. На память пришли слова Рафаэля, которые тот сказал на крыше одной из гостиниц Манхэттена: *«Ты, светолуб, лучше молись, чтобы не утратить свой Знак до начала войны. Потому что за твоей головой выстроится целая очередь. И первым в ней буду я»*.

И все же, и все же...

– Я бы скучал по солнцу, пропади это свойство, – промолвил он. – Жизнь при дневном свете позволяет хоть в чем-то ощущать себя человеком.

В глазах Джордана блеснула искорка отраженного пламени. Он усмехнулся:

– Боюсь, звание человека во многом выдумка. Перехвалили.

Майя возмущенным рывком сдернула ноги с его колен. Джордан встrepенулcя, обратив к девушке озадаченный взгляд, и в этот миг звякнул дверной звонок.

Саймон первым оказался на ногах.

– Доставка, – объявил он. – Пойду открою. Да не волнуйтесь вы так, – на ходу бросил он через плечо. – На меня уже недели две никто не охотится. Надо думать, потеряли интерес да махнули рукой.

Из-за спины донеслись голоса, но он не стал прислушиваться. Пусть ребята сами обсудят свои проблемы. Саймон повернул дверную ручку, распахивая створку, а другой рукой уже тянулся за кошельком.

В следующее мгновение что-то дернулось, запульсировало у него на груди. Он бросил взгляд вниз – рубиновая подвеска Изабель искрилась кровавыми вспышками – и с места, без разворота, отпрыгнул назад, едва успев избежать цепких пальцев. Из горла Саймона вырвался крик – в дверном проеме маячил долговязый силуэт в алой униформе. Сумеречный охотник с

уродливыми пятнами рун на обеих щеках, крючковидным носом и высоким бледным лбом.

Непрощенный гость что-то прорычал и двинулся на Саймона.

– *Ложись!* – крикнул Джордан, и Саймон, бросившись ничком на пол, тут же откатился в сторону, а над головой тренькнула арбалетная тетива.

Помраченный увернулся с невообразимой ловкостью, и стрела глухо впилась в дверную створку. Джордан чертыхнулся, но тут в коридор метнулась Майя в волчьем обличе.

Когда ее клыки впились в глотку Помраченного, вой боли прозвучал сладкой музыкой. Брызнули алые фонтанчики, наполняя воздух солоноватым привкусом. Поднимаясь на ноги, Саймон не удержался и втянул багряный туман ноздрями, языком раскатывая по нёбу горьковато-вяжущую пряность крови. Он шагнул вперед, а Помраченный тем временем оторвал от своей шеи волчицу. Рычащий, визжащий, бьющийся в исступлении клубок шерсти, когтей и клыков полетел в сторону.

Что-то крикнул Джордан. У Саймона из глотки тоже вырвался низкий хрип, и он почувствовал, как из десен лезут клыки. Помраченный тем временем шагнул навстречу, фонтанируя кровью, однако по-прежнему уверенно. У Саймона в животе шевельнулся комок страха. Он уже видел, как сражаются солдаты Себастьяна, – не забыл, какими быстрыми и сильными они были при Беррене, намного превосходя этими качествами обычных Сумеречных охотников. А ведь он даже не задумывался, насколько им в этом уступают *вампиры...*

– Да не суйся ты! – Джордан дернул Саймона за плечо и чуть ли не швырнул вслед за Майей, которая, похоже, готовилась к новой атаке. Ее шерсть была в крови, желтые волчьи глаза светились бешенством. – Сваливай! Живо! Мы сами разберемся!

Но тот уперся:

– Нет... он пришел за мной...

– *А то я не знаю!* – рассвирепел Джордан. – Для того и поставлен сюда! Я твой телохранитель от «Люпуса»! Вали, говорю, и дай делать мою работу!

Джордан развернулся, вновь взведя арбалет. На сей раз стрела пробила Помраченному плечо. Тот отшатнулся, испустив череду проклятий на непонятном для Саймона языке. «Немецкий, – подумал он. – Берлинский Институт тоже разгромили...»

Мимо Саймона пролетела Майя и на пару с Джорданом накинулась на Помраченного. Джордан успел метнуть в друга свирепый взгляд. Юный вампир кивнул, метнулся в гостиную и распахнул окно, просыпав на пол ошметки старой краски, после чего выбрался на площадку пожарной лестницы, где Джордан держал горшки с волчьим аконитом, который успел изрядно пожухнуть за зиму.

Все в Саймоне вопило, что уходить нельзя, что бросать друзей не годится, но ведь он дал слово Изабель, обещал ей, что не станет мешаться под ногами у Джордана, если тому придется исполнить свои обязанности телохранителя. Поклялся, что не даст сделать из себя мишень. Он сжал в кулаке рубиновую подвеску – камень был еще теплым, словно долго лежал во впадинке у горла, – и пустился вниз по железным ступенькам. Звонкий, скользкий от изморози металл норовил уйти из-под ног; пару раз Саймон едва не навернулся, но вот наконец последний пролет и залитый тенями тротуар.

Мгновением позже он уже стоял в кольце вампиров. Времени хватило лишь на то, чтобы распознать пару знакомых физиономий – эти из клана «Дюмора»: хрупкая, темноволосая Лили и блондинистый Зик, оба скалятся аж до ушей, – прежде чем на голову ему нахлобучили мешок. Шею перехватила бечевка, заставляя раскашляться – не потому, что был перекрыт доступ воздуха, а из-за боли в безжалостно стиснутой гортани.

– Морин просила передать привет, – прозвучал в ухе голос Зика.

Саймон распахнул было рот, чтобы крикнуть, но внезапно навалившаяся тьма не дала издать

и звука.

– Вот уж не знала, что ты такая знаменитость, – сказала Клэри, когда они с Джейсом спускались по узенькой мощеной дорожке вдоль Олдвейского канала.

Дело шло к вечеру, смеркалось, и улицы были полны народу; жители Аликанте спешили по своим делам, кутаясь в теплые плащи, пряча лица от кусачего холода и чужих взглядов.

На небе проступили робкие звезды, покалывая горизонт мягкими иглами света. Искры отразились и в зрачках Джейса, когда он с недоумением взглянул на Клэри:

– Что тут странного? Все знают сына Валентина.

– Это-то понятно... просто когда Эмма тебя увидела, я уж было решила, что ты ее кумир. Герой, так сказать, с обложки «Сумеречного вестника».

– Ты не поверишь, но мне обещали, что снимок выйдет не таким развратным.

– А ты бы меч правильно держал, может, он бы и прикрыл стратегические места, – не осталась в долгу Клэри, и Джейс, не удержавшись, издал смешок. Девушка особенно любила это его фыркание, говорившее о веселом недоумении. Ведь он всегда был таким хладнокровным, сдержанным – подлинное воплощение самоконтроля, и было приятно сознавать, что ты принадлежишь к числу тех немногих, кто способен его расшевелить, пробиться за тщательно сконструированную броню.

– Как она тебе, кстати? Глянулась?

Клэри недоуменно нахмурилась:

– В смысле?

Они пересекали знакомую площадь: мощеную, с коммунальным колодцем, ныне прикрытым каменной плитой, в надежде, наверное, что вода не замерзнет.

– Да я про ту девочку, Эмму.

– Ты знаешь, есть в ней что-то, – признала Клэри. – Заступилась за брата Хелен. За Джулиана. Похоже, ради него она на все готова. Обожает Блэкторнов, к тому же потеряла своих родителей...

– А мне она тебя напомнила.

– Скорее наоборот, – качнула головой девушка. – Это *тебя* она напоминает.

– Потому что я маленький блондин с косичками?

Клэри толкнула его плечом. Ребята вышли на улицу, заставленную торговыми лавками. Магазины, впрочем, были уже закрыты, лишь лучики ведьмино огня просачивались сквозь щели в ставнях. На Клэри нахлынуло чувство, что она угодила в сновидение или городок из сказки, – то самое ощущение, которым ее награждал Аликанте всякий раз, когда она сюда попадала: необъятный небесный купол над головой, старинные здания с резьбой по камню, а над всей панорамой царят прозрачные башни демонов, благодаря которым Аликанте и был известен под именем Города стекла.

– Нет. Потому что она потеряла ближайших кровных родственников, – ответила Клэри, минув витрину с горками аппетитной выпечки. – Теперь, кроме Блэкторнов, у нее никого нет. Ни тетки, ни дядьки... никого, кто бы принял ее в свой дом. За исключением Блэкторнов. И вот почему ей предстоит усвоить урок, который ты уже вызубрил: что люди, которые тебя любят, и есть твоя настоящая семья. А твоей ли они крови, дело десятое. Семья – это те, кто в беде подставляет плечо. Как в свое время сделали для тебя Лайтвуды.

Джейс остановился, и Клэри развернулась, желая взглянуть ему в лицо. Теперь поток прохожих обтекал их с двух сторон. Джейс стоял спиной к узенькому переулку, куда выходила боковая стена одного из магазинов. Метавший по улице ветер трепал светлые волосы, норовил распахнуть незастегнутую на «молнию» куртку; Клэри ясно видела, как бьется жилка на его шее.

– Подойди-ка, – сказал он, и в голосе парня что-то хрипнуло.

Клэри сделала шаг, довольно робкий. Неужели умудрилась чем-то его задеть? Джейс крайне редко на нее сердился, да и то никогда не ходил вокруг да около...

Он протянул руку, осторожно взял Клэри под локоть и повлек за собой, за угол магазина, в сумрак переулка, который изгибался, уводя к каналу на дальнем конце.

Здесь было совершенно безлюдно, а узкий проход блокировал случайные взгляды с улицы. Тени превратили лицо Джейса в маску: резко очерченные скулы, податливая линия губ, золотые львиные глаза.

– Я люблю тебя, – сказал он. – В таких вещах признаюсь крайне редко. Но тебя я люблю.

Клэри прижалась спиной к стене. Холодно; каменная кладка выстужена. При иных обстоятельствах было бы очень неудобно, однако сейчас ей было не до этого. Девушка мягко потянула Джейса к себе, их тела оказались ровно напротив друг друга; они не соприкасались, но все же стояли настолько близко, что Клэри ощущала исходящие от парня волны тепла. Ясное дело, к чему застегиваться, когда у тебя по венам бежит огонь?... Запах черного перца, мыла и морозного воздуха защекотал нос, когда она уткнулась носом ему в плечо.

– Клэри, – промолвил Джейс. Голос как шепот – и предостережение. В нем читалась хрипотца давней тоски по физическому подтверждению близости, по любому, даже малейшему прикосновению.

Он осторожно уперся ладонями в камень, чтобы девушка оказалась в кольце его рук. Волосы Клэри колыхнулись от его дыхания, тела на миг скользнули друг по другу. В ней все дрожало, кожа стала сверхчувствительной, где бы Джейс ни прикоснулся, по ней словно водили крошечными иглами наслаждения пополам с болью.

– Только не уверяй, что ты меня сюда затащил, но целовать не собираешься... потому что я просто не выдержу, – тихо сказала она.

Джейс прикрыл веки. Темные ресницы отбрасывали трепещущую тень на его щеки, напоминая о том ощущении, что царило в кончиках ее пальцев, когда она гладила ему лицо, когда испытывала на себе вес его тела, когда ощущала гладкость его кожи.

– Хорошо, не буду... – сказал он, и Клэри вновь услышала темную хрипотцу под привычной бархатистостью. Мед поверх колючек. Сейчас они стояли настолько близко, что девушка чувствовала, как вздымается у него грудь при каждом вдохе. – Потому что нам все равно этого нельзя.

Она уперлась рукой ему в грудь; под ладонью загнанной в клетку птицей билось его сердце.

– Тогда уведи меня домой, – прошептала Клэри и, подавшись вперед, мазнула губами по уголку его рта. Во всяком случае, такое было у нее намерение; соприкосновение должно было выйти легчайшим, словно бабочка махнула крылом; он тоже подался вперед, и это движение все спутало. Клэри прижалась к нему сильнее, чем хотела, губы в губы, ощутила удивленный выдох... а в следующую секунду они уже целовались по-настоящему, до сладости медленно, до горячки откровенно.

Уведи меня домой... Но ведь здесь и был дом: руки Джейса защитным кольцом вокруг нее, студёный ветер Аликанте в складках одежды, ее пальцы у него на затылке, там, где мягко завиваются кудри. Его ладони по-прежнему упирались в камень за ее спиной, но тело уже подалось вперед, прижимая Клэри; она слышала, до чего прерывистым стало его дыхание. Он не мог коснуться ее руками, но зато для нее таких запретов не было, и она дала себе волю: скользнула пальцами по крепким плечам, затем по груди, следуя рисунку мышц, стиснула складки футболки по бокам, сжимая ткань в горсти. Кончики ее пальцев ощутили голую кожу, и в следующую секунду она уже просунула обе ладони ему под футболку... Она и позабыть успела, до чего нежна его кожа в тех местах, где ее не покрывали шрамы, как под ее прикосновением

играют мускулы у него на спине... Он выдохнул ей в рот; на вкус как чай с шоколадом и солью.

Джейс напрягся, принимая ее поцелуй; он покусывал ей нижнюю губу, затем потянулся к пульсирующей точке у нее на шее, втягивая в себя галопирующее сердцебиение. Его кожа горела у нее под пальцами, *горела...*

Он отпрянул, шатаясь как пьянчужка, и ударился спиной о противоположную стену узенького переулка. Глаза его были широко распахнуты, и на головокружительный миг Клэри почудилось, что в них она увидела пламя – два костра-близнеца в ночи. В следующее мгновение огонь погас, а Джейс, спрятав лицо в ладонях, все не мог отдышаться, как после бега.

– Джейс... – позвала она.

Он уронил руки.

– Обернись и посмотри, – сказал он тусклым, ничего не выражающим голосом.

Клэри оглянулась – и обмерла. Каменная кладка за ее спиной несла на себе два отпечатка, два выжженных следа от его ладоней.

Королева фей покоилась на своем царственном ложе и разглядывала каменный потолок опочивальни. Он был увит вьющимися, шипастыми розами – каждый цветок безупречен и ярко-красен, как кровь. К рассвету все цветы жухли и погибали, но утром их меняли на свежие, и все повторялось сначала.

Феи спят мало, а сновидений и вовсе не ведают, однако Королева обожала комфорт, особенно в спальне. Ее кровать представляла собой массивную каменную плиту с пуховым матрасом под роскошным бельем из шелковистого атласа с тяжелыми бархатными покрывалами.

– Ваше Величество, – сказал лежавший рядом юноша, – а вы не боитесь уколоться об эти шипы?

Она повернула голову, чтобы взглянуть на Джонатана Моргенштерна, чья нагота была едва прикрыта скомканной простыней. Ах да, он просил называть себя Себастьяном, и это желание она уважала: в конце концов, среди фей не принято обращаться друг к другу, произнося истинное имя. Юноша лежал на животе, опираясь подбородком на сложенные руки, и даже тусклый свет не мог скрыть старые рубцы, оставшиеся на спине от кнута.

Королеву всегда интересовали Сумеречные охотники – как-никак, а они были наполовину ангелами, как и, собственно, Дивный народец, так что между ними наверняка найдутся некие родственные узы. Хитрость в том, что она даже помыслить не могла, что доведется повстречать такого Охотника, чье присутствие она сможет выдержать дольше пяти минут: уж очень эти ребята были уверены в своей правоте, до тошноты. Зато Себастьян не такой. Крайне необычный во всем, а уж среди нефилимов такого днем с огнем не сыщешь...

– Не больше, чем ты опасаясь сам себя поранить своим же хитроумием, мой драгоценный, – сказала она. – И потом, ты же знаешь, что я не люблю вот этого «Вашего Величества». Только «моя госпожа», в крайнем случае, «государыня», и никак иначе.

– Я все же заметил, что вы не сильно гневаетесь, когда я говорю «моя прекрасная», – лениво и совсем непочтительно отозвался он.

– Гм, – приподняла она бровь, играя пальцами в густой серебристой шевелюре. Надо же, смертный, а какое прелестное сочетание колеров: волосы, как сталь, глаза, как оникс. На память пришла его сестра: ну ни капельки сходства – и еще меньше элегантности.

– Ты освежился сном? Или еще не в состоянии проснуться?...

Себастьян перекатился на спину и ухмыльнулся:

– Поскребем по сусекам.

Королева нагнулась для поцелуя, и он запустил пальцы в ее огненно-рыжие волосы. Задумчиво разглядывая витой локон, пропустил его сквозь пальцы – алый отсвет скользнул по

израненным костяшкам – и прижал прядь к щеке.

Не успела Королева промурлыкать и полслова, как в дверь спальни кто-то робко стукнул.

– В чем дело? Предупреждаю: если опять какая-то ерунда, я прикажу вас всех скормить русалкам!

Дверная створка приоткрылась, и в опочивальню скользнула одна из младших фрейлин, Кайли Уайтвиллоу, Пикси-приживалка. Она сделала реверанс и пролепетала:

– Госпожа, прибыл Мелиорн и просит аудиенции...

Себастьян покачал головой:

– Вечный труд... Вот оно, царское бремя.

Королева вздохнула и спустила ноги с кровати.

– Зови, – приказала она. – Да, и пусть принесут какое-нибудь платье, а то я озябла.

Кайли поклонилась и была такова. Минутой позже, скромно опустив очи долу, появился рыцарь Мелиорн. Если Себастьяну и пришло в голову, что далеко не всякая королева возьмется принимать гостей, стоя в голем виде посреди собственной спальни, ход дерзких мыслей он ничем не выдал. Смертная женщина, пожалуй, застеняется, засуетится, кинется чем-то себя прикрывать, но Королева фей была гордой особой, к тому же отлично знала, что без одежды сомотрится не менее сногшибательно.

– Мелиорн, – проворковала она. – Ты принес мне новости о нефилимах?

Рыцарь выпрямился во весь рост. Как всегда, на нем были белые доспехи из перекрывающихся панцирных пластин наподобие чешуи. Глаза зеленые, волосы черные и чрезвычайно длинные.

– Государыня, – молвил он и метнул взгляд ей за плечо, на Себастьяна, который невозмутимо сидел в постели, подоткнув простыню по бокам. – Новостей много. Наше новое Темное войско расквартировано в Эдомской крепости в ожидании дальнейших приказаний.

– Ну а нефилимы? – напомнила Королева, и в этот момент в спальню вбежала Кайли, держа в руках платье, сотканное из лилейных лепестков. Владычица Летнего двора скользнула в шелковистую белизну и запахла поплотнее.

– Малолетки, которых мы упустили при атаке в Лос-Анджелесе, дали достаточно показаний, чтобы Совет понял, кто именно стоит за инцидентом, – довольно кислым тоном сообщил рыцарь.

– Да какая разница, – махнул рукой Себастьян. – У них такая привычка, что ли, во всем винить меня одного?

– Дело не в этом, – жестко отрезала Королева. – Самое главное: они опознали наших людей?

– Нет. – Мелиорн позволил себе нотку удовлетворения в голосе. – Дети решили, что все атакующие были из числа Помраченных.

– Впечатляющее достижение, особенно если учесть, что тот блэкторновский юнец наполовину фейр, – заметил Себастьян. – По идее, он должен был что-то почувствовать. Ну да ладно. Какие у вас, кстати, на него планы?

– Раз в нем фейрийская кровь, он принадлежит нам, – сухо ответствовал Мелиорн. – Гуин забрал его к себе, пусть участвует в Дикой охоте. – Он нетерпеливо повернулся к Королеве: – Нам не хватает солдат, но Институты опустошены и нефилимы бегут укрываться в Идрисе.

– Что там с нью-йоркским филиалом? – оборвал рыцаря Себастьян. – Что с моими братом и сестрой?

– Клэри Фрэй и Джейс Лайтвуд уже в Идрисе, – сказал Мелиорн. – Мы пока что не можем до них добраться, не раскрыв наши карты.

Себастьян машинально коснулся браслета. Королева уже отметила про себя, что это вошло у него в привычку – в минуты раздражения и гнева трогать металл на запястье. Гравировка

гласила: *Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo* («Если небесных богов не склоню, Ахерон всколыхну я»^[3]).

– Они мне нужны, – заявил Себастьян.

– Раз нужны, значит, получишь, – заверила Королева. – Я свою часть уговора не забыла. Но ты тоже должен набраться терпения.

Улыбка Себастьяна не коснулась его глаз.

– За нами, смертными, такое водится: приходится спешить, раз уж жизнь не бесконечна.

– Ты не самый обычный смертный, не надо прибедняться, – возразила Королева и повернулась к Мелиорну. – Мой рыцарь, – сказала она, – что ты посоветуешь своей Королеве?

– Нам нужно больше солдат, – в который раз повторил тот. – Мы должны атаковать еще один Институт. Трофейное оружие тоже не помешает.

– Ты же вроде сказал, что все Сумеречные охотники уже в Идрисе? – нахмурился Себастьян.

– Не совсем, – дернул плечом Мелиорн. – В каких-то городах эвакуация затянулась. К примеру, довольно много нефилимов до сих пор остается в Лондоне, Рио-де-Жанейро, Каире, Стамбуле и Тайбэе. Мы просто обязаны захватить как минимум еще один Институт.

Себастьян расцвел, но его ликование было того сорта, который трансформирует изысканный лик в маску жестокости – сплошные зубы, как оскал мантикоры.

– В таком случае я возьму Лондон, – сказал он. – Если, разумеется, это не идет вразрез с вашими планами, о моя прекрасноликая.

Королева фей невольно улыбнулась. Ах, сколько столетий минуло с тех пор, как смертный вызывал у нее улыбку! Она нагнулась за поцелуем и ощутила мужские ладони, скользнувшие по лилейным лепесткам.

– Да, любовь моя, – молвила властительница Летнего двора. – Бери себе этот Лондон. Считай его моим маленьким сувениром.

– Ты как? – спросил Джейс в сотый раз; во всяком случае, так начинало казаться Клэри.

Девушка стояла на крыльце дома Аматаис, в круге света из ближайшего окна. Юноша глядел снизу вверх; руки спрятаны в карманах, словно он боялся дать им волю.

Там, в переулке, он долго смотрел на выжженные следы, оставленные его же ладонями, затем, поправив футболку, выдернул Клэри на главную улицу, в толпу, с таким видом, будто ей воспрещалось находиться с ним наедине. Остаток пути домой прошел почти в полном молчании.

– Да говорю же тебе, я в порядке, – сказала она. – И что ты так переживаешь, в самом деле? Подумаешь, стенку сжег. Не меня же! – Клэри провернулась на каблучках, как если бы демонстрировала обновку. – Ну, убедился?

У него в глазах стояли лужицы тени.

– Если я хоть как-то тебе навредил...

– Не выдумывай. Я тебе не кисейная барышня.

– Понимаешь, мне-то казалось, что я уже беру это дело под контроль, что занятия с Джорданом помогают... – В его голосе сквозило разочарование.

– Все правильно, так и есть. Сам посмотри, ведь у тебя получилось сосредоточить свой огонь именно в ладонях, и это уже прогресс. Я тебя трогала, целовала, но осталась при этом цела. – Она положила руку ему на щеку. – С этой напастью мы справимся вместе. Та к что, пожалуйста, не надо выставлять меня за дверь. И поменьше вот этой вселенской скорби, договорились?

– Эх, только я решил, что на следующей Олимпиаде буду выступать за Идрис в разряде безутешного горя, как вдруг на тебе... – Его тон смягчился, лезвие ненависти к себе притупилось, освобождая место для самоиронии и оптимизма.

– А ты с Алеком поговори насчет парных выступлений, – с улыбкой предложила Клэри. – Возьмете золото, тут и сомневаться нечего.

Он поцеловал ее раскрытую ладонь. По кончикам пальцев махнули его волосы. Казалось, все кругом замерло и умолкло, и девушка готова была поверить, что во всем Аликанте они остались в одиночестве.

– Ты знаешь, что меня беспокоит? – промямлил он, щекоча губами ее кожу. – Что скажет тот дядька, когда выйдет на улицу и увидит, что на стене его лавки выжжены две руки.

– «Интересно, моя страховка это покрывает?» Джейс фыркнул ей в ладонь.

– Кстати, о птичках, – сказала Клэри. – Очередное заседание завтра, так?

Он мрачно кивнул:

– Ну да. Военный совет. В особо узком составе. Самые, понимаешь, сливки генералитета...

Джейс раздраженно поиграл пальцами. Клэри отлично понимала причину такой обиды: он был великолепным стратегом, к тому же одним из лучших воинов, и потому терпеть не мог, когда его не приглашали на совещания по стратегическим вопросам. И уж тем более, подумала она, если речь там пойдет о том, как использовать его внутренний огонь в качестве ударно-наступательного оружия.

– Может, ты подсобишь с одним дельцем? Мне надо в оружейную лавку. Хочу купить себе новый меч. Только хороший, – вдруг спохватилась она.

Джейс удивился, снисходительно хмыкнул:

– Да на что он тебе?

– А то сам не знаешь. Для смертоубийств. – Клэри махнула рукой, надеясь, что этот жест полностью передаст ее намерения в отношении вселенского зла. – Я ведь тоже числюсь Сумеречным охотником, верно? Значит, мне полагается правильное оружие. Или ты так не считаешь?

Улыбка неторопливо расползлась по его лицу.

– Лучшая оружейная лавка из всех – это мастерская Дианы в Кремнистом переулке, – сказал он. – Зайду за тобой в полдень.

– Новое свидание, стало быть, – кивнула Клэри. – Под звон клинков.

– А ты что хотела? Попкорн и киношку?

И с этими словами он скрылся в тени.

Майя вскинула голову, когда хлопнула дверь и в квартиру влетел Джордан, едва не поскользнувшись на гладком паркете.

– Ну? – тревожно выдохнул он. – Хоть что-то?

Девушка помотала головой. После того как им удалось прикончить Помраченного, она обратилась к стае, чтобы те помогли прибраться. В отличие от демонов, Помраченные после своей смерти не испаряются бесследно, и требовалось всерьез засучить рукава. Если все делать по правилам, то полагалось вызвать Сумеречных охотников и Безмолвных братьев, однако сейчас двери Института и Города костей были за семью запорами. Та к что на подмогу явился Бэт с друзьями и пластиковым мешком для трупов, в то время как Джордан, до сих пор кровоточа после схватки, отправился на розыски Саймона.

Пропадал он несколько часов кряду, а когда наконец вернулся, Майе хватило одного лишь выражения его глаз, чтобы понять что к чему. Итак, у подножия пожарной лестницы он обнаружил мобильник Саймона, раздавленный чьей-то ногой и оставленный на месте сродни издевательской записке. И на этом все: Саймон как в воду канул.

Разумеется, после таких событий ночь оказалась бессонной. Майя вместе с Бэтом вернулась в штаб-квартиру стаи, а по дороге ее спутник пообещал – без особой, правда, уверенности, – что попросит волков найти Саймона, а сам попробует (он подчеркнул: *попробует*) выйти на контакт с Аликанте. Действительно, со столицей Сумеречных охотников были определенные способы связи, однако воспользоваться ими могли лишь вожаки стай и кланов.

Майя вернулась в квартиру Джордана на рассвете в полном изнеможении. Она возилась в кухне, когда туда вошел ее друг, прижимая влажное полотенце ко лбу. Девушка взглянула Джордану в лицо и ощутила, как по щекам заструились слезы.

– Нет, – прошептала она. – Никаких известий...

Джордан привалился спиной к стене. На нем была лишь футболка с короткими рукавами, и набитые тушью узоры из Упанишад вились по бицепсам, как вьюнки. Липнувшие ко лбу волосы были мокры от пота, на шее красная ссадина, оставленная лямкой арбалета во вчерашнем бою. В общем, вид не свадебный.

– Поверить не могу, – сказал он в миллионный, наверное, раз. – Прошляпил. Мне доверили Саймона, а я его прошляпил...

– Тут нет твоей вины. – Майя знала, что этими словами не помочь, но все равно не удержалась. – Ты же не можешь без конца отбивать атаки всякой сволочи. Я вообще считаю, что «Люпусу» не следовало поручать тебе это дело, не обеспечив серьезной поддержкой. Сам вспомни: когда Саймон утратил Метку, ты же их просил прислать подмогу, верно? А они как оглохли. Ты сделал все что мог.

Джордан опустил взгляд на свои руки и что-то буркнул. Кажется, «Не все...» Майя понимала, что должна подойти, обнять, посочувствовать. Заверить, что он тут не виновен.

Понимала, но не могла. Ее саму сейчас придавливал груз вины, тяжелый, как рельс, от невысказанных слов саднило глотку. Это длилось уже несколько недель.

Джордан, я должна тебе кое-что сказать.

Джордан, я должна.

Я...

Джордан...

Занавес молчания между ними разорвал телефонный звонок. С великой поспешностью,

чуть ли не суетливо, Джордан полез в карман, выдернул свой мобильник, раскрыл его хлестким движением кисти и поднес к уху:

– Да?...

Майя не сводила с него глаз, до боли в груди навалившись на край кухонного шкафчика. До нее доносилось лишь неразборчивое бормотание на том конце, и к моменту, когда Джордан наконец закрыл телефон, она готова была раскричаться от нетерпения, тем более что в его глазах поблескивал огонек надежды.

– Звонил Тил Ваксельбаум, заместитель вожака из «Люпуса», – сказал он. – Срочно вызывают в логовище. Похоже, принято решение помочь мне в розысках Саймона... Хочешь со мной? Если отправимся прямо сейчас, к полудню успеем.

В его голосе, на фоне неподдельного беспокойства за друга, прорезалась просительная нотка. «Он не дурак, – подумала Майя. – Чувствует: что-то явно не в порядке. Знает...»

Она набрала в грудь побольше воздуха. Рвавшие наружу слова: *Джордан, нам надо поговорить*, – душили, не давали сглотнуть, но девушка загнала их внутрь. Сейчас наивысшим приоритетом была судьба Саймона.

– Конечно, – кивнула она. – Конечно, поехали вместе.

Первое, что увидел Саймон, были настенные обои, что не так уж и плохо. Простые бумажные обои, довольно старомодные. К тому же обшарпанные. И заплесневелые. Но в целом не самая страшная вещь, которая попадалась ему на глаза за прошедшую жизнь. Он пару раз мигнул, фокусируя взгляд на полосках, что вдоль и поперек секли орнамент из цветочков. Ушло не менее секунды, чтобы сообразить, чем эти полосы являются.

Он за решеткой.

Саймон тут же перекатился на бок и вскочил на ноги, даже не тратя время на определение размеров клетки, в результате чего больно приложился макушкой о стальные прутья «потолка» и непроизвольно осел на четвереньки, мотая головой и чертыхаясь.

Лишь сейчас он увидел, во что был одет.

Вместо привычной футболки – белоснежная романтическая блуза с широкими рукавами и кружевной отделкой. Но более всего озадачивали черные лосины.

Из глянцевой обливной кожи.

В обтяжку.

Обмирая, Саймон присмотрелся еще раз. Та к и есть, на рубаше всамделишные кружева. Клин глубокого выреза, обнажающего грудь. И эти пикантные лосины...

– Ну почему, – высказался он по истечении минуты скорбного молчания, – почему всякий раз, когда мне кажется, что я дошел до точки, дело принимает еще более скверный оборот?

Тут, словно по команде режиссера, отворилась дверь, и в комнату впрыгнуло миниатюрное создание; какая-то темная фигура в коридоре тут же захлопнула дверь со скоростью тренированного агента секретной службы.

Существо, проникшее в узилище, на цыпочках прогарцевало к решетке и сунуло мордочку меж прутьев.

– Са-аймон... – проблеяло оно.

И хихикнуло.

Морин.

В обычных обстоятельствах – если похищение и заточение под замок можно назвать обычным делом – Саймон как минимум попросился бы наружу, рискнул бы выклянчить ключ, воззвал бы к милосердию. Но только не сейчас: что-то в облике Морин подсказало ему, что старания будут напрасны. Говоря конкретнее, на это намекал ее венец. Костяной. Из фаланг

пальцев. Возможно, даже пальцев ног. Мало того, венец был усыпан самоцветами и блестками, подозрительно походившими на битое бутылочное стекло. Гарнитур дополнялся драным серо-розовым бальным платьем с широченным колоколом ниже талии, который напомнил юноше о костюмированных пьесах на сюжеты восемнадцатого века. Подобное одеяние не может не внушать тревогу.

– Привет, – опасливо сказал он.

Морин улыбнулась и еще глубже просунула мордочку.

– Как тебе нравится свой наряд? – пискнула она. – Я целый гардероб для тебя приготовила. Есть и сюртук, и килт, и много-много чего еще, но я хотела, чтобы ты для начала походил вот в этом. А еще я сама сделала тебе макияж. Правда-правда, никто не помогал! Ни вот столечки!

Саймону не потребовалось зеркало, чтобы увидеть собственные подведенные глаза. Скорбное знание пришло сразу и в полном объеме. Как краткая, но выразительная телеграмма о кончине близкого родственника. Как булыжник, угодивший в лоб.

– Морин...

– А сейчас я делаю для тебя ожерелье, – не слушая пленника, щебетала она. – И надо побольше драгоценностей. Хочу, чтобы ты носил *браслеты* – обожаю, не могу! – на *запястьях*!

– Морин, где я?

– У меня.

– Ясно. А где *мы*?

– Отель-отель-отель...

Не иначе, «Дюмор». Гм... Похоже на правду.

– Ясно, – вновь кивнул он. – И... и почему я в клетке?

Морин тихонько напевала себе под нос, поглаживая стальные прутья. Девочка, затерянная в своем внутреннем мире.

– Саймон-Саймон-Саймон, наконец мы вместе, навсегда, навек...

– Морин...

– Это твоя комната, – выпалила она. – Выйдешь из нее, когда будешь готов. У меня много чего есть для тебя. Кровать. И еще разные вещи. Несколько стульев. Тебе понравится. Маэстро! Музыку!

Она закружилась, едва не вывихнув себе ногу под непривычным весом платья.

Все в Саймоне теперь умоляло поаккуратнее подбирать слова. Юноша знал, что при желании способен обрести убедительный голос. Бархатного тембра. Такой понимающий. Сопереживающий.

– Морин... знаешь... ты всегда мне очень нравилась...

Эти слова словно по щелчку остановили кружение; отроковица вновь вцепилась в прутья.

– Ничего, не торопись, – промолвила она с ласковостью, от которой брала жуть. – Тебе просто нужно время. Всего-то. Ты научишься, вот увидишь. К тебе придет любовь. Все равно мы уже вместе. Станем править. Ты и я. Ты будешь править моим царством. Потому что я царица.

– Царица?

– Царица. Самодержавная владычица ночи, царица Морин. Хозяйка темноты. Повелительница мертвых. Царица Морин.

Из настенной лампы она извлекла свечу и вдруг ткнула ее между прутьями, более-менее целясь в сторону Саймона. Наклонила и стала с улыбкой следить за белесой каплей воска, тут же застывавшего на некогда алом, ныне гнилом ковре. От усердия прикусив нижнюю губку, она выписывала запястьем какой-то узор, соединяя капли едиными линиями.

– Ты... царица?... – тускло повторил Саймон. Юноша знал, что с некоторых пор Морин возглавляет нью-йоркский клан вампиров. Как-никак, а она убила Камиллу и заняла ее место.

Но в том-то и дело, что руководителей кланов никто и никогда не именовал самодержавным титулом. Они даже одевались, как все, как Рафаэль, к примеру, а вовсе не щеголяли в вычурных одеяниях. Просто занимали ответственный пост, играли важную роль в сообществе вампиров. Администраторы.

Но вот Морин оказалась не такой. Да она и была принципиально иной: ребенком. Несовершеннолетней нежитью. Перед внутренним взором Саймона встали ее огромные глаза, вязанные нарукавники с яркими радужными полосками, а в ушах вновь зазвучал чуточку сопливый голос. Она была совершенно невинным созданием, простой школьницей, когда Саймон ее укусил. А потом ею занялись Камилла и Лилит: впрыснули зло в ее вены, вымыв всю невинность, заменив на безумие.

И ответственность за это нес он. Если бы Морин не была с ним знакома, если бы не следовала по пятам как собачонка, ничего бы с ней не случилось.

Морин кивала и улыбалась сама себе, целиком уйдя в создание на полу крошечного вулканчика из воска.

– Мне пора по делам, – вдруг заявила она и уронила горящую свечу, которая еще не успела погаснуть, когда девочка кинулась к двери.

Ей отворила все та же стремительная темная фигура. Мгновение спустя Саймон вновь остался один, в идиотских кожаных лосинах, рядом с дымящейся свечой, придавленный чудовищной виной на плечах.

По пути в «Претор Люпус» Майя хранила молчание; солнце тем временем поднималось все выше, а пейзаж за окном машины, представленный сначала Манхэттеном с его толпами, уступил место пробкам лонг-айлендского хайвея, а затем буколическим городишкам и фермам Нортфорка, откуда до «Люпуса» было рукой подать. Слева голубоватой льдистостью отливала поверхность Саунда, чуть подернутого рябью под пальцами ветра. Девушка на миг представила себе прыжок в эти воды и зябко передернула плечами.

– Ты в порядке?

Джордан почти всю дорогу молчал. В машине сквозило, и он сидел в кожаных водительских перчатках, которые не скрывали побелевшие костяшки рук, вцепившихся в баранку. Майя чуть ли не физически ощущала тревогу, волнами исходившую от него.

– Нормально все, – сказала она, что было неправдой. Ее беспокоила ситуация с Саймоном, к тому же она до сих пор сражалась со словами, которые стояли у нее поперек глотки. Не тот момент, чтобы их произносить, это понятно – ведь Саймон пропал, – и все же с каждой новой секундой девушке казалось, что она выпаливает очередную порцию лжи.

Они свернули на длинную дорогу с белым покрытием, которая тянулась далеко вперед, до самого Саунда. Джордан кашлянул.

– Ты же знаешь, что я тебя люблю.

– Знаю, – негромко сказала Майя и подавила желание добавить: «Премного благодарна».

Не полагается говорить такие вещи в ответ на признание в любви. Наоборот, полагается произнести то, что другой ожидает услышать, тем более это так очевидно...

Она бросила взгляд за окно – и даже вздрогнула, выбитая из размышлений:

– Джордан, смотри! Снег пошел!

– Вот уж вряд ли.

Однако в воздухе действительно плыли белые хлопья, липли к лобовому стеклу. Джордан остановил машину, покрутил рукоятку стеклоподъемника и высунул руку. Через пару мгновений его лицо помрачнело.

– Говорил же. Не снег это. Пепел.

У Майи екнуло сердце, когда пикап свернул за поворот под скрежет коробки передач. Перед ними, в том направлении, где на сером фоне полуденного зимнего неба должно было встать золотистое здание штаб-квартиры «Претора Люпуса», торчал столб черного дыма. Джордан выругался, резко вывернул руль влево, и пикап тут же угодил в придорожную канаву; мотор, обиженно кашлянув, заглох. Юноша ногой выбил дверцу и спрыгнул на землю, еще через секунду его примеру последовала Майя.

Штаб-квартира стаи была возведена на просторном лугу, который мягко спускался к Саунду. Центральный корпус был сложен из золотистого камня в романском стиле, с арочными портиками. Вот именно что был. Потому что сейчас на его месте высилась лишь груда развалин с почерневшими стропилами, которые торчали во все стороны, как обугленные кости в крематории. Сад, разбитый неподалеку, заметало пеплом и каким-то белесым порошком. Майя раскашлялась, вдохнув едкого воздуха, и поспешила прикрыть лицо ладонью.

У Джордана поседели брови от пепельных хлопьев. Он ошеломленно озирался по сторонам, всем своим видом выражая потрясение и неверие.

– Как же... что ж это...

Уголком глаз Майя заметила какое-то движение среди клубов дыма. Она дернула Джордана за рукав:

– Смотри! Вон там!

Юноша кинулся в ту сторону, огибая руины. Майя последовала за ним, хотя то и дело озиралась назад, на обгоревшие остатки, торчавшие из земли: стены, подпирающие исчезнувшую крышу, зияющие оконные проемы с оплавленными переплетами, рассыпанные повсюду куски чего-то белесого, то ли каменных обломков, то ли костей...

Джордан вдруг замер. Подбежав, девушка встала за его плечом и машинально бросила взгляд под ноги. Кроссовки безнадежно перемазаны. Сейчас они находились в самом центре бывшего комплекса зданий, неподалеку виднелась полоска воды. Туда огонь не добрался, хотя все было засыпано съезжившимися листьями и пеплом... а среди аккуратно подстриженных зеленых изгородей лежали мертвые тела.

Ликантропы – всех возрастов, но по большей части молодые, в расцвете сил – буквально усыпали опрятные, словно наманикюренные садовые дорожки. Трупы уже заметало пеплом, как снегом во время метели.

Оборотни инстинктивно стремились окружать себя себе подобными, жить общинами, которые по своей организации напоминали волчьи стаи, чтобы подпитываться силой и отвагой друг друга. Увидеть такое число убитых – все равно что получить рваную рану в брюхе. Из бытия с кровью выдрали кусок. В памяти девушки всплыли слова Киплинга, что совсем недавно украшали стены «Люпуса». *Сила Стаи в том, что живет Волком, сила Волка – родная Стая*^[4].

Джордан, озираясь вокруг, немеющими губами шептал имена погибших: Андреа, Тил, Амон, Курош, Мара...

У самого берега Майя вдруг заметила какое-то колыхание. Чье-то тело, наполовину ушедшее в воду.

Она бегом бросилась туда, Джордан помчался за ней по пятам. За полосой пепла, где трава уступила место песку, Майя затормозила и упала на колени возле мертвеца.

Это был претор Скотт; он лежал ничком, до затылка уйдя в воду головой, разметавшийся венец волос был окрашен чем-то розовым. Подавшись ближе, Майя перевернула убитого и едва сдержала тошноту. Широко распахнутые глаза невидяще уставились в небо, глотка перерезана от уха до уха.

– Майя... – Девушка почувствовала руку у себя на плече. – Не надо...

Голос Джордана вдруг пресекся с каким-то странным звуком – и Майя вскочила,

разворачиваясь в воздухе. Открывшаяся картина почти ослепила ее своим ужасом. Перед ней стоял Джордан, протягивая вперед руку, на лице полнейшее изумление, а из груди торчит лезвие меча. На клинке узор из черных звезд.

Зрелище настолько безумное, невозможное, что невольно подумалось – это наверняка розыгрыш. Подобрал, наверное, где-то кусок театрального реквизита, примотал изолентой и думает, что...

Вокруг стали расплылось багряное пятно, просачиваясь сквозь кожаную куртку. Джордан вновь издал странный хлюпающий звук и стал оседать. Клинок скользнул назад, а юноша окончательно опустился на колени, открывая глазам Майи то, что находилось за его спиной.

Над Джорданом, не сводя взгляда с Майи, стоял незнакомец с массивным черно-серебряным мечом в руках. Клинок был залит кровью, вернее сказать, кровью был залит и сам хозяин оружия: с головы до пят, будто постоял перед вентилятором, который разбрызгивал алую краску.

Он улыбался во весь рот.

– Майя Робертс и Джордан Кайл, – промолвил он. – Много о вас наслышан.

Пока Майя сама оседала на песок, Джордан стал заваливаться набок. Девушка успела подхватить его голову, положила себе на колени. Скованная ужасом, оцепеневшая, будто ее парализовало ледяным холодом на дне реки. Джордан бился в конвульсиях у нее на руках, из уголков рта потекли кровавые струйки.

На миг Майе показалось, что незнакомец вышел прямиком из кошмаров Даниэля, ее брата. Он был прекрасен ликом и станом, как и Даниэль, хотя в остальном никакого сходства. В этом парне не было и намек на медового цвета кожу, которую они с Даниэлем унаследовали от родителей; нет, его словно вырезали из цельного куска льда. Белая кожа, резко очерченные бледные скулы, белые, как соль, волосы. Глаза смоляные, акульи, бесстрастные и холодные.

– Себастьян... – прошептала она. – Валентинов сын...

– Майя, – выдохнул Джордан. Его скрещенные на груди руки были уже по локоть в крови. С насквозь пропитавшейся футболки кровь стекала на песок, расплываясь багровым пятном. – Беги... не сиди...

– Тс-с... – Она поцеловала его в щеку. – Тебе надо беречь силы. И все будет хорошо.

– Вот уж вряд ли, – скучным голосом сообщил Себастьян. – Сдохнет он, никуда не денется.

Майя резко вскинула лицо.

– Заткнись, – прошипела она. – Заткнись, ты... мразь...

Его кисть сделала хлесткое движение – Майя в жизни не видела, чтобы кто-то двигался с такой скоростью, разве лишь Джейс, – и кончик меча уперся ей в ложбинку у горла.

– Сама заткнись. Нежить! Ты еще не посчитала, сколько вокруг тебя валяется трупов? Думаешь, меня волнует, одним больше, одним меньше?

Майя сглотнула ком в горле, но от меча не отпрянула.

– Но почему?! Я думала, у тебя разборки только с Сумеречными?

– А-а... долгая история, – процедил Себастьян. – Достаточно сказать, что с лондонским Институтом вышла досадная промашка: он оказался чересчур хорошо защищен, так что расплачиваться за это пришлось вашему «Люпусу». Я же должен был кого-то убить сегодня? Просто заранее не решил кого именно. Проснулся утром – бац! настроение во! – а кого убить, не знаю. Хотя в принципе утренние часы мне очень по душе. Такая масса возможностей открывается...

– Да разве «Претор Люпус» имеет хоть какое-то отношение к лондонскому филиалу?!

– О-о, здесь ты очень ошибаешься. Тут целая эпопея. Но это уже не суть важно. Ты права, конечно, что у меня война с нефилимами, и это означает, что их союзники – мои враги. Вот

это, – он обвел свободной рукой окрест себя, показывая на дымящиеся руины, – мое послание. А гонцом станешь ты.

Майя принялась было мотать головой, но что-то до боли сжало ей ладонь. Пальцы Джордана. Она посмотрела ему в лицо. Юноша был бледен, как кость, но глаза еще жили, искали ее ответный взгляд. Казалось, он хотел сказать: «Умоляю, сделай, как он хочет».

– В каком смысле... послание?... – прошептала она.

– Чтобы они не забывали шекспировскую мудрость, – улыбнулся Себастьян. – *«Не отдохну, не перестану биться, пока мне очи не закроет смерть иль рок не даст исполнить меру мщенья»*^[5]. – Он подмигнул, и с его по-девичьи длинных ресниц сорвалась капелька чужой крови. – Передай всей нежити, – продолжил он, – что я поставил себе целью отомстить, и добьюсь своего. Любого союзника Сумеречных охотников ждет то же самое. Делайте что хотите, мне все равно, только не лезьте в нашу битву на стороне нефилимов, ибо в этом случае вы станете тем мясом, которое возьмется кромсать мой клинок – и клинки всего моего войска, – пока последний из вашего рода не будет сметен с лица земли. – Себастьян дал мечу опуститься, чуть ли не срезая пуговицы с блузки девушки. Он по-прежнему улыбался. – Ну что, волчица? Доставишь мое послание, не перепутаешь слова?

– Я...

– Ясное дело, не забудешь, – кивнул он и перевел взгляд на тело Джордана, уже переставшее шевелиться в ее руках. – Кстати, твой дружок подох.

Он вернул меч в поясные ножны и пошел прочь, загребая сапогами клубы пепла.

Магнус не навещался в «Охотничью луну» со времен сухого закона, когда из бара сделали подпольную забегаловку, где *примитивные* могли тихонько собираться, чтобы накачаться пойлом до отключки сознания. Где-то в середине сороковых заведение перешло в руки нежити и с той поры обслуживало именно эту клиентуру, в первую очередь оборотней. Выглядело местечко довольно убого, что в раннюю эпоху, что сейчас. Под слоем липких опилок не видно пола, вдоль одной из стен протянулась деревянная стойка с обшарпанной столешницей в бесчисленных, десятилетиями копившихся пятнах от мокрых стопок и испещренной длинными бороздами от когтей. Бармен Пит по прозвищу Ловкач в данную минуту был занят обслуживанием, а именно наливал колу Бэту Веласкесу, врио жоака манхэттенской стаи Люка.

Магнус задумчиво прищурился.

– Что, решил теперь на него переключиться? – поигрывая синими пальцами на стакане лимонного чая со льдом, спросила Катарина, сидевшая в сумраке напротив Магнуса. – А я-то думала, что после Вулси Скотта тебя уже не потянет на волкодлаков.

– Это совершенно ни при чем, – отвечал Магнус, хотя Бэт действительно неплохо выглядел, особенно если тебе нравятся широкоплечие здоровяки с каменными челюстями. Впрочем, сейчас маг был погружен в глубокую задумчивость. – Меня интересует нечто принципиальное иное.

– Чем бы это ни было, заклинаю: не делай! – тут же отозвалась Катарина. – Может плохо кончиться.

– Ты о чем?

– О том, что у тебя на уме. Вечно одно и то же. Мы знакомы с давних пор, так что я абсолютно точно знаю, что говорю. Короче, так: если ты вновь затеял пойти в пираты, то лучше не надо. Говорю же, может плохо кончиться.

– Я на одни и те же грабли не наступаю, – оскорбился Магнус.

– Вот именно. Потому что всякий раз ты кладешь себе под ноги новые, еще более тяжелые и опасные, – сказала Катарина. – Не де-лай! Слышишь? Не устраивай восстание оборотней, не

затевай ничего такого, что случайно приблизит конец света, а главное: ни в коем случае не иди в модельеры нижнего белья!

– Гм... Любопытная мысль, – отметил Магнус. – Только я и не собирался менять профессию. Просто у меня из головы не выходит...

– Алек Лайтвуд? – ухмыльнулась Катарина. – Да уж, на него ты серьезно запал. Совсем на тебя не похоже.

– Ты еще мало меня знаешь, – буркнул маг, хотя и не очень уверенно.

– Я тебя умоляю. А кто, спрашивается, предложил мне поменяться местами при эвакуации Института, а? Чтобы кое-кто смог, видите ли, стоять в сторонке и не столкнуться с Алеком, когда тот будет проходить через Портал. А потом этот кто-то возьми да все же приди. Только не вздумай отрицать! Я не слепая.

– А я и не отрицаю. Потому что действительно пришел с ним попрощаться. Только зря. Ошибочка вышла. – Магнус залпом опрокинул стакан в рот.

– Да что ж это такое, я вас спрашиваю! – всплеснула руками Катарина. – А ведь и правда, Магнус. Ну расскажи, что тебя гложет? Я же помню, ты выглядел таким счастливым, когда вы были вместе. Хотя обычно, когда ты влюблен, вид у тебя самый разнесчастный. Взять, к примеру, Камиллу. Я ее терпеть не могла. И Рагнора от нее тошнило...

Магнус пару раз приложился лбом о столешницу.

– Да при виде нее всех буквально рвало! – не унималась беспощадная Катарина. – Злая, гадкая тварь, вот кем она была. Ну, положим, подманила хитрая сучка твоего бедненького, сладенького дружка, и что с того? Это ли причина рубить с плеча по великолепным отношениям? Все равно что посадить кролика к удаву и обидеться на злосчастного зверька, что его все-таки сожрали.

– Алек не кролик. Он Сумеречный.

– Ага. При чем раньше у тебя не было Сумеречных. В этом, что ли, все дело?

Магнус отодвинулся от стола, устав от запаха прокисшего пива, которым насквозь пропиталось дерево.

– В каком-то смысле, да, – сказал он. – Времена меняются. Ты не замечаешь?

– Что именно? – бросила на него взгляд Катарина.

– Нефилимы сохраняли статус кво целое тысячелетие. Но что-то грядет, какая-то великая перемена. Мы всегда считали их за некую данность, однако найдутся колдуны, чей возраст позволяет им утверждать: мол, были времена, когда нефилимы не топтали землю, что их враз можно смахнуть с нее.

– Но ты же всерьез не...

– Сны. Мои сны, – прервал он. – Ты ведь знаешь, что порой я вижу вещие сны.

– Из-за отца. – Катарина кивнула, отставляя чай. Сейчас на ее лице отражалось напряженное внимание, ни малейшего намека на юмор. – А ты не думал, что он просто тебя пугает?

Катарина принадлежала к тем немногим, кто знал правду об отце Магнуса. Еще одним носителем тайны был Рагнор. Магнус не любил говорить на эту тему. Одно дело, когда у тебя родитель просто демон. И совсем другое, когда этому демону принадлежит изрядная доля адской недвижности.

– А какой ему интерес? – пожал плечами маг. – Я же не в центре коловращения грядущего смерча.

– Но ты опасаясь, что в этом центре окажется Алек, – заявила Катарина. – И вот почему заранее отталкиваешь его, чтобы не потерять близкого человека позже.

– Ты давеча упомянула конец света. Дескать, ничего не делай, а то как бы его не

приблизить... Я знаю, ты просто пошутила. Но мне как раз не до шуток, потому что не могу избавиться от ощущения, что апокалипсис действительно на подходе. Валентин Моргенштерн едва не уничтожил Сумеречных, а ведь его сынок раза в два умнее и в шесть раз злее. При чем явится он далеко не в одиночку. С подмогой от демонов похлеще моего папаши, не говоря уж про других...

– Откуда тебе это известно? – насторожилась Катарина.

– Да так. Покопался.

– Я думала, ты уже перерос ту фазу, когда помогал Сумеречным. – Катарина вскинула ладонь, прося помолчать. – Секундочку. Просто ты так часто это говорил, что ничего серьезного уже ожидать не приходится.

– В том-то и хитрость, – кивнул Магнус. – Покопался в одном месте, другом, третьем – и ничего не нашел. Кто бы ни был в союзниках у Себастьяна, дорожку следов к ним он замечает более чем тщательно. Мне постоянно кажется: вот-вот ухвачу за хвост, – ан нет, опять впустую... Та к что, Катарина, не думаю я, что сумею помочь Сумеречным. Да и никто, пожалуй, не сумеет.

Магнус отвернулся, чтобы не видеть сочувственной физиономии напротив, и его взгляд упал на барную стойку в другом конце зала. Навалившись на столешницу, Бэт возился со своим телефоном. Свет экранчика падал ему на лицо, раскрашивая тенями разных оттенков. Тенями, которые Магнус видел на лицах всех смертных: людей, Сумеречных охотников, всякой твари, которой на роду написано умереть.

– Их всех ждет один и тот же конец, – промолвила Катарина. – Ты сам всегда это знал и, тем не менее, позволял себе влюбляться.

– Но не так сильно, как сейчас.

Она изумленно втянула воздух сквозь зубы:

– Да ты... О-о... – Катарина вновь взяла в руку стакан с чаем. – Магнус, – мягко сказала она. – Ты невозможный дурак.

Прищуренные глаза впились ей в лицо.

– Вот как?

– Если это настолько сильно, ты просто обязан быть рядом с ним. Вспомни Тессу. Она тебя ничему не научила? Про любовь, что стоит той боли, когда ее теряешь?

– Он в Аликанте.

– И? – вздернула брови Катарина. – Ты же вроде как официальный представитель от колдунов в составе Совета. Правда, только на бумаге, потому как самоустранился, взвалил на меня всю работу... Словом, отправляйся в Аликанте. И вообще, мне кажется, тебе есть что сообщить и Конклаву, и Совету – во всяком случае, намного больше, чем мне. А кстати... – Она полезла в карман форменного медицинского халата: в бар Катарина заглянула по дороге домой, возвращаясь из больницы, где работала. – Вот.

Магнус принял из ее пальцев мятый листок бумаги.

– Званный ужин? – недоуменно вскинул он глаза.

– Мелиорн от имени Дивного народца приглашает нежить в составе Совета отужинать в ночь накануне заседания, – пояснила колдунья. – Типа жест доброй воли и всякое такое. А может, просто хочет поиграть у всех на нервах своими ребусами. Как бы то ни было, а скучать не придется.

– Фейрийская кухня, – мрачно покивал Магнус. – Глаза б мои ее не видели. Я уж не говорю про деликатесы, после которых штормит ближайшие сто лет. Сыроеды... Разложат раздавленных жуков по тарелкам...

Он оборвал себя на полуслове. Сейчас сидевший у барной стойки Бэт держал мобильник возле уха, другой рукой вцепившись в столешницу.

– Что-то не так, – медленно сказал Магнус. – Что-то в стае случилось...

Катарина давно знала своего собеседника и хорошо усвоила, что он редко ошибается. Отставив стакан, она повернула голову, переводя взгляд на Бэта. Тот успел захлопнуть свой телефон и сейчас сидел весь белый, отчего шрам на щеке особенно четко бросался в глаза. Подавшись через стойку, он что-то сказал Ловкачу, затем сунул пальцы в рот и свистнул.

Звук вышел похожим на гудок паровоза, прорезав гул голосов. Через секунду все ликантропы были уже на ногах, хлынув к барной стойке. Магнус тоже поднялся, и Катарина придержала его за рукав:

– Не взду...

– Чушь!

Он стряхнул ее пальцы и полез раздвигать плечом толпу, которая полукольцом уже окружила Бэта. Оборотни кидали подозрительные взгляды на колдуна, затесавшегося в их ряды, и старались держаться поближе к вожаку. Какая-то блондинка все же решилась было преградить магу путь, но Бэт вскинул ладонь: все в порядке, Анабель.

– Магнус Бейн, если не ошибаюсь? – сказал он, пусть не очень дружелюбно, но все же вежливо. – Верховный маг Бруклина? Помнится, Майя Робертс говорила, что вам можно верить...

– Можно.

– Просто замечательно. Но у нас, знаете, семейные дела тут срочные... Вы что-то хотели?

– Вам только что позвонили, – показал Магнус на мобильник Бэта. – Это случайно не Люк? Что-то случилось в Аликанте?

Бэт отрицательно помотал головой, сохраняя совершенно непроницаемое выражение лица.

– В таком случае, нападение на очередной Институт?

Магнус привык, что всезнайкой является как раз он, и потому терпеть не мог подобные ситуации. Хотя нью-йоркский филиал был сейчас полностью эвакуирован, это не исключало возможность битвы за какой-то другой Институт – битвы, в которой Алек мог принять участие...

– Нет, дело не в Институтах, – сказал Бэт. – Звонила Майя. «Претор Люпус» сожгли дотла. Погибло не меньше сотни наших, в том числе претор Скотт и Джордан Кайл. Война Себастьяна Моргенштерна теперь пришла и к нам.

– Да не швыряй ты! Не швыряй! О! Ну что за бестолочь... – Джулиан вздохнул, провожая глазами ломтик жареной картошки, едва не угодивший ему в ухо.

– Ничего страшного, ребенок кушает, – заступилась Эмма за Тэйви. Она сидела, опершись спиной о детскую кроватку, и наблюдала, как Джулиан справляется с процессом кормления своего младшего брата. Тэйви достиг того возраста, когда ребенок становится разборчив в еде, и все, что не удовлетворяет его критериям, тут же оказывается на полу или на родственниках. – Подумаешь, абажур чуточку запахался.

К счастью, мансарда семейства Пенхоллоу, где разместились «сироты войны» – так именовали нынче младших Блэкторнов и Эмму, – оказалась чрезвычайно практичным и надежно устроенным помещением, которое совсем не походило на остальную часть этого элегантного дома. Мансарда занимала весь верхний этаж: несколько комнат, небольшая кухня и ванная с туалетом. Сейчас раскладушки стояли как попало, повсюду были раскиданы личные вещи. Хелен поселилась с Алиной внизу, хотя к ребятам поднималась каждый день; Эмма получила в свое распоряжение отдельную комнату, как, впрочем, и Джулиан, который, тем не менее, почти не появлялся у себя. Дело в том, что Друсилла и Октавий до сих пор вскакивали по ночам с криком, и Джулс завел привычку ночевать с ними рядом, на полу, раскатав матрас возле кроватки Тэйви. Поскольку высокого детского стульчика в доме не нашлось, сейчас Джулиан сидел напротив карапуза на испачканном одеяле, с тарелкой в одной руке, ложкой – в другой... и с выражением полнейшего отчаяния на физиономии.

Эмма перебралась ближе и, взяв Тэйви на колени, уселась напротив. Чем-то малыш был явно недоволен.

– Мемма, – сердито сказал он.

– Покажи ему паровозик, – посоветовала девочка Джулсу. И невольно подумала: есть ли смысл добавлять, что у него кетчуп на волосах? Пожалуй, лучше не надо.

Джулиан принялся гудеть, выписывая замысловатые кривые ложкой, прежде чем сунуть ее в рот ребенку. Тот уже позабыл дуться и сейчас вовсю заливался смехом. Эмма молча смотрела, силясь подавить в себе чувство горькой утраты. В памяти всплыло, как отец послушно ковырял у нее в тарелке, когда она переживала фазу категорического неприятия любой еды зеленого цвета.

– И все-таки у него плохой аппетит, – тихо сказал Джулиан, собирая «вагончики» из кусочков хлеба с маслом, к которым уже нетерпеливо тянул липкие руки малыш.

– Но ведь ему грустно, – напомнила Эмма. – Пусть он и дитя малое, но все равно понимает, что случилось нечто плохое. Тоскует и по отцу, и по Марку.

Джулс устало потер глаза, добавив на правую скулу лишний мазок томатного соуса.

– Я их ему не заменю. – Кусочком яблока он попытался заткнуть рот ребенку. Тот немедленно расплевался, всем своим видом демонстрируя мрачное удовлетворение. Джулиан в который раз вздохнул. – Слушай, меня беспокоит, как там Дрю с близняшками. По идее, они должны сейчас резаться в «Монополию» в спальне, так что сама знаешь, за ними глаз да глаз...

Чистая правда. Тиберий, с его аналитическим складом ума, почти всегда побеждал в любой игре. Ливви это ничуть не задевало, чего не сказать про Дрю, имевшую склонность всюду видеть соперничество, и, как следствие, многие матчи заканчивались трепкой за волосы с обеих сторон.

– Да не отвлекайся, я сама их проведу.

Девочка передала ему Тэйви и уже поднималась на ноги, когда в комнату вошла чем-то озабоченная Хелен. Когда она увидела Джулиана, ее задумчивость уступила место

нерешительности с оттенком какой-то вины. У Эммы поползли мурашки дурного предчувствия.

– Хелен? – насторожился Джулс. – Что-то не так?

– Войска Себастьяна нанесли удар по лондонскому Институту...

Мальчик застыл. Эмме почудилось, что сейчас его нервы стали ее собственными, а его страх переселился и в нее. На лице друга – и без того худощавом – натянулась кожа, хотя руки продолжали легонько, осторожно придерживать ребенка.

– Дядя Артур?...

– Он жив, он жив, – торопливо заверила Хелен. – Только ранен. Поэтому его эвакуация в Идрис немножко откладывается, но главное, что он жив. Мало того, в лондонском Институте потерь совсем нет. Атака отбита. Полностью.

– Как это? – Голос Джулса мало чем отличался от шепота.

– Мы не знаем... пока что. Сейчас я с Алиной иду в Гард, там будут Консул и все остальные, попробуем выяснить что к чему. – Она присела на корточки и погладила кудряшки Тэйви. – Это *очень хорошие* новости, – настойчиво пояснила она, адресуясь конкретно Джулиану, который выглядел скорее ошарашенным, чем испуганным. – Да, я знаю, это вызывает опасения – то, что Себастьян вновь нанес удар, – но ведь ему дали по носу, и еще как!

Эмма встретила глазами с другом. Наверное, полагается скакать от радости при таких известиях, однако девочку мучило гадкое чувство зависти. Ну почему лондонцам повезло, а вот ее семья погибла? Каким образом они сумели сражаться лучше, добиться большего?

– Это нечестно, – промолвил Джулиан.

– Нет, Джулс, – твердо сказала Хелен, вставая во весь рост. – Это называется «победа». Пусть небольшая, но она тоже кое-что значит. Теперь мы знаем, что *можем* одолеть Себастьяна с его войском. Можем разбить их. Переломить ход войны. Теперь не надо так сильно бояться. И это главное.

– Вот бы его живьем словить... – пробурчала Эмма, глазами разговаривая с Джулианом. – И казнить – публично, на площади Ангела... Ох, я бы посмотрела. Только чтоб помедленней, чтоб помучался...

– Эмма! – ужаснулась Хелен, однако в глазах Джулиана читалось полнейшее одобрение и согласие.

Никогда еще Эмма не переживала столь яркое чувство любви к нему – за то, что в его зрачках, как в зеркале, отразились самые темные стороны ее сердца.

Оружейная лавка побила все ожидания. Клэри никогда не думала, что слово «шикарный» может подойти к магазину, где торгуют оружием. Шикарным бывает закат или, скажем, вид на ночной Нью-Йорк с его небоскребами, но чтоб прийти в восторг от прилавков с шипастыми булавами, секирами и замаскированными под тросточку шпагами...

Тем не менее так оно и вышло. Вывеска оказалась в виде кованого колчана, по которому шла надпись вычурным курсивом: «*Стрела Дианы*». Внутри все стены завешаны своеобразными веерами из смертоносных клинков, искрившихся золотом и серебром искусных насечек. С потолка свешивалась массивная люстра, украшенная стилизованными изображениями оперенных стрел в полете. Что касается собственно боевых стрел, то для них были отведены резные деревянные этажерки. Тибетские прямоклинковые мечи, чьи рукояти украшались бирюзой, серебром и кораллом, соседствовали с изогнутыми бирманскими *дха*, хвостовики которых были надчеканены медью и латуной.

– Что это тебя разобрало? – спросил Джейс, снимая с пьедестала исписанную иероглифами японскую алебарду-*нагината*. Когда он поставил ее рядом, придерживая древко изящными длинными пальцами, узкое лезвие вознеслось выше его головы. – Я имею в виду этот внезапный

интерес к железу?

– Когда двенадцатилетняя девчонка наставительно указывает тебе, мол, что за дрянь ты носишь на поясе, начинаешь понимать, что пора менять аксессуар, – пожала плечами Клэри.

Женщина, стоявшая за прилавком, рассмеялась. Присмотревшись, девушка узнала в ней татуированную японским карпом особу, которая задала вопрос на заседании.

– В таком случае, дорогуша, ты попала по адресу!

– Это вы хозяйка? – поинтересовалась Клэри, рассеянно проверяя остроту одного из длинноклинковых мечей с железной рукоятью.

Женщина усмехнулась:

– Да, это я. Диана. Диана Рэйбёрн.

Клэри потянулась за рапирой, но Джейс, прислонив *нагинату* к стене, покачал головой:

– Для тебя это все равно что двуручный меч. Хотя... Как говорится, вольному воля.

Девушка показала ему язык, но все же переключила внимание на соседний короткий меч. Вдоль клинка шли какие-то риски, которые она поначалу приняла за царапины. Но когда присмотрелась, стало ясно, что это надпись, только на незнакомом ей языке.

– Это руны, хотя не такие, как у нас, Сумеречных охотников, – пояснила Диана. – Меч викингов. Очень старый. И очень тяжелый.

– А вы не знаете, что здесь написано?

– «Только достойному», – ответила оружейница. – Мой отец любил говаривать, что великий клинок отличается от рядового наличием собственного имени. Или надписи.

– Вчера я один такой видела, – вспомнила Клэри. – Как там было-то?... А! «Я той же стали и закалки, что Жуаёз и Дюрандаль».

– Кортана! – У Дианы загорелись глаза. – Клинок Хольгера Датского! Ничего себе... Все равно что владеть Экскалибуром или Кусанагино цуруги. Если не ошибаюсь, этот меч принадлежит роду Карстейрзов. Вчера на заседании я видела Эмму. Это она сейчас хозяйка Кортаны?

Клэри кивнула.

Диана скорбно поджала губы.

– Несчастный ребенок, – промолвила она. – Да и Блэкторны... Потерять столько людей при одном-единственном ударе... Что бы такое для них сделать, чем помочь, ума не приложу.

– Как и я, – вздохнула Клэри.

Диана подарила ей оценивающий взгляд и, что-то прикинув в уме, нырнула за прилавок. Через пару мгновений она появилась с мечом, который длиной лезвия не уступал предплечью девушки.

– Ну как? нравится?

Клэри не сводила с оружия глаз. Ничего не скажешь, воистину произведение искусства. Защитная крестовина, черенковый крыж и яблоко навершия были выполнены из чистого золота с зачеканенными вставками из обсидиана; собственно клинок – черненное серебро, до того темное, что его, должно быть, искупали в вечных сумерках. Девушка тут же перебрала в уме все известные ей типы рубящего оружия, что встречались на занятиях: палаши, ятаганы, сабли, тесаки, двуручные мечи...

– Чинкуэда? – наудачу предположила она.

– Нет-нет, чинкуэда относится к кинжалам, а это классический короткоклиновый меч, причем особенный. – И Диана молниеносным движением перевернула его другой стороной.

Глазам Клэри открылся узор из черных звезд, шедший вдоль лезвия.

– О-о... – У девушки дернулось, заныло сердце; она невольно отшагнула и едва не сбила с ног Джейса, который стоял позади, вытянув шею над ее плечом и хмуро помаргивая. – Это же

меч Моргенштернов...

– В точку. – В глазах Дианы прыгали лукавые бесенята. – Когда-то их род заказал Вэйланду-Кузнецу комплект из пары мечей: один подлиннее, другой покороче, для отца с сыном. А коль скоро Моргенштерн в переводе означает «утренняя звезда», каждый из клинков был окрещен в честь одной из ипостасей этой звезды. Малый меч – вот этот – именуется Геспер, то есть «несущий зарю», ну а бóльший известен под именем Фосфор, что означает «светоносный». Ты, вероятно, видела Фосфор: ведь именно с ним ходил Валентин Моргенштерн; теперь им владеет его сынок.

– Вы знаете, кто мы, – сказал Джейс, и его слова не прозвучали как вопрос. – Кто такая Клэри.

– Мир Сумеречных охотников тесен, – пожала плечами Диана, поглядывая то на девушку, то на ее спутника. – А я к тому же член Совета. Да, дочь Валентина, в свое время я присутствовала при твоём допросе.

Клэри с подозрением косилась на клинок.

– Что-то я не поняла, – сказала она наконец. – Валентин ни за что не расстался бы с родовой реликвией. Откуда у вас этот... Геспер?

– Жена Валентина продала, – ответила Диана. – Ещё моему отцу, который владел этой мастерской до Восстания. Меч принадлежал ей. Так что теперь он по праву может перейти к тебе.

Клэри передернуло.

– Большой версией этого меча владел сначала один мужчина, теперь владеет другой, но я ненавижу их обоих. На свете не осталось никого из Моргенштернов, кто бы не присягнул чистому злу.

– А как же ты? – напомнил Джейс.

Она покосилась на юношу, но тот стоял как ни в чём не бывало.

– В любом случае, он мне не по карману, – нахмурилась Клэри. – Золото, чернёное серебро, адамас... На такое оружие нужны немалые деньги.

– А кто сказал, что я его продаю? – поиграла бровями Диана. – Тебе я его и так отдам. Ты верно подметила, что народ ненавидит Моргенштернов; люди страшат друг друга историями про то, как создавались эти мечи, как в них вдохнули черную магию, чтобы одним взмахом погубить очень многих. Конечно, это всего лишь побасенки, но... Короче, эту вещь я вообще никому не смогу продать. Если даже захочу – что вряд ли. Меч просто-напросто должен попасть в добрые руки.

– Даже прикосаться не желаю... – прошептала Клэри.

– Стоит лишь раз испытать боязнь перед этим оружием, как оно тут же возымеет над тобой власть, – предостерегла Диана. – Та к что бери-ка его в руки... чтобы перерезать брату глотку и вернуть честь роду.

С этими словами она придвинула лежавший на прилавке меч ближе к девушке. Та безмолвно обвила пальцами эфес – и обнаружила, что хват вышел идеальный, словно рукоять была отлита под ее ладонь. Несмотря на сталь клинка и драгоценные металлы, пошедшие на украшения, Геспер оказался легким как перышко; черные звезды, бежавшие по клинку, словно подмигивали новой владелице; на кромке вспыхивали искры, как если бы по лезвию струился жидкий огонь.

Клэри вскинула глаза, чтобы поделиться восторгом, но у Дианы в тот же миг возник в руке какой-то листок, словно она выхватила из воздуха материализовавшийся свет. Оружейница пробежала его глазами, с каждой секундой мрачней все больше и больше.

– Ангел спаси и сохрани, – вздохнула она. – Лондонский институт атакован.

Клэри едва не выронила клинок. Джейс за ее спиной втянул воздух сквозь зубы.

– И? – требовательно сказал он.

Диана перевела взгляд на юношу:

– И ничего. Судя по всему, лондонский филиал был защищен особым оберегом, о котором не знал даже Совет. Несколько раненых, но убитых нет. Себастьяново войско отбито. К сожалению, ни одного из Помраченных не то что не удалось взять в плен, среди них даже потерь нет.

Лишь сейчас, слушая оружейницу, Клэри обратила внимание, что та была в белом траурном одеянии. Получается, война унесла кого-то из ее родных тоже? Но когда? Во время Восстания или при атаках брата на Институты?

Сколько крови уже пролито руками Моргенштернов?

– Мне... очень жаль, – еле выдавила она сквозь перехваченное горло.

Перед глазами встал Себастьян, весь в алом, и не только из-за цвета одежды. Чужая кровь на серебристых волосах и серебристом клинке. Девушку повело, все кругом завертелось...

На плече лежала чья-то рука, легкие вдыхали свежий, морозный воздух. Сама не зная как, она очутилась на улице, мимо торопились прохожие, а рядом стоял Джейс.

– Клэри, – повторял он. – Успокойся, ничего страшного не случилось. Лондонцы спаслись все до единого.

– Но ведь Диана упомянула про раненых, – сказала она. – Из-за Моргенштернов вновь пролилась кровь.

Юноша бросил взгляд на клинок, до сих пор зажатый в ее правой руке, да с такой силой, что побелела кожа на пальцах.

– Ты не обязана принимать это меч...

– Нет-нет, Диана права. Бояться Моргенштернов значит... значит признать власть Себастьяна надо мной. Чего он и домогается.

– Согласен, – кивнул Джейс. – Поэтому я прихватил вот это.

Он протянул ей ножны из темной кожи, с тесненным узором из серебристых звезд.

– Ты же не можешь ходить по улице с обнаженным клинком, – добавил он. – В смысле, можешь, конечно, но народ станет коситься.

Клэри приняла ножны, вложила клинок и сунула себе за пояс, прикрыв затем полый плаща:

– Так лучше?

Он смахнул с ее щеки рыжий локон:

– У тебя впервые появилось настоящее оружие, нечто принадлежащее только тебе. Род Моргенштернов вовсе не проклят, Клэри. Наоборот, это честное, прославленное имя, которому многие сотни лет. *Утренняя звезда*...

– На самом деле это даже не звезда, – проворчала Клэри. – А просто планета. Нам все разъяснили в школе, на уроках астрономии.

– Увы-увы, система образования у *примитивных* до ужаса прозаична, – развел руками Джейс. – Взгляни-ка! – Он показал вверх. Клэри взглянула, но отнюдь не на небо. А на юношу, на его светлые волосы, в которых играло солнце, на линию его улыбчивых губ. – Задолго до раскрытия сущности планет люди знали, что в драпировке ночного небосвода есть какие-то прорехи. Звезды. Одна из них всегда вставала на востоке с приходом нового дня, и люди называли ее утренней звездой, светоносной, провозвестницей зари. И что, разве это так плохо? Нести свет миру?

Охваченная внезапным порывом, Клэри поцеловала его в щеку:

– Ладно, убедил. Действительно, так куда поэтичнее, чем школьная астрономия.

Джейс снял руку с ее плеча и улыбнулся.

– Вот и славно, – сказал он. – Очень кстати. Пошли, займемся кое-чем поэтическим. Пошли-пошли, я хочу тебе кое-что показать.

Саймона разбудили чьи-то ледяные пальцы на висках.

– Открывай глаза, светолубец, – потребовал нетерпеливый голос. – Разнежился тут, а времени в обрез.

Юноша сел с такой прытью, что визитер невольно отпрянул, издав раздраженное шипение. Саймон быстро осмотрелся по сторонам. Его по-прежнему окружала железная клетка в одном из номеров полусгнившей гостиницы. Напротив пленника маячил Рафаэль. Одет он был в белую сорочку на пуговицах и джинсы; на шее переливается золотая ниточка. Но хотя до сих пор Саймон всегда видел его опрятным чуть ли не до щегольства, словно тот вот-вот пойдет на деловое совещание, сейчас Рафаэль выглядел иначе: темные волосы растрепаны, рубашка порвана и чем-то заляпана.

– С добрым утром, соня, – молвил он.

– А ты что тут делаешь? – огрызнулся Саймон. Он чувствовал себя давно немытым, его знобило, к тому же душил гнев. Опять же эти дурацкие кружева... – Что, и самом деле утро?

– А как иначе? Ты поспал, проснулся – стало быть, утро. – Рафаэль был до неприличия жизнерадостен. – Что же касается твоего вопроса, то я тут из-за тебя.

Саймон откинулся спиной на чугунные прутья:

– В каком смысле? И каким образом ты очутился внутри?

Рафаэль смерил его жалостливым взглядом:

– Всякий замок можно отпереть. Тем более снаружи. Для меня это вообще раз плюнуть.

– Соскучился то есть? По братской компании? Или все же что-то иное? Прошлый раз, когда я тебя видел, ты попросил меня стать твоим телохранителем, а когда я отказался, более чем прозрачно намекнул, что, стóит мне утратить Каинову печать, ты меня прикончишь.

Рафаэль приятно осклабился.

– Значит, все-таки убийство затеял? – уточнил Саймон. – Должен предупредить, дело не самое простое. И тебя, скорее всего, вычислят.

– Да-а... – задумчиво протянул Рафаэль. – Морин будет весьма огорчена твоей безвременной кончиной. Я как-то раз лишь упомянул теоретическую возможность продать тебя колдунам, так она приняла мое предложение в штыки. А жаль. Кровь светолуба славится своими полезительными свойствами и ценится невероятно высоко. – Он горестно вздохнул: – Какая сделка сорвалась... Увы-увы, Морин не умеет видеть вещи под моим углом зрения. Ее лишь тянет играть с тобой в куклы, наряжать там, красить... С другой стороны, чего взять с убогой, верно?

– Это ты так о своей царице говоришь?

– Знаешь, светолубец, было время, когда я жутко хотел видеть твой труп, – ничуть не смущаясь, по-простецки доверительно сообщил Рафаэль, будто речь шла о плитке шоколада в подарок. – Но сейчас у меня есть враг похуже. Так что мы с тобой на одной стороне.

Прутья болезненно впивались Саймону в спину, и он поерзал, слегка меняя позу.

– Морин? – предположил юноша. – Ты ведь всегда хотел стать во главе вампиров, а она взяла и опередила тебя.

Рафаэль презрительно выпятил нижнюю губу:

– Ты думаешь, здесь одна лишь политика? Ничегошеньки ты не понимаешь. Прежде чем Морин стала одной из нас, ее перепугали до потери рассудка.

Когда превращение свершилось, она ногтями выцарапала себе путь из гроба. Но рядом никого не оказалось. Никого, кто бы дал ей испытать первой крови. В отличие от меня: я-то тебе

помог. Или забыл уже?

Саймон смотрел перед собой невидящим взором. В памяти вдруг ожили кладбищенские картинки: как он выбирается из ямы, вдыхает холодный воздух, во рту земляной вкус – и голод, страшный голод. И Рафаэль, швыряющий ему пакетик с консервированной кровью... До сих пор он никогда не думал об этом жесте как о проявлении заботы или своеобразной услуге, но ведь правда и то, что он впился бы зубами в первую же попавшую на глаза тварь, если бы не эта порция пищи. Кабы не Рафаэль, он бы вгрызся в Клэри...

Именно Рафаэль доставил Саймона к Институту, положил его, кровоточащего, на парадном крыльце, когда дальше идти было нельзя, объяснил друзьям Саймона, что случилось. А ведь мог бы утаить правду, что-то наврать нефилимам, однако не стал этого делать, признался, не убоившись последствий.

Он никогда не был особенно снисходителен к Саймону, но обладал пусть крайне своеобразной, но все же честью.

– Я тебя создал, – сказал Рафаэль. – Таким тебя сделала моя кровь.

– Теперь ясно, отчего из меня вышел столь неудачный вампир, – усмехнулся Саймон.

– Понятное дело, рассчитывать на твою благодарность смысла не имеет. И вообще, ты никогда не хотел быть одним из нас. Как и Морин, надо думать. Ее безумие вызвано превращением, и, судя по всему, необратимо. Она убивает походя, словно сбивает пылинку с рукава. Ей и в голову не приходит, что она подвергает всех нас опасности, беспечно приканчивая людей и привлекая к этому никому не нужное внимание. Мало того, она даже не дотумкалась, что, если дела так пойдут дальше, в один прекрасный день вообще не останется пищи.

– Людей, – поправил его Саймон. – Не останется людей.

– Из тебя и впрямь *никудышный* вампир, – вздохнул Рафаэль. – Впрочем, как раз благодаря этому наши интересы совпали. Ты хочешь защитить людишек. Я хочу защитить вампиров. А сделать это можно только через общую цель.

– Так пойдя да прикончи эту Морин, – пожал плечами Саймон. – Заодно и клан приберешь к рукам.

– А-а! Не могу. – Рафаэль помрачнел. – Другие-то ее обожают. Они не заглядывают вперед, хотя горизонт весь затянут тучами. Им лишь бы убивать. Лишь бы дали волю всласть попировать. Нет чтобы повиноваться Соглашению, чтобы следовать Закону. Морин дала им эту вольницу, они и рады-радешеньки грызть сук, на котором сидят.

Его голос был горьким как желчь.

– Смотри-ка, да ты и впрямь болееешь за судьбу клана, – заметил искренне удивленный Саймон. – Знаешь, из тебя получился бы неплохой вожак.

Рафаэль обжег его взглядом. Однако смолчал.

– Хотя я не уверен, пойдет ли тебе костяная тиара, – насмешливо добавил пленник. – Ладно, слушай. Твои настроения понятны, но чем я-то могу помочь? На случай, ежели ты вдруг ослеп, спешу сообщить: меня сунули в клетку. А решишь меня освободить, тебя вычислят. И потом, даже если я убегу, Морин все равно до меня доберется.

– Только не в Аликанте.

– Аликанте? – оторопел Саймон. – Тот самый Аликанте? Столица Идриса?

– А ты не очень-то сообразителен, – отметил Рафаэль. – Да, именно этот Аликанте я имею в виду. – Он тонко улыбнулся в ответ на недоуменный взгляд. – В Совете есть представитель от вампиров. Ансельм Найтшейд, предводитель лос-анджелесского клана. Ему скоро предстоит смениться, но не в этом суть. Главное, что он знается с кое-какими моими... гм... приятелями. Среди колдунов.

– Уж не Магнус ли? – вспыхнула догадка у Саймона. Как Рафаэль, так и Магнус были

бессмертными, оба проживали в Нью-Йорке и были довольно высокопоставленными представителями от соответствующих видов нежити. Что удивительно, Саймон все это знал, но не догадался сложить два и два.

Рафаэль, впрочем, пропустил вопрос мимо ушей.

– Ансельм не возражает, чтобы я занял его место в Совете, зато об этом не знает Морин. Я, короче, отправлюсь в Аликанте для участия в их великом заседании, но при этом предложу, чтобы меня сопровождал ты.

– Почему?

– Сумеречные мне не доверяют, – без обиняков сказал Рафаэль. – Зато они верят тебе. В особенности нью-йоркские нефилимы. Ты на себя-то взгляни: носишь подвеску от Изабель Лайтвуд. Они знают, что в тебе больше от Сумеречных охотников, нежели от нас, вампиров. У них и тени сомнения не возникнет, когда ты заявишь, мол, Морин нарушает Соглашение, и поэтому ее надо остановить.

– Ага, – кивнул Саймон. – Верят они мне. И этот план ни чуточки не связан с опасением, что клан, узнав о предательстве, отомстит за Морин.

Рафаэль уставился на него широко распахнутыми, недоумевающими глазами.

– Ты ведь знаком с детьми Инквизитора. Мог бы поговорить с их папашей напрямую.

– Ну конечно! В клане никто и глазом не моргнет, что их царицу прикончили с моей подачи. Могу представить, какой роскошной станет у меня жизнь после возвращения.

Рафаэль дернул плечом.

– У меня здесь есть сторонники, – сказал он. – Как-никак, а мне ведь дали пройти в эту комнату. Более чем вероятно, что, как только с Морин будет покончено, мы сможем вернуться в Нью-Йорк без особых последствий.

– Без особых последствий... – фыркнул Саймон. – Тебе бы на телефоне доверия сидеть, самоубийц утешать.

– Как бы то ни было, тебе здесь оставаться нельзя. Без телохранителя-волкодлака, без Сумеречных тебя ждет гарантированная гибель. Не хочешь идти со мной в Аликанте – ладно, оставайся в этой клетке. Морин сделает из тебя игрушку. А ведь мог бы воссоединиться с друзьями в Городе стекла. Между прочим, внизу ждет Катарина Лосс. Она готова отпереть нам Портал. Короче, тебе выбирать.

Рафаэль вальяжно откинулся назад, беспечный, как на прогулке в городском парке. Как мог видеть Саймон сквозь прутья своей клетки, в дверном проеме маячил еще кто-то из вампиров – некая темноволосая девушка, чьи черты скрывала тень. Наверное, это она пропустила сюда Рафаэля, подумал Саймон. Тут на ум пришел Джордан. *Телохранитель-волкодлак...* Нет, эта каша из политики и клановой лояльности, не говоря уже про ненасытную жажду крови и смерти, которой отличалась Морин, слишком густо заварена, чтобы выкладывать ее на стол перед Джорданом.

– Не такой уж богатый выбор, – покрутил головой Саймон.

Рафаэль усмехнулся:

– Что поделать, светолубец. Чем богаты, тем и рады.

Последний раз, когда Клэри видела Зал Соглашений, он практически весь лежал в руинах: хрустальная крыша разбита, мраморный пол пошел трещинами, в центральном фонтане ни капли воды.

Девушке пришлось признать, что с той поры Сумеречные охотники на славу потрудились, приводя все в порядок. Крыша вновь была целой, мраморные плиты в золотых прожилках гладкие, чисто подметенные. Ввысь взмывали стрельчатые арки, вырезанные на их стенах руны

чуть ли не светились под лучами, изливавшимися сквозь хрусталь. Фонтан с русалкой сверкал под закатным солнцем, которое превратило воду в бронзу.

– Есть такая традиция: когда получишь свое первое личное оружие, то надо прийти сюда и благословить клинок в водах этого фонтана, – сказал Джейс. – Сумеречные охотники поступали так на протяжении целых поколений. – В тускло-золотых лучах он прошел вперед, остановившись у бордюра каменной чаши. Клэри вспомнила, что однажды ей пригрезилось, как они тут танцуют. Юноша бросил взгляд через плечо и махнул рукой, подзывая к себе. – Давай сюда!

Клэри встала рядом. Центральная статуя фонтана была покрыта бронзовой, позеленевшей от времени чешуей. Русалка держала кувшин, откуда струилась вода; на физиономии застыла свирепая улыбка воина.

– Опустит лезвие в фонтан и повторяй за мной, – распорядился Джейс. – «Да омоет вода клинок до чистоты первозданной. Да служит он мне и только мне. Пусть станет орудием дел праведных, во исполнение закона и справедливости. Да укажет мне путь к славе воинской, достойной Идриса. И да защитит меня сей металл, чтобы смогла я вернуться и вновь омыть его в этих водах. Во имя Разиэля».

Опустив меч в чашу, Клэри произнесла торжественные слова. Вода возле клинка бурлила, шла кругами, и девушке припомнился еще один фонтан, в совсем ином месте, там, где рядом возле нее сидел Себастьян, разглядывая, как корчится в воде его собственное отражение. *Да-а, дочь Валентина, есть в твоём сердце кое-что темное...*

– Замечательно, – одобрил Джейс. Она почувствовала его ладонь на своем запястье; прикосновение было мокрым и прохладным. Юноша вытянул ее руку вместе с мечом и затем отпустил, чтобы Клэри могла поднять клинок острием вверх. Солнце успело опуститься еще ниже, однако даже сейчас его света хватило зажечь обсидиановые звезды, бежавшие вдоль центрального ребра. – А теперь ты должна вслух назвать его по имени.

– Геспер, – промолвила она, вкладывая меч в ножны и убирая их себе за пояс. – Несущий зарю.

Он весело фыркнул и нагнулся, чтобы поцеловать в уголок рта:

– Пожалуй, пора проводить тебя домой.

– Признайся, ты сам о нем думаешь, – сказала Клэри.

– Слушай, тебе надо изъясняться поконкретней, – ответил Джейс, хотя девушка подозревала, что он отлично понял, о чем – или о ком – идет речь.

– Я про Себастьяна... В смысле, ты думаешь о нем больше, чем обычно, правильно? Что-то не дает тебе покоя. Не поделишься?

– Чем?

Не оборачиваясь, он зашагал по мраморным плитам в сторону громадных дверей зала. Клэри последовала за ним и, миновав распахнутые створки, очутилась на широкой площадке парадной лестницы, что сбегала к площади Ангела. Небо успело потемнеть до цвета бутылочного стекла.

– Не надо, – попросила девушка. – Не замыкайся в себе.

– А я и не собираюсь. – Джейс раздраженно вздохнул. – Ничего нового тут нет. Да, я о нем думаю. Постоянно. Надоело, сил нет. И ведь никому не объяснишь, кроме тебя, да и то потому, что ты была свидетельницей. Понимаешь, я ведь был его двойником, а сейчас, когда ты рассказала, что он, к примеру, оставил ту шкатулку в доме Аматис, я точно знаю, *зачем* он так поступил. И за это сам себя ненавижу.

– Джейс...

– Только не говори, что у меня с ним ничего общего. Нас выпестовал общий отец, пусть для

меня он и не родной; нам обоим довелось вкусить от *своеобразных* воспитательных методов Валентина. Нас учили одним и тем же языкам, прививали одни и те же моральные принципы. Домашние любимцы – и те одинаковые. Конечно, со временем кое-что изменилось, вернее, все изменилось, когда мне исполнилось десять, но фундамент-то остался. Иногда я даже задаюсь вопросом: а не моя ли во всем этом вина?...

Клэри аж подскочила:

– Да ты шутишь, что ли?! Пока ты был с Себастьяном, ты ничего не мог делать по собственной воле!

– Да, но мне же *нравилось*... – сказал он, и в его голосе прорезались хриплые нотки, словно по глотке вдруг прошлись наждачной бумагой. – Себастьян гениален, хотя в его мышлении есть кое-какие пробелы, места, в которых он плавает... вот где я ему помогал. Садись, бывало, рядом и толковали, как сожжем дотла весь этот мир... Знаешь, как возбуждает, что ты... Та к и тянуло все стереть да начать с чистого, белого листа. Пройтись огнем и кровью, а потом чудоград на высоком холме...

– Это он тебя науськивал, чтобы ты желал все эти страшные вещи, – возразила Клэри, но ее голос предательски дрогнул. *Есть в твоём сердце кое-что темное, дочь Валентина.* – Таскал каштаны из огня твоими руками.

– А мне нравилось их ему добывать, – сказал Джейс. – Ты сама как считаешь, откуда во мне эта способность быстро найти способ что-то уничтожить и ни малейшей мысли, как все восстановить? Кем это меня делает, а? Кадровым воякой в адской армии? А что, я мог бы стать генералом. Как Асмодей или Самаэль.

– Джейс...

– Когда-то они были самыми талантливыми слугами Всевышнего, – продолжал он. – Вот что случается с падшими ангелами. Все, что прежде было в тебе светлого, становится темным. Был ты некогда ярким, как свет, теперь черен, как чистое зло. Ох и глубоко же падать...

– Прекрати. Никуда ты не упал.

– Еще не упал, – поправил он, и вдруг небо озарилось алыми и золотыми сполохами.

Клэри на один головокружительный миг почудилось, что она перенеслась в ту ночь, когда бархатное небо над площадью Ангела раскрасил салют. Девушка даже отшагнула назад, чтобы лучше видеть.

Но никакого праздника не было. Когда глаза привыкли к ярким вспышкам, Клэри поняла, что светятся башни демонов. Словно факелы, они выбрасывали в небосвод алые и золотые пятна.

Джейс побелел как полотно:

– Боевые огни! Надо срочно в Гард!

Он схватил ее за руку и потянул вверх по лестнице.

Клэри запротестовала:

– Но моя мама!.. А как же Изабель, Алек...

– Да они тоже сейчас бегут в Гард, не сомневайся!

Ребята достигли вершины лестницы. Площадь Ангела быстро заполнялась людьми, которые распахивали двери своих домов, высыпали на улицу, торопились к освещенной дорожке, что вилась по склону холма до Гарда.

– Красно-золотой сигнал именно это и означает: «Все в Гард», – сказал Джейс и посторонился, пропуская вперед какого-то Сумеречного охотника, который на бегу надевал защитный наруч на левое предплечье. – Эй! Что случилось? – крикнул он ему вдогонку. – Почему объявлен сбор?

– Очередная атака! – не останавливаясь, бросил мужчина через плечо.

– Да, но какой Институт? – вмешалась Клэри.

Они были уже на торговой улочке, куда, помнится, ее водил Люк; всю дорогу приходилось бежать вверх, однако дыхание даже не сбилось. Девушка мысленно поблагодарила многомесячные тренировки.

Мужчина со стальным наручем обернулся и, продолжая двигаться спиной вперед, крикнул:
– Неясно еще. Нападение в самом разгаре.

С этими словами он вновь повернулся и на удвоенной скорости припустил к Гарду. Клэри сосредоточилась на задаче, как бы не сбить кого-то в толпе. Настоящий поток. Она не отпускала руку Джейса; по бедру колотил меч в ножнах, словно напоминая: я тут, на месте, готов услужить в любой момент.

Глинобитная дорога, ведущая в Гард, была довольно крутой. Клэри старательно смотрела себе под ноги; из всей боевой униформы на ней была лишь куртка, застегнутая доверху, а так она была в простых джинсах и кроссовках. И очень жаль, потому что ни в сапоги, ни в крепкие ботинки ни за что не попал бы вот этот проклятый камушек, который забрался в левую кроссовку и... Но тут они достигли наконец ворот Гарда и, замедлив бег, вскинули лица.

Ворота были распахнуты настежь. За ними просматривался просторный внутренний двор, травянистый летом, но сейчас совсем голый. Возле одной из защитных стен вихрился прямоугольник изрядных размеров, словно вырезанный в воздухе.

Портал. Девушке показалось, что она различила в нем что-то черно-зеленое, какие-то пятна слепящей белизны и вроде даже кусочек звездного неба...

Перед ними возник Роберт Лайтвуд, загораживая и Портал и дорогу. Джейс едва не врезался в него, резко свернул и был вынужден отпустить руку Клэри. Ветер из Портала бил в лицо холодом и мощью, нахально лез девушке под куртку, трепал ей волосы.

– Что происходит? – напряженным голосом спросил Джейс. – Опять атака на Лондон? Ведь отбили вроде?

Роберт отрицательно качнул головой, с его лица не сходило угрюмое выражение.

– Похоже, за лондонское фиаско Себастьян решил отыгаться в другом месте.

– Где? – выдохнула Клэри.

– Он обложил Адамантовую цитадель! – полетел над шумом толпы голос Джии Пенхоллоу. Консул встала возле Портала; вихрившийся в нем воздух хлопал полами ее плаща, словно это были крылья исполинской черной птицы. – Мы идем на помощь Железным сестрам! Кто с оружием и в доспехах – ко мне!

Во внутреннем дворе было немало нефилимов, хотя, как тут же сообразила Клэри, их численность оказалась не столь уж впечатляющей. По дороге, на бегу, толпа производила впечатление едва ли не моря, однако сейчас стало ясно, что вся группа состояла из сорока, от силы полусотни воинов. Кто-то в доспехах, с боевой амуницией, кто-то просто в уличной одежде. Далеко не все с оружием. Нефилимы, служившие непосредственно в Гарде, сновали в распахнутых дверях оружейного склада с охапками мечей, клинков серафимов, несли топоры и булавы, чтобы все сложить возле Портала.

– Я надеюсь, нас-то вы пропустите? – обратился Джейс к Роберту. Тот, полностью экипированный, с серым плащом Инквизитора на плечах, напоминал девушке скалистый утес: весь в буграх и такой же непоколебимый.

Роберт покачал головой:

– В этом нет нужды. Себастьян предпринял разведку боем. С ним лишь два-три десятка Помраченных. У нас вполне достаточно сил, чтобы обойтись без помощи детей.

– Я не ребенок! – рассвирепел Джейс.

В голове Клэри мелькнуло: а что, интересно, думает сейчас Роберт, глядя на приемного сына? Видит ли в Джейсе черты Валентина? Или по-прежнему ожидает найти что-то от Майкла

Вэйланда, то, чего там уже нет?

Джейс, в свою очередь, шарил взглядом по лицу Роберта Лайтвуда, золотой блеск его глаз потемнел.

– Что вы затеяли? Что-то от меня утаиваете? – выпалил он.

На лице Инквизитора резче обозначились морщины. В ту же минуту мимо Клэри протиснулась женщина в полной боевой амуниции, возбужденно вталкивая своему спутнику:

– Сказали нам попытаться захватить кого-то из Помраченных, привести сюда и попробовать вылечить. И это значит, что Джейсона можно будет спасти!

Девушка гневно взглянула на Роберта:

– Вы с ума сошли? Специально пропускаете в Портал тех, у кого родственники попали в плен? Наобещали им, что удастся спасти Помраченных?

Роберт угрюмо нахохлился:

– У нас нет доказательств, что это невозможно.

– Зато у нас есть! Спасти их нельзя! Они уже не те, кем были раньше. Но когда наши воины увидят знакомые, родные лица, они потеряют решимость, начнут колебаться, *не захотят поверить* собственным глазам...

– И тогда их всех перебьют, – тусклым голосом подхватил Джейс. – Роберт, вы обязаны остановить это безумие.

Тот лишь качал головой:

– Такова воля Конклава. Решение принято.

– А зачем их вообще посылать через Портал? – требовательно спросил Джейс. – Пускай остаются здесь, пускай сразу зарубят с полсотни наших людей. Сэкономите время.

– Сейчас не время для глупых шуток! – резко бросил Роберт.

– А я и не шучу.

– Ты что же, хочешь сказать, что пятьдесят нефилимов не смогут одолеть пару дюжин Помраченных?

Сумеречные охотники уже проходили через Портал по командам Джии. По спине Клэри побежали мурашки паники. Консул пропускала лишь тех, кто оказался в полной боевой экипировке, но многие из них были слишком юны или стары; мало того, немалая доля из их числа прибыла в Гард без оружия, и поэтому сейчас они хватали первое попавшееся под руку из груды, вытащенной со склада.

– Себастьян как раз и рассчитывает на такую реакцию, – в отчаянии заявил Джейс. – Если он атаковал лишь двумя десятками, значит, на это есть причина, он наверняка подготовил резервы...

– Которые ему ничем не помогут! – повысил голос Роберт. – Никто не может открыть Портал в Адамантовую цитадель без одобрения Железных сестер. Нас они пропустят, зато Себастьян должен прийти туда пешком, по земле. Откуда ему известно, что мы поджидаем его в Цитадели? Отследить его перемещения невозможно, и он в курсе, что это нам известно, вот почему он думает, что мы наблюдаем за обстановкой только вокруг Институтов. Сейчас у нас уникальная возможность, настоящий подарок...

– Себастьян не делает подарков! – крикнул юноша. – Да вы ослепли, что ли?!

– Не ослепли! – рявкнул Инквизитор. – Может, Джейс, ты его и боишься, но он лишь мальчишка и далеко не самый гениальный стратег всех времен и народов! Ты сам сражался с ним при Беррене, и он *потерпел поражение*!

Роберт вихрем развернулся и решительно зашагал к Джие. Джейс ошарашенно глядел на Клэри, словно ему только что вlepили пощечину. Девушка сомневалась, чтобы вплоть до сегодняшнего дня его хоть раз назвали трусом.

– Все равно пройду туда, – сказал он.

– Та к они тебя и пропустили.

– Не вопрос.

Его лицо под алыми и золотыми сполохами башен казалось высеченным из мрамора. За спиной юноши Клэри видела, как по склону холма подтягиваются все новые и новые Сумеречные охотники. Они болтали на ходу, словно впереди ждали ничем не примечательная битва или некое недоразумение, которое можно запросто решить, выслав с полсотни воинов на место предполагаемого инцидента. Они не были при Беррене. Не видели. *Не знали*. Клэри встретила глазами с Джейсом.

Скулы юноши заострились, челюсть окаменела.

– Зато настоящий вопрос в том, – сказал он, – каковы шансы, что ты дашь мне слово *ждать* здесь?

– Нулевые, и ты сам это прекрасно знаешь, – пожала Клэри плечами.

Джейс вздохнул и насупился:

– Знаю... Послушай, тут уже не шутки, дело может обернуться крайне серьезным образом...

Вокруг шумели чужие голоса, плывя над головами вместе с облачками выдыхаемого на морозе пара. Все делились новостями: дескать в самый разгар совещания по поводу недавней лондонской атаки вдруг сработал датчик и на оперативной карте возник символ, означающий появление Себастьяна; произошло это совсем недавно, у Себастьяна с собой небольшие силы, и, стало быть, есть реальный шанс остановить его раз и навсегда; ему уже дали по зубам в Лондоне, вот он и решил взять рева...

– Я люблю тебя, – сказала она. – Но даже не пытайся меня остановить.

Джейс взял ее за руку.

– Что ж, – еще раз вздохнул он. – Тогда вместе через Портал. Бегом.

– Бегом, – кивнула Клэри.

И ребята рванули с места.

Вулканическое плато простиралось во все стороны словно бледный лунный пейзаж, чей горизонт был изрезан ломаным профилем черных гор. Землю устилал снежный ковер: пухлый и мягкий во впадинах, сухой и хрупкий на пригорках. Сквозь лед проступали зазубренные грани скалистых обломков, там и сям на глаза попадались голые сучья облетевших кустарников, под ногами хрупал промороженный мох.

Луну скрывали тучи, темный бархат неба был исколот иглами звезд, притупившимися за тонкой пеленой тумана. Впрочем, тьму разгонял свет клинков, которыми оцетинилась боевая группа, да и вдали, когда глаза привыкли к полумраку, Джейс различил некое яркое пятно, напоминавшее полыхающий костер.

Они с Клэри вывалились из Портала почти одновременно, угодив в снег в полудесятке шагов друг от друга. Сейчас ребята держались плечом к плечу; Клэри была немногословна, снежинки усыпали ее медно-рыжие волосы. Вокруг звучали чьи-то возгласы и команды, с гулом вспыхивали клинки серафимов, порой долетал шепот, по именам взывающий к ангелам.

– Держись как можно ближе, – буркнул Джейс, когда они добрались до гребня холма. Перед прыжком он выхватил меч из груды оружия возле Портала и еще успел расслышать за спиной возмущенный окрик Джии. Он бы не удивился, если б она или Роберт прыгнули следом, но Портал, как ни странно, тут же сколлапсировал, оборвав рев ветра подобно захлопнувшейся двери.

Малознакомое оружие оттягивало руку. К тому же рукоять оказалась под правосторонний хват, хотя Джейс, если честно, предпочел бы левый. Лезвие в щербинах, словно побывало в немало числе боев. Эх, вот если бы что-то из личного арсенала...

Цель возникла перед глазами без предупреждения, будто рыбка выпрыгнула из воды, блеснув серебром. До этого Адамантовую цитадель он видел лишь на фотоснимках. Сложенная из того же материала, что и клинки серафимов, крепость сияла подобно звезде на небосводе – вот что, оказывается, Джейс поначалу принял за костер. Стена из адамаса окружала ее сплошным кольцом, даже бойниц не видно, лишь одна-единственная дверь треугольной формы, выполненная из стальных лезвий, словно в землю вонзили раскрытые исполинские ножницы.

Черный вулканический грунт вокруг Цитадели расстился во все стороны, перемежаясь белыми пятнами снега и в целом создавая впечатление шахматной доски. У Джейса непроизвольно вздыбились волосы на загривке. Он словно вновь попал в Беррен, хотя воспоминание о том дне было ничем не лучше кошмара: фигурки воинов Себастьяна, облаченных в алую униформу, и нефилимы Конклава в черной экипировке, клинок об клинок, звон сражения, возносящийся в ночной тьме, – и затем лишь пламя Блистательного, стирающее все, что имело место раньше.

Почва Беррена была темной, зато сейчас воины Себастьяна напоминали капли крови на белом холсте снега. Они ждали – красные точки под лучами звезд, в руках темные клинки, – рассыпавшись между нефилимами из Портала и воротами Адамантовой цитадели. Хотя до Помраченных было еще достаточно далеко и Джейс не мог различить их черты, он почему-то понял, что они улыбаются.

Мало того, юноша явственно ощущал растерянность тех, кто пришел вместе с ним. Сумеречные охотники проследовали в Портал такими уверенными – любая схватка нипочем! – зато сейчас, выстроившись на гребне и глядя сверху вниз на Помраченных, они оказались не готовыми к этому зрелищу. Наконец-то, но, увы, слишком поздно, они ощутили весь ужас

правды, прочувствовали предельную отчужденность Помраченных. Это уже не просто заблудшие овцы. У них вообще нет ничего общего с Сумеречными охотниками.

– Где же он? – шепнула Клэри. Ее дыхание окрасило морозный воздух в белое. – Где Себастьян?

Джейс покачал головой – алые капюшоны многих Помраченных были подняты, так что лиц не видно. Поди разберись, кто из них Себастьян...

– Так, ну а Железные сестры? – Клэри обвела равнину взглядом. Единственные белые пятна были снегом – и ни следа Железных сестер в их характерных одеяниях, столь знакомых по картинкам в *Кодексе*.

– Они будут сидеть в Цитадели, – сказал Джейс. – Чтобы защитить самое важное, что там имеется: арсенал. Пожалуй, вот причина, отчего Себастьян тут – он пришел за оружием. Думаю, сейчас Сестры выстроились вокруг внутреннего склада, и, если Себастьян или кто-то из его воинов доберется до него, они скорее уничтожат всю Цитадель, чем дадут ему завладеть добычей. – Голос юноши звучал угрюмо.

– Но если Себастьян тоже это понимает, если он знает, на что могут решиться Сестры... – начала было Клэри.

Чей-то крик взрезал ночь подобно кинжалу. Джейс дернулся вперед и лишь потом сообразил, что вопль донесся со спины. Вихрем развернувшись, он увидел, как оседает один из Охотников в старенькой, потрепанной униформе. Из его груди торчал клинок Помраченного, который невесть как очутился среди нефилимов. Еще через миг юноша узнал в злосчастном того мужчину, с которым они с Клэри перекинулись словами, пока бежали в Гард.

Темный охотник повернулся лицом, на его физиономии блуждала улыбка, он был крепко сложен, со светлой короткой шевелюрой. Сбоку от ребят раздался ошеломленный возглас, и вперед выскочила женщина, в которой Клэри признала ту блондинку, что разговаривала со своим спутником на пути к Порталу.

– Джейсон! – воскликнула она, и девушка поняла, что женщина обращается к Помраченному. – Джейсон, умоляю, выслушай меня!

Ее голос дрожал от слез и душевной боли. Блондинка шагнула ближе, протягивая руку к мужчине, который уже извлек из-за пояса второй меч, хищно поглядывая на говорившую.

– О нет! нет! – вмешалась Клэри. – Ни в коем случае! Не прибли...

Но блондинка была уже на расстоянии шага от Помраченного.

– Джейсон, – шептала она. – Ведь ты же мой брат. Ты один из нас, один из нефилимов. Умоляю, не делай этого... Себастьян не сможет тебя заставить... Пожалуйста... – Женщина в отчаянии огляделась кругом. – Пойдем с нами. Лекарство уже ищут, мы поможем тебе...

Джейсон расхохотался. Сверкнул меч – чуть наискосок, сверху вниз, – и по земле покатила голова с длинными светлыми волосами. Веером ударила кровь, черная на фоне снега; обезглавленное туловище осело. Кто-то зашелся истерическим визгом, но тут прозвучал предостерегающий крик, один из воинов махал рукой, показывая за спину.

Джейс вскинул взгляд и увидел ломаную цепь приближающихся Помраченных, причем с тыла, со стороны уже перекрытого Портала. В лунном свете посверкивали их клинки. Нефилимы посыпались с гребня навстречу атакующим, но уже не стройной колонной, а чуть ли не толпой. Воцарялась паника, Джейс это чувствовал; казалось, сам ветер начинает пахнуть сырой кровью.

– Молот и наковальня! – крикнул он, надеясь, что его поймут. Схватив Клэри за руку, он дернул ее в сторону, прочь от обезглавленного тела на снегу. – Это ловушка! – повысил он голос, пересиливая шум начавшейся рубки. – Живей к стене, куда угодно, где можно устроить Портал! Срочно уходим!

Девичьи зеленые глаза расширились. Джейсу хотелось сжать ее в объятиях, поцеловать, не отпускать от себя, защитить, но живший в нем ратоборец понимал, что несет ответственность за то, что у нее теперь такая жизнь. И потом, он же ее обучал, тренировал, готовил. Когда Джейс увидел в глазах Клэри искру понимания, то кивнул и отпустил ее руку.

Клэри кинулась бежать, на ходу дав крюк вокруг одного из Помраченных, которому противостоял кто-то из Безмолвных братьев в уже окровавленной пергаментной рясе и с посохом в руках. Из-под ног девушки полетела щебенка, она сама едва не поскользнулась на снегу, устремляясь к Цитадели. Еще через секунду ее фигурка затерялась в гуще сражения, и тут на Джейса надвинулся какой-то Помраченный, замахаясь секирой. Как и у всех, кто принадлежал к Сумеречным охотникам, его движения были стремительны, в скорости не уступая реакции дикого хищника. Выпрямившись во весь рост, он словно затмил собой луну. И тут в Джейсе взвилась кровь, хлестнула по венам, как пламя, сведя весь мир в одну точку: нет ничего, кроме этого мига – и клинка серафима в руке. Юноша прыгнул вперед, делая выпад.

Клэри нагнулась, подбирая упавший в снег меч. Геспер был вымазан кровью. Кровью чужой, принадлежавшей одному из Темных охотников, который до сих пор мчался прочь от девушки, чтобы вновь слиться с битвой, что кипела на равнине.

Причем такое бегство повторялось вновь и вновь. Клэри атаковала в надежде вызвать наконец на честный бой кого-то из Помраченных, но всякий раз они бросали оружие и кидались наутек, словно столкнулись с привидением. Поначалу девушка думала, что они испугались Геспера, спутав его с мечом-близнецом, который принадлежал Себастьяну. Однако в голову вкрались иные подозрения. Скорее всего, Себастьян приказал им не трогать ее, вот они и разбегаются.

От этой мысли хотелось визжать. Клэри понимала, что по-хорошему ей бы надо броситься за ними вслед, прикончить – да хотя бы ударом в спину или перерезав глотку, – но не получалось себя заставить. Уж очень они *напоминали* нефилимов, совсем как те. Снег был вымазан их *красной* кровью. Было бы трусливой подлостью нападать на тех, кто ни за что не станет отвечать тем же.

За спиной хрустнул ледок, и она развернулась с мечом наизготовку. Все заняло лишь пару мгновений: внезапное прозрение, что их боевую группу поджидала вдвое бóльшая численность врагов, нежели предполагалось, что они попали в клещи и что Джейс чуть ли не умолял ее сформировать Портал. Сейчас она пробивала себе дорогу сквозь толпу отчаявшихся. Кое-кто из Сумеречных охотников отбежал подальше, кто-то не сходил с места, полный решимости дать бой, но в целом их теснили вниз по склону, на равнину, где кипела самая жаркая рубка, где яркие клинки серафимов скрещивались с темными тесаками в черно-красно-белом смерче.

Впервые в жизни Клэри порадовалась собственной миниатюрности, которая позволила скользить сквозь толпу, лишь глазами цепляясь за картину беспощадного сражения. Вот девушка-нефилим – едва ли старше ее самой – отбивается от Помраченного, который габаритами и весом запросто мог заменить пару обычных Охотников; вот она уже на скользком от крови снегу, а вот над ее головой взмывает секира, раздается отчаянный крик, и клинок серафима тускнеет на веки вечные. Вот темноволосый молодой человек в черной униформе стоит над облаченным в красное телом. В руке окровавленный меч, по щекам струятся слезы, а он их и не замечает. Поблизости кто-то из Безмолвных братьев (было несколько неожиданно, но все же радостно видеть пергаментные рясы) раскраивает череп Помраченному ударом своего боевого посоха – и враг безмолвно оседает, как тряпичная кукла. Кто-то из своих стоит на коленях, обняв ноги женщины в красном; та бесстрастно глядит сверху вниз, затем погружает клинок между плеч своего близкого. И никого, кто бы ее остановил...

Клэри наконец выбралась на фланг и очутилась напротив Цитадели. Стены крепости невыносимо ярко сияли. Девушке показалось, что сквозь ворота-ножницы мерцает что-то вроде красно-золотого пламени. Не глядя, Клэри нащупала на поясном ремне стилус, выхватила его, уткнула кончик в стену – и оцепенела.

Буквально в нескольких шагах от нее кто-то из Темных охотников оторвался от сражающейся орды и метнулся к воротам. Он был вооружен булавой, под мышкой другой руки зажат кистень; бросив злорадный взгляд за плечо на явившуюся битву, он нырнул между половинками «ножниц»...

И те схлопнулись. Крика не было, лишь треснули кости да лопнули хрящи с тошнотворным мокрым хрустом, который прорвался даже сквозь шум сражения. Сквозь щель в исполинских стальных лезвиях брызнул фонтан крови, и Клэри лишь сейчас сообразила, что это далеко не в первый раз. Алые настенные потеки вокруг ворот напоминали развернутый веер, земля перед «ножницами» потемнела и приобрела бурый оттенок...

Девушка отвернулась и, не обращая внимания на желудочные спазмы, сильнее надавила на камень кончиком пера, заставляя себя вызвать перед глазами картинки Аликанте, зеленую лужайку напротив Гарда, заставляя оторваться от всего, что сейчас творилось вокруг нее.

– Бросай стилус, дочь Валентина, – прозвучал холодный, бесстрастный голос.

Клэри оцепенела. За ее спиной стояла Амалис с мечом, чье острие было нацелено точно на девушку. Хищная ухмылка блуждала по лицу женщины.

– Вот именно, – кивнула она. – Бросай стилус и иди куда скажу. Кое-кто будет ужасно рад тебя видеть.

– Пошевеливайся, Кларисса. – Амалис острием ткнула девушку в бок; не слишком сильно, чтобы прорвать куртку, но зато вполне ощутимо. Клэри выронила стилус, и верный инструмент сиротливо лег в кровавую слякоть. – И хватит пялиться по сторонам, – гаркнула женщина.

– Ты не можешь мне навредить, – сказала Клэри. – Так приказал Себастьян.

– Приказ действительно был, – согласилась Амалис. – Убивать запрещается, зато насчет сделать больно ничего не сказано. Та к что имей в виду, девчонка, я с радостью доставлю тебя с обрубленными пальцами. Даже не сомневайся.

Клэри подарила ей пристальный взгляд, но затем развернулась и, понукаемая Амалис, побрела в сторону битвы. Ее взгляд выщупывал лица Помраченных в поисках знакомой белобрысой головы среди алого моря. Девушке нужно было знать, сколько в запасе времени, прежде чем Амалис швырнет ее к ногам Себастьяна, ведь это будет означать, что шанс на побег или драку будет уже окончательно утрачен. Разумеется, Амалис отняла Геспер, и сейчас клинок Моргенштернов болтался у бедра женщины, подмигивая в сумраке звездами.

– Спорим, ты и сама не знаешь, где он сейчас? – сказала Клэри.

Амалис вновь ткнула ее мечом, и девушка едва не упала, споткнувшись о труп какого-то Темного охотника. Под ногами хлюпала жижа из грязи, снега и крови.

– Я его первый лейтенант и, стало быть, заместитель. Та к что всегда знаю, где его найти. Между прочим, он потому и приказал мне доставить тебя. Потому что доверяет!

– А вот и неправда. Ты для него вообще никто. Как и все остальные. Взгляни-ка. – Они добрались до невысокого гребня. Клэри остановилась и рукой обвела панораму битвы: – Вон сколько ваших полегло. Себастьяну попросту нужно пушечное мясо. Он вами пользуется, и все.

– Подскажи, куда смотришь. Потому что я вижу как раз трупы нефилимов. – Девушка следила за ней краешком глаза. Каштановые волосы с проседью метались на холодном ветру, взгляд твердый как камень. – Тебе не кажется, что Конклав просто раздавлен нашей численностью? А? Вон туда погляди. – Она ткнула пальцем, и Клэри невольно повиновалась.

Обе половины Себастьянова войска неумолимо сходились, беря нефилимов в кольцо. Многие из Сумеречных противостояли свирепо и умело, заставляя чуть ли не любоваться собой в бою под темными небесами, разрисованными узорами светящихся клинков. Впрочем, это ничуть не меняло того факта, что они были обречены.

– Какие же они предсказуемые... – усмехнулась Аматаис. – Вечно повторяют одно и то же: берут и посылают сквозь Портал первого попавшегося, кто окажется рядом с Гардом. А ведь многие из них никогда не были в реальном бою. Другие, напротив, слишком устали от сражений. И в любом случае никто из них не готов убивать врага с лицом сыновей, возлюбленных, друзей, *парабатаев*. – Последнее слово она прямо-таки выплюнула, ежась от гадливости. – Конклав не понимает ни стратегии Себастьяна, ни тактики его войска, и вот почему всех ваших перебьют раньше, чем они в этом разберутся.

– А откуда вообще взялось столько солдат? – потребовала Клэри. – Да-да, я про вас. По разведданным Конклава, Сумеречных всего-то было с пару десятков, к тому же Себастьян не мог укрыть на этой местности большие силы... Как же вы...

Запрокинув голову, Аматаис расхохоталась:

– Ах ты, малявка! Та к я тебе и сказала. Главное, что у Себастьяна есть много друзей.

– Аматаис. – Клэри старалась, чтобы голос не дрогнул. – Ведь ты одна из нас. Нефилим. Ты же сестра Люка!

– Нет у меня брата среди нежити. Ему давно надо было покончить с собой, как и советовал Валентин.

– Но как же так! Всякий раз, когда мы приходили в твой дом, ты была так рада его видеть. Та к счастлива...

А вот теперь укол мечом между лопаток уже не был столь неопасным, как раньше. Больно стало всерьез.

– В ту пору я была как в западне, – сказала Аматаис. – Думала, что мне действительно нужно получать разрешения Конклава и Совета. Нефилимы забрали у меня все. – Она повернулась лицом к Цитадели. – Железные сестры отняли мать. Потом одна из них взялась руководить моим разводом. Мою брачную метку рассекли напополам. Ты хоть представляешь, какая это боль? У них нет сердца, один лишь *адамас*, и я уж не говорю про Безмолвных братьев. Тебе кажется, они добрые, да? Мол, нефилимы добрые, потому что добродетельные? Но добродетель – это еще не доброта, и нет на свете вещи страшнее, чем самопровозглашенная праведность.

– Зато мы можем выбирать, – возразила Клэри. Но как, скажите на милость, объяснить концепцию свободной воли тому, кто утратил право выбора?

– Так, ну-ка помолчи... – вдруг резко выпрямилась Аматаис.

Девушка проследила за ее взглядом. Пару секунд было неясно, что так привлекло внимание женщины. Все, что видела Клэри, – это мельтешение схватки, кровавый снег, вспышки звездного света на клинках и колющее сияние Цитадели. И тут она сообразила, что картина побоища перестала быть хаотичной, что в ней появилось нечто вроде узора, словно ледокол проламывал витиеватый фарватер, оставляя за собой крошево. Худощавый Сумеречный охотник – это было видно по его черной униформе – двигался со скоростью лесного пожара, который в мгновение ока перемахивает через долину с кряжа на кряж, пламенем застилая все на своем пути.

С той лишь разницей, что в данном случае лесом было войско Себастьяна. Помраченные валились подрубленными снопами, даже не успевая развернуть оружие в сторону атаки, не говоря уже о возможности парировать и уж тем более контратаковать. Не прошло и минуты, как их ряды дрогнули, ошеломленно колыхнулись назад, на глазах теряя уверенность, так что сейчас Клэри уже могла различить своего рода просеку, посреди которой...

Вопреки всему, она даже усмехнулась:

– Джейс.

Аматис изумленно всосала воздух сквозь зубы. Это заняло лишь миг, но Клэри его вполне хватило, чтобы с разворота выполнить подбив щиколотки, как этому ее учил Джейс. Аматис рухнула, выбитый при падении меч забряцал по мерзлому грунту. Женщина уже делала «мостик», чтобы одним прыжком вскочить на ноги, когда Клэри навалилась всем телом, вновь утапливая противницу в снег. Юные пальцы уже нащупали Геспер, выхватили его из ножен, а еще через мгновение бритвенная кромка лезвия легонько куснула Аматис в горло.

– Вот именно, – усмехнулась Клэри. – Даже не сомневайся.

– Отпусти! – визжала Изабель на отца. – *Отпусти!*

Когда башни вспыхнули ало-золотым огнем, оповещая о срочном сборе у Гарда, они с Алеком тут же похватали свою амуницию, оружие и ринулись вверх по склону. У девушки вовсю колотилось сердце, но не из-за физической нагрузки, а от возбуждения. Алек был, как всегда, мрачноватым и неразговорчивым, зато хлыст Изабель буквально звенел. А вдруг и впрямь наступает момент истины, генеральное сражение, ведь может случиться, они столкнутся с Себастьяном на поле брани, и уж на сей раз она его прикончит.

За брата. За Макса.

Они с Алеком совсем не ожидали увидеть такое количество народа и ту поспешность, с какой нефилимов запускали в Портал. По дороге туда девушка потеряла брата в людском водовороте, но упорно продолжала протискиваться к вихрящемуся прямоугольнику; вон и Клэри с Джейсом, они вот-вот перешагнут порог, и Изабель удвоила усилия, как вдруг в нее мертвой хваткой вцепились чьи-то руки.

Отец.

Изабель забилась пойманной птицей, крикнула на помощь Алека, а Джейс и Клэри уже исчезли в беспокойном мареве Портала. Девушка даже зарычала, но на стороне отца были годы тренировок, рост и ширина плеч.

Он все же отпустил ее, но не раньше, чем мигнул захлопывающийся Портал, оставив после себя слепую стену оружейного склада. Нефилимы притихли, ожидая распоряжений. Джия Пенхоллоу объявила, что к Цитадели уже направлено достаточно сил и что резерву следует передислоцироваться в теплое помещение склада, а не торчать на морозе, на случай, если понадобится подкрепление. Да, она отлично понимает, что у народа чешутся руки взяться за дело, но отряд быстрого реагирования уже развернут, а Аликанте все равно надобна охрана и защита. И так далее.

– Ну? Поняла? – Роберт Лайтвуд раздраженно сверлил взглядом дочь. Та с удовлетворением отметила у него на запястьях сердитые алые полосы: следы ее ногтей. – Ты нужна zde...

– Хватит! – прошипела она сквозь стиснутые зубы. – Весь изоврался уже! *Сволочь!*

Роберт был до того огорошен, что с его лица будто тряпкой смахнуло все краски эмоций. От Саймона с Клэри она знала, что в культуре *примитивных* считалось едва ли не нормой периодически покрикивать на собственных родителей, однако Сумеречные охотники держались того мнения, что старших надо в любом случае уважать, а собственным нервишкам не давать воли.

Да только ей было не до уроков самообладания и самодисциплины. Во всяком случае, не сейчас.

– Изабель... – Алек занял свое привычное место возле ее плеча. Толпа рассасывалась, и краем сознания девушка понимала, что многие нефилимы уже переместились в Оружейный склад. Те же, кто пока оставался на улице, смущенно отворачивались. У Сумеречных было не принято упиваться чужими семейными сценами. – Изабель, пошли.

Алек потянулся к ее руке; она раздраженно вырвалась. Изабель любила брата, но еще никогда не испытывала столь жгучего желания дать ему в глаз.

– Нет, – бросила она. – Клэри с Джейсом уже на войне. А мы? Мы-то чем хуже?

Роберт Лайтвуд выглядел усталым и осунувшимся.

– Это вышло случайно, – сказал он. – Их просто не успели остановить. И это вовсе не означает, что ваше место тоже там.

– Они не дети, знают, что делают, – резко отозвалась Изабель. – Тем более что против Себастьяна надо выставить как можно больше сил, а вовсе не наоборот.

– Изабель, у меня нет на это времени, – заявил Роберт, гневно взирая на Алека, словно желал сказать: «Ну когда же ты займешь мою сторону?!» – У Себастьяна всего лишь пара десятков солдат. А вот мы направили целых полсотни.

– Два десятка Помраченных – все равно что сотня наших, – ровным тоном промолвил Алек. – Могут запросто перебить.

– Если с Джейсом и Клэри что-то случится, виноват будешь ты, – заявила Изабель. – Как с Максом.

Роберт Лайтвуд вздрогнул.

– Изабель, – во внезапной, страшной тишине раздался голос матери. Девушка резко обернулась, к ним со спины приближалась Мариза; как и Алек, она выглядела ошеломленной. Где-то в глубине души Изабель испытывала скорбь и стыд, однако что-то в ней вышло из-под контроля, кипело изнутри, как вулкан. Она устала притворяться, что все идет нормально. – Алек прав, – сказала Мариза. – Надо вернуться домой и...

– Нет, – заявила Изабель. – Ты разве не слышала, что сказала Консул? Мы нужны здесь, в Гарде. А вдруг нашим понадобится помощь?

– В таком случае им будут нужны взрослые, а не дети, – возразила Мариза. – Если не хочешь идти домой, тогда хотя бы извинись перед отцом. Ведь... ведь во всем, что случилось с Максом, виноват лишь Валентин.

– Да? А вот если бы ты в свое время не стояла за Валентина, той войны вообще могло и не быть, – прошипела Изабель, после чего перенесла огонь на отца: – Я устала! Устала делать вид, будто ничего не знаю и не понимаю. Например, я знаю, что ты изменял моей матери. – Она уже не могла сдержат слов, они рвались наружу как потоп. Мариза побелела, у Алека отвалилась челюсть, а Роберт выглядел так, словно его ударили в лицо. – Еще до рождения Макса. Я знаю. Она мне рассказала. Изменил с женщиной, которая погибла на войне. Причем ты собирался нас бросить, всех нас, а остался лишь потому, что на свет появился Макс, и я готова спорить, что ты рад его смерти, потому что сейчас у тебя развязаны руки и ты можешь уйти.

– Изабель... – ужаснулся Алек.

Роберт повернулся к Маризе:

– Ты ей это рассказала?! Ангел, спаси и сохрани! Когда, Мариза?

– Выходит, это правда?... – пролепетал Алек дрогнувшим от омерзения голосом.

Роберт побледнел:

– Александр, я прошу тебя...

Но тот уже повернулся к отцу спиной. Сейчас вокруг никого не было, и лишь у входа в оружейный склад стояла Джия. Алек направился в ее сторону, и до Изабель донесся неразборчивый разговор на повышенных тонах.

Что же касается родителей, то они оба смотрели на дочь так, словно весь их мир только что встал с ног на голову. Она и не представляла, что способна на такое. Изабель ждала, что отец начнет сейчас кричать на нее, но он молчал – стоял и молчал, завернувшись в серый плащ Инквизитора, совершенно потерянный. Наконец он кашлянул, прочищая глотку.

– Изабель, – прозвучало хрипло, – какие бы еще мысли ни приходили тебе в голову, ты же не можешь... ведь когда мы потеряли Макса... я...

– Нет, – замотала она головой, пятась и спотыкаясь на ходу в такт ударам разбитого сердца, – нет, вообще не смей со мной разговаривать...

Потом развернулась и бросилась прочь.

Джейс прыгнул, сбивая Темного с ног, и, припечатав к земле, отправил на тот свет безжалостным секущим ударом клинка. Каким-то образом он обзавелся уже вторым мечом, хотя и сам не мог сказать, где это произошло и при каких обстоятельствах. Кругом лишь кровь, а в голове бушует огонь.

Ему уже доводилось сражаться, и не раз. Джейсу был хорошо знаком бегущий по венам зуд, шепот замершей Вселенной, в которой теперь двигался лишь он; каждое движение точное, выверенное. Какая-то часть его разума самостоятельно следила за тем, чтобы кровь, боль и вонь оставались за прозрачной льдистой стеной.

Впрочем, это был не лед. А огонь. Жар, который тек по его жилам, бросал юношу вперед, убыстрял любое движение, так что Джейсу казалось, будто он в полете. Он отшвырнул только что обезглавленный труп под ноги другому Темному охотнику, сбивая того, как алуую кеглю... вернее, ее, потому что врагом оказалась женщина, но Джейс, не дрогнув, одним четким ударом рассек ее туловище пополам. Кровь хлынула на снег. Юноша был уже вымазан ею с головы до ног; амуниция, пропитавшаяся чужой кровью, стала липкой и тяжелой, на языке с каждым вздохом ощущался солоновато-металлический привкус.

Ловко перескочив через располовиненный труп, Джейс направился к очередному противнику, шатену в алой униформе с разодранным рукавом. Юноша взметнул меч правой рукой – и враг вздрогнул, что крайне удивило Джейса. До сих пор Темные ничем не выказывали, что способны бояться, они даже умирали беззвучно. Зато вот у этого экземпляра физиономия прямо-таки перекошена от ужаса...

– Полноте, Эндрю, вовсе ни к чему так нервничать. Ничего я тебе не сделаю, не пугайся, – раздался из-за спины голос, знакомый до боли и звонкий до хрустальности. Разве что с легкой ноткой раздражения. – Если, конечно, ты сообразишь вовремя убраться с дороги.

Шатен тут же метнулся прочь от Джейса, который медленно развернулся, уже зная, что предстоит увидеть.

Напротив него стоял Себастьян. Такое впечатление, что он возник из ниоткуда, хотя Джейс этому и не удивился. Он знал, что Себастьян до сих пор владеет Валентиновым перстнем, который позволяет исчезать и появляться по собственной прихоти. Одет он был в алуую униформу, сплошь покрытую рунами – защитными, исцеляющими и рунами на удачу, прямоком из «Серой книги». Красный цвет еще больше оттенял бесцветность его шевелюры; улыбка казалась бескровной резаной раной поперек лица; глаза ощупывали Джейса с головы до ног.

– Мой самый верный друг, – промолвил он. – Соскучился?

Мечи Джейса взметнулись вспышками молний, оба острия застыли в миллиметре от сердца Себастьяна. Со всех сторон раздался гул голосов – похоже, их окружала целая толпа. Словно сговорившись, и Темные, и нефилимы отложили схватку, чтобы понаблюдать за происходящим.

– Я по гадюкам не скучаю.

Себастьян неторопливо приподнял брови, ироничным взглядом встречая ответный взор. Глаза черные, как у отца. Джейс различил себя в бездонном колодце зрачков, увидел дом, который некогда делил с Себастьяном; общий стол; обоюдные подначки и смех; сражения, через которые они прошли плечом к плечу. Он тогда подчинился Себастьяну полностью, полностью отказался от собственной воли – и жизнь была легкой, усладительной. В глубине предательского

сердца до сих пор ныла тоска по быломu, и Джейс это знал.

И вот почему ненавидел Себастьяна еще больше.

– Тогда неясно, чего ради ты сюда заявился, – сказал Себастьян. – Ты же прекрасно знаешь, что клинок против меня бессилен. Надеюсь, та соплячка из лос-анджелесского Института рассказала об этом?

– А я бы все равно порубил тебя на фарш, хотя бы из любопытства, – ответил Джейс. – Интересно было бы взглянуть, что и как ты станешь делать. А можно и голову снести. Убить, может, и не убьет, но я хотя бы посмеюсь, как ты будешь за ней бегать.

Себастьян не утратил улыбку.

– На твоём месте, – молвил он, – я бы воздержался от подобных экспериментов.

Джейс коротко выдохнул; в морозном воздухе расплылся султанчик пара. *Не дай ему заговаривать зубы*, визжало у него в голове, но вся беда в том, что он слишком хорошо знал Себастьяна: тот ненавидел блеф. Зато обожал иметь всамделишное преимущество.

– Вот как? Отчего же? – процедил Джейс сквозь стиснутые зубы.

– Моя сестра, – сказал Себастьян. – Ты отослал Клэри сотворить Портал? Не слишком умная затея, не следовало вам разделяться. Кое-кто из моих людей сейчас держит ее на очень коротком поводке. Может статься, в буквальном смысле. Поднимешь на меня руку, и ей перережут глотку.

Нефилимы за спиной загудели, но Джейс не мог позволить себе отвлечься. Девичье имя отозвалось мощными толчками крови по венам; в том месте, где руны Лилит некогда соединили его с Себастьяном, возникло жжение. Говорят, врага надо знать как себя самого, но что прикажете делать, когда у вас обоих одна и та же слабость?

Гудение толпы переросло в негодующий рев, когда Джейс опустил оба своих меча. Себастьян отреагировал на это с такой легкостью и быстротой, что превратился в размытый силуэт, когда ударом ноги по запястью выбил правый клинок из онемевшей от боли руки. Джейс тут же отскочил назад, однако Себастьян его опередил, махнув моргенштерновским мечом, от которого Джейсу пришлось уклоняться всем корпусом, да и то на ребрах остался багровый рубец.

Сейчас на клинке врага появилась и его кровь.

Он поднырнул при очередной атаке, когда над головой свистнула сталь, услышал, как Себастьян выругался, и контратаковал в свою очередь. Клинки звонко схлестнулись, а предводитель Помраченных ухмыльнулся.

– Ничего у тебя не выйдет, – сообщил он. – Я лучше тебя, всегда был лучше. И вообще мне нет равных.

– Особенно в скромности, – кивнул Джейс, и их мечи расстались друг с другом под скрежет и дождь искр. Юноша отшагнул назад, разрывая дистанцию.

– Из-за Клэри ты вообще не можешь мне навредить, – безжалостно гнул свое Себастьян. – Как и она не смогла из-за тебя. Два сапога пара: не умеете жертвовать другими. – Он сделал выпад с косым рубящим взмахом. Джейс парировал, хотя после принятого удара по руке побежали волны боли. – По идее, раз вы так одержимы праведностью, кто-то из вас уже должен был отказаться от уз дружбы и любви во имя великой идеи, но не тут-то было. Любовь, знаешь ли, вещь эгоистичная, так что вы оба законченные себялюбцы.

– Ни черта ты в нас не понял, – отдуваясь, выпалил Джейс; ему уже не хватало дыхания, к тому же он сам понимал, что сражается в чисто оборонительной манере, даже не контратакуя. Руна мощи у него на руке зудела, пуская в ход последние запасы сил. Плохо дело.

– Уж в своей-то сестре я разбираюсь, – возразил Себастьян. – И пусть не прямо сейчас, но очень скоро я узнаю ее со всех мыслимых и немыслимых сторон. – Он вновь ухмыльнулся, на сей

раз с хищной беспощадностью. Однажды у него уже было похожее выражение лица, давно, летней ночью возле Гарда, когда он сказал: «А может, ты злишься, что я целовался с твоей сестрой? Потому что она меня хотела».

Тошнота захлестнула Джейса, тошнота и гнев; он кинулся на Себастьяна, забыв на мгновение все правила боя на мечах. Юноша уже не следил за правильностью хвата, за балансом и углом нанесения удара, ему было все равно, лишь гнев заполнил все мысли.

Ухмылка Себастьяна разъехалась чуть ли не до ушей, когда он ловко отшагнул в сторону и подсечкой сбил Джейса с ног. Тот кулем рухнул на землю, больно приложившись спиной о промерзший грунт, отчего даже дыхание сбилось. Он не увидел меча, а услышал лишь посвист его кромки, перекатом успев уйти из-под удара в самый последний момент. Над головой в сумасшедшем танце прокрутились черные и серебристые звезды клинка, в поле зрения возник Себастьян-исполин, вновь перед глазами стремительный хоровод черного и серебристого, опускается меч, и Джейс снова уходит от него перекатом – только на сей раз с запозданием.

Боль пришла мгновенно, чистая и незамутненная, когда клинок погрузился в плечо. Все равно что угодить под удар током: тело корчится с головы до пят, мышцы сводит судорогой, хребет выгибается в обратную сторону. Жаркая волна пронзила Джейса насквозь, словно кости обгорали до угольков, только изнутри. Его внутреннее пламя схлопнулось в комок, затем хлынуло по всем венам и жилкам, вдоль позвоночника, все выше и выше...

Джейс увидел, как распахнулись глаза Себастьяна, как в его зрачках отразился он сам: распростертый на черно-красной почве, с пылающим плечом. Языки пламени хлестнули из раны, как кровь, ударили фонтаном искр, и одна из них в легком танце взбежала по клинку Фосфора, впиваясь в рукоять.

Себастьян с воплем и ругательствами разжал пальцы, тряся ладонью, будто меч только что его ужалил. Выроненное оружие забряцало по мерзлым комьям земли, но Себастьян не обратил на это внимания, разглядывая вскинутую руку. Даже сквозь пелену боли Джейс сумел увидеть черную отметину страшного ожога, своей формой повторявшего очертания рукояти.

Юноша зашевелился, приподнялся на локтях, отчего в плечо ударила столь жуткая боль, что он на миг испугался потерять сознание. В глазах действительно на миг померкло, а затем, когда зрение восстановилось, над ним вновь высился Себастьян, весь перекошенный от бешенства, да еще с Фосфором в руке. Однако на сей раз они вдвоем находились внутри круга из каких-то иных фигур. Женщины. Облаченные в белые одеяния греческих пифий, с глазами, метавшими оранжевое пламя. Лица татуированы, как театральные маски, но с куда более изящными, витиеватыми узорами под стать вьющимся растениям. Пленительные и вместе с тем жуткие в своей красоте. Железные сестры.

Каждая стискивает в руках по клинку из адамаса острием вниз. Молча, не разжимая сурово сомкнутых уст. Среди них стоит и кто-то из Безмолвных братьев, тот самый, которого Джейс заметил ранее, еще на равнине, с боевым посохом – он так искусно орудовал им.

– Шесть сотен лет мы не покидали стен нашей Цитадели, – промолвила одна из Сестер, высокая женщина, чьи волосы ниспадали черными косицами до самого пояса. Глаза ее светились в темноте, как окошечки кузнечного горнила. – Но нас призвал Небесный огонь, и вот мы здесь. Отступись от Джейса Лайтвуда, сын Валентина. И помни: за малейший вред, причиненный ему, мы тебя уничтожим.

– Знаешь, Клеофа, – довольно равнодушно сказал Себастьян, поигрывая мечом, – вам не поможет ни сам Джейс Лайтвуд, ни пламя в его жилах. Потому что у нефилимов нет спасителя.

– Ты лишь сейчас узнал, как страшен может быть Небесный огонь, – ответила Клеофа. – Время ретироваться, мальчишка.

Острие моргенштерновского меча опустилось ближе к Джейсу, затем еще ближе, и

Себастьян прыгнул с воплем вперед. Сталь свистнула возле уха юноши, вонзаясь в грунт.

Сама земля вздрогнула, будто ее ранили, от клинка побежали во все стороны судорожные складки. У Джейса то темнело, то светлело в глазах, как если бы сознание напоминало угасающий костер; из раны на плече до сих пор изливался огонь. Он успел заметить триумфальное выражение лица Себастьяна, когда тот начал заходиться хохотом, и тут земля треснула, как кожа переспелого плода. Возле них возникла расселина, куда Себастьян и прыгнул.

– Алек, не все так просто, – утомленно возразила Джия. – Портальная магия – вещь более чем запутанная, да и мы пока что не получали от Железных сестер каких-либо призывов о помощи. А потом, не забывай, пожалуйста, что сегодня утром произошло в Лондоне. Мы обязаны оставаться здесь, быть начеку...

– Говорю же: я знаю! – повысил голос Алек. Его трясло, но дело было вовсе не в холоде, хотя холм продувало насквозь. Частично сказывался шок от тех слов, что Изабель бросила родителям, от того выражения, которое было написано на лице отца. В целом, однако, все объяснялось нехорошим предчувствием, которое ледяными каплями стекало по спине. – Вы не понимаете, что такое Помраченные, понятия не имеете, как они себя ведут...

Вдруг он сложился в поясе, как перочинный ножик. Нечто раскаленное пронзило его, как дротик, из плеча в живот. Не сдержав крика, он упал на колени.

– Алек?... Алек!

Джия придерживала его за плечи. Краешком сознания он уловил, что откуда-то издалека к ним мчатся родители. В глазах все крутилось от боли, которая накачивала вновь и вновь, нахлестываясь на самое себя, тем более что это не было всамделишной болью: пылающие угли внутри его грудной клетки горели в теле кого-то другого.

– Джейс... – скрежетнул он стиснутыми зубами. – Что-то случилось... огонь... Открывайте Портал, живее!

Хоть Аमतис и лежала распростертой на земле, это не помешало ей рассмеяться.

– Ты меня не убьешь, – заявила она. – Кишка тонка.

Тяжело дыша, Клэри слегка надавила на меч, чей кончик упирался в горло противницы:

– Ты меня еще не знаешь.

– Вот как? Тогда присмотришься ко мне. – В глазах Аमतис что-то поблескивало. – Присмотришься и скажи, что видишь.

Девушка прищурилась, хотя уже знала ответ. Аमतис и ее брат не были близнецами, но линия подбородка, те же самые доверчивые голубые глаза, каштановые волосы с проседью не оставляли никаких сомнений в родстве.

– Прощу пощады, – продолжала та, вскидывая руку, чтобы отвести клинок Клэри. – Сжался надо мной.

Пощадить... Девушка оцепенела, в то время как Аमतис поглядывала на нее, не скрывая насмешки. *Добродетель – это еще не доброта, и нет на свете вещи страшнее, чем самопровозглашенная праведность...* Клэри знала, что следует на месте перерубить глотку этой женщине, однако как потом сказать Люку, что она собственной рукой убила его сестру? Пока та лежала на земле, моля о пощаде?

Девушка сама ощутила, как дрогнула ее рука, словно утрачивала нервные связи с остальным телом. Звуки битвы стали глуше; еще доносились чьи-то крики и причитания, но Клэри не смела повернуть голову. Все ее внимание было сосредоточено на Аमतис, на собственных пальцах, что обвивали рукоять Геспера, на тоненькой алой струйке, извивавшейся под подбородком лежащей

женщины...

Земля взорвалась, как вулкан. Клэри поскользнулась на снегу, сметаемая в сторону невидимой дланью; девушка покатилась, едва не поранившись о собственное оружие. При ударе о грунт сбилось дыхание, но она уже карабкалась на ноги, стискивая меч, пока кругом все тряслось и ходило ходуном. *Землетрясение!* – мелькнуло в голове. Уцепившись за какой-то валун, она заметила, что Аматайс успела перевалиться на колени и теперь озиралась по сторонам с хищной улыбкой.

Отовсюду неслись чьи-то вопли, в ушах стоял страшный звук, будто раздирали исполинский кусок ткани. На глазах потрясенной девушки почва разверзлась, открывая бездонный провал. Камни, земляные комья, зазубренные куски льда повалились в эту расселину, и Клэри суетливо попятилась прочь. Трещина быстро расползалась в стороны, превратившись вскоре в пропасть, чьи отвесные стены падали в темноту.

Тряска потихоньку сходила на нет. Вдруг донесся хохот. Вскинув глаза, Клэри увидела, что Аматайс, насмешливо ухмыляясь, уже стоит в полный рост.

– Засвидетельствуй брату мою вечную любовь! – издевательски крикнула женщина, прыгая в бездну.

У Клэри бухнуло сердце; она подскочила на месте и бросилась к пропасти, напряженно вглядываясь вглубь. Несколько метров сырой земли, а дальше ничего, сплошная тьма – и тени, колыхание каких-то сероватых теней. Оглянувшись по сторонам, девушка увидела, что со всех сторон к расселине несутся Помраченные и без колебаний сыпятся в темноту. Как пловцы на соревнованиях по плаванию, сосредоточенные, знающие что к чему, уверенные в себе и том бассейне, куда ныряют.

В отличие от облаченных в алую униформу врагов, которые неудержимо кидались в пропасть, нефилимы старались как можно дальше держаться от края. По ним напряженно шарил взгляд Клэри, выискивая одну конкретную светловолосую фигурку в черном.

И тут девушка замерла. В нескольких сотнях метров от нее, в опасном соседстве со страшным обрывом, стояла группа женщин в белоснежных хитонах. Железные сестры. В просвете между ними Клэри различила чье-то распростертое тело, над которым склонился некто в пергаментной рясе...

Клэри пулей сорвалась с места. Она понимала, что нельзя мчаться с обнаженным мечом сломя голову, но ничего не могла с собой поделать. Петляя между Помраченными и нефилимами, девушка наконец добралась до места, где снег был пропитан кровью, превратился в скользкое месиво, но Клэри не снижала темпа и наконец выскочила в круг, где находился Джейс.

Юноша пластом лежал на голом мерзлом грунте, и ее сердце, готовое в любую секунду взорваться, забило чуточку медленнее, когда она увидела его раскрытые, помаргивающие глаза. Впрочем, он был страшно бледен, дышал натужно и хрипло. Над Джейсом склонился кто-то из Безмолвных братьев, чьи узкие бескровные пальцы возились с наплечными застегками амуниции.

– Что? Что случилось?! – встревоженно выдохнула Клэри, озираясь по сторонам, но единственным ответом был невозмутимый встречный взгляд полудюжины молчаливых и неподвижных женщин, что выстроились кругом. На той стороне пропасти стояла еще одна группа Железных сестер, бесстрастно наблюдавших, как Помраченные один за другим ныряют в темную бездну. – Да что ж это такое?! Почему вы все молчите?

– Себастьян... – выдавил Джейс сквозь стиснутые зубы, и Клэри упала возле него на колени. Безмолвный брат напротив нее наконец справился с застегками, и глазам девушки открылась глубокая рана в плече. – В своем репертуаре...

Рана сочилась огнем.

Не кровью, но пламенем, чьи языки были подернуты золотом, точь-в-точь как ангельский ихор^[7]. Клэри всхлипнула, подняла умоляющие глаза на Безмолвного и узнала в нем брата Захарию, когда тот, извлекая стилус из-под рясы, на миг откинул капюшон, открыв бледное, изможденное лицо, все состоящее из углов и ломаных линий. Но что интересно: вместо того чтобы применить стилус к Джейсу, он приложил его кончик к собственной ладони, выписывая на ней какую-то руну. Весь процесс нанесения рисунка занял едва ли пару секунд, однако Клэри даже на расстоянии ощутила исходящую от руны силу. Девушка невольно передернула плечами.

«*Не шевелись. Сейчас боль отступит*», – донесся со всех сторон мыслешепот брата, и на зияющую огненную рану в плече легла монашеская рука.

Джейс вскрикнул, выгибаясь всем телом, подобно охотничьему луку, а пламя, доселе сочившееся тяжелыми, густыми каплями, вдруг взметнулось столбом, как если бы в угли костра плеснули керосином, опаливая руку Захарии. Рукав пергаментной рясы зашелся огнем, монах резко отстранился, но слишком поздно. По его руке резво побежала огненная волна, охватывая торс и голову. В пылающей глубине девушка различила какой-то узор – надо думать, это и была руна: два крыла, соединенных воедино перекладной. Однажды Клэри уже видела нечто подобное на крыше одного из зданий Манхэттена – самая первая в ее жизни руна не из «Серой книги». Мигнув яркой вспышкой, узор исчез, да так быстро, что девушка даже засомневалась: уж не показалось ли? Эта руна уже проявлялась в минуты паники и великих потрясений, но что могла означать сейчас? Доступна какая-то помощь, но кому? Джейсу? Или же Захарии?

Безмолвный брат навзничь рухнул в снег; от его тела исходило шипение и поднимался пар, словно от обугленного в лесном пожаре дерева.

Такое зрелище подействовало даже на Железных сестер. Их строй колыхнулся, раздались невнятный гул и ропот. Того, что случилось с братом Захарией, не ожидал никто. Что-то пошло совсем, совсем не так...

Железные сестры шагнули к своему павшему собрату, закрывая его от взора девушки, но та и не смотрела в его сторону – она уже тянулась к Джейсу. А он, сомкнув веки и запрокинув голову, корчился в судорогах. Клэри беспомощно заозиралась по сторонам. Между силуэтами Железных сестер виднелось тело брата Захария, который тоже содрогался в корчах; по его телу до сих пор бегали потрескивающие язычки. Из глотки брата вырвался стон – вполне человеческий и мучительный, а не безмолвный, телепатический шепот. Им уже занималась сестра Клеофа, гасившая тлевшую рясу, и Клэри слышала нарастающий речитатив женских голосов: «Брат Захария, брат Захария...»

Но ранен был не только он. Кое-кто из нефилимов обступал Джейса, однако многие были заняты другими пострадавшими, стремительно чертили исцеляющие руны, копались в кожаных под сумках в поисках бинтов.

– Клэри, – шепотом позвал Джейс. Он силился приподняться на локтях, но те отказывались удерживать торс. – Брат Захария... Что случилось?... Что я с ним сделал?...

– Нет-нет, Джейс, ничего ты ему не сделал, лежи спокойно.

Клэри убрала свой меч в ножны и онемевшими пальцами зашарила вдоль поясного ремня юноши, нащупывая его стилус. Протянула было руку, чтобы прижать кончик инструмента к плечу Джейса, но тот отдернулся в сторону.

– Нет! – задохнувшись от боли, выдавил он. В его до предела распахнутых глазах горело золото. – Не прикасайся!.. Ты тоже страдаешь...

– Чушь!

И девушка решительно навалилась сверху, впечатывая Джейса в снег, не обращая внимания на то, что успела вымазаться кровью, которая пропитала его одежду. Тело раненого оказалось горячим, как у больного лихорадкой.

Клэри всем своим весом навалилась на его бедра, не позволяя встать.

– *Джейс*, – сказала девушка и кончиком стилуса коснулась голой кожи чуть выше раны.

В следующий миг она вновь была на борту судна в компании собственного отца, вкладывая все свое умение, всю силу духа и последние запасы энергии в руну, которая сожжет мир, обратит вспять саму смерть и заставит океаны взметнуться в небеса. С той лишь разницей, что на сей раз она рисовала простейшую руну, ту самую, которую любой Сумеречный охотник еще малым ребенком осваивал на первом году обучения.

Исцели меня.

На плече Джейса обретала форму *иратце*; цвет спирали, выходившей из-под пишущего острия, был до того черным, что в нем, казалось, тонули звездный свет и ослепительный блеск Цитадели. Клэри физически чувствовала, как руна вытягивает энергию из нее самой. Еще никогда ей не доводилось столь явственно ощущать, что наносимый ею узор был продолжением ее собственных вен, будто она выписывала рисунок своей кровью. Жизненная энергия по пальцам уходила в пишущий инструмент, поле зрения сужалось и темнело, и ей приходилось напрягать всю волю, чтобы стилус не дрогнул, чтобы руна была завершена правильно. Последнее, что увидела Клэри, был вихрящийся прямоугольник Портала, сквозь который просматривалась площадь Ангела, и мигом позже она провалилась в ничто.

Рафаэль стоял, сунув руки в карманы, и разглядывал башни, мерцавшие темно-красными сполохами.

– Что-то у них пошло сикось-накось, – задумчиво сказал он. – Что-то из ряда вон...

Саймона так и подмывало проворчать, мол, ясно дело, меня же похитили и второй раз в жизни притащили в Идрис, но подступавшая к горлу тошнота не давала это сделать. Он и забыл, что при прыжке через Портал тебя сначала разбирают на кусочки, а когда ты окажешься на другой стороне, тебя собирают вновь, но при этом куда-то пропадают важные детальки.

А потом, Рафаэль прав. Что-то действительно пошло здесь не так. Поскольку Саймону уже доводилось бывать в Аликанте, он помнил и дороги, и каналы, и холм, что возносился над городом. Ночной порой на столичных улицах, подсвеченных огнем сторожевых башен, царила тишина, однако нынешним вечером со стороны Гарда доносился шум и гам, а холм оказался расцвечен доброй дюжиной костров. Что же касается самих башен, они то и дело вспыхивали жутковатым ало-золотым пламенем.

– Цветовой код, – пояснил Рафаэль. – Огнем башен передают сообщения. Золотым принято оповещать о празднествах и бракосочетаниях. Синим – подписание новых договоров.

– Ну а для чего используют красный? – насторожился Саймон.

– Тревога, – мрачно сказал Рафаэль, прищуривая глаза. – Непосредственная опасность.

Он неторопливо повернул голову, присматриваясь к безлюдной набережной и домам, выстроившимся вдоль канала. В росте Рафаэль на целую голову уступал Саймону. В голове юноши пронеслась мысль: а вот интересно, сколько ему было лет, когда случилось Превращение? Четырнадцать? Пятнадцать? Ненамного старше, чем та же Морин. И еще: кем был его создатель? Магнус наверняка знает, но молчит как рыба.

– Дом Инквизитора вон там, – сказал Рафаэль, показывая на один из самых крупных особняков, с крутобокой крышей и балконами, нависшими над гладью канала. – Причем, что любопытно, ни единого огонька. Гм...

Саймон не мог оспорить сей очевидный факт, хотя его небьющееся сердце все же дернулось при взгляде на этот дом. Теперь тут живет Изабель. И одно из вон тех окон принадлежит ей...

– Должно быть, все собрались возле Гарда, – предположил он. – У них так принято. Собrania там всякие. Совецания. – Саймон не любил вспоминать про Гард, где уже побывал по милости предыдущего Инквизитора. – Наверное, есть смысл туда сходить. Может, чего и прояснится.

– Ага, спасибо за совет. А то сам я не знал про эти собрания, – отозвался вечно язвительный Рафаэль, однако Саймон отметил про себя его непривычную задумчивость и неуверенность. – Как бы то ни было, пусть сами разбираются, мы в дела Сумеречных не лезем. Неподалеку отсюда есть домишко – резиденция представителя от вампиров в составе Совета. Ну что, там остановимся?

– Вместе?

– Вообще-то, дом немаленький, – пожал плечами Рафаэль. – Ты на одном краю, я – на другом...

Саймон вздернул брови. Он и сам не знал, чего именно ожидать, однако мысль провести ночь под одной крышей с Рафаэлем ему даже не приходила в голову. Он не то чтобы опасался быть зарезанным во сне, просто сама идея казалась чрезвычайно странной: можно сказать, добровольно подставить спину тому, кто тебя ненавидит...

Сейчас зрение Саймона было идеальным – одна из тех немногих вещей, которые скрашивали его существование в качестве вампира. Все было четким и ясным, мелкие детали вполне различимы даже на расстоянии – и вот почему он увидел ее первым.

Она куда-то спешила; лицо опущено, темные волосы заплетены в косы, как она делала всякий раз, когда ожидалось сражение. Боевая экипировка, кстати, на месте; по булыжникам мостовой цокают подкованные сапожки.

Да-а, Изабель Лайтвуд, умеешь ты разбивать сердца, что и говорить...

Саймон обернулся к Рафаэлю.

– Слушай, уйди, а? – проникновенно сказал он.

Тот ухмыльнулся:

– *La belle Isabelle*^[8]. Зря стараешься, дружок. Ты и она – вариант безнадежный.

– Потому что я вампир, а она из Сумеречных охотников?

– Не-а. Просто она... как бы это выразиться... в общем, тебе до нее как до луны.

До девушки оставалось уже не более квартала. Саймон скрипнул зубами:

– Подгадишь – я в тебя кол всажу. Кроме шуток.

Рафаэль невинно поиграл плечами, но с места так и не сдвинулся. Отвернувшись, Саймон без дальнейших колебаний покинул тень, ступая на тротуар.

Изабель тут же замерла, рука дернулась к хлысту, что крепился на поясе. Секундой позже она недоуменно моргнула, рука медленно пошла вниз, а в голосе прозвучали неуверенные нотки:

– *Саймон?..*

Юноша вдруг ощутил себя неуклюжим, неуместным, ненужным. С чего он вообще взял, что ей понравится его внезапное появление в Аликанте? Это же ее мир, не его. «Я...» – начал было он и не сумел продолжить, потому как Изабель вдруг прыгнула на него – прямо с места, без предупреждения, едва не сбив с ног.

Саймон позволил себе зажмуриться и уткнуться носом ей в шею. Он чувствовал, как бьется ее сердце, однако решительно задвинул подальше любые мысли про кровь. Девушка в его руках была гибкой и сильной; ее волосы щекотали ему лицо, и, сжимая ее в объятиях, он ощущал себя нормальным, до восторга обычным парнем, который просто-напросто влюблен в девчонку.

Влюблен. Он отдернулся как ужаленный, но не мог отвести взгляда от Иззи, от ее огромных сияющих глаз.

– Не могу поверить, что ты здесь, – прошептала она, задыхаясь, словно ей не хватало воздуха. – Представляешь, мне так хотелось, чтобы ты оказался рядом, я шла и думала, сколько еще времени должно пройти, и вдруг... *Ой, что это с тобой?!*

Он проследил за ее изумленным взглядом и обнаружил, что пялится на собственные кожаные лосины в обтяжку и кружевную сорочку. Из тенистой подворотни донеслось сдавленное хихиканье Рафаэля.

– А, долгая история, – горько махнул рукой Саймон. – Слушай, может, не будем на улице торчать?

Магнус вертел в руках серебряную шкатулку с резными инициалами, и сияние его кошачьих глаз соперничало с ведьмиными огнями, что разгоняли мрак в подвале дома Амапис.

Джослин с настороженным любопытством следила за выражением его лица. Что касается Люка, он никак не мог отделаться от воспоминаний о том, как Джослин брала с собой малышку Клэри, когда навещала Магнуса, и как они потом сидели рядышком, разговаривали, пока Клэри наконец не выросла и не принялась задавать вопросы о вещах, которые ей полагалось бы забыть.

– Ну как? – не выдержала Джослин. – Хоть что-то?

– Попрошу не подгонять, – сварливо ответил Магнус, на пробу царапая крышку ногтем. –

Магические мины-ловушки, встроенные проклятия с часовым механизмом, это вам не шуточки.

– Не торопись, – кивнул Люк, поудобнее облакачиваясь на стол, запихнутый в темный угол с пыльной паутиной. Когда-то этот стол стоял у матери на кухне. Он узнал вырезанные перочинным ножиком надписи на столешнице и даже вмятину, которая появилась по его вине на одной из ножек.

Многие годы стол принадлежал Аматис. Она владела им, когда была замужем за Стивеном; порой за этим столом устраивались званые обеды в доме Эрондейлов. Да и после развода он остался в ее собственности, когда сам Стивен перебрался в загородный особняк с новой женой. Вообще говоря, весь подвал был забит старой мебелью, вещами, которые были знакомы Люку, потому что принадлежали их родителям; ничуть не меньше было картин и безделушек, оставшихся со времен замужества Аматис. Интересно, а зачем она их сюда сунула? Должно быть, была уже не в силах на них глядеть...

– Кажется, ничем не заряжена, – сказал наконец Магнус, возвращая шкатулку на полку, куда ее определила Джослин, потому что не хотела держать вещицу в доме, но и выбросить рука не поднималась. Колдун поежился и потер ладони. На нем был черно-серый плащ, заставлявший выглядеть заправским детективом из старых кинофильмов; Джослин не дала ему времени даже повесить верхнюю одежду в прихожей, просто схватила за руку и потащила вниз. – Ни ловушек, ни капканов, никаких тебе магических самоловов. Вообще ничего.

Джослин смущенно заморгала.

– Спасибо, – промолвила она. – Спасибо, что посмотрел. Ты же знаешь, я такая трусиха... А тут еще лондонские события...

– Кстати, что там случилось-то?

– Да мы сами толком не знаем, – пожал плечами Люк. – Днем из Гарда доставили огнеграмму, но без каких-либо подробностей. Короче, на тот момент лондонский Институт был еще не полностью эвакуирован, и Себастьян со своим войском попробовал его захватить. Их отбили посредством некоего защитного заклинания, о котором даже Совет не имел понятия. В общем, сработал какой-то оберег, мол, атака неизбежна, все в укрытие.

– Призрак, – понимающе кивнул Магнус. В уголках его рта пряталась улыбка. – Смертная тень, приведенная к присяге в роли хранителя. Та к сказать, взвели как курок, поставили сторожить, и через сто тридцать лет она сработала.

– Она? – заинтересовалась Джослин, откидываясь на пыльную стену за спиной. – Настоящее привидение? И как же ее звали?

– Назови я имя, ты бы ее сразу узнала, но на самом деле она была совсем не такой, как о ней рассказывают. – Магнус смотрел куда-то далеко-далеко. – Хочется надеяться, что она упокоилась наконец с миром. – Он тряхнул головой, возвращаясь к реальности. – Как бы то ни было, это совсем другая тема, и я пришел сюда вовсе не за этим.

– Да уж я догадываюсь, – кивнул Люк. – Спасибо, что нас не забываешь, хотя, если честно, я немножко удивился, заведев тебя на нашем крыльце. Не ожидал, что из всех мест ты направишь стопы именно к нам.

«Тебя скорее у Лайтвудов надо искать», – повисло в воздухе невысказанное.

– В моей жизни было кое-что еще помимо Алека, – отрывисто бросил Магнус. – Я, к слову сказать, Верховный маг Бруклина и здесь присутствую как член Совета от имени Детей Лилит.

– Гм... А я думал, представителем от колдунов является Катарина Лосс, – недоуменно заметил Люк.

– Так оно и было, – подтвердил Магнус. – Она заставила поменяться с ней местами, чтобы я смог повидаться с Алеком. – Маг вздохнул. – Заставила в буквальном смысле, когда мы с ней сидели в «Охотничьей луне». И вот почему я пришел.

Люк присел на колченогий стол.

– А ты Бэта видел? – спросил он.

Бэт имел склонность днем околачиваться в «Луне», а не в заброшенном полицейском участке: практика, конечно, неофициальная, но зато все знали, где его можно застать.

– Видел. Ему как раз позвонила Майя. – Магнус всей пятерней пригладил свои черные волосы. – Себастьян очень не любит, когда его щелкают по носу, – продолжил он, и Люк весь сжался от плохого предчувствия. Было заметно, что колдуну не особенно нравится быть глашатаем дурных новостей. – В общем, создается впечатление, что после фиаско с нападением на лондонский Институт Себастьян обратил свое внимание на «Претор Люпус». Похоже, ликантропы как союзники ему ни к чему – он не в состоянии сделать из них новых Помраченных, – вот он и сровнял их штаб-квартиру с землей и перебил всех, кого смог. На глазах Майи умертвил Джордана Кайла. А саму ее оставил в живых, чтобы она смогла передать его, Себастьяна, послание.

Джослин зябко обняла себя за плечи:

– Боже мой...

– Послание? – напомнил Люк, вновь обретя голос.

– Да. Адресованное нежити, – кивнул Магнус. – Я поговорил с Майей по телефону. Она просила запомнить слово в слово. Короче, Себастьян сказал так: «Передай всей нежити, что я поставил себе целью отомстить и добыть своего. Любого союзника Сумеречных ждет то же самое. Делайте что хотите, мне все равно, только не лезьте в нашу битву на стороне нефилимов, ибо в этом случае вы станете тем мясом, которое возьмется кромсать мой клинок – и клинки всего моего войска, – пока последний из вашего рода не будет сметен с лица земли».

Джослин втянула воздух сквозь зубы:

– Прямо как его отец...

Люк вскинул взгляд на Магнуса:

– И ты собираешься продиктовать это послание на заседании Совета?

Лакированным ногтем колдун задумчиво постучал себя по подбородку.

– Нет, – наконец сказал он. – А вот от нежити ничего утаивать не буду. В конце концов, я не присягал в лояльности Сумеречным.

«В отличие от таких, как вы», – вновь повисло в воздухе недомолвленное.

– Кстати, у меня вот что есть... – Из кармана Магнус извлек листок бумаги. Люк сразу понял, о чем идет речь, поскольку ему тоже вручили нечто похожее. – Ты сам-то пойдешь на этот званый ужин?

– А куда деваться? Феи и фейры жуть как серьезно относятся к этикету. Попробуй не прийти, так не только Мелиорн, но и весь Двор сочтет, что их смертельно оскорбили.

– Вот им я и скажу, – кивнул Магнус.

– А вдруг они ударятся в панику? – прищурился Люк. – Решат бросить и Совет, и нефилимов на произвол судьбы?

– Та к ведь того, что случилось с «Люпусом», все равно не утаишь...

– Дело не в этом, – вмешалась Джослин. – Магнус, пойми, своим посланием Себастьян хочет распугать всю нежить. Чтоб они держались подальше у стеночки, пока он будет крушить нефилимов.

– Каждый в своем праве, – пожал плечами колдун.

– Ты думаешь, нефилимы им это простят? – закипятилась Джослин. – Ты думаешь, Конклав такой великодушный? Да они беспощадней самого Ангела!

– Джослин, – вскинул ладонь ее муж. – Магнус тут ни при чем. Это не его вина.

Но та не сводила с колдуна сердитых глаз.

– Как ты думаешь, – сказала она, – что бы сказала Тесса?

– Джослин, ну я тебя прошу, – устало вздохнул Магнус. – Ты, между прочим, ее вообще почти не знаешь. Она всегда за правду, всегда. Утаивать что-либо нет смысла, потому как рано или поздно... Короче, поживи с мое, поймешь.

Джослин уставилась на собственные ладони – руки художницы, которые так нравились Люку, изящные, подвижные и вымазанные тушью.

– Я больше не Сумеречная охотница, – грустно сказала она. – Покинула их. Бегом. Вы оба в курсе. Но вообразить мир без нефилимов... Знаете, мне становится просто жутко.

– Мир существовал и до появления нефилимов, – ответил на это Магнус. – И после них никуда не денется.

– А выжить-то в нем мы сможем? Мой сын... – начала было Джослин, но тут сверху послышался грохот. Кто-то бесцеремонно колотил в парадную дверь. – Клэри? – предположила женщина вслух. – Она вечно забывает ключи.

– Ладно, пойду открою, – сказал Люк, поднимаясь на ноги.

Прежде чем покинуть погреб, он обменялся с женой взглядами. Ну и дела творятся: Джордан погиб, Майя вне себя от горя, Себастьян затеял перессорить Сумеречных с нежитью...

Он распахнул входную дверь, и ледяной ветер ворвался в прихожую. На пороге стояла молодая женщина со светлыми кудряшками и в боевой униформе. Хелен Блэкторн. Люк едва успел обратить внимание, что башни светятся кроваво-красным огнем, как гостья сказала:

– У меня депеша из Гарда. Насчет Клэри.

– Майя...

Голос мягкий, как сама тишина. Девушка еще плотнее уткнулась лицом в подушку, не желая открывать глаза. Что-то жуткое поджидало во мраке за ее спиной, что-то страшное, но зато всех бед можно избежать, надо лишь заснуть, и спать, и спать – вечно...

– Майя.

Он смотрел на нее из тени светлыми до прозрачности глазами, что так выгодно оттеняли его смуглую кожу. Брат. Даниэль. Скосив взгляд, она следила, как он отрывает крылья у бабочки и разжимает пальцы. Крошечное тельце легонько шмякнулось на пол и забилося в корчах.

– Майя, ну я тебя прошу.

Легчайшее прикосновение к ее руке. Она вскинулась как ужаленная, ударилась спиной о стену и, дыша как лихорадочный больной, принялась протирать глаза. Веки липкие, ресницы склеены. Плакала во сне.

В спальне царит полумрак, единственное окно выходит на извилистую городскую улочку. За давно немытым стеклом дергаются голые ветви, виден кусок чего-то ржавого – пожарная лестница, должно быть.

Девушка бросила взгляд вниз. Узкая кровать с тоненьким одеяльцем, которое сбилось в комок в изножье. Спина упирается в кирпичную стену. Возле кровати одинокий стул, старый и не раз чиненный. На стуле сидит Бэт; глаза широко распахнуты, медленно опускается вскинутая ладонь.

– Извини, пожалуйста.

– Не надо, – поморщилась она. – Не надо меня трогать.

– Ты кричала. Во сне.

Майя обняла себя за плечи. На ней джинсы и майка на бретельках. Куда-то подевался свитер, в котором она была на Лонг-Айленде, и руки покрылись гусиной кожей.

– Где мои вещи? Куртка, свитер...

Бэт кашлянул, прочищая глотку.

– Майя, они были все в крови...

– Ясно, – кивнула она. В груди бешено стучало сердце.

– Ты помнишь, что случилось?

Она зажмурилась. Все всплыло сразу, в единый миг: поездка, стылая кабина грузовичка, сгоревшее здание, пляж с расprostертыми телами. Джордан на ее коленях, повсюду кровь, льется и на нее и на песок. *Твой дружок подох.*

– Джордан... – полувопросительно сказала она. Хотя и так все знала.

У Бэта заострились черты; в карих глазах появился какой-то зеленоватый отлив, заставлявший их светиться в полумраке. Хорошо знакомое лицо. Этот парень был одним из первых оборотней в ее жизни.

Какое-то время они встречались, пока Майя не сказала ему, что чувствует себя неловко в городе, вся на нервах, к тому же еще не совсем отошла от прежних отношений. На следующий день он поставил точку; удивительно, но они расстались – и остались друзьями.

– Мертв, – сказал Бэт. – Как и почти все остальные из «Люпуса». Скотт, воспитанники... Мало кто выжил. Майя, а почему вы там оказались? Что вас туда потащило?

Она рассказала ему про исчезновение Саймона, про телефонный звонок Джордану из штаб-квартиры, про стремительную поездку до Лонг-Айленда и обнаружение дымящихся руин.

Бэт неловко кашлянул.

– Знаешь, у меня тут кое-что из его вещей осталось. Ключи там, пропуск-подвеска...

У нее сдавило грудь – не хватало воздуха.

– Нет, я не могу... не надо, – помотала она головой. – И потом, он наверняка хотел бы, чтобы медальон перешел к Саймону. Вот когда найдем его, пусть себе возьмет...

Бэт не стал настаивать.

– Есть и кое-какие хорошие новости, – сказал он. – Из Идриса сообщают, что твой друг Саймон в полном порядке. Он там, в компании Сумеречных охотников.

– О... – Тугая петля, захлестнувшая ей сердце, чуточку ослабла.

– Наверное, надо было сразу тебе сказать, – виноватым тоном добавил он. – Просто... я за тебя беспокоился. Ты была в таком состоянии, что... Видишь, только сейчас смогла проснуться.

Потому что хотела спать вечно.

– И я знаю, что ты уже поставила Магнуса в известность, – продолжал Бэт. – Расскажи-ка еще раз, отчего Себастьян Моргенштерн взялся охотиться на ликантропов.

– Он сказал, что это своего рода демонстрация. – Майя сама чувствовала, что в ее голосе звучат нотки усталого безразличия. – Чтобы мы все четко уяснили, что́ будет с теми, кто осмелится поддерживать нефилимов.

«Не отдохну, не перестану биться, пока мне очи не закроет смерть иль рок не даст исполнить меру мщенья...»

– В Нью-Йорке уже не осталось Сумеречных, а Люк сейчас вместе с ними в Идрисе. Возводят новые обереги. Скоро, наверное, даже восточки перестанут проходить через защитный барьер.

Бэт поерзал на стуле, и Майя поняла, что он чего-то не договаривает:

– Ну? Выкладывай.

Он отвел глаза.

– Бэт?

– Ты знакома с неким Руфусом Гастингсом?

Руфус... Перед глазами Майи всплыла изборожденная шрамами физиономия здоровяка, в бешенстве покидающего кабинет претора Скотта.

– Да нет, в общем-то.

– Так вот, он выжил. Сейчас находится здесь, с нами, рассказывает что и как, – объяснил Бэт. – Но это не все: он распускает слухи, будто бы Люк тяготеет к Сумеречным и что в нем вообще мало чего от настоящего ликантропа. Дескать ему не достает лояльности к интересам стаи, что надобен новый вожак и всякое такое.

– Ты и есть теперь вожак, – пожалала она плечами. – Потому что был вторым по старшинству.

– Да-да. С той только разницей, что на прежнюю должность меня определил как раз Люк.

Обозначив тем самым, что мне тоже нет доверия.

Майя соскользнула с постели. Все тело ломит, ступни будто на льду оказались.

– Я надеюсь, к нему не прислушиваются?

Бэт мрачно дернул плечом.

– Глупость какая. Тем более после произошедшего... Нам наоборот надо сплотиться как можно теснее, а не давать кому-то вбивать клин. Сумеречные – наши союзники...

– И вот почему Себастьян по нам врезал.

– Это было неизбежно. Он никогда не был лоялен к нежити. Как-никак, сынок Валентина Моргенштерна. – У Майи полыхнуло в глазах. – Не исключено, что он хочет хотя бы на время вывести нас из игры, чтобы всеми силами взяться за нефилимов, но в том-то и дело, что, когда ему удастся стереть их с лица земли, он переключится на нас.

Бэт молча сидел, сцепляя и расцепляя пальцы, затем вроде бы принял решение.

– Я знаю, что ты права, – сказал он, вставая с места и подходя к столику в углу комнаты. Вернулся, держа в руках ее куртку и обувь, протянул вещи Майе. – Слушай, сделай одолжение, нынешним вечером никому больше не говори об этом, ладно? Тут и так все уже на ушах стоят.

Девушка принялась натягивать куртку:

– А что такого особенного в сегодняшнем вечере?

– Ну как же... Похороны да поминки, – вздохнул он.

– Я ее прикончу, эту твою Морин, – заявила Изабель.

Шкафчик Алека был распахнут настежь, и она бесцеремонно копалась в нем, швыряя одежду на пол.

Саймон лежал босиком на неизвестно чьей постели, наконец-то избавившись от гламурных сапожков с пряжечками. Хотя его кожа была теперь не самой чувствительной на свете, было приятно валяться на чем-то мягком после многочасового сидения на грязном, вонючем полу в «Дюморе».

– В таком случае тебе придется прорываться через всех нью-йоркских вампиров, – заметил он. – Потому что они влюблены в нее по уши.

– Сразу видно, никакого вкуса... – Изабель критически осмотрела темно-синий пуловер, который Саймон сразу опознал как принадлежавший Алеку, главным образом по дыркам на локтях. – Та к ты говоришь, Рафаэль притащил тебя сюда для переговоров с моим отцом?

Саймон слегка приподнялся, чтобы лучше ее видеть:

– Думаешь, это можно устроить?

– Ясное дело, отчего нет... Отец любит потрепать языком. – В голосе девушки прозвучала горькая обида. Саймон подался вперед, но когда она вскинула лицо, он увидел улыбку. Наверное, почудилось... – Хотя кто его знает, что принесет нынешний вечер. Как-никак, а только что атаковали Цитадель. – Она озабоченно прикусила нижнюю губу. – Может даже, из-за этого отменят совещание или перенесут. Теперь уже очевидно, что они недооценили опасность Себастьяна. По идее, он никак не мог столь близко подобраться к Цитадели, а поди ж ты...

– Положим, – заметил Саймон, – он все-таки Сумеречный охотник.

– Вот уж дудки, – тут же возразила Изабель и сердито сдернула с вешалки зеленый свитер.

– Извини, – пожал он плечами. – Могу себе представить, как народ мучается в ожидании новостей об исходе битвы. А кстати, сколько туда направили?

– То ли пять, то ли шесть десятков, – ответила Изабель. – Я тоже хотела, но... в общем, не пустили.

В тоне девушки появились нотки, говорившие о приближении к теме, на которую она не желала распространяться.

– Я бы слег от беспокойства за тебя, – сказал он.

Уголки ее губ дернулись в печальной улыбке.

– На-ка вот, примерь, – скомандовала она и бросила ему зеленый свитер, не столь обтрепанный, как прочие вещи.

– Ты уверена, что мне разрешено это позаимствовать?

– Но ты же не можешь разгуливать в *таком* виде? – напомнила она, показывая пальцем. – Беженец из женского романа. – Изабель томно приложила тыльную сторону ладони ко лбу. – Ах, лорд Монтгомери! Что вы замыслили сотворить с несчастной девушкой, коварно заманив ее в спальню? – Она вжикнула «молнией» на куртке и сбросила ее на пол, оказавшись в одной маечке поверх джинсов, после чего подарила ему знойный взгляд: – Ну? Признавайся? Замыслил, да?

– Я... это... ты чего, вообще? – забормотал Саймон, временно лишившись запаса слов.

– А-а-а! Я так и знала, что вы дерзкий, хищный самец, – заявила Изабель, приближаясь к постели и выразительно покачивая бедрами. Расстегнула джинсы и скинула их на пол. Тут выяснилось, что она носит черные мальчуковые трусы. – За вами ходит слава распутника. Все знают, как вы обращаетесь с дамами: настоящий дьявол во плоти, кружевной сорочке и этих неотразимых лосинах. – Она прыгнула на кровать и медленно поползла на четвереньках, не сводя с него взгляда. Как кобра, решившая закусить мангустой. – Умоляю, пощадите мою невинность, – выдохнула она. – И мое бедное, ранимое сердечко. О-о, внимлите, сударь!

Поразмыслив, Саймон решил, что это очень похоже на ролевую игру типа «Подземелья драконов», только потенциально более увлекательную.

– Лорд Монтгомери внимлет лишь собственным прихотям, – выдавил он замогильным голосом. – К слову сказать, у него... кхм... очень крупные владения и большие аппетиты!

Изабель хихикнула, отчего затряслась постель.

– Так-так. Вот уж не думала, что ты настолько хорошо вживешься в роль.

– Лорд Монтгомери всегда превосходит ожидания, – заявил он, хватая Изабель за талию и перекатываясь поверх нее. Сейчас она лежала под ним, рассыпав черные волосы по всей подушке. – Матери, держите дочерей под замком. Не забудьте также запереть служанок и горничных. А заодно и самих себя. Лорд Монтгомери вышел на охоту.

Изабель взяла его лицо в ладони.

– Мой лорд, – промурлыкала она, сияя взглядом. – Боюсь, нет у меня больше сил противостоять напору вашего обаяния и мужской силы. Делайте же со мной что хотите!

Трудно сказать, чего захотел бы лорд Монтгомери, зато Саймон отлично знал, чего хочет он сам. Он нагнулся и приник долгим поцелуем к девичьим губам, которые охотно поддались, и тут его захлестнуло теплой, темной волной, где были лишь ее губы, поначалу игривые, затем требовательные. От нее пахло, как и всегда, розами и кровью – до головокружения. Он прижался губами к трепещущей жилке у нее на горле – просто коснулся, без укуса, – и Иззи всхлипнула, ее руки поползли к вороту его рубахи. На секунду его встревожило отсутствие пуговиц, однако девушка запросто справилась с проблемой, разодрав ткань и откинув кружева ему за плечи.

– Обалдеть! Рвется как специально! – восторженно сообщила она, задирая уже собственную маечку, чтобы стащить ее через голову.

Дело успешно завершилось наполовину, когда распахнулась дверь и в комнату по-хозяйски шагнул Алек:

– Иззи, ты чего zde... – Глаза у юноши полезли на лоб, и он отпрянул, приложившись затылком о дверной косяк. – Какого... ну ни хрена себе!

Она быстро заправила майку, недобро косясь на брата:

– Стучать разучился?

– А? да ты... да это вообще *моя комната!* – топнул ногой Алек.

Возникало впечатление, что он специально старается не смотреть на Саймона с Иззи, которые и впрямь очутились в щекотливом положении. Саймон быстренько скатился с подруги, а та села, делая вид, что собирает с себя ниточки. Юный вампир устроился рядом, грустно свесив ноги с края постели и рукой придерживая на груди разодранную сорочку.

– Я просто хотела подыскать ему что-то надеть, – объяснила Изабель. – Морин-то нарядила его в кружева и кожу в обтяжку, потому что он был ее невольником из романтической повести.

– *Кем-кем он был?*

– Невольником из романтической повести, – терпеливо повторила Изабель, словно имела дело с умственно отсталым.

Алек помотал головой, как бы стряхивая паутину кошмарного сна:

– Знаешь что? Не надо никаких объяснений, просто... Просто оденьтесь побыстрее. Оба.

– И что, ты даже не выйдешь за дверь? – обиженно протянула Изабель.

– Еще чего! Это моя комната. И потом, мне надо с тобой потолковать. – Судя по голосу, Алек был крайне раздражен.

Саймон подхватил с пола чужие джинсы с кроссовками и отправился в ванную переодеваться, нарочно не торопясь и затягивая дело. Возвратившись, он застал Изабель сидящей на кровати – напряженной как взведенная пружина.

– Открыли Портал, говоришь? Чтобы всех вернуть? Это хорошо.

– Хорошо-то хорошо... – Алек рассеянно помассировал себе плечо в том месте, где была нанесена его парабатайская руна, – да не очень. Нет-нет, Джейс не погиб, – торопливо добавил он, увидев, как побледнела Изабель. – В противном случае я бы точно знал. Но что-то случилось. И, сдается мне, дело касается Небесного огня.

– А ты можешь сказать, прямо сейчас с ним все в порядке? И как насчет Клэри? – потребовала Изабель.

– Эй, ребята, не так быстро, – вмешался Саймон. – Отмотайте назад. Что там такое с Клэри и Джейсом?

– Он прыгнули через Портал, – мрачно объяснила Изабель. – Чтобы участвовать в битве за Цитадель.

Саймон обнаружил, что нервозно прокручивает кольцо на правой руке. И когда только успел за него ухватиться...

– А разве они по возрасту подходят?

– Да они и не думали спрашивать чьего-то разрешения, – возразил Алек, устало откидываясь на стену. Под глазами юноши расплывались багрово-синие тени. – Консул попыталась было их остановить, но не успела.

Саймон обернулся к Изабель:

– И ты мне ничего не сказала?!

Девушка не желала встречаться взглядом:

– И так было ясно, что ты взорвешься...

Алек вертел головой, переводя взгляд с одного лица на другое.

– А Саймон что, разве не в курсе? – наконец спросил он. – Про то, что случилось возле

Гарда?

Изабель скрестила руки на груди и выпятила подбородок:

– Нет, не в курсе. Я просто не успела. Мы столкнулись с ним на улице, сразу пошли сюда и... И вообще это не твое дело.

– Если дело происходит у меня в комнате, значит, мое, – сказал Алек. – А если ты решила попользоваться Саймоном, чтобы сбросить пар, чтобы разрядиться, то я не против, только делай это у себя.

– И ничего я им не пользовалась!

Саймону вспомнились ее глаза, такие сияющие, когда она увидела его стоящим посреди улицы. Ему-то показалось, что это сияние радости, однако сейчас все указывало на непролитые слезы. Она-то и шла ведь понуриив голову, опустив плечи, словно пыталась сдержаться.

– Алек прав, – кивнул он. – Иначе ты бы сразу все мне выложила. А ты даже не упомянула про Клэри или Джейса... или про свои заботы... вообще ни о чем не сказала!

В животе юноши появился тугой комок, когда он припомнил, с какой ловкостью Изабель уклонялась от его расспросов, отвлекала поцелуями... Идиот. Решил, что это она так рада его видеть. Да на его месте мог быть кто угодно, ей до лампочки...

У Изабель окаменело лицо.

– Ну конечно, – наконец сказала она. – Мог бы и спросить, если это тебя так интересует. – До этого девушка сидела, рассеянно перебирая волосы, но сейчас вдруг решительно принялась сматывать на голове тугой, прямо-таки безжалостный узел. – Если вы оба собрались тут стоять и бросать мне обвинения, советую не терять время и просто убраться куда подальше.

– Никто тебя не обвиняет, – начал было Саймон, но Изабель уже поднялась на ноги.

Она цапнула рубиновую подвеску, весьма бесцеремонно сдернула цепочку через его голову и с вызовом повесила у себя на шее.

– Зря давала, – заявила она. В ее глазах метались молнии.

– Твой камень спас мне жизнь, – негромко сказал юноша.

Это ее впечатлило.

– Саймон... – прошептала она, но тут что-то случилось с Алеком. Вцепившись себе в плечо, он медленно оседал на пол.

Кинувшись к брату, Изабель встала рядом на колени.

– Алек?... Алек! – чуть ли не в панике крикнула она.

Тот откинул полу куртки, оттянул у футболки ворот и вывернул шею, разглядывая метку на плече. Саймон узнал узор парабатайской руны. Алек опасливо коснулся рисунка; на подушечке указательного пальца остался след чего-то черного как сажа.

– Они миновали Портал на обратном пути, – сказал он. – И что-то не так с Джейсом.

Возвращение походило на сон, вернее, кошмар.

В свое время, по окончании Восстания, Площадь Ангела была завалена трупами. Телами Сумеречных охотников, которые выкладывали в аккуратные ряды, завязав глаза белым траурным шелком.

Сейчас здесь тоже творилось нечто подобное, однако на сей раз в воздухе витал явственный привкус паники и разгрома. Башни изливались ярким светом, как бы приветствуя Саймона, когда он, проследовав за Изабель и Алеком по извилистым улочкам Аликанте, добрался наконец до Зала Соглашений. Площадь оказалась отнюдь не безлюдна. Нефилимы лежали на брусчатке, многие корчились от боли, другие были пугающе неподвижны.

Собственно Зал Соглашений стоял темным, без единого светящегося окна; двери наглухо затворены. Зато громадные двустворчатые двери соседнего здания были распахнуты настежь и в

проеме сновала бесконечная вереница Сумеречных охотников.

Привстав на цыпочки, Изабель глазами обшаривала толпу, и Саймон проследил за ее взглядом. А вот и старые знакомые: госпожа Консул собственной персоной, суется среди своих людей, вот Кадир из нью-йоркского филиала, вот Безмолвные братья, без единого звука направляющие Охотников в освещенное здание.

– Смотри, Басильяс открыт, – бросила Изабель растрепанному и растерянному Алеку. – Если Джейса ранило, он наверняка там.

– Еще бы не ранило, – мрачно отозвался ее брат.

– Басильяс? – насторожился Саймон.

– Госпиталь, – отмахнулась Изабель и подбородком показала на залитый светом особняк. Саймон мог поклясться, что слышит звон ее натянутых нервов. – Думаю, есть смы...

– Братцы, я с вами, – не дожидаясь продолжения, заявил он.

– Вход только для нефилимов, – качнула головой Изабель.

Алек промычал сквозь зубы:

– Иззи, ну пошли уже, что ли...

Он болезненно кривился, держась за плечо, помеченное парабатайской руной. Саймона тянуло сказать, что его друг тоже ушел на войну и пропал без вести, что он отлично понимает Алека... С другой стороны, как можно разобраться в чувствах *парабата*, если сам ты не Сумеречный? Он вообще сомневался, что Алеку будет приятно такое слышать. Еще никогда Саймон столь остро не чувствовал непреодолимую пропасть, отделявшую нефилимов от всех прочих созданий.

Кивнув, Изабель без лишних слов последовала за братом. Саймон проследил за ними взглядом – как они пересекают площадь, идут мимо статуи Ангела, который не сводил грустных мраморных глаз с раскинувшейся у его ног картины. Ребята взошли по парадной лестнице Басильяса и были таковы, скрывшись от взора вампира внутри здания.

– Как ты думаешь, – раздался шелестящий голос за его плечом, – они сильно обидятся, если мы подкрепимся ихними мертвецами?

Рафаэль. Растрепанные кудряшки украшали его голову неким подобием нимба; одет он был лишь в джинсы с футболкой. Тинейджер, да и только.

– Конечно, трупная кровь не входит в число моих любимых напитков, – продолжил он, – но она все равно лучше консервированной, не находишь?

– Ты прямо милашка, чес-слово, – покрутил головой Саймон. – Поди, устал такое слышать?

Рафаэль фыркнул.

– Твой вечный ядовитый сарказм, – кивнул он. – Вот от него устал.

Саймон раздраженно простонал.

– Тогда валяй упейся на здоровье. Погрызидохлых нефилимов. Местные, наверное, только этого и ждут. Поживешь еще секунд пять – десять.

Рафаэль понимающе хмыкнул:

– Дело, между прочим, гораздо серьезнее, чем кажется. Здесь не так много убитых, как раненых. Им устроили «котел», так что они не скоро забудут, что это такое: сражаться с Помраченными.

Саймон прищурился:

– А скажи-ка мне, Рафаэль, что ты сам знаешь про этих Помраченных?

– Из всех сведений у меня лишь торопливый шепот в сумерках, – пожал тот плечами. – Впрочем, такая уж у меня работа.

– Коли так, ответь мне: где сейчас Джейс и Клэри? – спросил Саймон, практически не надеясь на результат. От Рафаэля был толк, лишь когда это ему самому шло на руку.

– Джейс лежит в Басильясе, – к изумлению Саймона, ответил бессмертный подросток. – Кажется, Небесный огонь в его венах наконец-то прожиг дыру. Сам чуть не сгорел, а заодно какого-то Безмолвного брата едва не превратил в головешку.

– *Что?* – Подспудная тревога наконец-то обрела конкретную точку опоры. – Но жить-то он будет? И где Клэри?

Рафаэль скосил на него темные глаза, обрамленные длинными ресницами; ухмылка тоже вышла кривой.

– Вампиру не к лицу суетиться по поводу смертных тварей.

– Клянусь их богом, – помолчав, сказал Саймон, – ежели ты сию секунду не перестанешь кривляться, я не знаю... я тебя...

– Хорошо, хорошо. Я же говорю: не надо так нервничать. Пойдем-ка лучше... – Рафаэль направился к площади, и Саймон поспешил за ним. По дороге ему на глаза попала пара девичьих голов – одна светлая, другая темная: Алина и Хелен, – и он подумал про Алека с Джейсом.

– На случай, если ты прикидываешь, не глотнуть ли Джейсовой крови, имей в виду: сейчас это стопроцентный яд, – сообщил Рафаэль. – Небесный огонь противопоказан вампирам. Даже таким, как ты, светолуб.

– Ничего такого я не думал, – нахмурился Саймон. – Просто размышлял, что случилось во время битвы.

– Ну как что... Себастьян атаковал Цитадель, – ответил Рафаэль, предусмотрительно давая крюк вокруг плотно сбитой группы Охотников. – Там же куют оружие для Сумеречных. Оплот Железных сестер, так сказать... В общем, каким-то образом ему удалось обвести вокруг пальца Конклав, внушить им, что у него с собой лишь пара десятков бойцов, а на деле их было куда больше. Дело шло к тому, что он бы всех их перебил и захватил Цитадель, кабы не твой Джейс...

– Что значит «мой»? Он сам по себе.

– ... и эта твоя Клэри, – продолжал Рафаэль, будто не услышал. – Хотя подробности мне пока что неизвестны. Так только, живу слухами, к тому же нефилимы и сами толком не разобрались, что там к чему.

– Да, но каким образом Себастьян исхитрился так их обмануть?

Рафаэль неопределенно повел худеньким плечом:

– Сумеречные порой забывают, что далеко не вся магия на свете принадлежит им одним. Скажем, Цитадель возведена на стыке энергетических линий. А еще есть древняя магия, необузданная и первозданная, та самая, что существовала до Джонатана-охотника и которая еще покажет себя...

Он запнулся, и Саймон проследил за его взглядом. На долю секунды он видел лишь завесу синего огня. Затем пламя исчезло, и на грунте оказалась распростертая Клэри. В ушах юноши гулко бухнуло, словно резко прыгнуло кровяное давление. Белая как полотно Клэри лежала совершенно неподвижно, ее губы и кончики пальцев отливали лиловым оттенком. Униформа вся в крови, местами порвана, возле руки валяется меч – судя по звездам на клинке, моргенштерновский.

Над девушкой уже склонялся Магнус, приложив ладонь к ее щеке; подушечки его пальцев горели ярко-голубым пламенем. Напротив колдуна стояли коленопреклоненные Джослин и Люк. Женщина вскинула глаза и увидела Саймона. Губы назвали его имя: беззвучно, коль скоро он ничего не мог слышать из-за шума в голове. Неужели Клэри погибла? Выглядит как мертвая...

Он дернулся было вперед, но его опередил Люк: он схватил юношу за руку, оттаскивая подальше от Клэри.

Превратившись в нежить, Саймон обрел недюжинную силу, которой, правда, пока что не знал, как пользоваться, но и Люк был изрядно силен. Пальцы мужчины стальными крючьями впились Саймону в предплечье.

– Что случилось? – спросил юноша, поднимая голос. – Рафаэль?... – Он обернулся, взглядом отыскивая молодого вампира, но тот как сквозь землю провалился. Вернее, растаял в тенях. – Послушайте, – умоляюще обратился он к Люку, лихорадочно переводя взгляд на Клэри и обратно. – Я прошу вас, дайте мне...

– Нет, Саймон! Нет! – рявкнул Магнус. Колдун выписывал какие-то узоры у девушки на лице, оставляя за собой след из голубых искр-пылинок. Клэри не подавала признаков жизни. – Она и так-то еле держится, запасы ее энергии катастрофически малы...

– Та к давайте ее скорей в Басильяс! – предложил юноша, с надеждой глядя в сторону госпитального комплекса.

Оттуда по-прежнему изливался свет, и, к собственному изумлению, Саймон увидел Алека на ступенях перед входом. Тот не сводил взгляда с Магнуса, но не успел Саймон его окликнуть или хотя бы жестом привлечь внимание, как Алек исчез внутри.

– Магнус... – нерешительно позвал Саймон.

– Слушай, заткнись, а?! – выдавил тот сквозь зубной скрежет.

Саймон рывком высвободился из цепких пальцев Люка, едва не свалившись наземь, когда по инерции споткнулся о каменный бордюр.

– Да, но Клэри... – начал он.

Его оборвал Люк; мужчина выглядел измотанным, однако лицо было полно решимости:

– Клэри потеряла силы, работая с исцеляющей руной. Она не ранена, никак не пострадала, а Магнус может помочь ей куда лучше, чем Безмолвные братья. Ты, главное, не лезь, не мешай.

– А Джейс? – не унимался Саймон. – Алек говорил, мол, что-то случилось с их парабатайской связью. Что-то насчет Небесного огня. А еще Рафаэль упомянул про энергетические линии и что...

– Послушай-ка, битва оказалась намного тяжелее, чем ожидали нефилимы. Себастьян ранил Джейса, и Небесный огонь каким-то образом ударил в ответ. Джейс при этом едва сам не погиб. Клэри его спасла, но Безмолвным братьям все равно осталось поле для работы, для исцеления. – Люк не сводил с Саймона усталых голубых глаз. – Но что ты сам делал в компании Изабель и Алека? Я думал, ты остался в Нью-Йорке. Что, решил сюда перебраться из-за Джордана?

Юноша оторопел:

– Из-за Джордана? В каком смысле? Он-то здесь при чем?

Наступила очередь удивиться Люку:

– Как, ты разве не в курсе?

– Вы о чем вообще говорите?

Мужчина помедлил. Затем сообщил:

– У меня кое-что есть для тебя. Магнус захватил из Нью-Йорка.

Он сунул руку в карман и извлек оттуда медальон на цепочке. Простенький золотой медальон со штампованной волчьей лапой и латинской надписью *Beati Bellicosi*.

Блаженны воины.

Понимание пришло к Саймону мгновенно. Это медальон Джордана, символ принадлежности к «Претору Люпусу». Вещица была изрядна помята, имела глубокие царапины, кое-где остались следы крови. Темно-красные пятна, совсем как ржавчина. Но уж кого-кого, а вампира не обманешь...

– Секунду. Что-то я в толк не возьму, – нахмурился Саймон. В голове опять этот проклятый

шум. – Откуда это у вас? И почему вы мне его даете?

– Потому что именно так хотел бы Джордан.

– «Хотел бы»? – Саймон повысил голос. – Что это все значит?!

Люк сделал глубокий вдох:

– Это значит, что Джордан мертв.

Клэри очнулась, когда светящийся след руны еще таял за ее закрытыми веками: два крыла, соединенные перекладной. Все тело ломило, и где-то с минуту она лежала неподвижно, опасаясь двинуть хоть пальцем. Медленно всплыли картинки-воспоминания: обледенелое вулканическое плато с Цитаделью посередине, хохочущая Амалис, Джейс пробивается сквозь волну Помраченных, а вот он лежит окровавленный, истекая пламенем из раны, брат Захария отшатывается живым факелом...

Она разом распахнула веки. Девушка ожидала увидеть нечто совершенно непривычное, чужеземное, однако обнаружила себя лежащей на небольшой деревянной кровати в гостевой комнате дома Амалис. Сквозь тюлевые занавески просачивался бледный свет, рисуя узоры на потолке.

Клэри поерзала, желая сесть. Рядом кто-то негромко напевал – ее мать. Джослин тут же умолкла и вскочила на ноги, склоняясь над дочерью. Она выглядела так, словно всю ночь не сомкнула глаз; одета в старые джинсы с рубашкой, волосы убраны в пучок и заколоты карандашом. Картина была настолько привычной, что девушку окатила волна успокоения, мгновенно сменившаяся приступом паники.

– Мам?... – сказала она наклонившейся матери, которая тыльной стороной ладони касалась ее лба, словно проверяла температуру. – Джейс...

– Да в порядке он, в порядке, – сообщила та, отнимая руку. Заметив подозрительный взгляд Клэри, помотала головой: – Честное слово! Сейчас он в Басильясе, вместе с братом Захарией. Говорят, идет на поправку.

Девушка сверлила мать взглядом.

– Клэри, я знаю, что сама дала тебе повод сомневаться в моей искренности, но ты уж поверь: Джейсу действительно ничто не угрожает. Я ведь понимаю, что ты никогда не простишь мне обман на его счет.

– А когда я смогу его увидеть?

– Завтра. – Джослин вернулась на свой стул в изголовье кровати, и тут оказалось, что за ее спиной все это время стоял Люк, плечом навалившись на стену. Он улыбнулся – печальной, любящей, защитной улыбкой.

– Люк! – воскликнула девушка, чувствуя, как отлегло от сердца. – Ну хоть ты ей скажи, что я уже в порядке! Вот сейчас встану и сбегаю в Басильяс...

Мужчина покачал головой:

– Извини, Клэри, но к Джейсу пока что никого не пускают. А потом, сегодня у тебя все равно постельный режим. Уж мы-то знаем, что ты устроила возле Цитадели с той *иратце*.

– Во всяком случае, со слов тех, кто это видел собственными глазами. Даже не уверена, сумею ли это понять когда-нибудь... – У Джослин резче обозначились складки в уголках рта. – Ты едва саму себя не погубила, исцеляя Джейса. Клэри, надо все-таки поаккуратнее, слышишь? Запасы твоей энергии безграничны и...

– Он умирал, – оборвала дочь. – Истекал огнем. Я должна была его спасти!

– Так в том-то и дело, что до этого вообще не должно было дойти. – Джослин нетерпеливо смахнула с глаз сбившийся на лоб рыжий локон. – Чего ради надо было лезть в эту битву?!

– Потому что они слишком мало послали нефилимов, – ответила Клэри, понизив тон. – Причем все только и говорили, мол, едва там окажемся, начнем спасать Помраченных, приведем их обратно, подыщем метод лечения... но я-то была в Беррене! Как и ты. Ты сама знаешь, что для

тех, кого прибрал к рукам Себастьян, назад пути нет.

– Ты видела мою сестру? – мягко спросил Люк.

Сглотнув, Клэри кивнула:

– Мне очень жаль. Она... она сейчас заместитель Себастьяна, его лейтенант. Стала совсем другой, в ней ни чуточки не осталось от прежней Аматис.

– Она тебе что-то сделала?

Голос Люка по-прежнему звучал ласково, но на скулах заиграли желваки.

Клэри помотала головой – не получалось подобрать слов, чтобы соврать, а сил сказать всю правду тоже не хватало.

– Ничего, ничего, – поспешил успокоить он, неверно истолковав ее замешательство. – Что Джейс в свое время, что Аматис, которая находится нынче на побегушках у Себастьяна, они так же были похожи на самих себя, как и сам Себастьян на сына, достойного твоей матери.

Джослин протянула руку, взяла Люка за ладонь и поцеловала тыльную сторону кисти. Клэри отвела глаза. Еще через пару мгновений мать вздохнула:

– Ох, этот Совет... Когда же они научатся *слушать*... – Она раздраженно фыркнула. – Клэри, мы отлично понимаем, почему ты так поступила, но ты тоже, пожалуйста, пойми: мы-то думали, ты в полной безопасности. И тут вдруг на пороге появляется Хелен и заявляет, что тебя тяжело ранило под Цитаделью. Я чуть с инфарктом не свалилась, когда увидела тебя лежащей на площади. Губы и пальцы синие, словно у утопленницы. Кабы не Магнус...

– Меня исцелил Магнус? Что он тут делает, в Аликанте?

– Речь не о Магнусе, – строго поправила Джослин. – Мы говорим о тебе. Джия места себе не находит – думает, это ее вина: не углядела, пропустила тебя через Портал едва ли не на верную погибель. Им нужны были опытные воины, не дети...

– Но это же был Себастьян, – возразила Клэри. – Они понятия не имеют, до чего...

– Пусть Себастьян тебя не беспокоит, им есть кому заняться. А кстати... – Джослин заглянула под кровать, а когда выпрямилась, в ее руке был Геспер. – Твой? Он висел у тебя на поясе.

– Да! – Девушка восторженно хлопнула в ладоши. – А я уж решила, что потеряла!

– Клэри, это ведь моргенштерновская штучка, – напомнила мать, держа меч так, словно это был гнилой салатный лист. – Я от этого безобразия избавилась, но ты-то где его раздобыла?

– В той же лавке, куда ты его и отнесла. Хозяйка-оружейница сказала, что все равно его никто не купит... – Клэри забрала меч у матери. – И между прочим, я *сама* из рода Моргенштернов. Мы же не будем притворяться, словно во мне нет ни капли Валентиновой крови, верно? Просто надо хорошенько обдумать, как быть немножко Моргенштерном и при этом никому не навредить, вместо того чтобы делать вид, что я не я и вообще хожу с высосанной из пальца фамилией.

Джослин аж покачнулась:

– Ты имеешь в виду Фрэй?!

– А что, скажешь, не так? Да с такой фамилией Сумеречных охотников не бывает!

– Положим, – согласилась мать, – но она тоже кое-что значит.

– Разве? Я всегда считала, что ты выбрала ее наугад.

Джослин покачала головой:

– Ты ведь слышала про церемонию, которую проводят при рождении всякого нового нефилима? Ту самую, которая служит его оберегом? Джейс, к примеру, утратил эту защиту, и вот почему Лилит сумела наложить на него лапы. Та к вот, обычно этот ритуал осуществляет кто-то из Железных сестер или Безмолвных братьев, но в твоём случае, раз мы тогда прятались, я не смогла полностью соблюсти все правила. Обрядом руководил брат Захария, а вместо Железной

сестры участвовала одна из колдуний... в честь которой я тебя и назвала.

– Фрэй? Та к это ее имя или фамилия?

– Да я и сама не ожидала, все вышло как-то импульсивно, – продолжила делиться воспоминаниями мать, словно и не услышала вопроса. – Ну... импонировала она мне, понимаешь? Ей самой довелось пережить и потерю, и боль, и тоску, но она была сильной, и такой же сильной я хотела видеть тебя. Сильнее всего хотела именно этого. Чтобы ты была в безопасности и никогда не испытала того, через что пришлось пройти мне... через ужас, муку и опасность...

– Брат Захария? – Клэри вдруг присела на постели. – Он же там был! Прошлой ночью! Он попытался исцелить Джейса, но обгорел из-за Небесного огня. Как он сейчас? Он ведь жив, да?

– Я не знаю, – ответила мать, чуточку оторопев от такого напора. – Известно лишь, что его положили в Басильяс. Безмолвные братья вообще стараются помалкивать насчет состояния раненых, а уж про одного из своих будут немые как рыбы.

– Он упоминал, что Безмолвные братья в долгу перед Эрондейлами; какие-то древние дела, старые связи, – заметила Клэри. – Если он умрет...

– То в этом никто не будет виноват, – твердо заявила Джослин. – Хорошо помню, как он накладывал на тебя заклинание-оберег. Я еще сказала ему, мол, хочу, чтобы ты подальше держалась от Сумеречных охотников, а он ответил, что здесь никаких гарантий дать не может: дескать притяжение Сумеречных – все равно что быстрина в реке. И оказался прав. Я-то думала, мы отвоевали себе свободу, но вот, пожалуйста, мы вновь в Аликанте, вновь пылает война, у меня перед глазами моя собственная дочь с окровавленным лицом и мечом Моргенштернов в руках.

В ее голосе читалась такая горечь, что у Клэри искра пробежала по нервам.

– Мам? Что-то случилось? Ты что-то от меня скрываешь?

Джослин переглянулась с Люком. Мужчина взял слово первым:

– Как ты знаешь, вчера утром, еще до битвы за Цитадель, Себастьян пытался захватить лондонский филиал.

– Да, но ведь никто не пострадал? Роберт говорил, что...

– И Себастьян решил отыгаться на ком-то другом, – жестко продолжил Люк. – Убравшись из Лондона, он со своим войском атаковал лонг-айлендский «Претор Люпус». Погибли чуть ли не все члены стаи, включая вожака. Джордан Кайл... – у него надтреснул голос, – Джордан убит.

Клэри сама не заметила, как с нее слетело одеяло. В следующий миг она перекинула ноги на пол и уже тянулась за ножнами для Геспера, что лежали на туалетном столике.

– Клэри, – промолвила Джослин, кладя узкие длинные пальцы на запястье дочери, – остановись, все уже кончено. Ты ничем не поможешь.

Горячие, соленые слезы жгли заднюю стенку горла девушки, а поверх накатывал куда более грубый, темный привкус паники.

– А Майя? – требовательно повысила она голос. – Если Джордан убит, то что с ней? И как же теперь Саймон? Ведь Джордан был его телохранителем! *Что с Саймоном, я спрашиваю!*

– Да нормально все со мной, не кипятись, – прозвучал знакомый голос.

Дверь ванной распахнулась, и перед оторопевшей девушкой появился Саймон, причем на удивление сухой. Клэри отшвырнула ножны на одеяло, вскочила на ноги и с такой неудержимой прытью бросилась к юноше, что ударилась головой о его ключицу. И неважно, больно или нет, главное, не выпускать его из рук, словно их обоих сбросили с вертолета, и вот они, кувыркаясь, мчатся к земле. Она вцепилась в зеленый свитер, неловко тычась лицом в плечо и всеми силами стараясь сдержать слезы.

Он тоже сжимал ее в руках, неуклюже, по-мальчишески похлопывая по спине и лопаткам.

Когда Клэри наконец отпустила его и отшагнула назад, то увидела, что и свитер, и джинсы сидят на нем мешковато, они явно с чужого плеча. Зато на шее появилась цепочка.

– Ты что тут делаешь? И чьи это *вещи* на тебе?

– А-а... долгая история, – махнул он рукой. – А шмотки я позаимствовал у Алека. – Слова звучали вполне обыденно и непринужденно, хотя в глазах беспечности не было и в помине. – Ты бы меня видела до этого... Симпатичная пижамка, кстати.

Клэри машинально бросила взгляд вниз. На ней действительно была фланелевая пара: куцые штаны и верх на пару размеров меньше, чем следовало бы. Да еще с пожарными машинками поперек груди.

Люк потупился:

– О да, это из моего гардероба. Четвертьвековой давности. Оцени щедрость.

– Ну ма-ам! Что за шутки? Неужели нельзя было найти чего-то поприличней?!

– Знаешь, если ты настаиваешь на своем праве сбегать на войну, то я тогда требую признать за мной право выбирать тебе вещи на период больничного режима, – сказала Джослин, пряча улыбку.

– Детская пижама как инструмент мести... – проворчала Клэри. Подобрав с пола джинсы и футболку, она взглянула на Саймона. – Прости, мне надо переодеться. И пусть кое-кто готовится рассказать мне все-все-все, не пытаясь отделаться «долгой историей».

Саймон что-то пробурчал себе под нос: что-то про начальницу, – но Клэри была уже за дверью ванной. Она приняла душ, поставив рекорд быстроты, хотя было очень приятно смывать с себя грязь сражения. Девушку до сих не отпускала тревога за Джейса, однако неожиданное появление Саймона резко подняло настроение. Может, это и глупо, но на душе куда легче, когда за ним можно приглядывать самой, не оставляя на чужое попечение в Нью-Йорке. В особенности после того, что случилось с Джорданом.

Скрутив влажные волосы в клубок на затылке и вернувшись в комнату, она застала Саймона сидящим у туалетного столика. Юноша целиком ушел в беседу с ее матерью и Люком, пересказывая свои злоключения в Нью-Йорке – о том, как его похитила Морин, а затем Рафаэль вызволил из плена и договорился о пропуске в Аликанте.

– В таком случае, я надеюсь, что твой Рафаэль примет участие в сегодняшнем ужине, который устраивает представительство Летнего двора, – сказал Люк. – Думаю, приглашение предназначалось Ансельму Найтшейду, но раз Рафаэль его теперь замещает, ему придется прийти. Особенно теперь, когда после трагедии с «Люпусом» солидарность нежити и Сумеречных особенно важна.

– От Майи какие-нибудь весточки есть? – спросил Саймон. – Ох, не нравится мне, что она осталась одна, ведь Джордан-то погиб... – Он мучительно сморщился, произнося эти слова, словно их звуки несли с собой физическую боль.

– Нет-нет, она не одна. Вся стая взяла над ней шефство. Бэт со мной связывался... Короче, телесных ран у нее нет, но вот насчет душевных... Тут уж я не знаю. Как-никак, а именно ей пришлось доставлять послание Себастьяна, когда он убил Джордана, да еще у нее на глазах. Жуткое дело.

– Для стаи найдется теперь еще одно занятие: разборки с Морин, – сообщил Саймон. – Ох, у нее клыки чешутся... Теперь-то, когда все Сумеречные подались из города, она затеяла превратить Нью-Йорк в свою личную площадку для игр. Будет много крови.

– Если она без разбору убивает *примитивных*, Конклаву придется засучить рукава и поставить точку. Нарушать Соглашение – это, знаете ли...

– Саймон, а тебе не кажется, что о таких вещах следует доложить Консулу? – вмешалась Клэри. – Могли бы к ней сходить. Джия не такая, каким был ее предшественник, она тебя

обязательно выслушает.

Юноша кивнул:

– Да, я уже обещал Рафаэлю, что от его имени поговорю и с Консулом, и с Инквизи...

Он вдруг умолк и вновь поморщился.

Клэри пригляделась к нему пристальней. Сейчас, когда он сидел в бледных лучах дневного света, его кожа казалась белее фарфора. Отчетливо виднелась сеточка вен, но не синих, а черных, как на рисунке тушью. Скулы заострились, под ними легли четко обрисованные затененные впадины.

– Саймон, признавайся, ты когда последний раз ел?

Юноша опять поморщился – она знала, что он не любил напоминаний о том, что нынче не может обходиться без крови.

– Три дня назад, – тихо ответил он.

– Еда, – глядя то на мать, то на Люка, сказала Клэри. – Мы должны раздобыть для него еды.

– Да не надо ничего, – не вполне убедительно запротестовал Саймон. – Я в порядке, правда-правда.

– За кровью разумнее всего обратиться в представительство вампиров, – сказал Люк. – Как-никак, а члена Совета от их клана тоже надо чем-то кормить. Я бы сам сходил, да только сомневаюсь, что они доверят кровь оборотню. Можно, конечно, направить официальный запрос...

– Какой еще запрос? Развели бюрократию. Нет уж, мы идем прямо сейчас! – Клэри рывком распахнула дверцы шкафа и сдернула куртку с вешалки. – Саймон, ты сможешь добраться своим ходом?

– Та к ведь не так уж и далеко... – глухим голосом ответил тот. – Чуть ли не по соседству с домом Инквизитора.

– Рафаэль, думаю, спит, – напомнил Люк. – Белый день на дворе.

– Ах, спит? Значит, разбудим. – Клэри наконец справилась с рукавами и вжикнула «молнией». – Раз он представитель от вампиров, то это его работа помочь Саймону.

Юноша фыркнул:

– Ты его плохо знаешь. Он думает, что бить баклуши и есть его работа.

– А мне плевать. Пусть думает, что хочет. – Клэри схватила меч и убрала его в ножны.

– Клэри, мне кажется, ты еще недостаточно выздоровела... – начала было Джослин.

– Мам! Я в порядке. В жизни не чувствовала себя лучше.

Джослин покачала головой, и солнце высекло несколько алых искр у нее в волосах.

– Другими словами, я ничем не могу тебя остановить?

– Ничем, – кивнула Клэри, прилаживая ножны к поясу. – И никак.

– Вечером званый ужин для членов Совета, – напомнил Люк, опираясь спиной на стену, – и поэтому мы уйдем раньше, чем ты вернешься, так что дом будет под наблюдением, а тебе придется поторапливаться, чтобы успеть до заката.

– Вы что, издеваетесь?

– Обижаешь. Мы просто хотим, чтобы ты была дома, а сам дом на запорах. В общем, если не вернешься до темноты, уведомление пойдет напрямиком в Гард.

– Не семья, а полицейское государство какое-то, – пробурчала Клэри. – Ладно, Саймон, пошли уже.

Майя сидела на берегу и, поеживаясь, смотрела на воду.

Летом на пляжах Лонг-Айленда яблоку негде упасть, но вот сейчас, в декабре, здесь царили лишь тишина да ледяной ветер. Серая, чугунного цвета, гладь Атлантики уходила за горизонт, где

сливалась со свинцовым небом.

Трупы оборотней, погибших от руки Себастьяна, в том числе тело Джордана, сожгли среди руин «Претора Люпуса». Один из волков стаи вошел в прибой и развеял содержимое первой урны над волнами.

На глазах Майи поверхность океана подернулась черной пленкой праха.

– Мои соболезнования. – Бэт присел рядом на песок, и они вдвоем стали смотреть, как на сей раз Руфус высыпает пепел из очередной урны. – Джордан был отличным парнем. Самым лучшим.

Майя обеими руками откинула волосы за плечи. Горизонт набух мглистыми тучами. С минуты на минуту заморосит.

– Я собиралась с ним расстаться.

– Чего? – ошеломленно замер Бэт.

– Как раз собиралась сказать, а тут Себастьян...

– А я-то думал, у вас все путем. Ребята счастливы и все такое прочее...

– Да неужели? – Майя пропустила сквозь пальцы горсть влажного, холодного песка. – Зато мне казалось, ты на него зуб точишь.

– Но он же сделал тебе больно? Конечно, с той поры много воды утекло, да и он старался загладить... – Бэт дернул плечом. – Наверное, это просто не мое: прощать.

Майя медленно выдохнула облачко пара.

– И не мое тоже, – сказала она. – В городке, где я выросла, все эти тощие белые богачки только и делали, что надо мной издевались, потому что я не такая, как они. На мой шестой день рождения мама решила устроить что-то вроде детского утренника на тему Барби, но тут оказалось, что для Барби-мулатки не выпускают всяких дополнительных штучек типа праздничных наборов, тортов, ну, всякое такое... В общем, организовали мне веселье вокруг белой куклы. Тут пришли мои белые сверстницы и давай хихикать в ладошку. – В горле начинало покалывать от морозного воздуха. – Та к вот, когда я встретила Джордана и он сказал, мол, ты такая красивая, я чуть не упала от счастья. Через пять минут была в него уже по уши.

– Но ты и вправду красивая. – Бэт рассеянно ткнул пальцем в рака-отшельника, что полз по песку рядом.

– Мы были счастливы, – продолжила Майя. – Но потом случилось *это*: он меня *превратил*, и я его возненавидела. Переехала в Нью-Йорк, а он и там объявился, уверял, что хочет лишь одного, чтобы я его простила. Уж так он этого хотел, уж так переживал... А я-то ведь знала: после укуса человек сам не свой. Говорят, кое-кто поубивал даже собственные семьи.

– И вот почему у нас есть «Люпус», – кивнул Бэт. – Вернее, был.

– Я тогда спросила себя: а есть ли у меня право винить того, кто сам себя не контролирует? Может, и вправду стоит его простить, ведь он так переживает? Уж чего только не устраивал, чтобы заработать себе прощение. Вот я и подумала, что мы могли бы вернуться к прежней жизни, стать такими, какими были раньше.

– Мало кому это удастся, – сказал Бэт. Он задумчиво почесал шрам на щеке, и Майя подумала, что так и не узнала, где и как он его заработал. – Слишком серьезные перемены.

– Вот и у нас не получилось, – согласилась Майя. – Во всяком случае, у меня. Он так сильно хотел прощения, что, как я подозреваю, только это и видел, когда смотрел на меня. Да он вообще видел не меня, а лишь собственное искупление. – Она покачала головой. – Но я же не ходячее отпущение грехов. Я просто Майя...

– Однако он был тебе далеко не безразличен, – мягко возразил Бэт.

– Причем настолько, что я все время откладывала разрыв. Напридумывала себе, что со временем все утрясется и я переменю к нему отношение. А тут все и началось. Похитили

Саймона, мы бросились на его розыски, так что разговор пришлось отложить. Я думала, вот доберемся до «Люпуса», там и скажу все что надо, но... – Она сглотнула. – Оказалось, что мы приехали на бойню.

– Ребята говорили, что, когда тебя нашли, ты его держала в руках. Мертвого. Кровь смывал прибор, а ты все держала его и держала.

– Никто не должен умирать в одиночку, надо, чтобы в эту минуту кто-то держал, – ответила Майя, зачерпывая горсть песка. – Просто... просто я испытывала чувство вины. Ведь он умер, думая, что я по-прежнему его люблю, что мы так и останемся вместе навсегда, что все хорошо. Он умер, а все, что я делала, было насквозь лживым. – Девушка пропустила песок сквозь пальцы. – Зря я не сказала раньше...

– Прекрати. Здесь нет твоей вины. – Бэт поднялся на ноги. Высокий и крепкий парень, чью мускулистую грудь не скрывала полурасстегнутая «аляска». Ветер трепал его коротко стриженные волосы, тучи на горизонте оттеняли силуэт.

В отдалении, за его спиной, Майя видела остатки стаи; все собрались вокруг Руфуса, который что-то говорил, рубя воздух рукой.

– Если бы не его смерть, – сказал Бэт, – то тут другое дело, рассказать пришлось бы. Но он-то умер, считая, что его любят, что его простили, верно? Знаешь, это далеко не так плохо, на свете найдутся вещи куда хуже. Да, Джордан поступил с тобой безобразно, но он это понял. Да и нет таких, кто был бы на сто процентов белый и пушистый. Считай, это был твой ему подарок. Куда бы ни шагал сейчас Джордан – а я считаю, нас всех рано или поздно ждет такая дорожка, – думай об этом как о путеводном огоньке.

«Если ты собрался покинуть Басильяс, имей в виду, что Безмолвные братья не одобряют твоего решения».

– Да-да, разумеется, – кивнул Джейс, натягивая ратную рукавицу на руку и разминая пальцы. – Я уже в курсе, хватит повторять.

Неодобрительно хмурясь, брат Енох маячил над ним как сторожевая башня, пока юноша сгибался, покряхтывая, чтобы зашнуровать сапоги.

Джейс сидел на краешке продавленной койки, одной из многих, что рядами уходили в глубь длинной и узкой палаты. Свободных мест было не так много, и в основном здесь лежали нефилимы, раненные под Цитаделью. Между койками сновали Безмолвные братья, чьи рясы делали их похожими на привидения сестер милосердия. В воздухе стоял терпкий запах трав и загадочных настоев.

«Тебе следовало бы задержаться хотя бы еще на одну ночь. Твои телесные силы истощены, а Небесный огонь по-прежнему внутри».

Закончив возиться со шнуровкой, Джейс вскинул глаза. Сводчатый потолок был расписан витиеватыми узорами в серебристо-голубых тонах. Юноша поежился, он уже по горло был сыт разглядыванием исцеляющих рун, и, хотя минула лишь одна-единственная ночь, ему она показалась целой неделей, на протяжении которой над ним склонялись Безмолвные братья со своими пахучими горшками и неразборчивым бормотанием. А еще они сделали из него подопытного кролика, брали пробы крови, выдергивали волосы и даже ресницы. Не обошлось и без хирургического инструмента из золота, серебра, стали и заговоренной рябины. Что интересно, Джейс отлично себя чувствовал и сильно подозревал, что в госпитале его держат по большей части из желания изучить Небесный огонь, а вовсе не ради вящего исцеления.

– Я хотел бы навестить брата Захарию, – сказал он.

«С братом Захарией все в порядке. Можешь за него не волноваться».

– Как это «не волноваться»? Да я его чуть не убил под Цитаделью!

«Это был не ты, а Небесный огонь. Который не причинил ему никакого вреда, хоть и вызвал известные изменения».

Джейс недоуменно моргнул на загадочный подбор слов:

– Между прочим, он говорил мне, что Безмолвные братья в долгу перед семейством Эрондейлов. Я и есть Эрондейл. Так что он наверняка захочет со мной пообщаться.

«После чего, как я понимаю, ты намерен покинуть Басильяс?»

Джейс поднялся на ноги:

– Ну да. Потому что со мной тоже все в порядке. Чего ради, спрашивается, я буду валяться в госпитале? Тем более что у вас вон сколько по-настоящему раненных... – Он сдернул куртку с колышка на стене. – Послушайте, либо вы отведете меня к брату Захарии, либо я пойду бродить по коридорам и буду выкликать его имя, пока он не отзовется.

«От тебя, Джейс Эрондейл, сплошная головная боль».

– Знаю. Слышал, – охотно согласился тот.

Дневное светило, изливавшееся сквозь стрельчатые окна в простенках между койками, пятнало мраморный пол солнечными зайчиками. Впрочем, сумерки были не за горами: Джейс проснулся уже во втором часу дня. Первое, что он увидел, – Безмолвного брата, терпеливо сидевшего возле его койки. Юноша рывком вскочил и тут же спросил, что с Клэри; перед его глазами поплыли картинки минувшей ночи, вспомнились боль от меча Себастьяна и пламя, взметнувшееся вверх по клинку. Затем охваченный огнем Захария, объятия девичьих рук, волосы Клэри, водопадом струящиеся вокруг них обоих, постепенное онемение во всем теле с приходом темноты – и ничего. Пустота.

Когда Безмолвным братьям удалось наконец заверить Джейса, что с Клэри все в порядке, что она находится сейчас в безопасности, в доме Аматис, он принялся расспрашивать про Захарию с его ожогами, но в ответ получал лишь уклончивые, туманные фразы, от которых вскипало раздражение.

Юноша вслед за Енохом вышел из палаты и очутился в узком оштукатуренном коридоре со множеством дверей по обеим сторонам. Минуя одну из них, сквозь неплотно прикрытую створку Джейс увидел какого-то молодого человека в излохмаченной алой униформе, ремнями прикрученного к койке и бьющегося в судорогах под вопли и проклятия. Над ним стоял очередной Безмолвный брат; белая стена напротив вся в потеках крови.

«Амальрик Кригсмессер, – промолвил брат Енох, даже не повернув головы. – Один из Помраченных. Как ты знаешь, мы вместе с магами Спирального лабиринта не первый день работаем над задачей обернуть вспять проклятие Чаши ада».

Джейс сглотнул. Что вообще на это можно сказать? Он сам был свидетелем обряда и, положив руку на сердце, не верил, что с этим можно как-то справиться: уж слишком глубоко проникал яд. С другой стороны, он раньше и не подозревал, что Безмолвные братья способны на столь человеческое выражение чувств, а поди ж ты, один Захария чего стоит. И кстати, отчего он так хочет его увидеть? В памяти всплыли слова Клэри, которая однажды передала ему ответ брата Захарии на вопрос, мол, доводилось ли тому любить так сильно, что ради своего избранника он был бы готов пожертвовать собственной жизнью.

«Есть воспоминания, которые даже время не сотрет. Если не веришь мне, поинтересуйся у своего приятеля, Магнуса Бейна. Вечность не заставит забыть об утрате, она умеет лишь притуплять боль».

Было что-то невысказанное в этих словах, неуловимый намек на скорбь и чувства, какие Джейс не ожидал найти у Безмолвных братьев. Братья сопровождали его всю жизнь, по крайней мере с десятилетнего возраста: бледные молчаливые истуканы, они приносили исцеление, умели хранить тайны, но не умели любить, возжелать или хотя бы умирать: они просто были. А

вот брат Захария оказался совсем иным.

«Мы на месте».

Брат Енох помедлил перед очередной дверью, выкрашенной в белое и совершенно неприметной. Вскинув ширококостную ладонь, он постучался. Изнутри донесся звук, похожий на скрежет отодвигаемого стула, затем раздался мужской голос:

– Прошу.

Брат Енох распахнул дверь и жестом пригласил Джейса внутрь. Окно кельи выходило на запад, и уже садившееся солнце красило стены бледным огнем. Возле окна – мужская фигура: просто силуэт, худощавый и без привычной рясы. Юноша в недоумении обернулся к брату Еноху, но тот уже успел исчезнуть, бесшумно прикрыв за собой дверь.

– А где же брат Захария? – удивленно спросил Джейс.

– Я здесь.

Голос, обычный человеческий голос, только очень тихий и как бы нестройный, будто речь шла о пианино, за которым никто не сиживал годами. Стоявший у окна повернулся, и Джейс увидел перед собой молодого парня, лишь на несколько лет постарше. Темные волосы, хрупкие черты аристократического лица, глаза, казавшиеся юными и старыми одновременно. Высокие скулы исписаны рунами Безмолвного братства, а на горле виден слабый след еще одной, ныне стертой руны.

Парабатай. Он был чьим-то *парабатаем*, как и сам Джейс. Юноша отлично знал смысл полустертого следа: вторая половина была мертва. Его тут же захлестнула волна симпатии и сочувствия к брату Захарии, потому что, потеряй он Алека, у него тоже остался бы лишь выцветший узор, напоминание о том, кто ведал самые лучшие и самые худшие стороны его сокровенного «я».

– Джейс Эрондейл, – промолвил Захария. – Вновь своим освобождением я обязан одному из вашего клана. Что ж, этого стоило ожидать.

– Я... эт-самое... – Джейс был слишком ошарашен, чтобы демонстрировать навыки связной, грамотной и культурной речи. – Быть не может... Кто становится Безмолвным братом, уже не возвращается. *Нич-чего* не понимаю...

Он и в самом деле Захария, предположил Джейс, *хотя уже и не Безмолвный брат*. Не зная, как реагировать, он попробовал усмехнуться, но вышло до жалости неловко, как у застенчивого, сверххранимого подростка.

– Я и сам не очень хорошо понимаю, как так вышло, – признался парень. – Впрочем, я никогда не был обычным Безмолвным братом. К ним я попал оттого, что на мне лежала печать темной магии, и иного способа спастись не было. – Он бросил взгляд на собственные ладони: гладкие, словно у ребенка, без глубоких линий и уж тем более шрамов, как у подавляющего большинства нефилимов. Безмолвные братья умели сражаться не хуже любого ратоборца, но крайне редко снисходили до этого. – За плечами осталось все, что я некогда знал и любил. Вернее сказать, я просто возвел стеклянную стену между собой и прежней жизнью. Я мог ее видеть, но не мог прикасаться, не мог стать ее частью. Постепенно я начал забывать, что это такое: быть таким, как все.

– А кто говорит, что мы такие, как все?

Захария бросил на него взгляд:

– Ну да, ну да... Нравится нам себе об этом говорить, – кивнул он. – За прошедшее столетие, однако, я всерьез изучил Сумеречных охотников и должен заметить, что мало сыщется людей, в которых человеческого больше, чем в них. Когда сердца нефилимов разбиваются, осколки уже не склеить. Иному *примитивному* даже позавидуешь: ему все как с гуся вода.

– За прошедшее столетие? Я бы сказал, что время для вас тоже... гм... как с гуся вода.

– Мне казалось, что Безмолвным братом я пробуду вечность. Мы... то есть они, не умирают, а лишь цепенеют, что ли. Прекращают двигаться, разговаривать. В конечном счете их помещают в склепы живьем. И вот я думал, что меня ждет та же участь. Однако когда я коснулся твоей раны, то принял часть Небесного огня из твоих вен. Он-то и выжег весь мрак из моей крови, вновь вернул меня в того, каким я был до принятия обета. Вернее, даже не так. Я стал тем, кем всегда хотел быть.

У Джейса охрип голос:

– А это больно?

– Что именно?

– Когда Клэри ударила меня Блистательным, было жутко больно. Словно кости то ли плаваются, то ли обугливаются. Когда пришел в себя, то сразу об этом вспомнил, вот и подумал: а не было ли вам больно, когда вы меня коснулись?...

Захария удивленно поднял брови:

– Ты думал обо мне? беспокоился за меня?

– Конечно.

В оконном стекле Джейс видел собственное отражение и силуэт Захарии. Тот был такого же роста, но худощавей, а со своей темной шевелюрой и бледной кожей напоминал фотонегатив его самого, Джейса.

– Эрондейлы... – Голос Захарии был тих, словно шепот, но в нем смешались и смех и боль. – Я едва не забыл. Никто из других семейств не печется так сильно о любви, да и чувство вины вы переживаете острее. Джейс, не взваливай ты на свои плечи весь мир. Он слишком тяжел даже для Эрондейла.

– Я не святой, – ответил юноша. – Потому-то, наверное, и должен нести весь этот груз.

Захария покачал головой:

– Ты ведь помнишь эту фразу из Библии: «Мене, мене, текел, упарсин»?

– «Ты был взвешен на весах и найден очень легким». Да, помню. Надпись на стене во время пира Валтасара.

– Египтяне верили, что у врат в Царство мертвых сердце человека взвешивают, и, если оно оказывалось тяжелее перышка, умершего ждала преисподняя. Огонь Небес действует словно щуп, словно эти древнеегипетские весы. Если он обнаруживает в нас больше зла, нежели добра, то уничтожает. Между мной и тобой, Джейс Эрондейл, разница в том, что меня этот огонь лишь коснулся, а у тебя поселился в самом сердце. Ты до сих пор носишь его в себе – великий подарок и великое бремя.

– Да, но я только и делаю, что пытаюсь от него избавиться...

– Во-первых, не получится, – посуровел брат Захария. – Во-вторых, это же не проклятие, от которого надо избавляться во что бы то ни стало. Это оружие, которое тебе доверили. Ты сам теперь клинок Небес. Будь достоин этого звания.

– Вы говорите, прямо как Алек, – отметил Джейс. – Его вечно заклинивает на теме долга и моральных ценностей.

– Алек, Алек... Твой *парабатай*? Паренек из клана Лайтвудов?

– Он самый. А у вас... – Джейс показал на горло Захарии, – у вас ведь тоже был *парабатай*? Только руна совсем выцвела.

Захария опустил глаза.

– Потому что мой *парабатай* давным-давно мертв, – ответил он. – Когда это случилось, я... – Он покачал головой, не в силах подобрать нужные слова. – Десятилетиями я разговаривал лишь посредством мыслей, которые другие воспринимали как обычную речь. Зато теперь, словно в насмешку, я с трудом справляюсь с обычным языком. – Захария вскинул взгляд. – Береги

своего *парабата*, – сказал он. – Ибо связь ваша бесценна, как и любая форма любви. Именно благодаря ей мы можем заниматься своим делом. Ведь почему мы противостоям демонам? Почему мы присматриваем за этим миром, а не они? Чем мы лучше? А тем, что они не создают, а разрушают. Способны не на любовь, а лишь на ненависть. Пусть мы Сумеречные охотники, но в то же время мы люди, в нас течет не только ангельская, но и человеческая кровь, и нам свойственно ошибаться. Если б мы не умели любить сами, то не смогли бы защищать людей; мы попросту обязаны обладать этой способностью, чтобы сберечь человечество. Та к вот, мой *парабай* умел любить, как никто другой, всего себя отдавал чувству, и даже больше того. Ты, как я вижу, из той же породы, в тебе любовь горит ярче Небесного огня.

Брат Захария сверлил Джейса взглядом, будто хотел эту мысль вложить как можно глубже.

– Мне очень жаль, – негромко промолвил юноша, – что вы потеряли своего *парабата*. И вам... получается, вас теперь никто не ждет, не к кому возвращаться?

Уголок рта Захарии чуть-чуть скривился.

– Да нет, есть кое-кто. Она всегда была для меня как бы родным домом, тихой гаванью. Но всему свое время. Пока что я должен оставаться на своем месте.

– Чтобы сражаться?

– И скорбеть. И любить. Когда я был Безмолвным братом, то воспринимал любовь и скорбь приглушенно, словно они были музыкой, что доносится из далекого далека: ноты чистые, но едва различимые. Зато сейчас... сейчас все это обрушилось на меня как лавина. Я согбен и погребен под ней. И я должен обрести куда бóльшую силу, прежде чем состоится наша встреча. – Он тоскливо улыбнулся. – Тебе никогда не приходилось чувствовать, что сердце того и гляди лопнет, потому что переполнено до предела?

Джейсу вспомнились раненый Алек, неподвижный и белый как полотно Макс на полу Зала Соглашений; вспомнились Валентин и его объятия на пропитанном кровью Джейса песке. И наконец, он подумал про Клэри и ее храбрость, что оберегала его от бед, про ее острый – если не сказать колкий – ум, благодаря которому он сохранил свой разум, про верность и надежность ее любви.

– Когда оружие сломается и его починят, оно становится наиболее крепким как раз в месте разлома, – сказал Джейс. – Может, и с сердцем так же?

Брат Захария, который сейчас мало чем отличался от самого Джейса, невесело усмехнулся:

– Будем надеяться, ты прав.

– Поверить не могу, что Джордана больше нет, – посетовала Клэри. – Ведь я, можно сказать, только что его видела. Он сидел на стене у Института, перед тем как мы прошли через Портал.

Девушка шла рядом с Саймоном вдоль одного из каналов, направляясь к центру города. Башни тянулись ввысь, отражаясь в воде яркими сполохами.

Саймон искоса бросил взгляд на спутницу. Он все никак не мог избавиться от воспоминания, как Клэри выглядела не далее чем прошлой ночью: изможденная до синевы в лице, едва балансирующая на грани обморока, одежда рваная, вся в крови... Зато сейчас – пожалуйста! как ни в чем не бывало цокает себе каблучками по набережной, на щеках румянец, руки в карманах, из-за ремня с вызовом выглядывает рукоять Геспера.

– Я тоже верить не могу, – сказал он.

Взгляд Клэри был ясным, но несфокусированным – девушка явно думала о чем-то другом, далеко, и Саймон невольно задался вопросом: о чем? Может быть, она вспоминает, как Джордан в Центральном парке учил Джейса контролировать свои эмоции? Он и сам без конца думал о Джордане. Вот Джордан в квартире Магнуса, разговаривает с пентаграммой... Джордан при самой первой их встрече, когда они только-только познакомились; он ныряет под гаражную

дверь, чтобы принять участие в прослушивании... сидит на диване и режется с Джейсом в очередную игрушку на Xbox... А вот Джордан говорит ему, Саймону, дескать, меня определили тебя защищать...

Внутри царила тоскливая пустота. Всю ночь он метался по кровати, пробуждаясь от кошмаров, в которых являлся Джордан и молча стоял перед ним, прося, умолая, требуя взглядом карих глаз, чтобы Саймон уберег его, спас, сам стал его защитником...

– Несчастливая Майя, – сказала Клэри. – Уж лучше бы она была здесь. У нее и так-то последнее время жизнь была несладкой, а тут еще и это...

– Я знаю, – еле выдавил Саймон сквозь шершавый комок в горле. Было и без того нелегко думать про Джордана; если же еще и Майей озаботиться, так вовсе пиши пропало.

На его немногословность девушка отреагировала тем, что ласково взяла за руку.

– Саймон? – спросила она. – Что с тобой?

Пальцы их рук переплелись, и Клэри бросила взгляд на золотое кольцо, которое он никогда не снимал.

– Да что-то не по себе.

– Ну, это естественно. Как вообще может быть иначе? Ведь ты же...

Что? Был ему другом? Соседом по комнате? Объектом охраны?

– Я нес за него ответственность, – буркнул он.

Клэри опешила:

– Да что ты, Саймон. Ровно наоборот! Это он за тебя отвечал, ему ведь специально сказали, что...

– Слушай, не надо, а, – поморщился он. – Ты лучше спроси, как вообще Джордан оказался в штаб-квартире стаи в тот злосчастный день. Он же раньше туда и носа не казал. А все из-за меня: если б я не пропал, он бы не отправился на поиски. Если бы я остался в квартире, если б не дал себя похитить...

– А? дал себя похитить? – едко переспросила Клэри. – То есть ты специально полез в лапы Морин, что ли?

– Да при чем тут Морин?... – мрачно сказал он.

Девушка окончательно потеряла нить:

– Подожди-ка. Я-то думала, Морин держала тебя в какой-то клетке в «Дюморе», ведь ты же сам об этом рассказывал, нет?

– Ну да, держала, – кивнул Саймон. – Но ведь вышло это в первую очередь потому, что я оказался на улице. Понимаешь, на меня напал кто-то из Помраченных, и я умолчал об этом потому, что не хотел расстраивать Люка с твоей матерью, – пояснил он. – Не то они вообще бы с катушек слетели от беспокойства.

– Если Себастьян и послал за тобой Помраченного, это случилось как раз из-за меня, – обронила Клэри. – Ты мне лучше вот что скажи: этот Темный чего хотел-то? Тебя похитить или убить?

– Знаешь, как-то не сложилась у нас с ним доверительная беседа. – Саймон сунул руки в карманы. – Джордан скомандовал мне бежать, я припустил со всех ног – и угодил прямоиком к прихлебателям Морин. Надо думать, она уже давно приказала следить за нашей квартиркой... Короче, вот плоды моей трусости. Если б я не дал деру как заяц, никто б меня не похитил, и Джордану не пришлось бы отправляться в «Люпус», и там бы его никто не убил...

– А ну прекрати истерику! – Саймон изумленно повернул голову, Клэри явно разозлилась не на шутку. – Хватит скулить и посыпать голову пеплом. Во-первых, Джордан стал твоим телохранителем вовсе не по воле случая. Он сам этого хотел, потому что мог быть рядом с Майей. А во-вторых, он отлично знал, на какой риск идет. Решение принимал сам, по

собственному желанию. Искал себе искупление. Из-за того случая между ними и Майей. Из-за его *собственного* поступка. И не забывай, чем для него был «Претор Люпус». Стая спасла его, ведь иначе он превратился бы в монстра, и еще неизвестно, чем бы это кончилось для Майи. Тоже, наверное, стала бы чудовищем... Да, его поступок не мог быть так просто прощен, прощение надо заработать. И если бы у него не было «Люпуса», если бы он не взялся тебя оберегать, чувство вины изглодало бы его до смерти в буквальном смысле: он наложил бы на себя руки!

– Клэри... – Саймон был потрясен темным смыслом ее слов.

Девушка поежилась, словно голой кожи вдруг коснулась паутина. Ребята свернули на длинную набережную, тянущуюся вдоль всего канала, застроенную по обеим сторонам старыми особняками. Панорама напомнила Саймону снимки зажиточных кварталов Амстердама.

– Вон там, видишь? – показала Клэри. – Это дом Лайтвудов. И вообще на этой улице живут высшие члены Совета. Инквизитор, Консул, представители нежити... Нам осталось лишь догадаться, в каком из этих дворцов обосновался Рафаэль...

– Тоже мне, тайна за семью печатями, – фыркнул Саймон, вытягивая руку в направлении довольно узкого особняка с черной дверью. На створке была изображена серебряная звезда. – Символ Ночных чад. Потому что солнце вампирам противопоказано.

Он улыбнулся, вернее сказать, сделал жалкую попытку. Голод резал изнутри, и даже не живот, а вены, которые сейчас жгли, будто превратились в нити накаливания электролампочки.

Саймон поспешил отвернуться и взбежал по ступеням. Бронзовый дверной молоток был отлит в форме руны и оказался весьма увесистым. Под его ударом дверь загудела, разнося эхо по всему дому.

Когда распахнулась дверь, судя по звукам за спиной, Клэри уже поднималась по лестнице. В проеме, старательно укрываясь от прямых солнечных лучей, стоял Рафаэль. Скудное освещение коридора едва позволяло угадать его силуэт и кудряшки на голове; отчетливо блеснули лишь зубы, когда он приветствовал гостей улыбкой:

– А! Светолуб! да еще в компании Валентиновой дочки.

Клэри раздраженно хмыкнула:

– Он что, вообще никого не зовет по имени?

– Только ближайших друзей, – последовал ответ.

– У тебя есть друзья? – вскинул брови Саймон.

Рафаэль разозлился:

– Ладно, хватит уже. Что, за кровью пожаловали?

– Да, за кровью, – кивнула Клэри.

Саймон же предпочел отмолчаться. И было отчего: при звуках этого слова он едва не свалился в голодный обморок. А дело-то, похоже, нешуточное, вон как живот скрутило...

Рафаэль подарил Саймону косой взгляд:

– Зря ты отказался от моей идеи.

У девушки недоуменно взлетели брови, но Саймон насупился:

– Если хочешь, чтобы я замолвил от твоего имени словечко перед Инквизитором, гони кровь. Не то я либо свалюсь ему под ноги от истощения, либо вообще загрызу.

– Боюсь, его дочь будет от этого не в восторге. Тем более что прошлой ночью ты и так ей досадил.

Высказавшись, Рафаэль растворился в тени коридора, а Клэри повернулась к Саймону:

– Получается, ты вчера виделся с Изабель?

– Получается.

– И чего вы с ней на этот раз не поделили?

Возвращение Рафаэля позволило Саймону не отвечать. Он жадно схватился за запечатанный хрустальный графин, полный красной жидкости.

Запах крови – клубящийся, сладко-терпкий – просачивался даже сквозь стекло. Саймон выдернул пробку и сделал глоток; на это тут же отозвались его клыки, прорезав десны, хотя прямо сейчас в клыках не было никакой нужды. Вампирам вроде бы не полагается пить из горлышка. В смысле, из посудного. Утирая губы тыльной стороной кисти, он почувствовал, как зубы царапнули кожу.

В темных глазах Рафаэля танцевали лукавые искры:

– Какая жалость, что пострадал твой кореш из волкодлаков.

Саймон замер, и Клэри предостерегающе коснулась его запястья.

– Что ты все клоуна из себя корчишь? – презрительно обронил юноша. – Преторианец был тебе как кость в глотке, разве не так?

Рафаэль задумчиво хмыкнул:

– Зато сейчас ни телохранителя, ни Метки. Всю защиту как корова языком слизнула. Скажи-ка, светолубец, это, должно быть, странное чувство: знать, что можешь умереть в любой момент?

Саймон впился в него жестким взглядом.

– Не надоело? – осведомился он и сделал очередной глоток из графина. На этот раз вкус был более горьким, даже отдавал кислинкой. – Все стараешься разбудить во мне ненависть? Или просто сам меня терпеть не можешь?

Наступила тягучая пауза. Тут Саймон сообразил, что Рафаэль стоит босой на самом краешке светлого прямоугольника, резко выделявшегося на дубовом паркете. Еще полшажочка, и солнце опалит его, как свинью.

Саймон сглотнул тягучий кровавой привкус; голову немного кружило.

– Понятненько, – кивнул он. – Я-то думал, это ненависть, а ты, оказывается, всего лишь завистник.

Не вымолвив ни слова, Рафаэль захлопнул дверь.

Клэри облегченно выдохнула:

– Ого... Ну и пес с ним. Главное, дело сделано.

Саймон же отмолчался; он просто развернулся и сошел по лестнице. Остановился на последней ступеньке, прикончил остатки крови в графине, а затем, к удивлению девушки, отшвырнул его прочь. Пролетев пол-улицы, хрусталь угодил в фонарный столб и рассыпался на осколки, оставив после себя кровавый мазок на чугунной поверхности.

– Саймон? – Клэри спорхнула с крыльца вслед за ним. – Ты чего?

Он неопределенно махнул рукой:

– Да ну... Джордан, Майя, Рафаэль, это знаешь... короче, вот по сюда уже. Сам в толк не возьму, как и что теперь делать.

– Ты насчет разговора с Инквизитором?

Клэри пришлось прибавить шагу, чтобы не отстать от Саймона, который вроде бы бесцельно, но размашисто шагал по улице. Поднимавшийся ветер трепал ему темно-каштановую челку.

– Да я насчет всего подряд. – Юношу покачивало на ходу, и Клэри подозрительно нахмурилась. При любых иных обстоятельствах она решила бы, что ее спутник нетрезв. – Лишний я тут, вот что. – Он остановился напротив особняка Инквизитора и, запрокинув голову, стал рассматривать окна верхнего этажа. – Ты как думаешь, чем они там сейчас занимаются?

– Обедают? – предположила Клэри. За фонарными стеклами потихоньку разгорались

ведьмины огни, освещая улицу. – Живут своей привычной жизнью. А если серьезно... Среди погибших прошлой ночью наверняка были их знакомые, так что им тоже не позавидуешь. Ну а если тебе хочется повидать Изабель, то завтра большой сбор – Совет, Конклав, вот и...

– Она знает, – вдруг оборвал ее Саймон. – Что родители, того и гляди, разведутся. Что у отца была любовная интрижка.

– Чего-чего? – Клэри изумленно распахнула глаза. – Когда она это узнала?

– Давным-давно. – У Саймона совершенно точно заплетался язык. – Еще до появления Макса. Роберт собирался бросить семью, но... Но как узнал, что ожидается новый ребенок, все же остался. Мариза сама рассказала об этом дочери несколько лет назад. Я считаю, нечестно вваливать такое на дочь. Изабель сильна, но все же. Нельзя так относиться к собственной дочери. Иди... да сама тащи... свой крест...

– Саймон. – Оттаскивая парня прочь от двери, Клэри подумала о собственной матери. *Нельзя так относиться к собственной дочери.* – А ты-то откуда все знаешь? И с каких пор?

– Про Роберта и Маризу? Да уж пару месяцев. – Саймона неодолимо влекло к парадному входу. – Я всегда болел за Иззи, хотел помочь, но она запрещала хоть что-то делать, даже говорить об этом... Кстати, твоя мать в курсе. В общем, она сказала Изабель, с кем именно связался Роберт. Имечко совершенно незнакомое. Хорошо это или плохо, судить не бр... не брусь...

– Что? Саймон? Саймон, да ты на ногах еле стоишь! Эй!

Он завалился на бок, с жестяным гулом и грохотом угодив плечом в металлическую ограду дома Инквизитора.

– Изабель! – крикнул парень, задрав голову. – *Изабе-е-ель!*

– Да чтоб тебя... – Клэри дернула его за рукав. – Саймон! – грозно зашипела она. – Ты же вампир! И орешь посреди Идриса! Голову на плечах носить надоело?

Но Саймону было уже все равно.

– Изабелюшка! – вновь позвал он. – Распусти косоньки!

– Ой... – прошептала Клэри, когда сверкнула догадка. – Рафаэль тебе что-то подмешал, да? В кровь? Да я этому сукиному сыну кишки пуццу!

– Он и так давно мертвый, – поделился наблюдениями Саймон.

– Вернее, неживой. Короче, если надо, я прикончу его во второй раз. Да хоть в третий... Саймон, ну давай же! Пошли домой, там спокойно сможешь отдохнуть, приложим тебе лед к голове...

– ИЗАБЕЛЬ! – рявкнул парень.

Одно из верхних окон распахнулось, и через подоконник перегнулась Изабель. Тут выяснилось, что ее волосы и впрямь были распущены, каскадом сбегая вокруг лица. Красивого, но в данную минуту гневно перекошенного.

– Ну, знаешь! – прошипела она. – Заткнись сейчас же!

– И не подумаю! – Саймон картинно подбоченился, как опереточный бунтовщик. – Ты моя восхитительная дева, и я намерен завоевать твое полное расположение! Со всеми прелестями, что идут в комплекте!

Изабель уронила голову в ладони.

– Он что, надрался? – невнятно простонала она, обращаясь к Клэри.

– Сама не пойму, – пожалала та плечами, разрываясь между лояльностью к Саймону и необходимостью как можно быстрее увести его подальше. – Не исключено, что ему подсунули просроченную кровь или что-то вроде того.

– Я люблю тебя, Изабель Лайтвуд! – взревел ее спутник, заставив поежиться всю округу. В домах – не только в особняке Инквизитора, но и в соседских – засветились окна, с улицы

донесся топот, а еще через секунду появились Алина с Хелен, румяные и запыхавшиеся. Хелен на ходу пыталась затянуть волосной узел на затылке. – Люблю и не уйду, пока ты сама не скажешь, что полюбила меня в ответ!

– Да ответь ты ему, ответь! – крикнула Хелен. – Ведь житья не дает, изверг! – Тут она заметила Клэри и помахала ручкой. – Ой, привет!

– Привет, – кивнула та. – Слушай, я так и не успела забежать к вам после этих событий в Лос-Анджелесе... В общем, если чем надо помочь, я всегда...

Какой-то метательный снаряд мелькнул в темнеющем небе и шлепнулся на мостовую под ноги Саймону. Сверток из пары вещей: кожаные штаны и белоснежная кружевная сорочка. Увы, рваная.

– Вот твоё барахло, а теперь убирайся! – крикнула Изабель.

Распахнулось очередное окно; на сей раз через подоконник свешивался Алек. Его взгляд упал на Клэри и остальную компанию; брови недоуменно съехались к переносице.

– Вы чего тут резвитесь? Рановато вроде для рождественских коляд?

– Нашел тоже с чем сравнивать, – возмутился Саймон. – Да я вообще иудей, если хочешь знать! Крутись-вертись, дрейдл! Нун-гимел-хэй-пэй!

– Чего это он? – опасливо шепнула Алина, трогая Клэри за локоть. – Никак спятил? Бедненький...

– Да какое там спятил, – махнула рукой Хелен. – Пьяный он. Думаю, ему просто попалась кровь нетрезвого человека. Вампиры от нее... короче, как коты от валерьянки.

– Ну, Рафаэль, ну, сволочь, я тебе еще припомню... – шептала себе под нос Клэри.

– Изабель! – меж тем орал Саймон. – Хватит швыряться одеждой! Ты Охотница, а я вампир, но это не значит, что нам не суждено быть вместе! Наша любовь запретна и сладка, как... как любовь акулы и аквалангиста с подводным ружьем! Вот почему второй такой нет и не будет!

– Да? – недобро прищурилась Изабель. – И кто же из нас акула, позвольте осведомиться? А, Саймон? Я тебя спрашиваю, *ты кого назвал акулой?*!

Об стену шваркнула распахнутая дверь. В проеме возник Роберт Лайтвуд, и вид у него был не самый довольный. Он неторопливо спустился, миновал дорожку к дому и, пнув калитку, остановился перед Саймоном.

– Какого, извините, рожна вы тут... гм, устроили? – сказал он и, не поворачивая головы, скосил глаз на Клэри. – И что именно означают ваши звукоизлияния под окнами моего жилища?

– Просто ему вдруг стало нехорошо, – пролепетала Клэри, скромно опустив очи долу и настойчиво дергая Саймона за рукав. – В общем, мы пошли. Спокойной всем ночи.

– Нет, – сказал Саймон. – Мне надо поговорить... с ним. С этим. Инк... Инквизитором.

Сунув руку за пазуху, Роберт извлек распятие и выставил перед собой, ровнехонько напротив Саймона.

– Я буду разговаривать с представителем Ночных чад в составе Совета или с руководителем нью-йоркского клана, – заявил он. – И уж во всяком случае, не с первым попавшимся вампиром, который барабанит в дверь моего дома. Даже если он дружен с моими детьми. Тем более что появляться в Аликанте без разрешения запрещается...

Саймон выхватил распятие из руки Инквизитора.

– Не та религия, – сообщил он. Хелен негромко присвистнула. – К тому же я здесь по поручению нашего представителя, Рафаэля Сантьяго. Именно он прислал меня для разговора с вами.

– Саймон! – Из дома выбежала Изабель и встала между отцом и юношей. – Что ты тут делаешь?!

Она гневно взглянула на Клэри, которая вновь вцепилась Саймону в руку:

– Слушай, нам правда надо идти...

Роберт перевел глаза на дочь. Выражение его лица изменилось.

– Что у вас за тайны? Это из-за них такой крик?

Клэри удивленно уставилась на Изабель, напоминая себе, как Роберт заботливо утешал девушку после смерти Макса, какими близкими стали их отношения. И подумать только, ее отец ничего не заметил...

– Он просто мой друг. *Наш* общий друг, – сказала Изабель, складывая руки на груди. Даже непонятно, на кого она больше злилась: на Роберта или на Саймона. – И я готова за него поручиться, если это нужно, чтобы он остался в Аликанте. – Она вновь сердито посмотрела на Саймона. – Но прямо сейчас пусть отправляется с Клэри. Так, Саймон?

– У меня голова совсем круглая, – пожаловался тот. – Круглая-прекруглая.

Роберт ошеломленно опустил руку:

– *Что-что?*

– Ему дали не ту кровь, – пояснила Клэри. – Он тут ни при чем.

Инквизитор перевел тяжелый взгляд своих темно-синих глаз на Саймона:

– Хорошо, круглоголовый, я побеседую с тобой завтра, когда соберется Совет. *Если протрезвеешь*. Кроме того, если у Рафаэля Сантьяго есть что мне сказать, пусть это прозвучит перед Конклавом.

– Я вовсе не... – начал было юноша, но Клэри торопливо его оборвала:

– Отлично. Я сама приведу его на Совет завтрашним утром. Саймон, мы должны успеть вернуться до темноты, ты это прекрасно знаешь.

Тот слегка удивился:

– Правда? Откуда?

– Итак, встретимся завтра, на Совете, – сухо кивнул Роберт, развернулся и зашагал в дом.

Изабель мгновение помедлила; она стояла босиком на узкой брусчатой дорожке, одетая в джинсы и мешковатую темно-синюю рубашку.

– Где же он раздобыл этот кровавой «ерш»? – показала она на Саймона.

– Рафаэль, – коротко, но внятно объяснила Клэри.

Изабель закатила глаза.

– Ладно, к завтрашнему утру все уладится, – сказала она. – Главное, пусть проспится. – Девушка помахала Хелен с Алиной, которые, прислонившись к столбам калитки, следили за сценой с нахальным любопытством. – До встречи на заседании.

– Изабель... – вновь завел свое Саймон и даже потянулся к ней, однако Клэри, решив, что вреда и так уже достаточно, без церемоний схватила его за шиворот и толкнула в сторону улицы.

Из-за того что Саймон все время норовил свернуть не туда и даже попытался было забраться в уже закрытую кондитерскую лавку, к тому моменту, когда они с Клэри добрались до дома Аматис, уже стемнело. Девушка осмотрелась по сторонам, отыскивая охранника, поставить которого грозились Джослин, но перед домом никого не было. Или он был гением маскировки, или, что более вероятно, уже отправился докладывать о том, что Клэри нарушила запрет.

Девушка мрачно поднялась по ступенькам, отперла дверь и впихнула Саймона внутрь. Тот перестал протестовать еще в районе Колодезной площади и теперь лишь беспрерывно зевал, едва находя в себе силы держать веки полуоткрытыми.

– Ненавижу Рафаэля, – буркнул он.

– У меня те же мысли, – разворачивая его лицом к гостевой комнате, сказала Клэри. – Давай же, пошли. Тебе надо лечь.

Подталкивая Саймона в спину, она довела его до кушетки, куда он и повалился, зарываясь в

подушки. Луна тускло просвечивала сквозь шторы, которыми было завешено широкое фасадное окно. Глаза у Саймона напоминали дымчатый кварц, когда ему все же удавалось пошире распахнуть веки.

– Тебе надо выспаться, – сказала Клэри. – Мама и Люк придут с минуты на минуту.

Девушка развернулась на выход.

– Клэри, – сказал он, хватая ее за рукав. – Будь осторожна.

Она мягко высвободилась и пошла вверх, подсвечивая себе путь ведьминым огоньком. Окна в коридоре второго этажа оказались открыты, и с улицы тянуло ночным холодом, запахом влажной брусчатки и воды из канала. Клэри добралась до своей спальни, толкнула дверь – и обмерла.

В ее руке мерцал ведьмин огонь, простреливая комнату узкими лучами света. Кто-то сидел на ее постели. Кто-то высокий, белобрысый, с мечом на коленях и искрящимся серебряным браслетом на запястье.

Если небесных богов не склоню, Ахерон всколыхну я.

– Ну здравствуй, сестренка, – улыбнулся Себастьян.

В ушах Клэри звучало лишь ее собственное хриплое дыхание. В памяти всплыл тот день, когда отчим впервые отвел ее купаться на озеро неподалеку от фермы, где она настолько глубоко погрузилась в сине-зеленую воду, что мир над головой исчез, оставив по себе лишь звук биения ее детского сердечка: искаженное и далекое эхо. Она еще испугалась тогда, что знакомая ей вселенная на веки вечные канула в прошлое, что она потерялась отныне и навсегда, пока Люк не сунул руку в воду и не извлек ее, отплевывающуюся и растерянную, на солнечный свет.

То же самое она испытывала и сейчас, как если бы угодила в иной мир, чужую, перекошенную и удушливую антиреальность. Спальня та же самая, прежняя старая мебель, деревянные стены и лоскутный коврик, выцветший и потускневший в лунных лучах; вот только Себастьян торчит посередине как некий экзотический, ядовитый цветок, невесть откуда взявшийся на привычной, скромной клумбе.

Словно в замедленной съемке Клэри развернулась, чтобы выбежать из открытой двери, но та захлопнулась ей в лицо, окончательно и бесповоротно. Девушку будто сцапала невидимая и неодолимая сила, крутанув помимо ее воли вокруг оси, впечатывая спиной в стену, да так, что она приложилась затылком. Смаргивая невольные слезы боли, Клэри попыталась сделать хоть шаг, но тщетно. Тело ниже поясицы попросту отказывалось слушаться – как у паралитика.

– Приношу свои извинения за вяжущее заклинание, – небрежно и насмешливо процедил Себастьян. Он вальяжно откинулся на подушку и, заведя руки за голову, потянулся, выгибаясь долго и с наслаждением, как кошка. Футболка задралась, обнажив плоский, бледный живот, испещренный рунами. Было в его позе что-то нарочито-соблазнительное, отчего к горлу подступила тошнота. – Пришлось, конечно, потрудиться при настройке ловушки, но сама знаешь: предусмотрительность еще никогда и никому не мешала.

– Себастьян. – К собственному удивлению девушки, ее голос оказался ровным, все органы чувств обострились: она чувствовала буквально каждый сантиметр своей кожи, словно очутилась без доспехов и даже без униформы нефилимов перед входом в узкий коридор, где стены утыканы битым стеклом. – Почему ты здесь?

Его костисто-угловатое лицо стало задумчивым, взгляд обежал комнату как луч прожектора. Ни дать ни взять змея, пробуждающаяся после сна на горячем от солнца камне, еще вялая и разнеженная, пока что неопасная.

– Потому что соскучился по своей младшей сестренке. Ну а ты? Скучала по мне?

Может, заорать что есть сил? Да нет, она и пикнуть не успеет, как Себастьян приставит кинжал к горлу.

Клэри попыталась утихомирить встревоженное сердце: не в первый раз, выкрутимся как-нибудь. Наверное.

– При нашей последней встрече ты держал мою спину на мушке арбалета, – сказала она. – Та к что я не соскучилась, не оболящайся.

Он что-то начертил в воздухе пальцем:

– Неправда.

– Это ты говоришь неправду. Да ты бы никогда сюда не появился, кабы не хотел чего-то такого, и я тут ни при чем. Ну, и что ты затеял?

Себастьян вдруг очутился на ногах – грациозный, слишком стремительный, чтобы ее глаза сумели уловить движение. Клэри вспомнила, как они стояли на берегу Сены, как свет играл у него в волосах, тонких претонких, белых-пребелых, как пушок одуванчика. Уж не так ли выглядел

сам Валентин в пору своей юности?

– Может, мне хочется договориться о мирном соглашении, – сказал он.

– Совет и Конклав никогда не пойдут с тобой на сделку.

– Серьезно? Даже после вчерашнего? – Он шагнул к ней ближе. В девушке взметнулась паническая волна: бежать-то некуда; Клэри подавила невольный вскрик. – Мы – противники. У каждого своя армия. Разве у вас не принято устраивать мирные переговоры, когда альтернативой может быть лишь бессмысленная гибель множества людей, после чего так и так придется сдаться? А потом, с чего ты взяла, что я хочу переговоров с ними? Что, если я пришел договариваться лишь с тобой?

– Но почему? Ведь ты не умеешь прощать, я тебя знаю. Того, что я сделала... ты не простишь вовеки.

Себастьян вновь переместился; мелькнула тень, и вот он в буквальном смысле прижимается к ней, притиснув к стене, заломив ей руку над головой.

– Нельзя ли поконкретней? Ты толкуешь про уничтожение моего дома? Того самого, что некогда принадлежал нашему с тобой отцу? Или про твой обман и предательство? А может, речь идет о разрушении той связи, что существовала между мной и Джейсом?

В глубине его глаз Клэри видела вскипающее бешенство, тесно прижатая грудь передавала буханье его сердца.

Девушку так и подмывало врезать ему коленом, да только ноги не слушались.

– И то, и другое, и третье.

Ну вот, на сей раз голос ее подвел-таки. Дрогнул.

Он стоял до того близко, что Клэри физически ощутила, как обмякло его тело. Себастьян был строен чуть ли не до худобы, поджар, подтянут; от выступавших костей становилось больно.

– Думаю, ты могла бы сделать мне кое-какое одолжение. Похоже, именно к этому все идет. – Она видела собственное отражение в его лукавых глазах, чья радужка была настолько темной, что практически сливалась со зрачками. – Знаешь, я слишком зависел от нашего отца, от его наследия, от его власти. Да и на Джейса чересчур уж опирался. Так что пора бы мне встать на собственные ноги. Порой надо потерять все, чтобы потом все обрести, и вот это-то обретение лечит боль утраты. Я в одиночку объединил Помраченных, в одиночку нашел себе союзников. Своей собственной волей и силами взял Институты... в Буэнос-Айресе, в Бангкоке, в Лос-Анджелесе...

– Ты сам убивал и разлучал семьи, – в тон ему подхватила Клэри. – Возле этого дома дежурил охранник, ему было поручено меня защищать. Что ты с ним сделал?

– Наглядно объяснил, как именно надо выполнять столь ответственную работу, – ответил Себастьян. – Присматривать за моей дражайшей сестренкой. – Свободной рукой он коснулся ее локона, пропустил его между пальцами. – Рыженькая, – дремотно промолвил он. – Как закат в огне и крови... Как падающая звезда, целующая верхний слой атмосферы... Мы ведь Моргенштерны, – добавил он неожиданно резко. – Яркие утренние звезды. Дети Люцифера, наипрекраснейшего из ангелов. И наш облик обретает высшую красоту именно в момент падения. – Он помолчал. – Взгляни на меня, Клэри. Взгляни на меня.

Она невольно подчинилась. Черные глаза – колющие, как острый голод, – резко выделялись на фоне его белых, как соль, волос, его бледной кожи, легчайшей розовой пастели на скулах. Живший в девушке художник знал, что он великолепен: как пантера, как флакон с мерцающим ядом, как полированный череп мертвеца. Люк однажды сказал, что ее талантом было умение выискивать красоту и ужас в обыденных вещах. И хотя все, что касалось Себастьяна, ох как далеко отстояло от обыденности, и то и другое она видела даже в нем.

– Люцифер был самым красивым среди небесных ангелов и самым гордым из всех

созданий. И настал день, когда он отказался склонить голову перед человеком, ибо знал, что тот стоит ступенью ниже. Вот за это Люцифера и сбросили в бездну, а заодно и всех тех ангелов, кто встал на его сторону: Велиала, Азазеля, Асмодея и Левиафана. И Лилит. Мою матушку.

– Никакая она тебе не мать.

– Верно. Она больше чем мать, потому как была бы она обычной матерью, из меня вышел бы колдун. Однако я питался ею кровью еще до собственного рождения, и вот почему я очень отличаюсь от колдунов и прочих ведьмаков, ведь я лучше их. Мать-то моя Лилит была когда-то ангелом.

– К чему ты клонишь? Дескать, демоны те же ангелы, которые всего-то ошиблись выбором?

– *Величайшие* демоны не так уж отличаются от ангелов, – заметил он. – И мы с тобой тоже во многом схожи. Я ведь уже говорил об этом.

– Помню-помню, – кивнула она. – *Да, дочь Валентина, есть в твоём сердце кое-что темное...*

– Ну, вот видишь, – удовлетворенно сказал он, пропуская ее волосы сквозь пальцы. Рука опустилась к плечу, затем оказалась на груди и наконец замерла напротив сердца. Пульс у девушки словно взорвался, ударив по венам; тут же возник порыв оттолкнуть Себастьяна, но она сдержалась, заставив правую руку свободно свисать вдоль туловища. Пальцы касались нижней кромки куртки, под которой скрывался Геспер. Пусть даже не получится убить Себастьяна, можно хотя бы выиграть время, пока не подоспеет помощь. Может, даже удастся захватить его в плен... – А вот наша с тобой мать меня обманула. Отказалась от меня, возненавидела. Я был всего лишь младенцем, а она меня уже ненавидела. Как и наш с тобою отец.

– Валентин занимался твоим воспитанием...

– Но всю любовь отдавал Джейсу, неродному ему. Вечному сорванцу, своенравному бедокуру. Я же послушно выполнял все, что говорил отец, а он за это меня ненавидел. И тебя тоже, кстати. – Его глаза пылали в темноте серебряными кляксами. – Парадокс, не находишь? А, Кларисса? Мы с тобой кровь от крови, плоть от плоти Валентина, а он нас ненавидел. Тебя потому, что ты лишила его нашей матери. Ну а меня из-за того, что я в точности был тем, что он и замыслил создать.

Клэри вспомнился Джейс, окровавленный, в разодранной униформе, стоящий с клинком Моргенштернов на берегу озера Лин и кричащий Валентину: «Зачем я тебе? У тебя же рос собственный сын!» И хриплый голос Валентина в ответ: «Не сын был мне нужен, но солдат. Воин. Я думал, что им станет Джонатан, однако в нем слишком много от демона. Он рос жестоким, неуправляемым, непредсказуемым. Ему с детства недоставало терпения и участия, чтобы следовать за мной и вести других по предначертанному пути. Тогда я повторил эксперимент на тебе. И снова неудача. Ты был слишком нежным, не в меру сострадательным. Чувствовал боль других как свою собственную. Ревел, когда умирали твои питомцы. Пойми, сын мой... я любил тебя за эти качества, и они же сделали тебя ненужным».

Клэри слышала дыхание Себастьяна, тяжелое, неровное.

– Ты сама знаешь, – продолжил он, – что я не лгу. Все, что я сказал, чистая правда.

– И какое это имеет значение?

– Что значит какое? Да ведь мы же с тобой почти близнецы! – Голос Себастьяна вдруг поднялся чуть ли не до истерических высот. Клэри вздрогнула и, пользуясь моментом, сдвинула пальцы ближе к Гесперу. – Ты моя, – прибавил он, с видимым усилием удерживая себя в руках. – Ты всегда была моей. С момента появления на свет, сестричка, хотя тогда этого не знала и не понимала. Ничто и никто не разорвет эти узы. И вот почему я даю тебе второй шанс.

– Шанс на что?

Она сдвинула руку ниже еще на сантиметр.

– Победа будет за мной, – заявил он. – Ты это знаешь. Ты была в Беррене и возле Цитадели, видела мощь Помраченных. Знаешь, на что способна Чаша ада. Если отвернешься от Сумеречных и пойдешь со мной, если поклянешься в верности, я дам тебе то, что никогда никому не давал. Ибо это я храню лишь для тебя одной.

Клэри откинула голову, упираясь затылком в стену. Живот скрутило болью, но пальцы уже нащупали рукоять меча. Себастьян не сводил с нее глаз.

– И что же это такое? – сказала она.

Себастьян улыбнулся и медленно выдохнул, словно с вопросом пришло облегчение. В нем словно вспыхнул жар полнейшей самоуверенности; все равно что смотреть на горящий город.

– Пощада, – промолвил он.

Званный ужин оказался на удивление элегантным. За всю свою жизнь Магнус лишь пару-тройку раз сидел за одним столом с фейрами, и декор неизменно тяготел к натурпримитивизму: столы из необъятных пней, вместо вилок, ножей и так далее – кривые прутья, сами же блюда готовились из орехов и ягод. После таких оказий ему всегда казалось, что, родись он белкой, удовольствия было бы в сто раз больше.

Зато здесь, в Аликанте, в резиденции представительства Дивного народца, столы были накрыты белыми скатертями. Люк, Джослин, Рафаэль, Мелиорн и Магнус сидели перед тарелками из тонкого красного дерева; графины были хрустальными, ну а столовые приборы – из уважения к обычаям фейров и к чувствам Люка – были из ветвей благородных пород вместо серебра и стали. В почетном карауле возле выходов выстроились рыцари, безмолвные и неподвижные как статуи; длинные белые копья тускло отсвечивали в мягком сумраке пиршественного зала.

Угощение тоже не подкачало. Магнус насадил на ветку кусок вполне приличного кокована и принялся задумчиво жевать. Впрочем, без особого аппетита, тут не поспоришь. А все оттого, что колдун нервничал и сам на себя за это злился. Где-то там, за стенами праздничного зала – чтоб ему провалиться! – был Алек; их уже не разделяет география. Понятное дело, в Нью-Йорке они тоже находились не так уж далеко друг от друга, но там между ними пролегали не мили, а прошлая жизнь Магнуса.

Странно... Он всегда считал себя храбрецом. Требуется мужество быть бессмертным и при этом не закрывать свое сердце чему-то новому, в том числе знакомствам и людям. Потому как почти всегда это длится лишь сколько-то лет, да хотя бы и десятилетий, но как раз недолговечность разбивает тебе сердце.

– Магнус? – сказал Люк, помахивая у него под носом деревянной вилкой. – Ты не заснул? следишь за разговором?

– А? Да нет... В смысле, конечно... – Магнус пригубил вина. – Я согласен на сто процентов.

– Вот как? – сухо бросила Джослин. – Другими словами, ты совсем не против, чтобы нежить махнула рукой на Себастьяна с его Темной армией? Дескать, пусть с ними Сумеречные охотники разбираются, а мы как бы сбоку?

– Я же говорил, что он где-то в облаках витает, – заметил Рафаэль, с восторгом хлебавший что-то кровавое из горячей кастрюльки.

– Да, но ведь это и вправду касается в первую очередь Сумеречных... – начал было Магнус, но потом вздохнул и отставил бокал. Вино, кстати, оказалось весьма крепким; начинала кружиться голова. – Ну хорошо, хорошо. Ладно, признаюсь: я действительно не слушал. Однако я не счи...

– Развели не пойми что, – резко бросил Мелиорн. Его зеленые глаза прищурились. Отношения между Дивным народцем и колдунами всегда были нелегкими: с одной стороны, и те

и другие косились на Охотников, что давало повод объединиться против общего противника, однако фейры к тому же сверху вниз посматривали на колдунов из-за их готовности оказывать магические услуги за деньги. Колдуны же, в свою очередь, высмеивали фейров за их неспособность лгать, закоснелость в обычаях и склонность к дурацким проделкам вроде воровства коров или сквашивания молока назло *примитивам*. – Что за причины заставляют вас водить дружбу с Сумеречными, оставляя в стороне тот факт, что один из них приходится вам любовником?

Люк поперхнулся вином и раскашлялся, отчего Джослин пришлось даже хлопать его по спине. Рафаэль же, судя по всему, наслаждался моментом.

– Мелиорн, оглянитесь по сторонам наконец: это слово давно не в ходу.

– И кроме того, – вмешался Люк, – они успели расстаться. – Мужчина потер глаза тыльной стороной ладони и вздохнул. – Да и стоит ли вообще сейчас сплетничать? Я лично не вижу, каким боком чья-то личная жизнь касается текущих событий.

– Все на свете связано с личной жизнью, – заметил Рафаэль, извлекая из своей супницы нечто особенно омерзительное. – Отчего вообще у вас, Сумеречных, возникла эта проблема? Да оттого, что Себастьян Моргенштерн поклялся вам отомстить. Отчего же он так разозлился? Оттого, что ненавидел отца с матерью. Вот вы, – поклонился он в сторону Джослин, – вы же сами знаете, что это чистая правда, уж простите за откровенность.

– Ничего-ничего, – ответила Джослин ледяным тоном. – Другими словами, кабы не мы с Валентином, Себастьяна вообще бы не было на свете, с какой стороны ни взгляни. Уж простите, виновата.

Люк сидел мрачнее тучи.

– Это все Валентин, это он превратил мальчишку в монстра! Да, Валентин был Сумеречным охотником, но это вовсе не значит, что за ним или его сыном автоматически стоят Совет и Конклав. Ровно наоборот: они ведут активные боевые действия против Себастьяна, и вот почему им нужна наша помощь. У наших рас – и у ликантропов, и у вампиров, магов, Дивного народца – есть потенциал делать как добро, так и зло. Скажем, Соглашения частично потому и заключались, чтобы объединить всех сторонников добра против тех, кто несет зло, какая бы кровь ни текла в их жилах. Во всяком случае, я это вижу под таким углом.

Магнус показал на Люка вилкой.

– Вот, – кивнул он, – вот пример достов... достохвального красноречия.

Колдун умолк. Чудеса – язык заплетается. Неужели он уже успел так много выпить? Раньше за ним не водилась подобная беспечность.

Магнус нахмурился.

– Откуда это вино? – спросил он.

Сложив руки на груди, Мелиорн откинулся на спинку кресла. В его глазах плясали искры.

– Уважаемого мага не устраивает марочность сего благородного напитка?

Джослин медленно отставила свой бокал:

– Когда фейр начинает отвечать вопросом на вопрос, это верный признак, что дело принимает дурной оборот.

– Джослин... – потянулся к ее руке Люк, желая умиротворяюще похлопать по запястью.

И промахнулся.

Мужчина недоуменно уставился на собственную руку, затем опустил ее на столешницу.

– Мелиорн, – промолвил он, старательно подчеркивая каждое слово, – что же вы наделали...

Рыцарь расхохотался; в ушах Магнуса этот смех прозвучал музыкальным водопадом. Колдун тоже решил было отставить свой бокал, но тут сообразил, что успел его перевернуть и даже сам не заметил, как так вышло. Вино растекалось кровавой лужицей. Он вскинул взгляд на Рафаэля,

однако тот лежал лицом на столе, неподвижный, как мертвец. Колдун попытался окликнуть его по имени, но с немеющих губ не сорвалось ни звука.

Непонятно как, но он все же сумел встать на ноги. Зал штормило. На глаза попались обмякший Люк, падающая на пол Джослин и стилус, выкатившийся из ее ладони. Магнус кинулся на выход, плечом выбил дверную створку...

Напротив него стояли Помраченные, все до единого в красных униформах, с ничего не выражающими лицами; обнаженные руки и горла испещрены рунами, ни одна из которых не была знакома Магнусу. Не имея никакого отношения к Ангелу, эти узоры говорили – скорее даже вопили – о предельной какофонии и разладе, о демонических царствах и темных, свирепых силах.

Магнус сразу отвернулся, однако ноги успели отказать. Колдун упал на колени. К нему шагнуло нечто белое, высокое. Мелиорн. В доспехах, чей цвет соперничал со свежавывающим снегом. Рыцарь присел на колено и взглянул Магнусу в глаза.

– Демонское отродье, – процедил он. – Неужели ты всерьез верил, что мы пойдем на союз с такими, как ты?

Магнус задышался, мир начинал чернеть и скручиваться по краям, как брошенный в огонь фотоснимок.

– Но ведь Дивный народец не умеет лгать... – из последних сил выдавил он.

– Наивное дитя, – чуть ли не сочувственно промолвил Мелиорн. – Как же ты за все эти годы так и не понял, что обман порой прячется прямо на виду? О-о, да ты и вправду как младенец...

Магнус хотел что-то возразить, доказать, что наивности в нем и в помине нет, но слова не захотели к нему прийти. В отличие от мрака, который накрыл его с головой и унес прочь.

Сердцу Клэри становилось тесно в груди. Девушка вновь попробовала пошевелить ступнями, выбросить в ударе ногу, но все было напрасно – словно приморозилась к полу.

– Ты думаешь, я не знаю, что такое твоя «пощада»? – прошептала она. – Она означает Чашу ада, ты затеял сделать из меня что-то вроде Аматис, очередную «помраченную» куклу...

– Нет-нет-нет, – прервал он, и в его голосе прорезались неожиданные нотки тревоги. – Не буду я тебя превращать, если только сама не захочешь. Наоборот, я тебя прощу, и Джейса тоже. Вы сможете быть вместе.

– Вместе с тобой, – сказала она, не удержавшись от сарказма, и тут же спохватилась.

Но он вроде бы и не заметил.

– Да, все верно, вы будете вместе – и со мной. Если поклянешься в верности, если запечатаешь свою клятву именем Ангела, я поверю. Когда вокруг изменится весь мир, я оставлю тебя такой, какая ты сейчас. Сохраню в целости.

Клэри опустила ладонь еще на пару сантиметров, что позволило уже обхватить рукоять Геспера. Оставалось лишь стиснуть понадежнее...

– А если откажусь?

Черты его лица стали жестче.

– Если не примешь мои условия, я сделаю Помраченных из всех, кто тебе дорог, а уж потом наступит и твоя очередь. Чтобы ты до последней секунды видела и чувствовала их боль.

Клэри сглотнула сухой комок, застрявший в горле.

– И ты называешь это пощадой?

– Не надо путать. Пощада – одно из условий нашего с тобой договора. Если он состоится.

– Этому не бывать. Никогда.

Его приопущенные ресницы разбрызгивали отраженный свет, улыбка была предвестником жуткого.

– Да какая, впрочем, разница, Кларисса? Ты все равно пойдешь сражаться за меня. Только в одном случае по собственной воле, сохранив личную свободу и получив место возле моего плеча, ну а в другом... Будешь стоять возле того же плеча, но уже как рабыня. Та к отчего бы не взять от ситуации лучшее?

– Ангел, – сказала она. – Как его звали?

Себастьян на мгновение опешил.

– Ангел? – помедлив, переспросил он.

– Тот самый, чьи крылья ты отсек. Тот, кого ты убил?

– Н-не понимаю... – помотал он головой. – Это-то здесь при чем?

– Естественно, не понимаешь, – медленно промолвила она. – То, что ты натворил, слишком чудовищно, чтобы можно было простить; ты даже близко не представляешь, до чего далеко от тебя прощение. Вот почему я говорю «нет». Вот почему никогда не смогу тебя ни простить, ни полюбить. *Ни-ког-да.*

Она видела, что каждое слово било его как пощечина. Когда Себастьян приоткрыл рот, чтобы вдохнуть воздуха и что-то ответить, девушка взметнула Геспер, целясь ему в сердце.

Но он был быстрее, да и магия, приклеившая ее ноги к полу, не дала довершить дело. Себастьян отшатнулся, Клэри выбросила руку, чтобы схватить его, притянуть ближе, однако он с легкостью стряхнул ее пальцы. Раздалось какое-то звяканье, и Клэри поняла, что сорвала с него серебряный браслет и тот свалился на пол. Девушка вновь махнула мечом, Себастьян вновь отпрянул, хотя на сей раз Геспер сумел полоснуть его по груди, и от ярости у юнца вздернулась верхняя губа. Сцапав руку Клэри, он бесцеремонно припечатал ее к двери, едва не вывернув плечо. Вслед за резкой болью пришло онемение, пальцы разжались, выпуская меч.

Тяжело дыша, он бросил взгляд на упавшее оружие, затем опять уставился ей в лицо. Ткань по краям разреза окрасилась сочащейся кровью – не та рана, чтобы его остановить. Накатило разочарование, еще более мучительное, чем боль в запястье.

Себастьян вжимал ее тело в дверь, Клэри ощущала дрожь его натянутых жил. Голос прозвучал острее кинжала:

– Это же Геспер... Несущий зарю... Откуда он у тебя?

– Из... из оружейной лавки, – выдавила девушка. В плечо возвращались ощущения, и в первую очередь боль. – Меч мне подарила хозяйка. Она сказала, что никто – никто и никогда! – не захочет приобрести такой клинок. Наша кровь *проклята*.

– Пусть. Зато *наша*, – подчеркнул он последнее слово. – И меч взяла ты. Потому что хотела. – От Себастьяна несло жаром, словно его окружил кокон невидимого пламени, огня умирающей звезды. Он нагнул голову, губы коснулись ее шеи, и заговорил, щекоча кожу в такт ее пульсу: – Ты лжешь, утверждая, что никогда не полюбишь меня. Что мы якобы слишком разные. Ты такая же врушка, как и я сам...

– Да надоел уже, – поморщилась она. – И хватит меня лапать.

– Но ты же моя. Я хочу, чтобы... мне надо, чтобы ты...

Он глотал воздух как рыба, его зрачки были расширены донельзя; что-то творилось с ним сейчас, что-то жуткое и пугающее, как никогда. Себастьян и хладнокровный-то приводил в ужас, а про Себастьяна, утратившего самоконтроль, не хотелось даже думать.

– Отпусти ее, – раздался ясный, звонкий голос с противоположного конца комнаты. – Отпусти и не смей больше касаться, иначе я спалю тебя до жалкой горстки пепла.

Джейс.

Она вдруг увидела его через Себастьяново плечо, там, где буквально секунду назад никого не было. Юноша стоял напротив окна, откуда, колыхая шторы, тянуло ветром с канала. Глаза тверды, как агат, в руке меч, на подбородке и горле еще видна тень синяков, на лице выражение

предельной ненависти.

Клэри почувствовала, как тело Себастьяна напряглось; мигом позже он уже стоял к ней спиной, наступив ногой на упавший меч и протягивая руку к собственному поясу. Его улыбка походила на бритвенный разрез, глаза были настороже.

– Ну давай рискни, – сказал он. – Под Цитаделью тебе просто повезло, я не ожидал, что, проткнув в тебе дырку, увижу пламя. Ошибочка вышла. Больше не повторится.

Джейс бросил короткий, вопросительный взгляд на Клэри, и она кивнула: да, с ней все в порядке.

– Стало быть, признаешь, – сказал юноша, мягко, почти неслышно ступая ближе, – удивил тебя Небесный огонь. Сбил с толку, и вот почему ты сбежал. Проиграл сражение под Цитаделью, а ведь тебе не нравится быть среди битых.

Тонкая ниточка губ Себастьяна натянулась еще сильнее, стала еще более хрупкой.

– Да, я не получил того, чего хотел. Зато много чего узнал.

– Ага. Узнал, к примеру, что не удалось обрушить стены Цитадели, – кивнул Джейс, – не получил возможность пожить на оружейном складе, превратить Железных сестер в Помраченных...

– Да не за этим я туда шел, – презрительно бросил Себастьян. – Не за оружием или доспехами. Этого добра я могу раздобыть сколько угодно в два счета. Нет, я приходил за вами. Обоими.

Клэри бросила взгляд на Джейса. Юноша стоял как изваяние, ничем не выражая своих чувств.

– Откуда ты мог знать, что мы там будем? – покачала она головой. – Опять врешь.

– Ни в коем случае. – Себастьян чуть не светился огнем, как факел. – Я же, сестричка, тебя насквозь вижу. Досконально знаю, как и что происходит в Аликанте. Днем и ночью, во тьме и на свету – я тебя ви-и-жу-у.

– Хватит, – вмешался Джейс. – Твое вранье уже вот по сюда.

– Вранье, говоришь? – вскинул брови Себастьян. – Тогда ответь, откуда я мог знать, что Клэри будет здесь, в этой спальне? В этот час, к тому же одна?

Джейс продолжал придвигаться, словно кот на охоте.

– Если ты такой всезнайка, то почему не ожидал моего появления?

Себастьян скорчил гримаску:

– Приглядывать сразу за двоими не очень-то сподручно. Все равно что следить за молоком на плите: обязательно убежит.

– Но если тебе так нужна Клэри, отчего ты не можешь ее просто забрать? – требовательно осведомился Джейс. – Чего ради тратить время на пустые разговоры? – Из него буквально сочилась насмешка. – Ждешь, чтобы ей самой этого захотелось? Знаешь, в твоей жизни не было никого, кто бы тебя не презирал. Тебя презирали твоя мать, твой отец. И вот теперь твоя родная сестра. Клэри не родилась с ненавистью в сердце, ты сам ее к этому толкнул. Но ты-то домогался не этого. Что, не так разве? Не забывай, когда-то между нами была до того тесная связь, что я видел твои сны. У тебя в голове сожженный мир, и ты сидишь в тронном зале. А по соседству еще один трон. Но вот вопрос: кто же там с тобой рядом?

Себастьян издал всхлипывающий смешок; на щеках разгорались два ярких пятна, словно он пребывал в лихорадке.

– Ты делаешь большую ошибку, жалкий ангельский щенок, – прошептал он, – смея разговаривать со мной в таком тоне.

– Даже в своих снах ты не одинок, – неумолимо продолжал Джейс голосом, из-за которого в него влюбилась Клэри в тот день, когда услышала от него историю про мальчика и сокола и про

те уроки, которые он вынес. – Но кто же она, эта личность, что способна тебя понять? Ты ничего не знаешь о любви: наш отец постарался на славу. И напротив, тебе все известно про кровь. Клэри – твоя кровь. И ты решил, что если удастся усадить ее рядом и вдвоем любоваться, как пламя пожирает мир, то это будет тем самым знаком одобрения, который так тебе нужен.

– На кой ляд мне чье-то одобрение? – процедил сквозь зубы Себастьян. – Твое, ее, всех прочих...

– Правда? – улыбнулся Джейс в ответ на растущую истеричность тона. – Тогда зачем ты столько раз давал нам пресловутый «второй шанс»? – Он перестал двигаться, оказавшись практически напротив, в полумраке сияя золотом глаз. – Твои собственные слова. И кстати, куда ты в прошлый раз меня ранил? В плечо? А ведь мог бы ударить в сердце. Но не стал, и я спрашиваю: чего ради так сдерживаться? Ради меня? А может, в каком-то крошечном закутке твоего нелепого мозга бьется мысль, что Клэри никогда не простит тебе мою гибель? А?

– Клэри, ты не хотела бы сама высказаться по этому вопросу? – галантно поинтересовался Себастьян, не отрывая взгляда от меча в руках Джейса. – Или пусть другие решают за тебя?

Джейс скосил глаз на девушку, его примеру последовал и Себастьян. На миг Клэри чуть ли не физически испытала на себе остроту двух пристальных взглядов: черного и золотого.

– Мне никогда не захочется быть с тобою рядом, Себастьян, – сказала она. – Джейс прав. Если у меня есть выбор лишь между жизнью с тобой или смертью, я предпочитаю умереть.

У Себастьяна полыхнули глаза.

– Ты еще передумашь. По своей воле сядешь на трон возле меня, когда наступит конец всему. Я только что дал тебе шанс сделать это по собственному хотению. Заплатил за это кровью и утратами. Но учти: я возьму тебя, даже если ты этого не захочешь.

– Нет! – вскинула подбородок Клэри, и в этот же миг снизу донесся какой-то грохот. Дом вдруг заполнился множеством голосов.

– Ой, как же так, – язвительно улыбнулся Джейс. – Совсем забыл упомянуть, что когда я увидел под мостом убитого охранника, то сразу же послал огнеграмму в Конклав. Промашечка вышла, Себастьянчик. Трупы надо прятать потщательней.

У Себастьяна мелькнула тень на лице, до того быстро, подумала Клэри, что большинство этого и не заметили бы. Он протянул руку к девушке, при этом беззвучно шевеля губами, – должно быть, чтобы снять заклинание, которое приковало ее к стене.

Клэри тут же толкнула его обеими руками в грудь, а еще через мгновение прыгнул Джейс, замахиваясь в полете мечом...

... и Себастьян очутился в нескольких шагах поодаль, хотя на этот раз и не без потерь: меч оставил кровавую полосу у него на руке. Он улыбнулся в побелевшее от гнева лицо Джейса.

– Небесный огонь, – сочувственно покачал головой Себастьян. – Ты до сих пор так и не научился им управлять. То работает, то нет... А, братишка?

У Джейса брызнуло золото из глаз.

– Ничего, разберемся, – сказал он и сделал длинный выпад вперед, сверкнув в полумраке клинком.

Но Себастьян был слишком быстр: шагнув навстречу, он выхватил меч из руки противника. Клэри билась как пойманная рыба, однако магия Себастьяна прочно держала ее на месте; а затем, не дав Джейсу времени отреагировать, Себастьян провернул его же меч и вонзил в собственную грудь.

Прорвав униформу, а затем и кожу, сталь охотно погрузилась в тело. Хлынула кровь – красная, как гранатовый сок. Себастьян явно испытывал боль: лязгнули челюсти в улыбке мертвеца, дыхание пресеклось; клинок продолжал уходить все глубже и глубже; рука была тверда. Вздуплась униформа на спине, прорвалась, и наружу с алым фонтаном вылезло стальное

острие.

Время растянулось резиновой лентой. Рукоять ударилась о грудную клетку; с торчащего из спины лезвия струйкой стекала кровь. Джейс стоял оцепенелый от потрясения, а Себастьян вытянул обе руки и притянул юношу к себе. Перекрывая топот сапог на лестнице, зазвучал его голос:

– Я и сейчас чувствую огонь Небес в твоих венах, он горит у меня под кожей. Неразбавленная разрушительная сила предельной доброты. В ушах и сейчас стоит твой крик, ангелочек, когда Клэри там, в Беррене, вонзила в тебя этот клинок. Ты горел, и горел, и горел, да?

Хриплые слова падали темной глиной, пропитанной ядовитыми умыслами.

– И потому ты решил, что обзавелся оружием, которое годится против меня? Что ж, не исключено, что лет эдак через сто, а то и пятьдесят ты освоил бы искусство управления этим огнем, но в том-то и беда, что как раз времени у тебя нет. Куда более вероятен сценарий, что неподконтрольный пожар спалит тебя первым.

Себастьян положил ладонь на затылок Джейса и притянул юношу так, что они едва не соприкоснулись лбами.

– Мы с Клэри одинаковы, – шепнул он. – А вот ты... ты как бы мое зеркало. Придет такой день, когда она бросит тебя, вот увидишь, я обещаю. – В стремительном порыве он поцеловал Джейса в щеку, резко и безжалостно, а когда отпрянул, на коже остался кровавый мазок. – Ave, юный Эрондейл, – добавил Себастьян, поворачивая свой серебряный перстень. Мерцание в воздухе, и он исчез.

Джейс какое-то время безмолвно смотрел в пустоту, где только что стоял Себастьян, потом развернулся к девушке, которую уже не сдерживали никакие магические путы, и вот почему у нее подкосились колени. Она осела на пол, но тут же поползла за Геспером. Ухватив меч за рукоять, подтянула к себе и затем обняла, будто защищала ребенка.

– Клэри... Клэри...

Джейс был уже рядом, опускался на колени, поддерживал обеими руками, прижимая ее голову к своему плечу. Тут девушка сообразила, что рубашка у него залита кровью ее брата, собралась что-то сказать, но в эту секунду дверь выбили, и из коридора хлынула стража Конклава.

– Вот, держи, – кивнула Лейла Харяна, одна из новичков стаи, передавая Майе стопку вещей.

Та благодарно их приняла.

– Спасибо... Ты даже не представляешь, как я замучалась ходить в старом и несвежем, – сказала она, с удовольствием разглядывая чистую майку на бретельках, джинсы и шерстяной жакет.

Они с Лейлой были примерно одного роста, и пусть даже не все вещи сядут удачно, это куда лучше, чем возвращаться в квартиру Джордана. Майя уже с давних пор не жила в логовище, все ее пожитки хранились у Саймона с Джорданом, но при одной только мысли появиться в той опустевшей квартире ее бросало в дрожь. Зато здесь, в заброшенном полицейском участке, ее хотя бы окружают другие волкодлаки, в воздухе стоит нескончаемый гул голосов да вечный звон на кухне, не говоря уже про запах китайских и малазийских обедов на вынос. А еще здесь был Бэт – отнюдь не назойливый, но всегда неподалеку, на случай, если ее вдруг потянет поговорить или просто молча посидеть рядышком, разглядывая машины и прохожих на Бакстер-стрит.

Разумеется, без ложки дегтя не обошлось. Руфус Гастингс – грозный, испещренный боевыми шрамами исполин, затянутый в черную байкерскую кожу, – не давал никому покоя; вот

и сейчас, засев в столовой, он громыхал своим басом про то, что Люк никудышный вожак, что он затеял жениться на бывшей Охотнице, а посему верить ему нельзя, что надобен кто-то другой, для которого интересы стаи будут на первом месте...

– Да ну что ты, ерунда. – Мучимая какой-то неловкостью, Лейла взялась рассеянно щипать золотую цепочку на груди. – Слушай, Майя... Ты бы это... потише говорила про свою лояльность к Люку, что ли... Не ровен час...

Девушка замерла.

– Мне казалось, мы все к нему лояльны? – промолвила она, старательно взвешивая тон речи. – Так же, как и к Бэту, разве нет?

– Был бы Люк здесь, то, наверное, – дернула плечом Лейла. – Но с тех пор как он отправился в Идрис, от него ни слуху ни духу. Себастьян швырнул нам перчатку, он хочет, чтобы мы выбрали между Охотниками и войной с ними, к тому же...

– Войны были, есть и будут, – сказала Майя тихо, но яростно. – И я не дуручка, чтобы слепо идти за Люком. В том-то и дело, что я *знаю* Охотников. И Себастьяна тоже. Он нас ненавидит до мозга костей. Ублажать его бесполезно, это попросту не сработает.

Лейла вскинула руки, как бы сдаваясь:

– Да ради бога, я всего-то хотела помочь советом. Надеюсь, размерчик подойдет.

С этими словами она развернулась и зашагала прочь по коридору.

Майя натянула джинсы – не без усилий, правда, пришлось кое-чем повилать, – набросила майку, затем жакет. Схватила со стола кошелек, сунула ступни в сапожки и отправилась стучаться в дверь Бэта.

Открыл он сам, причем голый до пояса, чего она не ожидала. Помимо рубца на правой щеке, он носил отметину на руке, куда в свое время угодила пуля – по счастью, не серебряная. Шрам от нее выглядел как лунный кратер, выделяясь на смуглой коже своим белесым ободком.

Бэт вздернул бровь:

– Майя?...

– Этот твой Руфус меня достал, – заявила она без обиняков. – Несет всякую ересь, а народ уши развесил. Все, хватит! Пойду ему скажу, что...

– Стоп, стоп, стоп, – вскинул ладонь Бэт. – Не пори горячку.

– Нет, это ему надо сказать «стоп»! – кипятилась она. – Однажды мы с Джорданом на него наткнулись у претора Скотта, так тот сказал, что Руфус взял и сломал другому волкодлаку ногу. Просто так, от нечего делать. Есть такие личности, которым не терпится занять местечко начальника, и для этого они хоть по трупам пойдут!

Майя вихрем развернулась на каблучках и пошла вниз. Бэт за спиной приглушенно выругался, а секундой позже был рядом с ней на лестнице, второпях натягивая рубашку:

– Майя, я серьезно тебе...

– Ага! Вон он!

Вальяжно откинув торс, Руфус сидел в кресле, придвинутом к столу. Его обступала целая группа оборотней, в том числе и Лейла.

– ... должны доказать им, что мы сильнее, – разглагольствовал байкер, – что не дадим собой помыкать, что у нас есть и свои интересы. *Сила Стаи в том, что живет Волком, сила Волка – родная Стая.* – Его голос ничуть не потерял в хриплости с того момента, как Майя слышала его в последний раз: такое впечатление, что когда-то давно Руфусу серьезно повредили горло. На бледной коже лица отчетливо проступали багрово-синюшные рубцы застарелых шрамов. Он ухмыльнулся, завидев Майю.

– Приветик, – сказал Руфус. – Мы, кажется, знакомы? Ах да, мои искренние соболезнования.

Вот уж вряд ли.

– Сила заключена в единстве и верности, а не в том, чтобы разделять и властвовать, – бросила ему в лицо Майя.

– Мы только-только встретились, и ты меня уже обвиняешь чуть ли не в измене? – Руфус держался невозмутимо, однако в нем уже ощущалось некое напряжение: словно кошка готовится к прыжку.

– Если ты призываешь народ отвернуться от Охотников, не лезть в их войну, то да, обвиняю. Потому что на нефилимах Себастьян не остановится. Если ему удастся их разбить, следующими станем мы.

– Себастьяну плевать на нежить.

– Да он только что уничтожил едва ли не весь «Претор Люпус»! – крикнула Майя. – Он прямо тащится от чужих смертей! Дай ему волю, нас всех в тот же миг не станет!

– Вот и нечего лезть в чужую войну!

– Да ты ослеп, что ли? А может, и впрямь предатель?

Она шлепнула себя по лбу, прикрывая глаза, и вдруг что-то твердое ударило ее в плечо, заставив отшатнуться. Едва не упав, Майя удержалась на ногах лишь благодаря столу за спиной.

– Руфус! – рывкнул Бэт, и тут девушка сообразила, что байкер только что ее толкнул.

Она стиснула челюсти, не желая доставлять ему радость от созерцания боли на ее лице.

Ухмыляясь, Руфус стоял посреди внезапно оцепеневших волкодлаков. Народ глухо заворчал, когда Бэт шагнул вперед. Байкер был воистину исполином, нависал даже над Бэтом; торс как крепкий дуб, плечи с дверной косяк.

– Руфус, – сказал Бэт, – в отсутствие Люка Гэрроуэя здесь начальник я. А ты вообще не из нашей стаи. Та к что, думаю, погостил и хватит. Пора и честь знать.

Байкер прищурился:

– Это что, ты мне пинка даешь? Хотя сам знаешь, что мне идти некуда?

– Да брось прибедняться, – фыркнул Бэт, разворачиваясь на выход.

– В таком случае я бросаю тебе вызов, – последовало от Руфуса. – Бэт Веласкес, я вызываю тебя на бой за пост вожака нью-йоркской стаи.

– Нет! – ужаснулась Майя, однако Бэт уже расправлял плечи, сверля Руфуса взглядом. Между двумя оборотнями вот-вот могла проскочить молния.

– Я принимаю твой вызов, – кивнул Бэт. – Встретимся завтра ночью, в Проспект-парке.

Он развернулся и размашистым шагом покинул комнату. Страхнув оцепенение, через секунду за ним бросилась Майя.

Сразу за дверью в лицо ударил холод. По Бакстер-стрит гулял ледяной ветер, который тут же полез девушке под жакет. Она заторопилась вниз по ступенькам, чувствуя, как заныли плечи. Бэта удалось нагнать, когда он уже сворачивал за угол; схватив Бэта за руку, она заставила его повернуться лицом.

На них пялились случайные прохожие, и девушка на миг даже пожалела, что не может воспользоваться какой-нибудь руной гламурности из арсенала Сумеречных охотников. А то вышло бы совсем как в кино.

Бэт молча смотрел сверху вниз; между бровями залегла гневная складка, на щеке вспух багровый шрам.

– Ты что, ненормальный? – требовательно осведомилась она. – Как ты мог на это согласиться?! Он же такой *здоровенный*!

– Майя, ты ведь знаешь правила, – ответил Бэт. – Вызов должен быть принят.

– Но только если противник из твоей же стаи! Ты мог запросто показать ему фигу!

– И потерять всеобщее уважение. Уже никто и никогда не стал бы выполнять мои приказы.

– Он тебя убьет, – заявила Майя, отчаянно надеясь, что Бэт сумеет-таки прочесть между строк: она только что потеряла Джордана и повторения уже не выдержит.

– Положим, это еще далеко не факт. – Он извлек из кармана что-то звякающее и сунул вещьцу в ладонь девушки. Ушла пара секунд, прежде чем та сообразила, что это такое. Связка ключей Джордана.

– Его пикап здесь, за углом, – добавил Бэт. – Уезжай немедленно. И не возвращайся, пока пыль не осядет. От этого Руфуса всего можно ожидать. Особенно в твою сторону.

– Давай уедем вместе, – взмолилась Майя. – Ты ведь никогда не лез в жоаки стаи. Мы могли бы где-то отсидеться, а там, глядишь, и Люк вернется, что-то придумает...

– Майя. – Бэт положил руку ей на запястье и осторожно пожал. – Именно этого и добивается Руфус: чтобы мы просто сидели и ничего не предпринимали в ожидании Люка. Если сейчас убежим, то, по сути дела, всю стаю передадим ему в руки. И ты сама знаешь, что он тогда сделает... вернее сказать, не сделает. Он и пальцем не шевельнет, пока Себастьян будет уничтожать Охотников, так что к моменту, когда Себастьян переключится на оборотней, станет слишком поздно: нас всех уберут одного за другим, как фигурки с шахматной доски.

Майя опустила голову; шершавые пальцы бережно касались ее кожи.

– Знаешь, – продолжил Бэт, – я отлично помню тот день, когда ты сказала мне, что стало тесно, что тебе нужно больше свободы. Что не можешь позволить себе отношения со мной. Я это понял, принял и отошел в сторону. Даже чего-то такое затеял с той девчонкой... ну, ведьмочкой... как же ее звали-то...

– Ева? – подсказала она.

– А, ну да. Ева... – Бэт не стал скрывать озадаченности, затем махнул рукой. – Но ничего толкового не вышло, да и то сказать, я, должно быть, перестарался, слишком далеко отступив от тебя в сторону. Может, надо было объяснить, что я сам чувствую. Может, я...

Вскинув лицо, она разглядывала Бэта с откровенным недоумением, даже изумлением, и через секунду в его глазах словно захлопнулись невидимые ставни, поставив точку в кратком миге ранимости.

– Ладно, проехали, – поморщился он. – Было бы несправедливо взваливать на тебя такие вещи прямо сейчас. – Он отпустил ее руку и отшагнул назад. – Забирай машину и уезжай, – бросил он через плечо уже на ходу, направляясь в сторону канала. – Прочь из города. И будь начеку, Майя. Ради меня.

Джейс отложил стилус на подлокотник дивана и пальцем провел по контуру *иратце*, которую только что начертил на руке Клэри. На запястье девушки посверкивала серебряная полоска. В какой-то момент – Клэри и сама толком не помнила когда именно, – она подобрала упавший на землю браслет Себастьяна и повесила себе на руку, ничуть не озаботившись испрашивать разрешение.

– Ну как?

– Спасибо, гораздо лучше.

Джинсы Клэри были закатаны до колен, и синяки таяли на глазах, исчезая с голеней.

Ребята находились в одном из помещений Гарда; что-то вроде переговорной, решила девушка. Из мебели здесь имелось несколько столов да длинный кожаный диван, стоявший напротив камина с негромко потрескивавшими поленьями. Стены были сплошь уставлены книгами; канделябры еще не зажгли, так что комнату освещало только пламя очага, немного света проникало и через незадернутое шторами окно, которое выходило на Аликанте и сверкающие башни.

– Эй? – Золотые глаза Джейса внимательно ощупали ее лицо. – Ты как, все путем?

Да, хотела бы она сказать, но ответ застрял в горле. На самом деле физически девушка была в полном порядке: руны успели залечить ее ушибы и кровоподтеки. Та к что у нее все хорошо, Джейс тоже поправляется, а вот Саймон... Жертва хитрой кровавой смеси до сих пор дрыхла без задних ног где-то в одной из комнат Гарда.

Люку и Джослин выслали депешу о последних событиях, но, как объяснила Джия, место их званого ужина было изолировано мощными берегами по соображениям безопасности, однако волноваться не надо, им все сообщат, когда они будут покидать пиршественный зал. У Клэри ныло сердце от желания вновь их увидеть, мир под ногами казался неустойчивым и зыбким. Себастьян рядом нет – по крайней мере, в данную минуту, – но девушке по-прежнему казалось, что горечь, гнев, чувство неутоленной мести и *печаль* раздирают ее напополам.

Перед тем как покинуть дом Аматис, стражники дали ей время упаковать сумку с кое-какими вещами: лишь самое необходимое вроде смены белья, боевой амуниции, стилуса, рисовального планшета и, разумеется, оружия. Одна половина Клэри порывалась тут же переодеться, избавиться даже от той ткани, которая помнила прикосновение Себастьяна, но вот вторая, причем бóльшая, ее часть не хотела покидать комнату, а самое главное, оставаться наедине с воспоминаниями и мыслями.

– Да нормально все...

Вернув на место закатанную штанину, она поднялась на ноги и подошла к каминной решетке, затылком ощущая взгляд Джейса, который следил за ней с дивана. Клэри выставила ладони к огню, словно желая их согреть, хотя в действительности ей не было зябко. Мало того, всякий раз, когда в голове мелькала мысль про брата, в теле тут же вскипал жидкий огонь гнева. Руки слегка дрожали; она уставилась на них со странной отрешенностью, будто они принадлежали незнакомке.

– Себастьян боится тебя, – сказала она. – Он хорохорился, особенно под конец, но я вижу его насквозь.

– Он не меня боится, а Небесного огня, – поправил Джейс. – Не думаю, что он больше нас знает, на что этот огонь способен, но в одном можно быть уверенным точно: Себастьяну ничто не мешает ко мне прикасаться.

– Да, не мешает, – кивнула она, не оборачиваясь. – А с какой стати он вдруг тебя поцеловал?

Ей вовсе не об этом хотелось поговорить, но та сцена упорно стояла перед глазами, не давала покоя, прокручиваясь вновь и вновь: Себастьян тянет Джейса на себя, окровавленной рукой ухватившись за его затылок, после чего дарит столь странный и неожиданный поцелуй в щеку.

За спиной послышался скрип кожи: должно быть, Джейс заерзал от неловкости.

– Ну, – сказал он, – это как бы цитата. Из Библии. Насчет поцелуя Иуды в Гефсиманском саду. Символ предательства. Он поцеловал Иисуса и говорит: «Радуйся, Равви!» Та к римляне поняли, кого именно надо арестовать и распять.

– Ага... Та к вот, значит, почему он заявил тебе *Ave*^[11], – кивнула Клэри.

– Думаю, он хотел этим сказать, что является как бы инструментом моего уничтожения. Послушай, Клэри... – Она обернулась, и Джейс умолк. Парень сидел на краешке дивана, рассеянно вороша свою белокурую шевелюру и не отрывая глаз от пола. – Когда я увидел тебя с ним в той комнате, то сразу захотел его прикончить. Не сходя с места. Но знаешь, потом я испугался: а вдруг это ловушка? Вдруг Себастьян специально так подстроил, и стоит мне сделать хотя бы шаг, как он найдет способ причинить тебе боль, а то и вовсе убить. Он же вечно умудрялся вывернуть наизнанку все, что я делал. Он умный и хитрый. Хитрее Валентина. И знаешь, я никогда не...

Клэри терпеливо ждала продолжения, но единственным звуком в комнате было

потрескивание влажных дров в камине.

– Я никогда не был так испуган, как в ту минуту, – наконец закончил он, с трудом подбирая слова.

Девушка понимала, какой ценой давалось ему это признание, как тщательно он всю свою жизнь скрывал собственный страх, боль и малейшие намеки на ранимость. Ее потянуло что-то сказать в ответ, что-то в духе «глупый, ну что ты, ничего не бойся», но она не могла этого сделать. Потому что была перепугана сама, к тому же понимала, что у них обоих есть на это веские причины.

– Ведь Себастьян сильно рисковал, появляясь здесь, – заметил Джейс. – Дал Конклаву узнать, что он способен проникать за обереги. В следующий раз они зарядят на него какой-нибудь хитрый капкан. Может, сработает, а может, и нет, но в любом случае это для него головная боль. Стало быть, он страшно хотел тебя увидеть. До такой степени, что плюнул на все опасности.

– Ему до сих пор мнится, будто он сможет меня переубедить.

– Клэри. – Джейс поднялся на ноги и сделал пару шагов ближе, протягивая руку. – У тебя...

Она отшатнулась, словно боялась укуса. В его золотых глазах полыхнул огонь.

– Что-то не так? – Джейс бросил взгляд на свои руки; невооруженным глазом было видно легкое свечение пламени в его венах. – Из-за Небесного огня, да?

– М-м... – отрицательно качнула она головой.

– В таком случае...

– Себастьян. Наверное, надо было раньше сказать, но... но я просто не могла.

Юноша не шевельнулся, просто стоял и смотрел на нее.

– Клэри, ты можешь делиться со мной чем угодно, ты это прекрасно знаешь.

Глубоко вздохнув, она продолжала смотреть на огонь, следить за танцем пламени, чьи золотые, изумрудные, сапфировые язычки гонялись друг за дружкой, играя в чехарду.

– В ноябре, – промолвила она, – когда ты покинул квартиру и еще до нашего появления в Беррене, он понял, что я за ним шпионю. Раздавил мое кольцо, что позволяло мне связываться с Саймоном, а потом... потом он меня ударил, толкнул на пол, даже стеклянный столик раскололся... Я его чуть не убила, едва не перерезала ему глотку осколком, но знаешь, меня остановила мысль, что тем самым я бы убила и тебя. Ах, в каком он был восторге, ты бы видел... Расхохотался, повалился на пол, принялся сдирать одежду, а сам при этом декламировал отрывки из «Песни песней» Соломона, рассказывал, как в старину братья и сестры женились друг на друге, дабы сохранить чистоту королевской крови, заявлял, будто я ему *принадлежу*. Можно подумать, я что-то вроде чемодана с биркой на его имя...

Джейс стоял ошарашенный донельзя; на лице целая гамма чувств – от боли до суеверного ужаса.

– Та к он... он тебя...

– Оприходовал? – Мерзкое словечко повисло в застывшем, как желе, воздухе. – Нет-нет. Нет. Он... остановился. – Ее голос упал до шепота.

Джейс побелел как простыня. Затем что-то сказал, но в ушах девушки звучали не слова, а лишь гулкий, многократно отраженный шум, будто она вновь очутилась под водой. Ее знобило, тряска охватила все тело, пусть даже в комнате было вполне тепло.

– Сегодня, – с трудом добавила она, – я вообще не могла пошевелиться, а он придавил меня к стене, и я никуда не могла деться, просто стояла и...

– Убью гада, – сказал Джейс. Ему на лицо начинал возвращаться цвет, но только серый. – На ремни порежу. Да я ему руки пообрубаю, я...

– Джейс, – остановила его Клэри, чувствуя внезапную опустошенность. – У нас и без того

найдется миллион причин желать ему смерти. А потом, – добавила она с безжалостной улыбкой, – Изабель как-то раз уже резанула ему по руке, и что, спрашивается, в результате?

Джейс сжал кулак и врезал самому себе под ложечку:

– Это ж надо, а? Все то время, пока я был к нему подключен, мне казалось, что я знаю все его мысли, желания, вожеления. И на тебе, такое... Я даже не догадывался... А ты тоже хороша, ничего не сказала!

– Но ведь тут дело не в тебе...

– Это я знаю, – прервал он. – *Знаю*. – Его кулак, впрочем, был сжат настолько плотно, что побелели костяшки пальцев, а под кожей резко обозначилась сетка вен, напоминая топографическую карту. – Все понимаю, и вот почему я тебя не виню. Ведь что я смог бы сделать, правда? Беспомощный и бесполезный... Ведь стоял от него в пяти шагах, по жилам огонь течет, которым по идее за секунду чего хочешь можно спалить, а воспользоваться не получилось. Пытался, пытался – эх, все насмарку!

– Джейс...

– Извини. Просто... ты же меня знаешь. На плохие новости умею реагировать лишь одним способом. Сначала неподконтрольное бешенство, затем резкий разворот на кипящую самоненависть.

Девушка молчала. В конце-то концов, она дико устала. Рассказав о Себастьяне, она словно избавилась от тяжелого бремени, и теперь хотела лишь одного: закрыть глаза и скользнуть в темноту. Ее так долго истязал гнев – так и норовил проглянуть в любой момент, будь то во время шоппинга в компании Саймона, будь то в парке или дома, за рисовальным блокнотом, – он не отпускал ее ни на секунду.

Внутренняя борьба Джейса протекала открыто; он не пытался хоть что-то скрыть от Клэри, и она видела в его глазах настоящий вихрь эмоций: ярость, разочарование, беспомощность, вину и, наконец, скорбь.

На удивление тихую скорбь, по крайней мере, для Джейса, так что, когда он заговорил, его голос тоже был до странности негромким.

– Хочется только одного, – сказал он, глядя не в глаза ей, а в пол, – хочется сделать что-то правильное, подобрать нужные слова, лишь бы тебе сейчас стало легче. Чего бы ты от меня ни потребовала, это тоже станет моим желанием. Чтобы всегда быть тем, кто тебе нужен.

– Вот видишь, получилось.

Он вскинул недоумевающий взгляд:

– А?

– Ты же хотел подобрать правильные слова? Вышло просто замечательно.

Джейс заморгал:

– Правда? С ума сойти... Не знал, что во мне такие таланты... А где именно самое замечательное?

Клэри позволила себе чуточку усмехнуться. Все-таки в Джейсе живет довольно необычная смесь дерзости и ранимости, упрямства, горечи и преданности.

– Мне важно, – сказала она, – чтобы ты не думал обо мне хуже, понимаешь?

– Ты что? Да ни в коем случае! – чуть ли не испугался он. – Ты храбрая и умная... и самая-пресамая, и я тебя люблю. Иному не бывать, чего бы там ни вытворял какой-то спятивший дурень.

– Присядь-ка, – сказала она, и он послушно опустился на скрипучий кожаный диван, глядя на девушку снизу вверх.

Пламя камина заставляло его шевелюру мерцать горстками искр.

Клэри вновь глубоко вздохнула и шагнула ближе, садясь Джейсу на колени:

– Может, обнимешь наконец?

Он обхватил ее защитным кольцом рук, прижимая к себе. Клэри ощущала его мышцы, прочность стана, но прикосновение было осторожным и бережным. Его руки были созданы для боя, но он умел владеть ими мягко, как при игре на пианино, когда речь заходила о том, что дорого его сердцу.

Клэри уютно прижалась к нему, забросила ступни на краешек дивана и уронила голову юноше на плечо. Как быстро у него бьется сейчас пульс...

– Так, – сказала она. – А где же поцелуй?

Он нерешительно помедлил:

– Ты уверена?

Клэри кивнула.

– Да. Да, – сказала она. – Ангел – свидетель, что такого в последнее время у нас было маловато, но всякий раз, когда я тебя целую или когда ты ко мне прикасаешься, это как маленькая победа. А что касается Себастьяна... Он поступил так оттого, что не понимает разницы между любовью и обладанием. Не различает понятия «давать» и «брать». Он считает, что если *заставит* меня ему отдаться, то сам снизойдет до того, чтобы меня взять, и это как раз и будет «любовью». А все потому, что он не знает и не ведает ничего другого. Зато когда я прикасаюсь к тебе, я это делаю оттого, что сама так хочу, вот и вся разница. Этого ему у меня не отнять. Ни за что.

С этими словами она потянулась к нему за поцелуем – легким прикосновением губ к губам.

Он чуточку вздрогнул, когда между ними проскочила малюсенькая искра, но не отпрянул, а наоборот: потерся щекой о ее щеку, спутывая рыжие и белокурые пряди.

Клэри поерзала у него на коленях, устраиваясь поудобнее. За каминной решеткой приседало и подскакивало пламя, рассылая тепло, часть которого потихоньку начинала просачиваться в девушку. Она опиралась виском о плечо с белой звездообразной отметиной – символом мужской линии рода Эрондейлов – и размышляла о всех тех, кто пришел на эту землю до Джейса, тех, чья кровь, плоть и жизнь сделали Джейса тем, кем он является.

– А ты о чем думаешь? – спросил он, играя ее локонами.

– Да так... Сижу вот, радуюсь, что все тебе рассказала. А ты?

Он долго молчал, не сводя глаз с прыжков пламени. Затем:

– Помнишь, ты сказала, мол, Себастьян одинок? Я сейчас пытаюсь вспомнить, что это такое: быть с ним под одной крышей. Понятное дело, у него имелась куча причин мною пользоваться, но все же одной из них было желание видеть рядом того, кто умеет понимать. А ведь нас вместе воспитывали... Вот я и пытаюсь вспомнить, а нравилась ли мне его компания...

– Ну, не думаю. Ты в то время был какой-то дерганый, вечно нервный. Вроде ты, а вроде и не ты. Трудно объяснить.

Джейс по-прежнему разглядывал огонь в камине.

– Ну отчего же трудно? – дернул он плечом. – Думаю, это как раз характерная часть тех отношений: быть разлученным с собственной волей и разумом, потому что над ними он не властен. Вот почему это был не совсем я, и он это прекрасно понимал. Себастьян хочет нравиться, он требует, чтобы его любили по-настоящему, и именно за то, кем и чем он является. Но он не считает, что для этого сам должен измениться, стать достойным такой любви. Наоборот, он хочет изменить весь мир, изменить само человечество, чтобы оно влюбилось в Себастьяна Моргенштерна. – Джейс помолчал. – Извини за кабинетные рассуждения. В буквальном смысле. Мы же сейчас в кабинете, нет?

Но Клэри не стала подхватывать шутку: слова Джейса заставили ее глубоко задуматься.

– Знаешь, когда я в той квартире копалась в его вещах, то наткнулась на письмо. Правда,

незаконченное, но адресованное: «Моей прекраснолицой». Помню, сильно удивилась: с чего это вдруг он взялся сочинять любовные послания? В смысле, романтические? Совсем на него не похоже.

Джейс прижал ее потеснее к своему боку. Клэри не могла решить, кто кого сейчас утешает; главное, что его пульс бьется о ее кожу сильно и ровно, что легкий запах мыла, мужского пота и металла знаком и уютен. Девушка позволила себе обмякнуть в его объятиях, и на нее тут же накатила страшная усталость, потянула вниз, коварно навесила гири на ресницы.

– Если заявятся родители, разбуди, – дремотным голосом прошептала она.

– Не волнуйся, – в тон ей пробормотал Джейс. – Твоя мать решит, что я тут бог знает что затеял, и как примется гонять меня по комнате кочергой.

Она вскинула руку, глядя его по щеке:

– Тогда зови на помощь. Я тебя спасу.

Джейс не ответил. Юноша уже спал, легко посапывая ей в макушку. Ритм их сердец замедлился и совпал, но Клэри еще разглядывала прыгающее пламя – и хмурилась. Словно воспоминанием об услышанном во сне, в ее ушах упрямо звучали два слова: «Моей прекраснолицой...»

– Клэри, Джейс! Просыпайтесь.

Девушка вскинула лицо и едва не вскрикнула от боли в шее. Они так и пролежали в обнимку, подложив куртку Джейса под голову в качестве подушки. В бок угодила рукоять его меча, когда юноша, крихтя и постанывая, принялся спускать ноги с дивана.

Над ребятами маячила Джия, облаченная в официальную мантию высшего члена Совета; на лице нет и тени улыбки. Наконец поднявшись, Джейс промолвил «Консул» полным достоинства голосом, вернее, насколько это было возможно, когда твоя одежда измята донельзя, а вихры торчат во все стороны.

– Мы все с ног сбились, – укоризненно сказала Джия. – Совещание вот-вот начнется.

Но Клэри не очень-то торопилась вставать; сначала надо было размять затекшую шею и плечи. Во рту сухо как в меловом карьере, тело ноет от пережитого напряжения и неснятой усталости.

– А где моя мать? – спросила она. – Где Люк?

– Я подожду вас в коридоре, – сказала Джия, при этом не сдвинувшись с места.

Джейс натягивал куртку, борясь с рукавами:

– Да-да, Консул, мы сейчас...

Было что-то в голосе Джии, отчего девушка взглянула на нее пристальней. Как и Алина, ее дочь, Консул была привлекательной женщиной, однако в эту минуту в уголках ее рта и глаз резко обозначились морщины. Клэри уже доводилось такое видеть.

– Что такое? – Она требовательно повысила голос: – Что-то случилось, да? Где моя мама? Где Люк?

– Мы еще сами толком не разобрались, – тихо ответила Джия. – Они так и не ответили на сообщение, которое мы им направили прошлой ночью.

Слишком много потрясений за такой короткий срок сделали Клэри почти бесчувственной. Она не всхлипнула и не вскрикнула, не задохнулась от ужаса, лишь по венам побежал холод. Схватив меч со столика, она сунула его себе за пояс и без дальнейших разговоров, едва не толкнув плечом Консула, выскользнула мимо нее в коридор.

Там уже маялся Саймон. Выглядел он помятым, измученным, а своей бледностью мог бы удивить и собрата-вампира. Девушка пожала ему руку, машинально отметив про себя, что у него на пальце по-прежнему посверкивает кольцо в форме золотого древесного листа.

– Саймон с нами, примет участие в совещании, – сказала она, взглядом бросая вызов Консулу: вот только посмейте возразить.

Джия же просто кивнула. Выглядела она так, словно слишком устала, чтобы спорить.

– Будем считать его представителем Ночных чад, – согласилась женщина.

– Постойте-ка, – запротестовал Саймон. – Это должность Рафаэля! Я не готов к таким обязанно...

– У нас до сих пор не получается вступить в контакт с кем-либо из представителей нежити, в том числе с Рафаэлем.

Джия двинулась по коридору. Стены здесь были из светлой, недавно пиленной древесины, о чем свидетельствовал характерный запах. Должно быть, эту часть Гарда отстроили заново после войны, но прошлой ночью Клэри слишком устала, чтобы обращать внимание на подобные пустяки. По стенам через равномерные интервалы шла узорчатая руническая резьба. Каждый знак мерцал изнутри, заодно освещая коридор, где не имелось ни единого окошка.

– Что значит «не получается вступить в контакт»? – упорствовала Клэри, торопливо нагоняя Джия.

За ней прибавили шаг и Саймон с Джейсом. Коридор изогнулся, уводя в глубь Гарда. Откуда-то спереди доносился гул, напоминавший рокот далекого океана.

– Ни Люк, ни твоя мать так и не вернулись со званого ужина в посольстве Дивного народца.

Консул остановилась во внушительном холле, примыкавшем к совещательному залу. Здесь царило естественное освещение, заливая пространство сквозь витражные окна. Взгляд привлекали тяжелые дверные створки, украшенные рельефным триптихом с изображениями Ангела и Орудий смерти.

– Что-то я не догоняю, – нахмурилась Клэри. – Выходит, они еще там? В особняке Мелиорна?

Джия помотала головой:

– Дом пуст.

– Постойте-ка... А сам Мелиорн? *И что с Магнусом?*

– Пока что никакой ясности, – ответила Джия. – Дом совершенно безлюден, никто из представителей не откликается на наши вызовы. Патрик уже обыскивает город с батальоном стражи.

– Следы крови обнаружены? – вмешался Джейс? – Какие-либо признаки борьбы, насилия?

Консул вновь помотала головой:

– Нет. Столы до сих пор стоят накрытые. Все выглядит так, будто... будто они испарились.

– Подозреваю, что вы недоговариваете, – поджала губы Клэри. – У вас это чуть ли не на лбу написано.

На это Джия ничего не ответила, а просто толкнула створки, распахивая вход в зал. Вестибюль тут же залил гул голосов; так вот откуда взялся тот океанский рокот... Клэри торопливо забежала вперед Консула – и замерла в дверях, нерешительно оглядываясь по сторонам.

Совещательный зал, где лишь пару дней назад царила вполне церемонная атмосфера, был сейчас забит возбужденными, порой даже кричащими Охотниками. Народ и на местах-то не сидел: все стояли – кто группами, кто в сторонке. Отдельных слов не разобрать, однако Клэри ясно видела гневную жестикуляцию. Глаза девушки побежали по толпе, отыскивая знакомые лица; увы, ни Люка, ни Джослин, хотя нашелся кое-кто из Лайтвудов, например Роберт, стоявший в своей мантии Инквизитора возле Маризы. Вот и Алина с Хелен, а вот ватага блэкторновской ребятни...

Клэри увидела в президиуме четыре резных стула представителей нежити. Пустых. А напротив них, прямо на полу, вязкой жидкостью, походившей на золотую краску, кто-то намалевал одно-единственное слово.

Veni.

Опережая Клэри, в зал шагнул Джейс. Его плечи окаменели; юноша застыл, не сводя взгляда с надписи.

– Это ангельская кровь, – сказал он.

Перед внутренним взором девушки тут же возникла Библиотека, ее засыпанный перьями пол с лужей крови, откуда выглядывали полые разрубленные кости.

Erchomai.

Я Грядущий...

И вот сейчас *Veni* – *Я пришел.*

Второе послание. Да-а, Себастьян времени не терял. «Какая же я дура! – пронеслось у Клэри в голове. – Выдумала себе, что он придет только за мной! Не разглядела всей картины...»

Он жаждал куда большего: смертей, разрушений, всемирного хаоса. Перед глазами всплыла его усмешка во время битвы под Цитаделью. Ну конечно же, это была не просто атака, но отвлекающий маневр. Он заставил нефилимов перенести взгляд с Аликанте, устроить по всему свету охоту за ним самим и его Помраченными, притупить бдительность из-за скорби по погибшим. А тем временем отыскал путь в сердце Гарда, где и раскрасил пол кровью.

Возле подиума стояла небольшая группа Безмолвных братьев в характерных рясах костяного цвета; лиц не видно, все скрыто глубокими капюшонами. В памяти проскочила искра, и девушка обернулась к Джейсу:

– Слушай, а ведь я забыла тебе сказать, что с братом Захарией все в порядке. Совсем из головы вылетело, ты извини.

Джейс не сводил хмурого взгляда с надписи:

– Да, я знаю. Навестил его в Басильясе. Он действительно в порядке, вот только... сильно изменился.

– Я надеюсь, в хорошую сторону?

– В *человеческую*, – сказал Джейс, но не успела девушка уточнить, что это значит, как ее окликнули.

В толпе кто-то отчаянно махал рукой, привлекая ее внимание. Изабель. Она стояла с Алеком, на довольно заметном отдалении от родителей. Не обращая внимания на Джию, которая попыталась ее остановить, Клэри уже пробиралась сквозь толпу; Саймон и Джейс не отставали. Отовсюду их обстреливали озадаченными или любопытствующими взглядами: как-никак, не секрет, кто они такие. Дочь Валентина, его приемный сын, да еще в компании вампира-светолюба.

– Клэри! – воскликнула Изабель, когда вся троица продралась наконец через зевак, по пути едва не споткнувшись о табор блэкторновской мелюзги, которая ухитрилась отвоевать себе целую «полянку» в середине людского водоворота.

Для начала Изабель метнула раздраженный взгляд на Саймона, затем потянулась обниматься с Клэри и Джейсом. Едва она отпустила юношу, как за дело взялся Алек: вцепившись Джейсу в рукав, он едва не повис на парне. Тот бросил озадаченный взгляд на побелевшие костяшки, но промолчал.

– Это правда? – спросила Изабель. – Вчера Себастьян действительно приходил к тебе в дом?

– В дом Ааматис, если точнее... Постой-ка, а откуда ты знаешь?

– Наш отец Инквизитор, так что удивляться нечему, – махнул рукой Алек. – Когда ждали, пока откроют зал, все только и делали, что пугали друг друга: «А вы слышали? Себастьян в городе!» Тут распаивается дверь, а на полу... Сами видите.

– Я тоже подтверждаю, – кивнул Саймон. – Консул и меня расспрашивала, когда разбудила. Можно подумать, я хоть что-то знаю... Проспал все на свете, ничего не помню, – торопливо добавил он, заметив недобро прищуренный взгляд Изабель.

– А вот *об этом* Консул тебе говорила? – поинтересовался Алек, показывая на лужу возле подиума. – Может, Себастьян что-то упомянул?

– Нет, – помотала головой Клэри. – Он вообще не очень-то любит делиться планами.

– Хотелось бы знать, как он добрался до представителей нежити, – задумчиво промолвил Алек. – У нас не только весь город охраняется, особняки высших членов Совета имеют свой собственный защитный периметр из оберегов. – На шее юноши кузнечным молотом работал пульс, а Джейс отметил про себя легкую дрожь в его руке. – Вчера был званый ужин, кругом стража... как же ему удалось-то? – Он наконец отпустил рукав Джейса и сунул руки в карманы. – А Магнус... Его присутствие вообще не предполагалось! Вместо него должна была быть Катарина! – Он бросил умоляющий взгляд на Саймона. – Я видел тебя с ним на Площади

Ангела в ночь битвы под Цитаделью. Он хоть как-то объяснил, почему появился в Аликанте?

Саймон помотал головой:

– Да нет же, он меня просто отогнал. Был занят исцелением Клэри.

– А может, это просто блеф? – предположил Алек. – Может, Себастьян решил пустить нас по ложному следу?

– Пока что у нас нет никакого следа, – негромко сказал Джейс. – Известно лишь, что представители нежити пропали без вести.

Алек отвернулся, словно был не в силах вынести чужие сочувствующие взгляды.

– *Veni*, – прошептала Изабель, глядя на подиум. – Но зачем...

– Демонстрирует свои возможности, – сказала Клэри. – Мы даже близко не представляем, насколько они широки.

Ей вспомнилось, с какой легкостью он возник в ее комнате, а потом исчез; о том, что случилось с землей во время битвы под Цитаделью: можно подумать, недра питали к нему слабость, старались защитить, укрыть от опасностей верхнего мира.

Звонкий удар колокола сотряс воздух, призывая собравшихся к порядку. К пюпитру для выступающих приблизилась Джия в сопровождении двух вооруженных стражников в рясах с капюшонами.

– Сумеречные охотники! – промолвила она, и эти слова эхом отразились от стен, словно в руке Консула был мегафон. – Прошу тишины.

Гул понемногу затих, хотя, если судить по весьма немалому числу воинственных взглядов, спокойствие было кажущимся.

– Консул Пенхоллоу! – крикнул Кадир. – Чем объясняется это... это кощунство? У вас есть что нам ответить?

– Мы еще не разобрались, – сказала Джия. – Все произошло ночью, во время смены караула.

– Это месть, – прохрипел какой-то темноволосый Охотник, в котором Клэри узнала руководителя будапештского филиала. Ласло Балог, так, кажется, его звали. – Мсть за наши победы в Лондоне и под Цитаделью.

– Ласло, у нас не было побед ни там, ни там, – возразила Джия. – Лондонский институт оказался защищен некой силой, о существовании которой мы не знали и которую не в состоянии воспроизвести. Сумеречных охотников кто-то предупредил, и вот почему им удалось спастись. Да и не обошлось без ранений. Кстати говоря, со стороны Себастьяна не пострадало ни единого солдата. Та к что в лучшем случае это можно считать успешным отступлением.

– Ну а нападение на Цитадель? – не унимался Балог. – Он же не ворвался внутрь, не наложил руку на оружейный склад.

– Но и не понес поражения. Мы выслали отряд из шести десятков бойцов, он убил из них тридцать, ранил еще десять. А с собой у него было сорок солдат, из которых он потерял от силы десятка полтора. Если б не инцидент при ранении Джейса Лайтвуда, Себастьян уничтожил бы весь наш отряд.

– Мы – Сумеречные охотники, – подала голос Насрин Чодри. – Это наша судьба: до последнего вздоха, последней капли крови защищать то, во что верим.

– Очень благородно, – заметила Жосиана Понмерси из марсельского Анклава, – но непрактично.

– Мы оказались чрезмерно консервативны в своей оценке, – сказал Роберт Лайтвуд, чей мощный бас был слышен во всех уголках зала. – Однако сейчас, проанализировав предыдущие нападения, мы пришли к выводу, что у Себастьяна порядка четырех сотен солдат. Простой подсчет показывает, что генеральное сражение с участием всех наших бойцов приведет к неминуемому поражению противника.

– Отсюда получается, что это сражение надо устроить как можно скорее! Не ровен час, он захватит новых Охотников и превратит их в Помраченных! – крикнула Диана Рэйбёрн.

– Но как сражаться с врагом, которого не можешь найти? – парировала Консул. – Наши попытки напасть на их след оказались тщетными. – Она повысила голос. – Выигрышная стратегия Себастьяна Моргенштерна в том и состоит, чтобы выманивать нас маленькими партиями. Ему надо, чтобы мы высылали малочисленные разведгруппы на поиски либо его демонов, либо его самого. И вот почему мы должны упорно держаться вместе здесь, в Идрисе, где ему нас не достать. Но если мы будем разобщены, выйдем за пределы родины, тогда безусловно проиграем.

– А что ему мешает просто сидеть и ждать, когда мы высунем нос? – поинтересовался какой-то блондин из копенгагенского Анклава.

– Остается надеяться, что у него не хватит на это терпения, – развела руками Джия. – Мы предполагаем, что он решит атаковать первым, и вот в этом случае наша превосходящая численность одержит верх.

– В расчет надо брать не только терпение, – сказал Балог. – Мы эвакуировали наши Институты, исходя из предположения, что вернемся по домам после окончания Совета с участием представителей нежити. Ведь кто, кроме нас, будет охранять спокойствие мира? Нам выписан своего рода мандат, Небесный наказ, повелевающий оберегать весь свет от демонов. Из Идриса этого сделать невозможно.

– Все обереги включены на полную мощность, – сообщил Роберт. – Остров Врангеля не покладая рук, денно и нощно ищет решение. А принимая во внимание наш недавний пакт о сотрудничестве с нежитью, мы рассчитываем, что они будут соблюдать дух и букву соглашений. Именно этот вопрос и был вынесен на повестку дня нашего сегодняшнего совещания...

– Да? В таком случае флаг вам в руки, – с горькой насмешкой бросила Жосиана Понмерси, – потому что представители-то пропали без вести.

Пропали без вести... Подобно камню, закинутому в пруд, эти слова пустили по залу расходящиеся круги тишины. Клэри почувствовала, как вздрогнул и оцепенел Алек, стоявший у ее плеча. Девушка еще не позволяла себе размышлять над этим, но не исключено, что исчезнувших уже никто никогда не увидит. Да нет, Себастьян просто блефует, с отчаянной надеждой подумала она, это всего лишь жестокая уловка, за ней не стоит ничего страшного...

– Делать выводы еще рано! – запротестовала Джия. – Стража не закончила прочесывать город и...

– Себастьян оставил автограф чуть ли не на их стульях! – крикнул глава мексиканского филиала; он тоже участвовал в битве за Цитадель и сейчас нянчил забинтованную руку. Клэри смутно припомнилась его фамилия. Кажется, Розалес. – *Veni*, то есть «я пришел». Он ведь предупреждал, помните? Его первым посланием было убийство ангела в Нью-Йорке, теперь он нанес удар в самое сердце Гарда.

– Но ударил-то не по нам, – возразила ему Мариза. – А по представителям нежити!

– Да мы даже не знаем, что именно с ними случилось! – бросил кто-то из толпы. – Может, там все в порядке.

– Правда? Тогда где они? – крикнул Алек, и даже Джейс кинул на него удивленный взгляд. Алек был мрачен как туча, синие глаза потемнели, и Клэри вдруг вспомнился тот сердитый паренек, которого она встретила в Институте... ох, целую вечность тому назад. – Следопытов кто-нибудь додумался задействовать?

– Можешь не сомневаться, – сухо ответила Джия. – Ничего не сработало. Кстати, нащупать след невозможно как минимум в двух случаях: если речь идет о магах или о мерт... – Джия поперхнулась. Стражник слева внезапно дернул ее за ворот и завалил навзничь, приставив

длинный, серебристый стилет к шее женщины.

– Нефилимы! – взревел он и дернул головой, сбрасывая капюшон. Обнажились пустые глаза и странные, незнакомые узоры чужих рун. Толпа ахнула – и тут же умолкла, потому что Помраченный слегка погрузил сталь в горло Консула. Даже на расстоянии было видно, как течет кровавая струйка по коже.

– Нефилимы! – вновь проревел стражник. Клэри мучительно пыталась вспомнить, где же его видела: в нем читалось что-то знакомое... Высокий шатен в возрасте где-то сорока; мощные руки со вздувшимися от напряжения венами силятся справиться с Джией... – Всем стоять! Не двигаться! Или вашему Консулу конец!

Взвизгнула Алина. За нее схватилась Хелен, сама едва сдерживаясь, чтобы не ринуться вперед. Ребятня Блэкторнов за спинами девушек сбилась в кучку вокруг Джулиана, который стоял со своим младшим братом на руках; Друсилла уткнулась лицом ему в бок. Эмма, чьи волосы светились как фонарик, замерла с обнаженной Кортаной, явно решив защищать всех и вся.

– Это же Матиас Гонзалес, – дрогнувшим голосом сказал Алек. – Из Буэнос-Айреса, он был директором тамошнего филиала...

– Молчать! – крикнул Матиас, и зал накрыла гнетущая тишина. Большинство стояли, как Джейс и Алек, не успев дотянуться до оружия. А вот Изабель уже сжимала рукоять своего кнута. – Молчать и слушать! – продолжал орать Матиас, сверля толпу горящим взглядом фанатика. – Сумеречные охотники! Внемлите моему слову, ибо когда-то я был одним из вас! Слепо повиновался приказам Совета и Конклава, свято верил в собственную безопасность за берегами Идриса, уповал на свет Ангела. Но и тут несть для вас спасения. – Он мотнул подбородком в сторону надписи на полу. – Никто не уберется, даже посланники Небес! Вот какова мощь Чаши ада! Вот какова власть ее хозяина!

По толпе пробежал рокот. Вперед протиснулся Роберт Лайтвуд, встревоженно впившись глазами в лицо Джии и клинок у ее горла.

– Чего ему надо от нас? – крикнул он. – Чего хочет этот Валентинов сын?

– О, у него большие запросы, – ответил Матиас. – Впрочем, прямо сейчас его устроил бы скромный сувенир в виде младшей сестры и сводного брата. Выдайте Клариссу Моргенштерн с Джейсом Лайтвудом, и катастрофа будет предотвращена.

Клэри услышала, как втянул воздух Джейс сквозь стиснутые зубы, и бросила на него панический взгляд: казалось, что весь громадный зал буравит ее глазами, и от этого она тает как кусок соли в воде.

– Мы нефилимы, – холодно ответил Роберт. – Мы своих не выдаем. И он об этом прекрасно осведомлен.

– В таком случае, – последовало от Помраченного, – знайте, что мы, слуги Чаши ада, захватили пятерых ваших союзников. Это Мелиорн из Дивного народца, Рафаэль Сантьяго из Ночных чад, Люк Гэрроуэй из Лунных отпрысков, Джослин Моргенштерн из нефилимов, а также Магнус Бэйн из Детей Лилит. Если откажетесь выдать Клариссу и Джейса, все эти вылупки будут преданы казни сталью и серебром, огнем и рябиной. А когда прочая нежить узнает, что вы пожертвовали жизнью их представителей, они возьмутся за вас со всех сторон. Присоединятся к нам, и вот тогда вы поймете, что такое воевать не только с хозяином Чаши ада, но и всей нежитью.

У Клэри все поплыло перед глазами, накатила тошнота. Она знала – ну разумеется! пусть подспудно, но все же! – знала, что матери, Люку и Магнусу грозит гибель, однако услышать прямое подтверждение... Девушку пробил озноб, в голове заплясали слова, складываясь в своего рода наивную, растерянную молитву: «Мама, Люк, пусть с вами все будет хорошо, ну

пожалуйста, пусть все будет хорошо. И с Магнусом тоже. Ради Алека. Ну пожалуйста!»

В ушах звучал и голос Изабель: та давеча утверждала, что Себастьян не в состоянии бороться с ними и нежитью одновременно. Все верно, однако он ухитрился нащупать слабое место: если пострадают похищенные представители, все решат, что в этом повинны Сумеречные охотники.

У Джейса отхлынула кровь от лица, но немой вопрос девушки он встретил твердым взглядом, который засел в ее сердце как шило. Нельзя просто так стоять, нельзя пускать дело на самотек. Надо самим взяться за Себастьяна. Именно в этом заключается единственно возможное спасение.

Она шагнула вперед, собираясь обратиться к Помраченному, но кто-то дернул ее за руку. Клэри обернулась, думая увидеть Саймона, и, к собственному удивлению, обнаружила, что это Изабель.

– И не вздумай, – сказала та.

– Ты не только глуп, но и слеп, – тем временем заявил Кадир, гневным взглядом сверля Матиаса. – Никто из нежити не поставит нам в вину, что мы отказались приносить в жертву двух молодых людей на погребальном костре по прихоти Джонатана Моргенштерна!

– Ну что вы, что вы, – злоеще ухмыляясь, сказал на это Матиас. – Он вовсе не собирается их умерщвлять. Дает гарантию именем Ангела, что и волоска не упадет с головы моргенштерновской девчонки и мальчишки Лайтвуда. Наоборот, они его родственники, и он хочет видеть их рядом с собой. Та к что ни о каком жертвоприношении и речи не идет.

Что-то мазнуло девушку по скуле. Джейс. Он клюнул ее в щеку, и Клэри вспомнила про вчерашний разговор насчет поцелуя Иуды. Спohватившись, она протянула к нему руку, но Джейс был уже далеко, впереди всей толпы, спокойно шагая по проходу между скамейками амфитеатра.

– Вот он я! – крикнул он, и его голос звонко разнесся по всему залу. – Иду по своей воле. – В его руке был меч. Джейс разжал пальцы, и сталь забряцала по ступенькам. – Да, я готов следовать за Себастьяном, – добавил он в наступившую тишину. – При одном условии: не трогайте Клэри, пусть она остается. Забирайте меня, если хотите, но только одного.

– Джейс! ты что?! – поразился Алек, однако его слова утонули в шуме и гаме, который воцарился кругом.

Среди криков и воплей, возносившихся к потолку словно клубы дыма, стоял Джейс: невозмутимый, с раскрытыми ладонями – мол, видишь? я не вооружен, – с искрящейся под светом рун шевелюрой. Жертвенный ангел.

Матиас Гонзалес расхохотался.

– Без Клариссы никаких сделок не будет, – заявил он. – Такого требования Себастьяна, а я выполняю все приказы хозяина.

– Вы думаете, мы идиоты? – поинтересовался Джейс. – Впрочем, да-да, я ошибся. Вы вообще не думаете. Ходячий рупор для демона, вам вообще на все плевать. У вас уже нет ни семьи, ни чести. Вы больше не нефилим.

Матиас ухмыльнулся:

– Да кому захочется быть нефилимом, простым Сумеречным?

– Так вот, к вопросу об идиотизме. Ваше предложение яйца выеденного не стоит. Допустим, мы сдаемся, Себастьян возвращает заложников. Дальше что? Вы тут всю пытались нас убедить, до чего он сильнее, лучше, умнее нефилимов. Что способен нанести удар даже здесь, в сердце Аликанте, что никакие наши обереги и стражники ему не помеха. Что он всех нас изничтожит. Но я вам вот что скажу: если хотите с кем-то договориться, дайте ему шанс в чем-то *выиграть*. Вот были б вы прежним, сразу бы меня поняли.

Клэри показалось, что в наступившей тишине можно было услышать шлепки падающих

кровавых капель. Матиас замер, его стилет по-прежнему не отрывался от горла Джии, губы шевелились, словно он нашептывал про себя то ли стихи, то ли молитву...

А может, с кем-то разговаривает? – вдруг сообразила Клэри. И теперь стоит, слушает ответ?

...

– Нет, побед у вас быть не может, – наконец заявил Матиас, и на сей раз расхохотался Джейс. Знакомый, колкий смех; тот самый, из-за которого она и влюбилась в этого парня. О нет, это вовсе не жертва, но ангел-мститель. Единство золота, крови и огня; полная уверенность в себе даже перед лицом поражения.

– Ну вот, сами видите, – сказал Джейс. – Какая в таком случае разница, когда мы умрем, раньше или чуть позже?

– *Одержать верх* вы не можете, – возразил Матиас, – зато удастся *выжить*. Те из вас, кто сделает правильный выбор, переродятся благодаря Чаше ада; вы станете солдатами Утренней звезды, под начальством Джонатана Моргенштерна завоюете мир, будете его хозяевами. Те же, кто захочет оставаться чадами Разиэля, тоже получают желаемое, но лишь при условии, что не будут казать нос из Идриса. Граница с остальным миром, который станет принадлежать нам, будет перекрыта навсегда. Эту землю даровал вам Ангел, и она останется в вашем владении. Держитесь только на своей территории, и с вами все будет в порядке. Обещаю.

Джейс метнул в него гневный взгляд:

– Обещания Себастьяна всегда пусты.

– А кроме них, у вас ничего нет, – пожал плечами Матиас. – Хотите – водите дружбу с нечистью, только сидите в Идрисе, и тогда сумеете выжить. Но это предложение действительно лишь в случае, если ты и Кларисса по своей воле пойдете за хозяином. Повторяю, вы оба, ты и она. Иному не бывать.

Клэри медленно обвела зал взглядом. Кто-то из нефилимов выказывал все признаки омерзения, кто-то гнева, нашлись и боязливые. А вот все прочие явно что-то прикидывали в уме. Девушка вспомнила тот день, когда стояла в Зале Соглашений перед этими же самыми людьми и показывала им руну, с чьей помощью можно было победить в войне. Тогда все были очень ей за это признательны. С другой стороны, этот же самый Конклав проголосовал за прекращение поисков Джейса, когда того забрал Себастьян, а все потому, что жизнь одного парнишки не стоила, видите ли, столь значительных ресурсозатрат.

Тем более что речь шла о приемном сыне Валентина.

Когда-то она считала, что даже те, в чьих жилах течет ангельская кровь, бывают хорошие и плохие, что есть сторона света, а есть и сторона тьмы, однако то наивное время давно минуло. С тех пор Клэри успела повидать зло и в брате, и в отце; стала свидетелем того, куда могут завести добрые намерения и каким ужасом способна обернуться жажда власти. Однако и в доброте нет стопроцентного спасения: добродетель режет не хуже ножа, а Небесный огонь слепит и жжет.

Отшагнув от Алека с Изабель, она почувствовала на запястье пальцы Саймона. Клэри обернулась, взглянула ему в лицо и покачала головой. *Ты не должен мне мешать.*

Его темные глаза излучали мольбу.

– Ты что... нельзя... – выдохнул он.

– Он сказал, «мы оба», – прошептала она в ответ. – Если Себастьян увидит одного лишь Джейса, он его убьет.

– Да он так и так прикончит вас обоих! – Изабель чуть не плакала от бессильного гнева. – Нельзя тебе идти, нельзя! И Джейсу нельзя! *Джейс!*

Тот обернулся. Выражение лица юноши изменилось, когда он понял, что Клэри собралась последовать за ним. Джейс помотал головой, губами отдавая беззвучный приказ: «Нет».

– Послушайте! Дайте нам время на обдумывание! – крикнул Роберт Лайтвуд. – Хотя бы

проголосовать мы имеем право?

Матиас отвел клинок от горла Джии и взметнул его к потолку, второй рукой по-прежнему удерживая Консула поперек груди. Сверкнула сталь.

– Время, – язвительно фыркнул он. – С какой стати Себастьян должен давать вам лишнее время?

В воздухе вдруг раздался резкий свист. Мимо Клэри пронеслось нечто блестящее и со звоном врезалось в стилет, который Матиас держал над головой, и выбило его из рук. Тут же обернувшись, девушка увидела Алека со вскинутым луком; тетива еще подрагивала.

Взревев, Матиас отшатнулся, тряся рукой и разбрызгивая кровь во все стороны. Когда он прыгнул за выбитым ножом, Джия вырвалась из его объятий, и Клэри услышала, как Джейс крикнул: «*Накир!*» Выхваченный клинок серафима осветил весь зал. «Прочь с дороги!» – скомандовал юноша, плечом вперед устремляясь вниз по ступенькам.

– Нет!

Отшвырнув лук, Алек через скамейки прыгнул на Джейса, сбивая того с ног, как вдруг подиум полыхнул огнем, словно в костер плеснули керосином. Взвизгнув, Джия соскочила в толпу, где ее поймал Кадир и осторожно опустил на землю, пока все остальные не сводили глаз со взметнувшихся языков пламени.

– Да что ж это такое... – буркнул Саймон, так и не отпустив запястье Клэри.

В сердцевине огненного столба девушка видела черную тень Матиаса. Судя по всему, пламя ничуть ему не мешало; кажется, он даже хохотал, размахивая руками, словно дирижировал огненным оркестром. Совещательный зал был полон воплей, дыма и треска горящего дерева. Алина в слезах склонилась над раненой матерью; Хелен беспомощно посматривала на подругу, пока сама на пару с Джулианом пыталась совладать с блэкторновской ребятней.

В суматохе все забыли про Эмму. Девочка стояла поодаль от остальных, побелевшая от потрясения, как воздух вдруг прорезали крики Матиаса:

– Двое суток, нефилимы! Вам дается двое суток на решение собственной судьбы! И затем вы все сгорите! Адский огонь истребит вашу плоть, а пепел Эдома навечно укроет ваши обугленные кости!

Его голос взметнулся до неземного визга и внезапно оборвался; в мгновение ока пламя пропало, а вместе с ним и сам Матиас. На полу, впрочем, еще мерцали последние угольки, не затронув надпись, начертанную ангельской кровью поперек подиума:

Veni.

Я ПРИШЕЛ.

Майе пришлось с добрую минуту успокаивать себя дыхательными упражнениями, прежде чем она нашла в себе силы и мужество вставить ключ во входную дверь.

В квартире все выглядело до ужаса обычно, словно ничего и не случилось. Куртки Джордана и Саймона висели на своих местах в узеньком коридорчике, на стенах по-прежнему красовались уличные указатели, приобретенные по случаю на блошиных рынках.

Она перешла в гостиную, которая словно застыла во времени: телевизор включен, но на экране лишь мельтешение помех; на диване валяется пара отброшенных игровых пультов. В кухне выяснилось, что позабыли выключить кофейник. Девушка щелкнула тумблером, стараясь не смотреть на снимки самой себя и Джордана, которые были прихвачены магнитом к холодильнику: вот они вдвоем на Бруклинском мосту, а вот перекусывают на Вэйверли-плейс, Джордан хохочет и демонстрирует свои ногти, которые Майя выкрасила ему в красно-сине-зеленые тона. Надо же, раньше она и не замечала, как много снимков он делал, будто пытался записать каждую секунду их отношений, опасаясь, что те просто схлынут из памяти как вода.

Ей пришлось стиснуть зубы, буквально заставляя себя войти в спальню. Кровать так и стоит неприбранная – Джордан вообще не отличался особой аккуратностью, его одежда разбросана там и сям. Майя пересекла комнату и, встав перед комодом, где хранила свои вещи, сняла с себя позаимствованные у Лейлы шмотки.

Со вздохом облегчения натянув собственные, любимые джинсы и футболку, она уже копалась в шкафу в поисках подходящей куртки, когда раздался звонок в дверь.

Свое оружие, полученное из арсеналов «Люпуса», Джордан держал в сундучке в изножье кровати. Майя откинула крышку и достала тяжелую чугунную флягу с крестом на боковой поверхности.

Набросив куртку и прикрыв полую флягу, она прошла в гостиную, оттуда в коридор, где и дернула дверную ручку.

На пороге стояла девушка, чьи волосы струились по плечам черным водопадом, на этом фоне лицо казалось белее снега. Губы ярко-пунцовые; жестоко приталенный, траурный брючный костюм – в целом она напоминала современную Белоснежку из плоти, крови и льда.

– Мне передали про твой звонок, – промолвила Белоснежка. – Если, конечно, это ты подруга Джордана Кайла. Или я ошиблась?

Лили... Одна из самых умных голов во всем вампирском клане. Всезнайка и неразлейвода с Рафаэлем.

– Ты только дурочкой-то не прикидывайся, – резко бросила Майя. – Я знаю, что ты уже бывала здесь. Мало того, что-то мне подсказывает, что это ты подстроила похищение Саймона по приказу Морин.

– И? – Шурша дорогой материей костюма, Лили независимо сложила руки на груди. – В дом хоть пустишь или через порог будем толковать?

– Больно много чести. В коридорчике постоишь.

– Жесть. – Лили откинулась спиной на стену с облупившейся краской и состроила гримаску. – Чего звала-то, волчица?

– Морин совсем с катушек съехала, – сказала Майя. – Саймон с Рафаэлем куда-то пропали. Себастьян Моргенштерн убивает нежить в назидание нефилимам. Уж не пора ли вампирам и ликантропам поговорить? Может даже, стать союзниками.

– Да ты фантазерка, я погляжу, – заметила Лили и встала прямо. – Значит, так. Морин, конечно, спятила, но все равно остается главой клана. И я тебе вот что скажу. Она не собирается точить лясы с какой-то там ободранной волкодлачкой, которая теперь воет, что у нее дружка прибили.

Пальцы Майи до отказа стиснули припрятанную фляжку. Вот бы плеснуть это Лили прямо в харю, чтоб знала свое место...

– Короче: станешь вожаком стаи, звони. – В глазах юной вампирки мерцало нечто вроде темного сияния, словно она пыталась объясниться между строк. – И уж тогда поговорим.

Она развернулась и зацокала высокими каблучками по лестнице. Из ладони Майи медленно выскользнула фляжка со святой водой.

– А ты прилично стреляешь, – заметил Джейс.

– Зря ты насмехаешься.

Алек с Джейсом находились в одной из многочисленных комнат Гарда, в самой старой и аскетичной части комплекса. Здесь стены были сложены из каменных глыб, а из мебели имелась лишь скамейка вдоль западной стены. Вот на ней и стоял на коленях Джейс с закатанным правым рукавом. Сброшенная с плеч куртка валялась неподалеку.

– Ничего я не насмехаюсь, отличный вышел выстрел, – возразил Джейс, наблюдая, как Алек

водит стилусом.

Пока под пером разбегались темные линии, юноше припомнился другой случай, когда Алек накладывал ему бинты, сердито выговаривая: «Будь поаккуратней, не то заживет уродливым рубцом, станешь ходить как *примитив*». В тот день Джейс въехал рукой в оконное стекло и сам понимал, что заслужил и не такие упреки.

Наконец Алек медленно выдохнул; он всегда был очень внимателен, вычерчивая руны, в особенности *иратце*. От узора немножко горела кожа, хотя Джейс никогда не жаловался на боль: настоящая карта из белесых шрамов на бицепсе и предплечье была тому свидетелем. Руна, нанесенная *парабатаем*, обладала особой силой, и вот почему, пока семейство Лайтвудов совещалось в кабинете Консула, ребят отправили залечивать раны Джейсу. По правде говоря, это решение немножко удивило: Джейс ожидал, что его заставят-таки высидеть весь разговор, в то время как запястье пухнет и наливается синевой.

– Я правда не смеюсь, – повторил он, когда Алек закончил возиться и отступил на шаг, любуясь своей работой. Джейс уже чувствовал, как притупляется боль в запястье, пока чары *иратце* расходятся по венам, заодно заставляя сомкнуться края разбитой губы. – Ты угодил в нож Матиаса, стреляя чуть ли не через весь зал. Чисто вышло, ничего не скажешь, Джию даже краешком не задело. Причем в движении – вот что главное.

– Правильная мотивация творит чудеса.

Алек вернул стилус в кармашек на поясном ремне и смахнул со лба мешавшую ему челку; после разлада с Магнусом он ни разу не ходил к парикмахеру.

Магнус. Джейс зажмурился.

– Алек, – сказал он. – Я все-таки отправлюсь. Ты и сам это понимаешь.

– Такое впечатление, ты это говоришь, лишь бы меня успокоить. Можно подумать, я тебе разрешу поднять ручки перед Себастьяном. Совсем умом тронулся?

– Так ведь как еще можно спасти Магнуса? – возразил Джейс, глядя в темноту за закрытыми веками.

– А жизнь Клэри ты тоже готов поставить на кон? – холодно осведомился Алек, и Джейс тут же распахнул глаза. Алек внимательно смотрел на него, ничем не выдавая свои чувства.

– Нет... – ответил Джейс и даже сам поежился, заслышав в собственном голосе чуть ли не покорность судьбе.

– То-то же, – строго сказал Алек. – Именно на это и рассчитывает Себастьян. Хочет вбить клин между нами всеми, разодрать наше единство, сделав крючья из тех, кто нам более всего дорог. Нельзя, слышишь?

– Эй, ты когда стал таким мудрым? – поинтересовался Джейс.

Алек рассмеялся – коротко и нервно:

– Я стану мудрым лишь в тот день, когда ты сам возьмешься осторожничать.

– А может, ты всегда был мудрым, – задумчиво продолжил Джейс. – Помнится, когда я спросил, хочешь ли ты стать *парабатаем*, ты ответил, мол, нужно денек подумать. А когда потом сказал «да» и я спросил, мол, почему, ты ответил, что за мной нужно приглядывать. И знаешь, ты был прав. Я никогда об этом не думал, потому что не требовалось.

Ведь рядом был ты и всегда за мной присматривал. Всегда.

У Алека окаменело лицо; оцепенелость прямо-таки побежала по венам.

– Не надо, – сказал он. – Больше не надо так говорить.

– В смысле?

– Потому что такие слова произносят перед тем, как отправиться на смерть.

– Если Клэри и Джейс окажутся в лапах Себастьяна, их ждет верная гибель, – заявила

Мариза.

Они сидели в кабинете Консула, пожалуй, самом роскошном помещении Гарда. Под ногами толстый ковер, каменные стены завешаны гобеленами, по диагонали стоит длинный, массивный стол. С одного торца Джия Пенхоллоу с подживающей под действием *иратце* ранкой на шее, за ее стулом муж, Патрик, держащий руку на ее плече. Напротив них сидели Мариза и Роберт Лайтвуды.

К удивлению Клэри, ей с Изабель и Саймоном тоже разрешили присутствовать при разговоре. Вообще-то, речь должна была идти о ее с Джейсом судьбе, но, если честно, Совет никогда не отличался интересом к мнению тех, чья жизнь значилась в повестке дня.

– Да, но Себастьян обещал, что не тронет их, – возразила Джия.

– Бред какой-то! – взорвалась Изабель. – Вы кому верите, я не понимаю?! Он вечно врет. И его клятвы именем Ангела ничего стоят, потому что ему на Ангела плевать. Он служит одной лишь Лилит. Если вообще кому-нибудь служит, кроме себя самого...

Послышался легкий щелчок, дверь приоткрылась и впустила Алека с Джейсом. Во время переполоха в совещательном зале они, кубарем скатившись с подиума, пересчитали немало ступенек, и больше всего досталось Джейсу: разбитая губа и что-то такое с запястьем, то ли сильное растяжение, то ли вообще перелом. Сейчас, впрочем, рука выглядела почти нормально; он попытался улыбнуться Клэри, однако в глазах юноши стояла тоска.

– Вы должны понять, в каком ракурсе видит всю эту проблему Совет, – назидательно заявила Джия. – Вы сразились с Себастьяном в Беррене, но ведь они не видели этого собственными глазами. Им просто передали словесное описание, и лишь после инцидента под Цитаделью стала очевидна разница между Помраченными и Сумеречными воинами. Считалось, что нет расы более боевой, нежели нефилимы, а вот теперь оказалось, что мы были не правы.

– Он атаковал Цитадель с одной-единственной целью: это была разведка боем, – сказал Джейс. – Себастьяну хотелось знать, на что способны нефилимы, не просто случайная группа бойцов, как получилось у нас в Беррене, а настоящий отряд, высланный по приказу Конклава. Вот чего он добивался: выяснить, как именно они поведут себя против его дружины.

– Снял с нас мерку, – кивнула Клэри. – Взвесил, чего мы стоим на весах войны.

Джия бросила на девушку взгляд.

– Мене, мене, текел, упарсин, – негромко промолвила она.

– Вы были правы, утверждая, что Себастьян не хочет генерального сражения, – вмешался Джейс. – Ему нужно много маленьких стычек, в которых он сможет превращать нефилимов в Помраченных. Усиливать собственные ряды. Та к что я не исключаю, что сработала бы такая стратегия: сидеть в Идрисе, пока он сам сюда не заявится, где и сломает себе шею на утесах Аликанте. Да вот беда, сейчас, когда он захватил представителей, из этого ничего не выйдет. Если мы не будем держать руку на пульсе событий, особенно когда против нас ополчится нежить, Соглашение развалится. А вместе с ним развалится весь мир.

Пристальный взгляд Джии переключался на Саймона:

– Ну а вы что скажете? Прав ли был Матиас? Если мы откажемся идти на поводу шантажиста, будет ли это означать войну с нежитью?

Саймон опешил; он никак не ожидал, что будет играть столь официальную и важную роль. То ли намеренно, а может, и подсознательно его рука потянулась к медальону Джордана, что висел на шее; юноша не отпускал его, пока вел свою речь.

– Полагаю, – с горечью в голосе ответил он, – что хотя среди нежити найдется немало прозорливых, вампиры к ним не относятся. Они думают, что ничего не значат в глазах нефилимов. Что касается магов... – Саймон покачал головой, – я в их настроениях и сам-то толком не разобрался. Да и в случае фейров тоже. Я к тому, что Королева Летнего двора всегда

блюдет свои собственные интересы. Кстати, она помогла Себастьяну вот с этим.

Он вскинул руку, где на одном из пальцев поблескивал перстень.

– Я сказал бы, что здесь идет речь не столько о помощи Моргенштерну, сколько о ее желании вечно быть в курсе всего подряд, – заметил Роберт. – Я не говорю, что она за тобой не следила, но ведь в ту пору Себастьян еще не был нашим откровенным врагом. Мало того, Мелиорн поклялся всем, на чем свет стоит, что Дивный народец будет верен нашему союзу и что Себастьян их противник. А ведь фейры не умеют лгать.

Саймон дернул плечом:

– Я просто хотел сказать, что не понимаю их логику, вот и все. Зато с волкодлаками все куда проще. Они обожают Люка и обязательно потребуют его вернуть.

– Но ведь в свое время он был Охотником... – начал Роберт.

– Это даже осложняет дело, – оборвал его Саймон. Вернее, уже не тот Саймон, который был старинным другом Клэри, а какой-то другой – знаток политики и внутренних, скрытых течений Нижнего мира. – Они увидят, как нефилимы относятся к тем, кто некогда был из их числа, и решат, мол, вот доказательство, что Охотники держат все другие расы за ничтожество. Кровь у них, видите ли, порченная... Как-то раз Магнус рассказал мне про званый ужин в одном из Институтов; пригласили всех, никому отказу не было. Посидели, попиروвали, тосты на брудершафт... а потом Сумеречные выкинули в мусор все тарелки, которые побывали в руках нежити.

– Большинство нефилимов вовсе не такие, – обиженно заявила Мариза.

Саймон в который раз пожал плечами.

– Я сам впервые попал в Гард только оттого, что меня привел Алек, – сказал он. – Думал, что Консул хочет со мной поговорить. Вместо этого меня бросили в подzemелье подыхать с голоду. Да что там я... Даже *парабатай* Люка посоветовал ему покончить с собой, когда того укусили. А взять «Претор Люпус»? Его сожгли дотла, и не кто-нибудь, а Сумеречный охотник, пусть даже отщепенец и враг Идриса.

– Одним словом, вы считаете, война будет? – уточнила Джия.

– Да она уже идет, – фыркнул Саймон. – Вы сами-то где сегодняшнюю рану получили? В общем, я просто хотел сказать, что Себастьян пытается пролезть в трещинки вашего альянса, растолкать его локтями, и это у него замечательно выходит. Может, он не силен в психологии, спорить не буду, зато отлично разбирается в науке зла, предательства и эгоизма. А ведь эти черты в какой-то мере присущи всякому существу, обладающему умом и сердцем.

Тут он захлопнул рот, словно испугался, что наговорил лишнего.

– Стало быть, ты думаешь, что нам следует подчиниться требованиям Себастьяна? Отдать ему Клэри и Джейса? – спросил Патрик.

– Ни в коем случае. Он всегда лжет, так что любые уступки ничем не помогут. Даже если он поклянется, то все равно обманет, как и предупреждала Изабель. – Он посмотрел на Джейса, перевел взгляд на Клэри. – Вот *вы-то* знаете, – сказал он. – Вы знаете его лучше, чем кто-либо другой. Вы знаете, что он никогда не держит слово. Скажите же им.

Клэри молча покачала головой, и за нее ответила Изабель:

– Не могут они ничего сказать. Потому что это будет похоже на мольбу о пощаде. Не из того теста они сделаны, чтобы говорить такие вещи.

– Я уже вызвался добровольцем, – напомнил Джейс. – Сказал, что пойду. Сами знаете, что я ему нужен. – Он развел руки в стороны, и Клэри не удивилась, что Небесный огонь просвечивал сквозь его кожу на предплечьях и ладонях, напоминая золотую проволоку. – Себастьян пострадал от Небесного огня, вот почему он меня боится, вот почему хочет перетянуть меня на свою сторону. То же самое я видел у него на лице вчера, в комнате Клэри.

Наступила долгая тишина. Джия обмякла в кресле.

– Ты прав, – наконец промолвила она. – Вы все правы, я ни с кем не буду спорить. Но я не в состоянии контролировать решения Конклава, а ведь среди них обязательно найдутся те, кто выберет себе видимость безопасности. Кроме того, есть и противники самой идеи объединения с нежитью; Соглашение они приняли в штыки и будут рады шансу все изменить. Если Себастьян хочет раздробить Конклав на противоборствующие фракции, то надо отдать ему должное: он выбрал правильный метод. – Консул обвела тяжелым взглядом Лайтвудов, затем Джейса с Клэри. – Была бы признательна за предложения и рекомендации, – добавила она весьма сухим тоном.

– Может, спрячем их? – выпалила Изабель. – А что? Давайте найдем такое местечко, про которое Себастьяну ни за что не догадаться, а вы потом ему скажете, мол, ребята убежали, несмотря на все наши намерения исполнить договоренность. Он же не поставит вам это в вину?

– У кого голова на плечах, не поставит, – согласился Джейс. – Но мы-то говорим про Себастьяна.

– Да и прятаться негде, – подхватила Клэри. – Не будем забывать: он отыскал меня в доме Аматис. Та к что, думаю, сумеет добраться до нас где угодно. Разве что Магнус сумел бы помочь, но...

– Найдутся и другие ведьмаки, – пожал плечами Роберт, и Клэри не удержалась от взгляда украдкой на Алека. Тот сидел с каменным лицом.

– Сейчас бессмысленно рассчитывать на их поддержку, даже за деньги, – сказал юноша. – В этом-то и состоит весь смысл похищения. Они не придут на помощь, пока не увидят, что мы сами готовы им помогать.

В дверь постучались, и в кабинет вошли два Безмолвных брата, чьи пергаментные рясы мерцали искрами, отражая ведьмин огонь в светильниках.

– Брат Енох, – поклонился Роберт, приветствуя монахов, – и... и...

– Брат Захария, – подсказал второй из вошедших, сбрасывая капюшон.

Несмотря на давешние намеки Джейса, Клэри пришла в полнейшее изумление, до чего человеческим стало лицо Захарии. Его едва можно было узнать; лишь темные узоры рун на скулах напоминали, кем он был. Стройный до худобы, высокий, лицо полно аристократического изящества. Волосы темные. На вид двадцать лет.

– А? – У Изабель отвисла челюсть. – Какой брат Захария? *Тот самый* брат Захария? Это что получается, молодильные яблоки вовсе не сказка?! Так, я пошла деньги стрелять. Почем там килограммчик?

– Изабель! – укоризненно прошипела Клэри, но брат Захария то ли недослышал, то ли обладал сверхъестественным самообладанием. Он побуравил взглядом Джия, затем произнес что-то на непонятном языке.

У Консула дрогнули губы и через мгновение превратились в узкую, натянутую ленточку. Она обернулась к собеседникам:

– Амальрик Кригсмессер скончался.

Клэри, которую последние несколько часов то и дело бомбардировали плохие новости, даже не сразу сообразила, о ком идет речь. Лишь спустя несколько секунд она вспомнила, что так звали Помраченного, который был пленен в Берлине и доставлен в Идрис; над поисками исцеляющего снадобья трудились Безмолвные братья и маги Спирального лабиринта.

– Все на нем перепробовали, ничего не помогло, – пожаловался брат Захария. Тут выяснилось, что он не только писанный красавец, но и обладатель хрустального тенора. *Британец...* – млела Клэри; до сих пор ей доводилось слышать лишь его мыслеречь, а телепатический канал связи напрочь отфильтровывал любой акцент. – Ни заклинания, ни отвары

с корешками, ничего его не брало. И тогда мы поднесли ему Чашу смерти.

«И она сработала, – сообщил Енох. – Уложила на месте».

– Тело Амальрика надо будет отправить через Портал в Спиральный лабиринт на вскрытие. Пусть колдуны посмотрят, – распорядилась Джия. – Не исключаю, что, если сделать это быстро, они извлекут нечто полезное из его гибели. Что-нибудь эдакое. Лечебное.

– Несчастное семейство, – вздохнула Мариза. – Родственники не увидят его погребального костра и похорон в Безмолвном городе.

– Так ведь он уже не был нефилимом, – заметил Патрик. – И если говорить про похороны, то ему самое место на перекрестке под Броселиндским лесом.

– Рядом с моей матушкой, – кивнул Джейс. – Потому как она покончила с собой. Душегубам, самоубийцам и чудищам отводят могилы на перекрестках дорог, я правильно понимаю?

Он говорил до противности фальшивым голосом, которым, как знала Клэри, всегда прикрывал душевную боль или гнев; ее потянуло обняться, приласкать, но в кабинете было полно народу.

– Не во всех случаях, – мягким тоном возразил брат Захария. – Один из юных Лонгфордов принимал участие в сражении за Цитадель. Ему пришлось умертвить собственного *парабата*, который превратился в Помраченного по милости Себастьяна. После этого повернул меч против самого себя. Перерезал вены на запястьях. Вот его положат на погребальный костер вместе со всеми остальными погибшими, и ни в каких посмертных почестях ему не будет отказано.

Клэри припомнила молодого человека, которого видела в ту злосчастную ночь под Цитаделью. Он стоял над трупом Темного охотника в алой униформе и рыдал, не обращая внимания на явившуюся вокруг битву. Может, следовало остановиться, поговорить с ним? а вдруг помогло бы?... кабы знать заранее...

Джейс сидел с таким видом, будто его вот-вот стошнит.

– Теперь ясно, почему вы просто обязаны послать меня по душу Себастьяна? – спросил юноша. – Это больше не может продолжаться. Битвы, смерти, драки с его подручными... Он еще что-нибудь придумает, нечто похуже. Это ему свойственно. Уж лучше погибнуть, чем стать Помраченным.

– Джейс, – резко сказала Клэри, но он лишь подарил ей взгляд, наполовину полный мольбы, а наполовину отчаяния. Взгляд, который просил верить его решению. Он подался вперед, положив ладони на краешек столешницы.

– Отправьте меня к нему, – настойчиво промолвил Джейс. – И я постараюсь его убить. У меня есть Небесный огонь. Это наш лучший шанс.

– Да дело даже не в том, посылать тебя или нет, – вздохнула Мариза. – Мы попросту не в состоянии это проделать, мы же не знаем, где он находится. Вопрос ставится по-другому: позволим ли мы ему тебя забрать.

– Вот и давайте позволяйте.

– Категорически нет. – Брат Захария выглядел мрачно, и Клэри вспомнила слова, которые он как-то раз ей адресовал: «Если доведется выбирать между спасением последнего носителя крови Эрондейлов и лояльностью к Конклаву, я выберу первое как куда более важное». – Джейс Эрондейл, – сказал он. – Совет волен решить, повиноваться Себастьяну или, напротив, бросить ему вызов, но в любом случае никто не будет тебя выдавать. По меньшей мере, на заявленных Себастьяном условиях. Его надо застать врасплох, в противном случае мы сами подарим ему то единственное оружие, которого он страшится.

– У вас есть конкретные предложения? – заинтересовалась Джия. – Например, как его выманить? Поручить Джейсу и Клэри расставить для него капкан?

– На живца, что ли? С ума сошли? – запротестовала Изабель.

– А нельзя ли его как-то... ммм... разлучить со своим войском? – предложила Мариза.

– Себастьяна не пересебастьянить, – устало буркнула Клэри. – На него не действуют ни отговорки, ни логические доводы. На свете есть только он и его хотения, и любой, кто встанет между ним и его аппетитами, будет раздавлен.

Джия подалась вперед:

– А если внушить ему мысль, что он вожделеет чего-то другого? Нет ли у нас какого-нибудь козыря на размен?

– Нет... – прошептала Клэри. – Нет у нас ничего. Себастьян... он... – Но как объяснить, кем – или чем – является ее брат? Как передать ощущения, когда ты смотришь напрямик в темную сердцевину черной дыры? «Представь, что ты последний из Сумеречных охотников на земле; представь, что вся твоя семья погибла, все друзья мертвы; не осталось ни единой души, которая знала бы, кто ты такой. Вообрази себя стоящим на этой планете через миллиард лет после того, как взорвалось Солнце и выжгло малейшие признаки жизни. Ты бы изошел слезами, мечтая хоть об одном живом существе, которое стояло бы рядом с твоим плечом. Но не будет ничего, кроме рек огня и пепла. Представь, каким будет это одиночество, а затем представь, что есть лишь один способ не дать ему реализоваться. И наконец представь, на что ты будешь готов пойти, чтобы этого не случилось». – Нет. Он не передумает. Никогда.

Все загудели. Хлопком ладоней Джия потребовала тишины.

– Хватит, – заявила она. – Мы уже ходим по кругу. Пора Совету заняться обсуждением этой ситуации.

– Если позволите... – Глаза брата Захарии задумчиво обшарили кабинет и наконец остановились на Консуле. – Вот-вот должна начаться траурная церемония по погибшим в битве за Цитадель. Вас, Консул, вместе с Инквизитором ждут там. Учитывая текущую напряженную обстановку, предлагаю оставить Клэри с Джейсом в доме Роберта, а заседание Совета провести по окончании похорон.

– Да, но у нас есть все права принять участие в заседании! – возмутилась Клэри. – Как-никак, обсуждать будут нас.

– Вот вас и пригласят, когда понадобится, – сказала Джия, отказываясь смотреть в лицо как Джейсу, так и Клэри, и вместо этого обращаясь, по сути дела, ко всем остальным. – Вплоть до этого момента отдыхайте, вам еще понадобятся все силы. Ночь впереди долгая.

Тела павших воинов горели на погребальных кострах, которые ровными рядами тянулись вдоль тракта, ведущего к Броселиндскому лесу. В белесом от облаков небе уже спускалось солнце, и оранжевые языки пламени рвались соперничать с ним. Как ни странно, от этой картины захватывало дух, хотя Джия Пенхоллоу сомневалась, что прямо сейчас скорбящим есть дело до красот.

В голове отчего-то вертелись строчки из полузабытой детской считалочки:

*Черный цвет: охота в ночь,
Если ты, дружок, не прочь.
Траур красим белой краской,
Красный цвет – ходи с опаской:
Заклинанья впереди,
В оба глаза ты гляди.
А для свадьбы цвет золотой;
Возвращенье? голубой!
При рожденьи нефилима
Его имя будет зримо:
Апельсиновым огнем
Запылают буквы в нем.
Серый тон для вещей снов,
Костяной для мудрых слов.
У победы цвет «шафран»,
Травяной? Сердечных ран.
Серебром сияют башни,
Ну а ведьмы – бронзой!
Страшно?!*

Брат Енох в рясе костяного цвета один за другим обходил костры, возле которых возносили коленопреклоненные молитвы. В пламя бросали бледные цветы, которые росли в Идрисе даже в зимнюю пору.

– Консул? – негромко прозвучал чей-то голос у плеча Джии. Она обернулась и увидела брата Захарию, вернее, юношу, который совсем недавно им был. – Брат Енох сказал, что вы меня разыскивали?

– Брат Захария, – начала было она и сделала секундную паузу. – Может быть, вы предпочитаете другое имя? Например, то, которое носили, прежде чем стать членом Братства?

– Нет-нет, Захария вполне годится. Я еще не готов вернуться к своему бывшему имени.

– До меня дошли слухи... – промолвила она и вновь умолкла, испытывая известную неловкость. – В общем, поговаривают, что в свое время вы принимали близкое участие в судьбе одной из колдуний Спирального лабиринта, а именно Терезы Грей. Для того, кто столь долго входил в Братство, это весьма необычно.

– В ней заключалось все, что осталось у меня от прошлой жизни. В ней и в Магнусе. Очень жаль, что я не успел с ним побеседовать до того, как...

– Вы хотели бы отправиться в Спиральный лабиринт? – прервала она.

Во взгляде Захарии мелькнуло удивление. *Сейчас он выглядит не старше моей дочери*, подумала Джия, *хотя глаза и юные и старые одновременно*.

– Вы освобождаете меня от обязанностей по отношению к Аликанте? Но разве вам не нужны воины?

– Вы честно прослужили нам почти полтора века. Мы не вправе требовать от вас большего.

Он перевел взгляд на погребальные костры, на дымные клубы, коптившие небо.

– Что конкретно известно Спиральному лабиринту о том, что происходит? Они знают о похищении представителей?

– Они ведь, по сути дела, ученые, – ответила Джия, – не политики и не солдаты. Но, конечно, им не безразличны наши беды. Они думают о возможных путях спасения Помраченных, о том, как повысить мощностъ оберегов.

– А про битву у Цитадели что они знают? – Захария держал руки в карманах и не сводил взгляда с костров, в морозном воздухе расплывалось облачко его дыхания. – И это похищение... Ведь Магнус колдун.

Джия промолчала.

– Нет, – сказал Захария, – в Лабиринт я не стремлюсь. Мое место в Идрисе.

– Но разве вам не хочется повидаться с Терезой?

– Еще как хочется. Больше всего на свете, – вздохнул Захария. – Однако если она *доподлинно* узнает о происходящем здесь, ее саму потянет бросить все, чтобы сражаться с нами плечом к плечу. И вот это-то мне не нравится. – Он покачал головой. – Знаете, сейчас мне кажется, что я словно проснулся, перестав быть Безмолвным братом, и вот почему способен на такие суждения. Может, это эгоизм, но, с другой стороны, я убежден, что магам Спирального лабиринта пока что ничто не угрожает. Сейчас Тесса в безопасности. Если я к ней приду, то тоже буду в безопасности, но при этом получится, что я как бы прячусь. К тому же я не маг и ничем не смогу быть полезен Лабиринту. Зато здесь...

– Но вы могли бы туда просто наведаться, а затем вернуться. Конечно, это не так просто организовать, однако при известном старании...

– Нет, – отказался он. – Поймите, я просто не смогу смотреть Тессе в глаза и при этом знать, что скрываю от нее подробности того, что творится здесь. Мало того, ведь я приду к ней как смертный, как Сумеречный охотник, и если не расскажу о тех чувствах, которые... которые питал к ней, даже будучи... – Захария безнадежно махнул рукой. – В общем, мои чувства к Тессе никогда не менялись. И вот я ей это скажу, а потом добавлю, мол, ты извини, но мне надо вернуться обратно. В то место, где, может статься, погибну. Нет, пусть уж лучше она думает, что потеряла меня навсегда.

– Похоже, вы сами себя в этом убедили, – заметила Джия, следя за выражением его лица, за борьбой между надеждой и тоской, которые были видны невооруженным глазом. Затем перевела взгляд на Роберта и Маризу, которые стояли поодаль друг от друга, по щиколотку уйдя в снег. В полусотне метров от них она заметила собственную дочь; Алина прижималась лбом к белокурым кудряшкам Хелен. – Мы – нефилимы, и мы сознательно бросаем вызов опасностям, каждый день, каждый час, – сказала она. – Да, порой мы безрассудно расточительны в сердечных чувствах, а иногда слишком легко готовы расстаться с собственными жизнями – чтобы отдать их другим! до последней крохи! Ведь как иначе мы сможем существовать?

– Как вы думаете, она меня забыла? – спросил вдруг Захария. – Все-таки столько лет прошло...

Джия снова промолчала. В конце концов, что правда, то правда.

– Вполне закономерный вопрос, – пожал он плечами. – Боюсь, именно так и есть. Что ж, до

тех пор, пока она жива и счастлива в этом мире, я тоже постараюсь отыскать себе способ стать счастливым, пусть и не рядом с ней... А где тело Лонгфорда? – спросил он. – Помните, того юноши, который убил своего *парабата*?

– Вон там, – показала Джия. – А что?

– Не могу вообразить себе худшей участи. Я бы, к примеру, не нашел в себе столько сил. Пойду отдам дань уважения тому, кто оказался мужественней меня, – промолвил Захария и побрел по заснеженному полю к кострам.

– Траурная церемония окончена, – сообщила Изабель. – Во всяком случае, дым больше не идет.

Девушка сидела на подоконнике своей комнаты в особняке Инквизитора. Тесновато, стены побелены, простенькие занавески в цветочек. С другой стороны, не так-то легко в одночасье воспроизвести обстановку нью-йоркской квартирки Изабель со всеми ее пудреницами и яркими безделушками.

– Я тут на досуге полистала *Кодекс*... – Клэри кончила возиться с последней пуговицей синего кардигана. Ну наконец-то: уже не было сил оставаться в том вечном свитере, который она носила целый день, мало того, даже спала в нем, да еще к нему прикасался Себастьян. – И вот что подумала. *Примитивные* постоянно убивают друг дружку. Устраивают войны, геноцид, много чего еще, но впервые в истории Сумеречным охотникам приходится уничтожать других Сумеречных охотников. Когда мы с Джейсом пытались уговорить Роберта пропустить нас в Цитадель, я не понимала, отчего он упрямится. Зато сейчас вроде разобралась. Такое впечатление, он не мог поверить, что одни нефилимы вдруг взялись угрожать другим. И это после всех наших докладов про Беррен!

Изабель коротко хмыкнула.

– Ты к нему слишком снисходительна. – Она подтянула колени к груди и обняла их руками. – Знаешь, однажды твоя мать сводила меня в Адамантовую цитадель. Та к вот, они там сказали, что из меня выйдет неплохая Железная сестра.

– Я их видела в битве, – кивнула Клэри. – Железных сестер, я имею в виду. Глаз не отвести. Великолепные и пугающие. Все равно что смотреть на лесной пожар.

– Да, но они не выходят замуж. И вообще, им ничего такого не разрешено. Живут, правда, вечно, но... разве это жизнь, скажи?

Изабель положила подбородок на колени.

– Жизнь бывает разная, – возразила Клэри. – Взять хотя бы брата Захарию...

Изабель встрепенулась:

– Я подслушала, как мои родители его обсуждали. Та к вот, они в один голос утверждают, что произошедшее с ним – ни много ни мало, чистой воды чудо. Я в жизни не слыхала, чтобы кто-то вернулся, побывав в шкуре Безмолвного брата. Говорят, они все-таки умирают, но вот чтобы обернуть заклинание вспять...

– Последнее время много чего творится, о чем раньше и подумать не могли, – вздохнула Клэри, причесываясь пятерней.

Страсть как хотелось в душ, но девушка боялась остаться одной. Вернее сказать, наедине с мыслями о матери, о Люке, о том, что она, может быть, потеряла их навсегда. Все равно что оказаться в океане: вода со всех сторон, и пустое небо над головой. Одна-одинешенька; вот уж действительно, без руля и без ветрил...

Рассеянно, чисто механически она принялась разделять пряди, чтобы заплести косы. Секундой позже за ее плечом в зеркале отразилась Изабель.

– Нет уж, подруга, давай-ка лучше я, – проворчала она, уже вовсю орудуя ловкими,

многоопытными пальцами.

Клэри опустила веки и позволила себе на минутку утонуть в сладком щекотании чужой заботы. Когда она была маленькой, мама каждое утро заплетала ей косички, потом приходил Саймон, и они шли в школу. Ему еще нравилось устраивать что-то вроде игры: тайком развяжет бантик, пока она увлечена рисованием, спрячет ленточку – в карман или в ранец – и бурно радуется, когда она, наконец заметив пропажу, принималась швырять в него карандашами...

Трудно поверить, до чего обыденной и незамысловатой была когда-то ее жизнь...

– Эй? – Изабель коснулась ее плеча. – Ты чего?

– Да нет, все нормально, – вскинула глаза девушка. – Не обращай внимания.

– Клэри...

Изабель начала осторожно разгибать ей пальцы. Ладонь мокрая... Оказывается, она настолько сильно сжала заколку, что та до крови впилась ей в кожу.

– Надо же, я и не заметила... – ошеломленно прошептала Клэри.

– Так, дай-ка сюда, – отняла заколку Изабель. – Ничего нормального я не вижу.

– Да нет же, – возразила девушка. – Я просто обязана быть в порядке, иначе нельзя. Иначе развалюсь. Я должна быть сильной. Ради мамы. Ради Люка.

Изабель буркнула что невнятное. Ее стилус уже вычерчивал узоры на тыльной стороне кисти подружки, и кровь почти остановилась. Как ни странно, боли по-прежнему не было. Зато по краям поля зрения маячила тьма, готовая навалиться и захлестнуть в любой миг, стоит только всерьез задуматься о родителях. Клэри словно тонула, отчаянно цепляясь за краешки сознания.

Изабель вдруг взвизгнула и кошкой отпрыгнула в сторону.

– Ну а сейчас-то что? – нахмурилась Клэри.

– Лицо! Я только что видела чью-то жуткую морду за стеклом!

Клэри выхватила меч из-за поясного ремня и подкралась к окну. За ней – Изабель, распуская кольца кнута. Длинная плетвь вдруг вылетела из ее руки, обвилась вокруг щеколды, и девушка рывком распахнула створку. Раздалось звонкое «Ой!», и нечто бесформенное шлепнулось на ковер.

Медленно скручивая плетвь кнута и не пряча своего изумления, Изабель не сводила глаз с таинственного «предмета», у которого, оказывается, были локти и коленки. Выпутавшись из черного плаща, перед ними предстала крошечная, но весьма недовольная рожица в обрамлении белокурых волос, выбившихся из небрежно заплетенных косичек.

– Эмма? – охнула Клэри.

По ночам юго-западная оконечность Лонгмидоу была безлюдна. Половинный серп луны тускло сиял над далекими контурами зданий по ту сторону Проспект-парка, едва захватывая голые ветви деревьев и тот участок, который стая расчистила на сухой до хруста зимней траве.

Этот пяточок, чей поперечник не превышал двадцати футов, был окружен выстроившимися оборотнями: весь наличный состав нью-йоркской стаи, три, максимум четыре десятка волкодлаков, как юных, так и повидавших жизнь.

Лейла, чьи темные волосы, были собраны на затылке в «конский хвост», вышла в центр и хлопнула в ладоши, требуя тишины.

– Члены стаи! – повела она речь. – Одному из нас был брошен вызов. Руфус Гастингс вызвал на поединок Бартоломео Веласкеса в споре за место лидера. – Толпа зашевелилась, раздался гул; Лейла повысила голос: – Точнее говоря, речь идет о должности исполняющего обязанности вожака на время отсутствия Люка Гэрроуэя. На данный момент вопрос о полной замене руководства не рассматривается. – Девушка сложила руки за спиной. – Бартоломео и Руфус, на середину.

Бэт шагнул в круг, секундой спустя его примеру последовал Руфус. Оба были одеты не по сезону: джинсы, футболки и кроссовки. Руки голые, несмотря на холод.

– Напоминаю правила поединка, – продолжала Лейла. – Волк должен сражаться с волком без какого-либо оружия, не считая когтей и клыков. Поскольку речь идет о праве занимать место лидера, бой ведется насмерть, а не просто до первой крови. Тому, кто сегодня выживет, остальные члены стаи обязаны присягнуть в верности. Всем все понятно?

Бэт кивнул. Он выглядел напряженным, лицо окаменело; Руфус же ухмылялся чуть ли не до ушей, уткнув руки в боки. Последние слова Лейлы он встретил пренебрежительным помахиванием:

– Цыпочка, не тяни. И так все ясно.

Девушка поджала губы в тонкую нитку.

– В таком случае можете начинать, – кивнула она и, ныряя в толпу, бросила Бэту: «Удачи!», причем не так уж и тихо.

Похоже, Руфуса это не задело. Он вовсе не утратил веселости, а в тот миг, когда Лейла очутилась за границей пятачка, прыгнул на противника.

Бэт ушел с линии атаки разворотом корпуса; Руфус был здоровенным и тяжелым, Бэт уступал ему и в весе, и в росте, но выигрывал в подвижности. Пропустив мимо груди когти врага, он контратаковал апперкотом, от которого Руфус задрал подбородок в небо. Бэт тут же принялся развивать успех, осыпая противника градом ударов, вынуждая его отступить. Подволакивая ноги, Руфус издал глухой рык, идущий из глубины глотки.

Он держал руки опущенными, но сжатыми в кулаки. Бэт вновь провел удар, но на сей раз угодил в плечо, так как Руфус успел развернуться, хлестнув по юноше тыльной стороной ладони. Впрочем, его когти были уже полностью выпущены и поблескивали в лунном свете. Было отчетливо видно, что он их чем-то специально заострил. Настоящие бритвы, которые полоснули по груди Бэта, рассекая ткань – и не только матерчатую. Во все стороны брызнуло алым.

– Первая кровь, – констатировала Лейла, и волкодлаки принялись отбивать левой ногой ритм, медленно, но жестко, так что земля отозвалась гулом.

Руфус вновь ухмыльнулся и двинулся на Бэта. Тот провел удар, угодил в цель, да еще и в подбородок, залив рот Руфуса кровью. Тот отвернулся, сплюнул красный сгусток в траву – и опять взялся за свое. Бэт держался; сейчас и его когти были выпущены, глаза налились тусклой желтизной. Прорывав, он нанес удар ногой, Руфус же успел ее перехватить и, вывернув ступню, повалил Бэта на землю. Не давая тому опомниться, прыгнул сверху, но юноша откатился в сторону, и его враг приземлился на четвереньки.

Бэт торопливо вскочил, однако становилось ясно, что рана оказалась серьезной. Кровь пропитала не только футболку на груди, но и пояс джинсов, всю стекала по рукам. Он рассек воздух когтями, Руфус развернулся, принимая удар плечом, на котором остались четыре неглубоких пореза. Вновь зарывав, он поймал руку Бэта и вывернул. Хруст ломающихся костей прозвучал до боли громко; Бэт ахнул и отшатнулся.

Новый прыжок Руфуса. Его вес припечатал Бэта к земле, затылок парня приложился о торчащий корень. Тело обмякло.

Волкодлаки продолжали топтать, и хотя кое-кто не сдерживал слез, ни один из них не бросился на выручку. А Руфус тем временем уселся верхом, одной лапой вжал Бэта в землю, другую вскинул в воздух; блеснули когти...

– Стоп! – прокатился по парку голос Майи. Все изумленно обернулись. Все, кроме Руфуса; тот просто ухмыльнулся.

– А! – понимающе кивнул он. – К нам детсад на экскурсию.

Майя не двинулась с места. Незаметно для всех она протиснулась с тыла и сейчас уже

стояла в центре круга. На ней были вельветовые брюки, куртка из джинсовки, волосы гладко зачесаны назад и забраны в тугий пучок. Лицо суровое, глаза как пуговицы, взгляд немигающий.

– Вызываю, – заявила она. – Козла вот этого вызываю на бой.

– Майя! – ужаснулась Лейла. – Ты же знаешь: «С Волком из стаи своей дерись в сторонке. А то пойдет: ввяжется третий – и те, и эти, – и начался разброд»^[12]. Нельзя прерывать бой!

– Руфус вот-вот его убьет, – тусклым голосом сообщила Майя. – Думаешь, есть смысл ждать? Ладно, подожду. Раз уж он так боится принять мой вызов, пока Бэт еще дышит...

Здоровяк слетел с юноши с диким ревом, нависнув над Майей, и Лейла панически крикнула:

– Беги! беги! после первой крови его уже не остановить!

Руфус сделал выпад и когтями зацепил куртку; Майя перекатом ушла в сторону, извернувшись и очутилась на коленях, выставив когти. Сердце отчаянно колотилось о ребра, посылая по жилам волну за волной льдисто-горячей крови. На плече саднил свежий порез. *Первая кровь.*

Волкодлаки вновь взялись топтать, хотя на этот раз отнюдь не молча. Тут и там раздавалось глухое ворчание, кое-кто уже не сдерживал возмущенных восклицаний. Майя, как могла, старалась этого не замечать, заблокировать в сознании.

Руфус вновь атаковал, напоминая зловещую тень, оконтуренную лунным светом, и в этот миг девушка увидела в нем не только охочего до власти байкера, но и Себастьяна, который совсем недавно маячил перед ней на пляже: холодный принц, вырезанный из льда и крови.

Кстати, твой дружок подох...

Ее ладонь, упиравшаяся в землю, стиснулась в кулак. Когда Руфус метнулся в ее сторону всей своей могучей тушей, Майя шагнула навстречу и пяткой ударила в подъем его стопы; она сама почувствовала, как хрупнули мелкие косточки, и в ту же секунду, не давая опомниться, вонзила когти ему в глаза.

Страшный вопль вырвался из мужской глотки, переходя в клочкотание. Он отшатнулся, затем навзничь повалился в траву, отчего дрогнула земля, как при падении кряжистого дуба.

Майя бросила взгляд на свою руку. Вымазана кровью и какой-то сероватой массой, надо полагать, мозговым веществом. На пальцах липкие комки стекловидного тела.

Она рухнула на колени, и ее тут же вытошнило. Когти уже заползали обратно; девушка принялась вытирать руки о траву, вновь и вновь, после каждого позыва неудержимой рвоты, пока желудок не запросил пощады. Кто-то хлопнул ее по спине, она вскинула взгляд и увидела, что над ней склонилась Лейла.

– Майя, – сказала та, но ее голос потонул в гуле стаи, уже скандировавшей имя нового вожака:

– Майя, Майя, Майя!

Лейла не сводила с нее озабоченных, потемневших глаз. Майя поднялась на ноги, обтирая рот рукавом куртки, и поспешила к Бэту. Встала возле него на колени, коснулась щеки:

– Бэт?

Он поднял веки с видимым усилием. Рот хоть и перемазан кровью, но дыхание ровное. Девушка предположила, что в нем уже вовсю запустился процесс заживления полученных от Руфуса ран.

– Я и не знал, что ты нечестно дерешься, – болезненно улыбаясь, прошептал он.

Майе вспомнились Себастьян, его жемчужная улыбка и трупы на пляже. В памяти всплыли слова Лили. Она подумала про Охотников, защищенных метками, про хрупкость Соглашений... «Потому что идет нечестная война», – мелькнуло у нее в голове, но вслух она сказала нечто совсем иное.

– А я и не знала, что на самом деле тебя зовут Бартоломео, – в тон ему ответила девушка,

беря его окровавленную руку в свою ладонь. Вокруг них стоя до сих пор скандировала:

– Майя, Майя, Майя!

Бэт закрыл глаза.

– У каждого есть по скелету в чулане.

– Что-то я не вижу разницы, – заметил Джейс, сидя возле окна в их с Алеком мансардной комнате. – По мне, здесь самая настоящая темница.

– Уж не оттого ли, что вокруг дома понаставили стражу? – поинтересовался Саймон. – Или на эту мысль тебя навело что-то другое?

Джейс подарил ему раздраженный взгляд.

– Хотелось бы знать, отчего это *примитивы* вечно страдают от неодолимого зуда ляпнуть очевидное, – сказал он и в который раз выглянул в окно.

Может, Саймон немножко и преувеличил, но в том-то и дело, что лишь немножко. Некие темные силуэты, торчавшие во всех стратегических точках по периметру особняка Инквизитора, могли кому-то показаться безобидными, но только не натренированному взгляду Джейса.

– Я не *примитив*, – обиделся Саймон. – А вот мне хотелось бы знать, отчего нефилимы страдают от неодолимого зуда свернуть шею и себе, и всем, кто им дорог.

– Да хватит уже, уши вянут. – Алек стоял, подпирая стену спиной, в классической позе мыслителя: подбородок в ладони, плечи вперед, между бровями складка. – Охрана вовсе не по нашу душу, а наоборот, в целях безопасности. Научитесь наконец смотреть дальше собственного носа.

– Алек, последние семь лет ты меня знаешь как облупленного, – сказал Джейс. – Я хоть когда-нибудь смотрел себе на нос? От этого же косоглазие развивается!

Его *парабат* хмуро, но усмехнулся.

– А! я понял. Это ты до сих пор дуешься из-за сломанного мобильного, – не унимался Джейс. – А вот и зря. Ты же только что сломал мне запястье, вот и будем считать, что мы квиты.

– Да какое там «сломал»? – возмутился Алек. – Так, легкое растяженье. Тоже мне, фельдшер нашелся. Рентгеном он просветил.

– Теперь у меня уши вянут, – ехидно заметил Саймон.

– А ты бы вообще молчал! – набросился на него Алек. – Это ж надо: я, понимаешь, спокойно вхожу отдохнуть к себе в комнату, а там... Ба-а! этот тип поверх моей сестры, так и елозит, стервец!

– Да ты что?! – Джейс выпрямился в кресле. – Ну-ка, ну-ка, с этого момента поподробнее.

– О-о-о... – простонал Саймон, роняя лицо в подставленные ладони.

– Смотри-ка, зарумянился! – восторженно объявил Джейс, показывая на него пальцем. – Даром что вампир. А вампиры, как известно, вообще не умеют краснеть. Стало быть, натворили вы делов, да-а... Может даже, з-з-зонтики пошли в ход?! Ну вы даете!

– Это те шпучки, которые втыкают в коктейли? – подхватил Алек.

– А вот это уже неважно... – начал было Джейс и осекся, потому что в комнату вошли Клэри и Изабель, ведя за руку девочку-подростка.

После секундного замешательства Джейс вспомнил: это же Эмма, та самая, за которой побежала Клэри, чтобы утешить ее после заседания. Девчушка тогда еще смотрела на него, не скрывая благоговения, словно видела перед собой легендарного героя. Нет, он не то чтобы возражал против такой славы, но все же появление ребенка в разгар душевной мужской беседы – это, знаете ли... Кхм.

– Клэри, – вкрадчиво поинтересовался он. – Ты ее украла? Ты все-таки похитила Эмму Карстейрз, признавайся?

Девушка опешила:

– Н-нет... Она сама пришла...

– Через окно! – гордо объявила Эмма. – Как Карлсон!

Алек открыл было рот, но Клэри вскинула руку, другая рука лежала на плече Эммы.

– Вы не могли бы все хором любезно помолчать? – предложила Клэри. – Да, здесь ей как бы не место, но она пришла не просто так, а с кое-какими сведениями.

– С разведдонесением! – поправила девочка тонким, но твердым голосом.

Вообще-то, если присмотреться, она была лишь на голову пониже Клэри, но и то правда, что Клэри вполне себе миниатюрна. Не исключено, со временем Эмма изрядно прибавит в росте. Джейс задумался, силясь припомнить ее отца, Джона Карстейрза. Он совершенно точно видел его на Конклавах... Да-да-да, все верно. Высокий, светловолосый мужчина. Секунду... Или все же темноволосый? Блэкторнов он отлично помнил, но вот Карстейрзы как-то выпали...

Он спохватился. Клэри буравила его пристальным взглядом, в котором отчетливо читалось: «Повежливей и помягче!» Джейс пожевал губами. Он никогда не задумывался, нравятся ли ему дети, хотя любил играть с Максом. Для своего юного возраста тот был на удивление смышлен в стратегии, и Джейс с удовольствием придумывал для него головоломки. Факт, что Макс боготворил землю, по которой ступали ноги старшего брата, тоже не мешал.

А еще он однажды подарил ему деревянного солдатика... Джейс зажмурился от укола в сердце. Когда он вновь распахнул веки, оказалось, что перед ним стоит Эмма. Сейчас она смотрела не так, как в той комнате, где он нашел ее в компании Клэри. Тогда в ее взгляде читалось: «*Это же сам Джейс Лайтвуд!*», а сейчас проглядывала тревога. Мало того, вся ее поза свидетельствовала о неумелой попытке изобразить уверенность, за которой прятался настоящий испуг. А ведь верно, она потеряла обоих родителей, всего-то минуло несколько дней. Ему вспомнилось, как семь лет назад он сам предстал перед Лайтвудами, когда в сердце свербела мысль, что отец погиб, а в ушах звенело от слова «сирота».

– Эмма, – промолвил он со всей мягкостью, на какую был способен. – Каким образом ты добралась до окна?

– По крышам. – Девочка показала пальцем за стекло. – Ничего особенного. Мансардные окна почти всегда ведут в спальни, вот я и залезла в первое попавшееся. А оказалось, что там Клэри... – Она пожала худенькими плечами, словно и впрямь ничуть не рисковала здоровьем, и даже жизнью.

– Вообще-то, это была моя комната, – сварливо дополнила Изабель, которая до сих пор разглядывала девочку так, словно та была экспонатом, сбежавшим из кунсткамеры. Девушка присела на сундучок, что стоял возле кровати Алека, и вытянула напоказ свои длинные ноги. – Клэри живет у Люка.

Эмма застенчиво заморгала:

– Я не знаю, где это. А потом, я слышала, что вы все собираетесь тут. Вот и пришла.

Алек смотрел на нее, как старший брат; в глазах читались любовь и тревога.

– Ты это... ты, главное, нас не бойся... – начал он.

– С какой стати я должна вас бояться? – насмешливо бросила Эмма. – Наоборот, я пришла вам помочь.

У Джейса задержались уголки рта.

– Так-так. Ну наконец-то мы спасены.

– Да! Потому что я его узнала! – выпалила девочка. – Который напал на Консула! Он во время атаки на Институт был вместе с Себастьяном. – Она помолчала. – А почему он сказал, что мы будем гореть в этом... как его... Эдоме?

– Другое название ада, – пояснил Алек. – Его еще называют Бездной, хотя я не уверен, что

это одно и то же. Да ты не волнуйся, может, такого места вообще нет...

– Алек! – бросила укоризненный взгляд Клэри. – Ничего она не волнуется. Ты лучше послушай, что она хочет сказать.

– В том-то и дело, что есть такое место, – продолжила девочка. – Я сама слышала, как они его упомянули. Один говорит, а давайте отправим Марка на Эдомские вершины и там принесем в жертву. А еще, когда мы прыгали через Портал, нам кричали в спину, дескать, гореть вам всем в Эдоме... – У нее дрогнул голос. – Вот почему я знаю, что такое место есть. Во всяком случае, сами они в этом уверены.

– Эдом, Эдом... – повторила Клэри. – Что-то такое припоминаю... Вроде бы Валентин именовал Лилит «эдомская леди» или что-то в этом духе.

Алек с Джейсом переглянулись, после чего Алек, понимающе кивнув, выскользнул из комнаты. Джейс позволил себе слегка расслабить плечи; а все-таки хорошо иметь *парабатая*, который даже в невообразимой суматохе будет точно знать, что ты думаешь, которому ничего не надо разжевывать.

– Ты еще кому-то об этом рассказывала?

Эмма помедлила, затем отрицательно помотала головой.

– А почему? – спросил тут Саймон, который до сих пор не вымолвил ни слова. Девочка уставилась на него, помаргивая; ей всего-то лет двенадцать, подумал Джейс, должно быть, почти не встречала нежить. – Почему ты не сказала об этом Конклаву?

– Потому что я им не верю, – пискнула Эмма. – А вот вам верю.

Клэри сглотнула комок в горле:

– Эмма...

– Когда мы сюда попали, этот ваш Конклав только и делал, что нас допрашивал, в особенности Джулса. Они даже заставили брать в руки Меч смерти, чтобы проверить, не врем ли мы. Больно очень, а им все равно. Даже Та я с Ливви заставили. Дрю! они даже Дрю допрашивали с этим мечом! – Голос Эммы звенел от возмущения. – Наверное, и Тэйви бы не пожалели, да только он еще разговаривать не умеет. А вы хоть знаете, до чего это больно?! Знаете?

– Я знаю, – тихо сказала Клэри.

– Нас поселили у Джии с ее мужем, – горячилась девочка. – Из-за Хелен с Алиной, а еще потому, что Конклав не хочет спускать с нас глаз. Раз мы всякое такое повидали. Они когда вернулись с похорон, я сидела внизу, вот и услышала, чего они там обсуждают. Ну и... спряталась. А их целая толпа заявила, не только Джия с Патриком, но и всякие там главы Институтов. И они обсуждали, чего делать, что должен предпринять Конклав, есть ли смысл отдавать Клэри с Джейсом. Можно подумать, это их право... Тоже мне, распоряжаются как хотят... Там даже такие нашлись, заявляют: «А-а, какая разница, хотят они к Себастьяну или нет. Отправим, и дело с концом!»

Саймон вскочил на ноги:

– Да что же это такое?! Ведь Джейс и Клэри сами согласились! Можно сказать, умоляли отпустить!

– А мы тоже их умоляли, говорили, что не врем, что рассказываем только правду. – Эмма нетерпеливо смахнула спутанные волосы с лица. Карие глаза девочки были сейчас громадными; в зрачках плясали золотые и янтарные искры. – Что не надо применять к нам Меч смерти, мы и так выложим все без утайки. А они как не слышат... Джулса заставили держать его так долго, что я потом сама видела волдыри от ожогов. – У нее дрогнул голос. – Вот я и решила, что вы должны знать, что творится, чего они затеяли. Они-то ведь почему не хотят вам об этом говорить? Потому что Клэри умеет рисовать Порталы. Боятся, что вы улизнете, и тогда они

останутся у разбитого корыта, не о чем будет торговаться со Себастьяном.

Дверь отворилась, и в комнате возник Алек, на сей раз с каким-то фолиантом в коричневом кожаном переплете. Названия не видно. Он встретился глазами с Джейсом, слегка кивнул, затем бросил взгляд на Эмму. У Джейса немножко подскочил пульс; Алек что-то такое раскопал. Если судить по выражению лица, нечто неприятное, но тем не менее важное.

– Тебе удалось узнать, к какому все-таки решению склоняются члены Конклава? Ну, общее настроение? – обратился Джейс к девочке, чтобы заодно отвлечь ее внимание от Алека, пока тот усаживался на кровать, пряча книгу у себя за спиной.

Эмма помотала головой:

– Да нет, они так и продолжали спорить, когда я улизнала. Через окошко на верхнем этаже. Джулс, конечно, упрашивал меня, умолял: дура ты, говорит, расшибеешься, но я-то себя знаю. Во как умею лазать, – гордо добавила она. – И вообще, он слишком много волнуется.

– Хорошо, когда есть кому волноваться, – заметил Алек. – Значит, неровно к тебе дышит. Или как минимум, настоящий, верный друг.

Любопытные глаза Эммы перескочили с Алека на Джейса и обратно.

– А ты за него волнуешься?

– Да постоянно. Хожу, ногти грызу, – едва сдерживая смех, сообщил Алек. – С Джейсом ведь как? Он и штаны-то по утрам надеть не может, чтобы не подвергнуться при этом смертельному риску. Несладкая эта работа: быть его *парабатаем*.

– Мне бы тоже *парабатая* завести, – отвела глаза девочка. – Это как бы член семьи, но только по личному желанию, а не из-за того, что так вышло. – Она вдруг запнулась, припомнив, где и зачем находится. – Короче, я не думаю, что кто-то заслуживает наказания, когда спасает других.

– И вот почему ты нам веришь? – спросила растроганная Клэри. – Ты считаешь, что мы всех спасаем?

Эмма принялась мыском сапожка вертеть дырку в ковре. Вскинула лицо.

– Я про тебя знаю, – сказала она, адресуясь Джейсу и одновременно заливаясь краской. – То есть... я хотела сказать, не только я, но и все другие. Что ты был сыном Валентина, а потом перестал им быть и превратился в Джонатана Эрондейла. А еще мне кажется, что большинству это до лампочки: они так и продолжают называть тебя Джейсом Лайтвудом, но только не мой отец. Я однажды слышала, как он сказал маме: дескать, Эрондейлы все подчистую извелись, ихнее семейство погибло, а ты остался последний, и он голосовал в Конклаве, чтобы за тобой присматривали, потому что... ну, он сказал, что Карстейрзы обязаны Эрондейлам.

– Как-как? – насторожился Алек. – С чего вдруг?

– Да не знаю я, – нетерпеливо отмахнулась Эмма. – Но потому-то я и пришла, что этого хотел бы отец. Несмотря на все опасности.

Джейс хмыкнул:

– Что-то мне подсказывает, что тебе все равно, есть опасность или нет. – Он подался вперед, чтобы глаза оказались на уровне взгляда Эммы. – Что-нибудь еще? О чем еще говорили у Консула?

Девочка развела руками:

– Ну-у, еще они все время долдонили, что не знают, где искать Себастьяна. А про Эдом они точно не знают, это я поняла сразу. Я ведь называла это слово, когда держала Меч смерти, но они пропустили мимо ушей. Решили, должно быть, что это просто другое название преисподней. Та к ни разу и не спросили, считаю ли я это место реальными. А я тоже не навязывалась.

– Что ж, спасибо тебе, что рассказала. Это нам поможет. Причем всерьез... Ладно, тебе пора возвращаться, – добавил он как можно ласковей, – не то хватятся, устроят переполох. И

кстати, с этого момента в должниках Эрондейлы, а не Карстейрзы, ясно? Ну, беги.

Он поднялся, пока Эмма, обернувшись к Клэри, молчаливо испрашивала совета. Девушка кивнула и довела до окна, возле которого раньше сидел Джейс. Она нагнулась, обняла девочку, затем потянулась к щеколде, распахивая створку. Эмма перемахнула через подоконник, с обезьяньей ловкостью подтянулась за козырек крыши, чуточку повисела, болтая голенастыми ногами в сапожках, и была такова. Над головой заскрипела черепица, а затем – тишина.

– А знаете, мне она понравилась, – после известного молчания сказала Изабель. – Смахивает на Джейса в детстве. Такая же упрямая и бесшабашная. Все ей нипочем.

– Да он и сейчас такой же, – заметила Клэри, хлопая оконной створкой, после чего присела в ближайшее кресло. – Итак, на повестку дня выносятся самый главный вопрос: будем ли мы рассказывать Джие – или любому иному члену Конклава, если на то пошло, – про этот Эдом и так далее?

– Надо прикинуть... – нахмурился Джейс. – Джия вынуждена будет подчиниться итоговому решению Конклава; она сама об этом говорила. Положим, они решат сунуть нас в клетку вплоть до прихода Себастьяна. В этом случае мы теряем любое преимущество от владения этой информацией.

– Вообще-то, еще надо разобраться, стоит ли она хоть чего-нибудь, – возразил Саймон.

– Дельная мысль, – кивнул Джейс. – Так, Алек. Ты чего раскопал?

Тот достал фолиант из-за спины. Оказалось, что это одно из старых изданий *Encyclopædia daemonica*, книга, которая стоит на полках чуть ли не каждой домашней библиотеки среди Сумеречных охотников.

– В общем, я подумал, что словом «Эдом» может называться одно из демонических царств...

– Народ уже давно повторяет, что Себастьян наверняка прячется в каком-то ином измерении, раз его никак не удастся разыскать, – заметила Изабель. – Но чтобы царство демонов... Да ведь демонов миллионы, к тому же нам, смертным, в их владения путь заказан.

– С другой стороны, кое-какие из этих царств довольно знамениты, – сказал Алек. – Они упоминаются в Библии и енохианских текстах, хотя и в замаскированном виде, в составе мифов и сказаний. Взять, к примеру, этот Эдом... – Он принялся торжественно зачитывать вслух: «... Упился меч Мой на небесах: вот, для суда нисходит он на Едом. И превратятся реки его в смолу, и прах его – в серу, и будет земля его горящею смолою: не будет гаснуть ни днем, ни ночью; вечно будет восходить дым ее; будет от рода в род оставаться опустелою; во веки веков никто не пройдет по ней...» – Алек вздохнул. – Опять же имеется легенда про Лилит и Эдом, где она правит на пару с демоном Асмодеем. Думаю, как раз об этом и говорили Помраченные, предлагая принести Марка Блэкторна в жертву Лилит.

– Лилит защищает Себастьяна, – сказала Клэри. – Если он и отсиживается в каком-нибудь демоническом царстве, то наверняка у нее.

– Знаете, вот это «во веки веков никто не пройдет по ней» звучит не очень-то обнадеживающе, – заметил Джейс. – А потом, в царства демонов и правда ходу нет. Одно дело путешествовать в нашем мире, и совсем иное...

– А ты не торопись. Есть у меня одна мыслишка... – задумчиво сказал Алек. – Слыхал я про дорожку, которую нефилимы не могут перекрыть, потому что она находится вне юрисдикции наших Законов. Древняя-предревняя, проложена задолго до Сумеречных охотников. Старая магия... – Он вздохнул. – А проходит она через Летний двор, и охраняет ее Дивный народец. Лет, поди, с добрую сотню не ступала по ней нога не фейра...

Джейс ходил по комнате как большая кошка. Остальные настороженно следили за ним глазами.

– Значит, нет туда иной дороги, я правильно понял? – в который раз спросил он. – Не получится прыгнуть через Портал?

– Говорят тебе, мы же не демоны, – пожал плечами Алек. – Для нас Порталы работают только в пределах одного и того же измерения.

– Это-то я знаю, но если Клэри, к примеру, немножечко поэкспериментирует с рунами...

– Ага, щас, – сказала Клэри и прикрыла ладонью кармашек, где держала стилус. – Не буду я подвергать никого опасности, и не просите.

Джейс продолжал мерить комнату шагами. Очень для него характерно: означает глубокое раздумье, он делает выбор. Клэри это понимала и потому не сводила с него встревоженного взгляда. Джейс тем временем сжимал и разжимал кулаки, что-то бормоча себе под нос. Наконец он остановился.

– Клэри, – сказал он. – Но в Летний двор ты точно можешь открыть Портал?

– Да, – кивнула девушка. – Это можно, я там уже была и все помню. Но что нас там ждет? Дивный народец очень косо смотрит на тех, кто появляется на их земле без приглашения. Так что мы...

– Никаких «мы». Я все сделаю сам, в одиночку.

Алек вскочил как ужаленный:

– Я так и знал, прямо чувствовал! Вот уж хрен тебе! Только через мой труп!

Джейс вздернул бровь; внешне он был очень спокоен, хотя Клэри и видела, как напряжены его плечи. Он слегка подался вперед, чуть привставая на цыпочки.

– Ты с каких пор так выражаешься? Хрен какой-то появился в речи...

– С каких пор? А с тех самых, как заварилась эта хренова каша! – Алек сердито сложил руки на груди. – Между прочим, мы, кажется, собирались обсуждать, надо ли ставить в известность Совет и Конклав?

– Это исключено, – нахмурился Джейс. – Во всяком случае, если мы хотим попасть к демонам через Летний двор. Ведь если скажем, за нами увяжется добрая половина Конклава и все там перетопчет. Фейры сочтут это вторжением без объявления войны. И понеслось...

– В то время как наша отважная пятерка сумеет их уговорить, чтобы нас пропустили? – настала очередь Изабель надламывать бровь. – Интересно знать, у кого такие таланты?

– Как у кого? У вас, девушек, – улыбнулся Джейс. – Забыла, как как-то уже толковали с Королевой? Сумели ж ее улестить. Это когда я... в общем, был с Себастьяном...

– Ага, ну конечно. Ты бы лучше вспомнил про кольца, которые она всучила. Связь-то мы с Саймоном держали, но и она подслушивала, – сказала Клэри.

– Это точно, – кивнул Саймон. – Дамочка хоть куда. На ходу подметки режет.

– А я и не предлагаю ей верить. С ней все очень просто: она все делает к личной выгоде. Нам останется лишь убедить ее, что выдать дорожную грамоту до Эдома ей только на руку.

– Ты не забывай: мы до сих пор Сумеречные охотники, – возразил Алек, – а значит, за все наши поступки или проступки придется отвечать не нашей четверке – Саймон не в счет, – а всем нефилимам.

– Значит, будем предельно вежливы и дипломатичны, – сказал Джейс. – Послушайте, да я бы с удовольствием отдал все на откуп Совету: пусть они сами договариваются с Королевой и ее

придворными. Но у нас попросту нет времени. Потому что его нет у них – я имею в виду Люка, Джослин, Магнуса и Рафаэля. Себастьян развел все пары, он ускоряет события, его подхлестывает жажда крови. Вы даже не представляете, каким он становится, когда ему попадает вожжа под хвост. Зато я знаю, я-то знаю... – Он перевел дух, на лбу выступила легкая испарина. – И вот почему я хотел бы все сделать в одиночку. Брат Захария сказал мне: ты и есть Небесный огонь. Еще одного Блистательного нам не раздобыть, еще одного Ангела не вызвать. Эта карта разыграна, больше тузов не осталось.

– Замечательно, – кивнула Клэри. – С одной поправкой: даже если ты один-единственный в своем роде, это вовсе не значит, что все должен делать тоже в одиночку.

– Она права, – подхватил Алек. – Мы все знаем, что Небесный огонь способен здорово навредить Себастьяну. С другой стороны, кто сказал, что против него не может найтись и других средств?

– Мало того, ты же не будешь утверждать, что никто, кроме тебя, не сможет сражаться с толпами Помраченных, которыми окружил себя Себастьян? – добавила Клэри. – И кстати, каким образом ты собираешься проскочить через Летний двор в одиночку? Не говоря уже о блуждании по Бездне в поисках Себастьяна?

– Сейчас нам не удастся напасть на его след, потому что он находится в другом измерении, – возразил Джейс. – А когда я сам там окажусь, то блуждать не буду. – Он выставил на всеобщее обозрение серебряный браслет. – Не впервой.

– Нам. Нам не впервой, – поправила Клэри. – Послушай, Джейс, одними поисками дело не ограничится. Дело слишком масштабное, прямо-таки неподъемное. Не просто диверсионная вылазка по уничтожению Себастьяна, но и самая настоящая поисково-спасательная операция. На кону стоят не только наши жизни. – У девушки дрогнул голос.

Джейс замер на полушаге и по очереди обвел глазами своих друзей, словно умоляя:

– Вот я и не хочу, чтобы что-то с кем-то из вас приключилось.

– Положим, мы и сами этого не хотим, – усмехнулся Саймон. – Но зато прикинь, что будет, если мы останемся тут, а что-то приключится с тобой. Себастьян хочет наложить лапы на Клэри, причем сильнее, чем на тебя. И он знает, что она здесь, в Аликанте. Что ему мешает заявиться сюда вновь, если не считать его же обещания выждать пару суток? А мы все знаем, чего стоят его гарантии. Да он может охотиться за любым из нас, в любой момент! Доказательство? Инцидент с исчезнувшими представителями. Мы, знаете ли, тут сидим как куропатки, того и гляди жажнет выстрел. Нет уж, предлагаю самим отправиться туда, где он нас не ждет.

– Да и я не собираюсь прохлаждаться в Аликанте, пока Магнусу грозит опасность, – сказал Алек на удивление взрослым голосом. – Отправиться без меня – значит попать нашу *парабатайскую* клятву, не уважить меня как Сумеречного охотника, да и закрыть глаза на тот факт, что эта война касается всех и каждого.

Джейс выглядел ошеломленным:

– Алек, да я ни за что на свете не нарушу нашу клятву! И вообще, ты один из наилучших Охотников, кого я только...

– Вот и славно, – кивнула Изабель. – Стало быть, договорились. *Мы тебе нужны*. И я, и Алек, потому что мы всегда прикрывали твой тыл. Ты не обойдешься без Клэри и ее рун, а таланты Саймона еще могут ох как пригодиться, у вампиров сила немеряная. И это не только твоя война. Если уважаешь нас как Охотников, как своих друзей – всех нас, я подчеркиваю, – тогда будь добр взять нас с собой. Просто как дважды два.

– Да я понимаю, – тихо ответил Джейс. – Я сам знаю, что вы мне нужны. – Он покосился на Клэри, и девушка вновь услышала голос Изабель: «Ты не обойдешься без Клэри и ее рун», вновь

вспомнила тот день, когда она впервые увидела Джейса – в сопровождении верных оруженосцев, Алека и Изабель, – и как она тогда еще подумала, что он, Джейс, выглядит опасным. Ей тогда и в голову не приходило, что они с ним одного поля ягода, что сама она тоже *опасна*.

– Спасибо, – промолвил Джейс и кашлянул, прочищая глотку. – Ладно. Седлаем коней, или как там... В общем, экипируемся в экспедицию по неизведанным местам: запас воды, пищи, не забыть про запасные стилусы, шерстяное одеяло... А вот тебе, – показал он на Саймона, – из консервов, пожалуй, следует взять пару бутылок с кровью. Не думаю, чтобы там подвернулось... ммм... что-то для тебя съедобное.

– Мы прям как эти... пять мушкетеров, – покрутил головой Саймон, но Клэри заметила на его лице слабую улыбку: парню было приятно, что его включили в группу без малейшего обсуждения. Наконец-то Джейс принял тот факт, что, куда бы они ни пошли, с ними всегда будет Саймон, а уж является ли он Сумеречным охотником или нет – дело десятое.

– Супер, – сказал Алек. – Ну что, встречаемся здесь же минут через десять? Клэри, точи свой стилус, будешь чертить Портал... Ах да! Джейс.

– Ну?

– А тебе поручается быстренько разработать стратегию, чего и как делать, когда мы угодим в Летний двор, к фейрам. Потому как я лично понятия на этот счет не имею.

Потусторонний вихрь, успешно подхвативший их в Портале, вызвал чуть ли не восторг, во всяком случае, изрядное облегчение. Клэри прошла последней, когда остальная четверка уже переступила порог; девушка позволила мраку смахнуть себя из текущей реальности и, влекомая могучей волной, затаила дыхание, позабыла обо всем на свете, кроме грохота, воя и чувства стремительного падения.

Как всегда, все закончилось неожиданно; Портал ослабил хватку, и она вывалилась спиной вперед на глинобитный пол какого-то загадочного тоннеля, приземлившись на свой же рюкзак. Девушка отдышалась пару секунд, затем перекатилась в сторонку и, ухватившись за свисавший с потолка корень какого-то растения, встала на ноги. Алек, Изабель, Джейс и Саймон тем временем уже отряхивались; тут Клэри сообразила, что они угодили не в пыль, а в мох. Когда глаза привыкли к полумраку, стало ясно, что люминесцирует не только земля, но и стены, покрытые этим коричневатым мхом, в котором – ни дать ни взять, электрические свечечки – росли яркие, хрупкие цветы, испещрявшие лишайники пятнышками света. С потолка свисали корни, заставляя задуматься, что же растет наверху. От главного тоннеля отходили множественные ответвления, некоторые из которых были слишком низки и узки.

Изабель брезгливым щелчком избавилась от кусочка мха в волосах и скорбно осведомилась:

– Ты куда нас завела?

– Я целилась впритык к Тронному залу, – пустилась в оправдания Клэри. – Мы же там были. А потом, они вечно устраивают перепланировку...

Джейс уже шагал по главному штреку. Даже не применяя Руну беззвучия, он не издавал и шороха, ступая по мху вкрадчиво, словно рысь. За ним потянулись остальные, в том и числе и Клэри, не снимавшая ладонь с рукояти меча. Поразительно, как быстро привыкаешь к присутствию оружия, подумала девушка; должно быть, протяни она сейчас руку, а Геспера на поясе не окажется, так ее охватит паника.

– Есть, – шепнул Джейс и знаком показал, чтобы все притихли.

Ребята находились перед аркой, чья драпировка скрывала зал по ту сторону. Последний раз, когда здесь была Клэри, занавеси были сделаны из живых бабочек, непрерывно трепетавших крылышками, от чего стоял вечный шорох.

А вот сегодня вместо бабочек оказались шипы, вроде тех, что произрастали вокруг замка

Спящей красавицы; они переплетались друг с другом, образуя сплошное колючее полотно, сквозь которое Тронный зал – сияние чего-то белого и серебряного – едва-едва просматривался, зато из соседних ответвлений доносились чьи-то веселые голоса.

Джейс был полностью собран, начеку. Он поднял нож и аккуратно, как можно тише распорол шипастую занавесь. Все вытянули шею, заглядывая в прореху.

Интерьер зала был выполнен под зимнюю сказку; зрелище, которое Клэри видела, разве что попадая на ферму Люка. Стены из молочного хрусталя, что же касается самой Королевы фей, она полулежала на столь же белой оттоманке, которую пронизывали золотые прожилки. Пол заснежен, с потолка свисают длинные сосульки, каждая из которых оплетена золотисто-серебристыми шипами. Весь зал в белых розах, даже Королева, чей шиньон не обошелся без венца из этих же цветов. Платье под стать антуражу, белое с золотом, но полупрозрачное, как льдисто-матовая корочка на луже, сквозь которую просвечивали изгибы царственного тела. Все здесь было рассчитано на эффект, и результат ослеплял.

Правительница пребывала в картинной позе, вскинув лицо, она что-то втолковывала стоящему перед ней рыцарю в темно-коричневых доспехах, напоминавших древесную кору. Один глаз рыцаря черный, другой бледно-голубой, чуть ли не белесый. На секунду Клэри почудилось, что под мышкой у него отрубленная оленья голова, однако присмотревшись, девушка поняла, что это просто шлем, хотя и с рогами.

– Итак, Гуин, как продвигаются дела с Дикой охотой? – меж тем интересовалась Королева. – Что докладывают интенданты по сбору мертвечины? Полагаю, под Цитаделью им досталась немалая пожива. Правда ли, что от воплей подыхающих нефилимов небеса едва не лопнули?

Клэри почувствовала, как рядом с ней напряглись ее друзья. Вспомнилось, как они с Джейсом в Венеции наблюдали за Дикой охотой: какофония боевых кличей и проклятий, топот копыт над головой.

– Да, госпожа, именно так, – ответил Гуин настолько хриплым голосом, что его с трудом можно было понять. – Дикая охота начинается, когда воронье на поле брани каркает, восхваляя пролитие кровь. Своих всадников мы заполучаем из числа мертвецов. Однако нам не довелось поохотиться под Адамантовой цитаделью: военные игрища нефилимов и Помраченных слишком уж неистовы. Дивный народец не любит связываться ни с демонами, ни с ангелами.

– Гуин, ты меня огорчаешь, – выпятила нижнюю губку Королева. – Настало время показать нашу силу: мы поднимаемся, растем, завоевываем себе жизненное пространство размером с весь мир. Наше место – на шахматной доске власти, причем ничуть не в меньшей степени, чем для нефилимов. Я надеялась на твой совет.

– Простите меня, госпожа, – поклонился Гуин. – Шахматы слишком утонченная игра для нас. Я не в состоянии быть здесь советником.

– Но ведь я сделала тебе роскошный подарок, – нахмурилась Королева. – Блэкторновский мальчишка. Помесь крови Охотников и фейров, такое встречается крайне редко. Он сядет в седло, и демоны начнут разбегаться в ужасе. Очень ценный подарок – как от меня, так и от Себастьяна.

Себастьян. Она произнесла это имя на удивление легко, словно речь шла о хорошем знакомом. В голосе прозвучали явные нотки привязанности, если, конечно, это слово вообще имеет смысл в случае повелительницы фейров. У Клэри над ухом тяжело дышал Джейс; остальные тоже вели себя нервно по мере того, как в сознание проникал смысл только что услышанного.

Рукоять Геспера похолодела в кулаке девушки. Дорога в демонические царства проходит через владения фейров. К тому же он бахвалился, что обзавелся союзниками...

Королева и Себастьян делают совместный подарок, да не какой-нибудь, а захваченного в

плен юношу-нефилима...

– Демоны и так уже страшатся меня, о моя прекрасноликая госпожа, – сказал Гуин и улыбнулся.

Моя прекрасноликая! Кровь в жилах Клэри превратилась в ледяной поток, поющий о мести. Бросив взгляд вниз, она обратила внимание, что Саймон накрыл ладонью руку Изабель; девушка вся побелела и выглядела так, словно ее сейчас стошнит, как, впрочем, и Алек с Джейсом. Саймон судорожно дернул кадыком; на его пальце блеснул золотой перстень, и в голове Клэри зазвучал голос Себастьяна: «Ты всерьез думаешь, что она дала бы тебе завладеть вещицей, которая позволяет общаться на расстоянии с кем хочешь, и при этом сама не стала бы подслушивать? Мы с ней уже беседовали, и я вот что скажу тебе, сестренка, надо быть редкостной душой, чтобы ей верить.

Она любит всегда быть на стороне победителей. То есть на нашей, Клэри. На нашей».

– Получается, ты мне обязан, Гуин, – тем временем продолжала Королева. – Я знаю, что Дикая охота подчиняется своим собственным законам, однако я настаиваю на твоём присутствии при следующем сражении.

Гуин насупился:

– Я не уверен, что какой-то мальчишка стóит моего обещания. Как я и говорил, мои всадники не слишком расположены лезть в дела нефилимов.

– А вам и не надо вмешиваться в битву, – медоточивым голосом возразила Королева. – Я лишь прошу о твоей помощи после ее окончания. Мертвых тел ожидается много, нефилимы наконец-то заплатят сполна за свои преступления. О да, Гуин, все обязаны платить по счетам.

Не успел рыцарь ответить, как из темного тоннеля за королевским тронном появился Мелиорн, он был в белоснежных доспехах, с длинной косицей иссиня-черных волос. Сапоги, впрочем, были вымазаны чем-то вроде смолы. Завидев Гуина, он нахмурился:

– Дикий охотник? Значит, жди беды.

– Не кипятись, Мелиорн, – сказала Королева. – Мы с Гуином всего лишь обсуждаем обмен подарками.

Белый рыцарь поклонился:

– Я прибыл с новостями, о госпожа, но предпочел бы доложить их с глазу на глаз.

Королева повернулась к Гуину:

– Итак, мы договорились?

Тот помедлил, затем все же сухо кивнул и, неодобрительно покосившись на Мелиорна, исчез в том же тоннеле, из которого вышел белый рыцарь.

Королева еще ниже съехала на своей оттоманке и сплела полупрозрачные, чуть ли не мраморные пальцы на груди.

– Что ж, Мелиорн. О чем ты хотел со мной поговорить? Что-то насчет плененной нежити?

Ага, *плененная нежить*... Алек за спиной Клэри втянул воздух сквозь зубы, и Мелиорн резко повернул голову в их сторону. Девушка увидела, как сузились его глаза.

– Если я не ошибаюсь, – промолвил он, опуская руку за мечом, – к нам пожаловали гости, о моя госпожа...

Джейс его опередил, успев прошептать «Габриэль», и клинок серафима вспыхнул; в то же мгновение хлыст Изабель рассек шипастую занавесь, и та рассыпалась с мерзким хрустом.

Джейс перепрыгнул через колючий мусор, решительно врываясь в Тронный зал с пылающим клинком в руке. Клэри также выдернула свой меч из ножен.

Они наступали неудержимой лавиной, сформировав полукруг за спиной Джейса: Алек со вскинутым луком, чья тетива была уже натянута, Изабель с мерцающим кнутом, Клэри с обнаженным Геспером и, наконец, Саймон – без оружия, но, будучи вампиром, он в нем и не

нуждался. Саймон улыбнулся Мелиорну, демонстрируя ослепительный оскал.

Зашипев, Королева поджала ноги, сворачиваясь клубком на своем ложе, будто ее разобрала стеснительность. Пожалуй, Клэри впервые увидела ее нервной, чуть ли не суетливой.

– Как вы смеете без спросу появляться у меня при дворе?! – возмущенно повысила тон предводительница фейров. – Это величайшее преступление, к тому же нарушение Соглашения...

– Нет, это как *вы* смеете упоминать Соглашение?! – не остался в долгу Джейс, и клинок в его руке вспыхнул молнией. Клэри подумала, что, наверное, так выглядел Джонатан Сумеречный охотник столетия назад, когда загонял демонов обратно в Бездну и спасал ничего не ведающее человечество от верной гибели. – После стольких убийств, клятвопреступления, после похищения высших представителей Совета! Вы вступили в союз со злом, и теперь вас ждет расплата!

– Королева Летнего двора выше любых обязательств, – заносчиво вскинула подбородок предводительница.

– Каждый обязан платить по счетам, – напомнил Джейс ее собственные слова, и уже через миг стоял подле оттоманки, приставив острие к горлу Королевы. Она вжалась в подушки, но деваться ей было некуда: юноша навалился коленом на ее ложе, усиливая давление клинка. – Выкладывайте: как и почему. Мелиорн клялся, что вы заняли сторону нефилимов, а фейры не умеют лгать. Именно по этой причине Совет вам охотно поверил.

– Мелиорн? Он фейр лишь наполовину. Вполне способен на ложь, – усмехнулась Королева, бросая ехидный взгляд на Изабель, которая потеряла дар речи. Да-а, подумала Клэри, только королева фейров может позволить себе ехидничать с ножом у горла. – Порой самое простое объяснение и является самым верным, о юный Охотник.

– Та к вот почему вы так хотели видеть его в составе Совета, – понимающе кивнула Клэри, припомнив случай, когда Королева попросила ее об одной услуге. Как же давно это было... – Потому что ему соврать, все равно что воды выпить.

– Давно задуманная измена, – хрипло выдохнул Джейс. – За такие вещи надо прямо сейчас глотки резать.

– Ты не посмеешь! – заявила Королева, старательно сохраняя неподвижность. Острие меча по-прежнему упиралось ей в горло. – Если с моей головы упадет хотя бы волосок, Дивный народец ополчится против вас на веки вечные!

У Джейса горело лицо.

– Ополчится? А сейчас-то он чем занят? Мы всё слышали. Вы говорили про Себастьяна так, словно он верный союзник. Адамантовая цитадель расположена на стыке энергетических линий, а за них, как известно, отвечают фейры. Это *вы* провели его туда, *вы* открыли ему путь, *вы* дали ему устроить на нас засаду. Та к что не надо говорить, что ваш народ ополчится: он уже развязал войну против нас.

Физиономию Мелиорна исказила уродливая гримаса.

– Может, ты и подслушал наш разговор, щенок. Но если вас всех прямо сейчас перебить, никто из Сумеречных ничего не заподозрит...

Рыцарь надвинулся на парня. Алек выпустил стрелу, и та вонзилась Мелиорну в ногу. Завопив, царедворец упал навзничь.

Алек неторопливо прошел вперед, уже закладывая новую стрелу. Мелиорн со стонами корчился на полу, окрашивая снег алыми пятнами. Алек стоял над ним, держа натянутую тетиву наготове.

– Живо выкладывай, где и как найти Магнуса... как спасти всех пленников, – сказал он. – Или я превращу тебя в подушечку для булавок.

Мелиорн сплюнул. Его белые доспехи сливались со снежным фоном.

– Ничего я вам не скажу, – гордо ответил он, поднимаясь на ноги. – Хотите, попробуйте, хотите, убивайте, но я не предаю мою Королеву!

– Ой, я сейчас расплачусь, – скривила губки Изабель. – Слушайте его больше... Он же врать уме-ет!

У Алека окаменело лицо.

– А ведь верно, – сказал он. – Что ж, сдохни тогда. – И он выпустил вторую стрелу.

Она угодила рыцарю в грудь, сбила с ног, да с такой силой, что тот откатился назад на несколько шагов и с мокрым хрустом впечатался затылком в стену.

Королева взвизгнула, выбив Клэри из ступора. Из тоннеля все громче и громче доносились крики фейров.

– Саймон! – выпалила Клэри, и он вихрем развернулся к девушке. – Сюда!

Девушка сунула меч себе за пояс, выхватила стилус и кинулась к главной арке, уже свободной от шипастой занавеси. За ней по пятам мчался Саймон.

– Подсади меня! – выдохнула она, и Саймон без лишних вопросов подхватил ее за талию, лишь в самое последнее мгновение сообразив, что, если он подбросит ее вверх со всей своей вампирской силой, она угодит головой в потолок. – Теперь держи! – скомандовала Клэри, принимаясь чертить. Это была противоположность тому узору, который она когда-то изобразила на борту судна Валентина: Затворяющая руна, которой перекрывают все входы и выходы, устраивают непроницаемые преграды, за которой прячутся и отсиживаются.

Черные линии легко и послушно стекали с кончика ее пищащего инструмента, и в тот момент, когда Саймон наконец не выдержал: «Ну давай, давай же! Они совсем близко!», она облегченно выдохнула и оторвала стилус от камня.

Под ногами встряхнулась почва. Все попадали как кегли, Клэри угодила на Саймона – не самая мягкая, однако, посадка, парень оказался весь сделан из локтей и коленок – и откатилась в сторону, когда арку начала затягивать скалистая стена, словно задерживался театральный занавес. В тоннеле уже метались ломкие тени набегающих фейров, но едва Саймон помог девушке встать на ноги, как скала окончательно задвинулась, отсекая вход.

– Ангел меня разрази! – восторженно выдохнула Изабель.

Клэри обернулась, держа стилус наготове. Джейс был на ногах, напротив него Королева, острое меча по-прежнему у ее горла. Алек с непроницаемым лицом стоял над трупом Мелиорна; он бросил взгляд на Клэри, затем на своего *парабатая*. За его спиной виднелась разверстая пасть тоннеля, откуда появился белый рыцарь и куда ушел Гуин.

– А ты что, тот вход перекрывать не будешь? – удивился Саймон.

Клэри помотала головой:

– У Мелиорна сапоги были испачканы чем-то вроде смолы. А про Эдом говорится: «И превратятся реки его в смолу...» Та к что, думаю, он со своим докладом пришел как раз оттуда. И значит, там вход.

– Джейс! – окликнул Алек. – Растолкуй этой мадам, что нам надо. Скажи, что, если она подчинится, мы оставим ей жизнь!

Королева визгливо рассмеялась:

– Ах ты жалкий купидонишка-стрелопускатель... Недооценила я тебя. Видно, не зря говорят: из осколков разбитого сердца получают убийственные наконечники...

У Алека обозначились суровые складки в уголках рта.

– Вы нас всех недооценили, с самого начала. Удивляться не приходится: чванство глаза застит. К счастью, Дивный народец – раса древняя, честная и славная. Это лишь вы оказались черной, паршивой овцой, которая недостойна их возглавлять. Да под вашим чутким руководством их всех ждет вот это. – И он мотнул подбородком на труп Мелиорна.

– Кто бы говорил! – возмутилась Королева. – Сам же его убил, а на меня сваливает! Хам!

– Каждый. Платит. По. Считаю, – негромко отчеканил Алек, не сводя с нее жесткого как кремень взгляда сине-льדיстых глаз.

– Мы требуем безопасного возвращения всех заложников, которых захватил Себастьян Моргенштерн, – перевел Джейс.

Королева развела руками в стороны:

– А их тут нет. Они вообще не в этом мире, и уж во всяком случае, не на землях в пределах моего подчинения. Так что извините, ничем не могу помочь.

– Замечательно, – кивнул Джейс, и Клэри показалось, что именно этого ответа он ждал. – В таком случае вам остается сделать одну-единственную вещь. Кое-что нам покажете, а дальше можете быть свободны.

Королева насторожилась:

– Это что же такое вы хотите увидеть?

– Тракт в Демоноляндию, а если точнее, в Эдомское царство, – сказал Джейс. – Нам нужен туда безопасный проход. И чтобы никто не задержал на границе.

К удивлению Клэри, у Королевы облегченно опустились плечи. Вся ее фигурка словно обмякла, уголок рта пополз в сторону, и девушке это крайне не понравилось.

– Пожалуйста, пожалуйста. Я покажу вам дорогу в Царство демонов.

И с этими словами, изящно поддернув подол своего полупрозрачного платья, Королева снизошла со ступеней возвышения, на котором стояла ее оттоманка. Ступни у нее оказались босые и белые-пребелые, как снег. В гордом молчании она прошествовала через весь зал к темному зеву тоннеля, что находился позади ее трона.

Алек двинулся вслед за Джейсом, за ним последовала Изабель, Саймон с Клэри шли замыкающими.

– Ох, не нравится, ох, как не нравится мне это дело... – тихо промолвил Саймон, когда они покинули Тронный зал и углубились в сумрачную тень подземного хода. – Что-то слишком просто у нас все вышло...

– Ничего себе «просто»... Да нас чуть не сцапали!

– Это понятно, но... Уж очень она хитрая, эта Королева. Бьюсь об заклад, при желании она бы точно выкрутилась как-то иначе, не стала бы показывать дорогу к демонам.

– Так ведь ей это на руку, – пожала плечами Клэри. – Она думает, мы там сгинем.

Саймон скосил на нее взгляд:

– А мы сгинем?

– Пока не знаю, – ответила она и убыстрила шаг, чтобы нагнать остальных.

Тоннель оказался вовсе не таким уж длинным, как представлялось девушке. Впечатление непроходимости создавала царившая внутри него тьма, но не прошло и получаса, как они выбрались в некое намного более просторное и ярко освещенное место.

За всю дорогу никто не проронил и слова; Клэри целиком ушла в собственные мысли – воспоминания о кочующей квартире, которую она некогда делила с Себастьяном и Джейсом, о реве Дикой охоты в небе над головой, о письме, адресованном «Моей прекраснолицой». Выходит, переписка была вовсе не романтической, а деловой: ведь именно так обращался к Королеве и рыцарь Гуин. Просто-напросто ее официальный титул: «Наша прекраснолицая госпожа, Королева фей и фейров». «Она любит всегда быть на стороне победителей. То есть на нашей, Клэри. На нашей» – вот что однажды сказал ей Себастьян, и девушка добросовестно рассказала об этом Конклаву, только ошиблась при этом, решив, что он выразился так ради красного словца. Как и все в Конклаве, Клэри считала, что клятва верности Дивного народца

нерушима и что Королева уж во всяком случае сначала посмотрит, куда ветер дует, а уж потом возьмется создавать или разрушать альянсы. Девушке вспомнилось, с каким гневом бросил Джейс обвинение в «давно задуманной измене». Наверное, никому из них это не приходило в голову попросту оттого, что не хотелось видеть страшную правду: Королева настолько уверовала в победу Себастьяна, что укрыла его в своей вотчине, где следы невозможно было отыскать. Помогала ему в сражениях. Взять хотя бы разверстую пропасть под Адамантовой цитаделью и то, с каким восторгом туда сыпались Помраченные. Типичная фейрийская магия: в конце концов, Летний двор сам представлял подземное царство. Но с какой иной целью Помраченные могли полонить Марка Блэкторна в Лос-Анджелесе? Они не принесли его в жертву, и все решили, что Себастьян испугался отмщения со стороны Дивного народца. А оказывается, все не так. Наоборот, они вступили с Себастьяном в сговор, и он приказал забрать Марка оттого, что в пареньке текла не только кровь фейров, но и кровь нефилимов.

За всю свою жизнь она никогда так много не размышляла о смысле кровного родства, как за последние полгода. Ангельская кровь говорила ей: ты Сумеречная охотница. Пусть этой крови было немного, но она сделала ее той, кем она была, одарила руническим талантом. А взять Джейса? Благодаря этой крови он был крепок, проворен, обладал редкостным умом. И наконец, кровь Моргенштернов: она текла в ней, а также в Себастьяне, и вот почему он вообще обращал на нее внимание. Не из-за этой ли моргенштерновской крови в ее сердце существует темный уголок? Да и есть ли он, на самом-то деле? А взять кровь Себастьяна: тоже смесь – к крови Валентина и Джослин была добавлена кровь Лилит. Это сделало его монстром – или его еще можно спасти, каким-то образом исправить, перевоспитать?

– Ну вот, – сказала Королева, не скрывая насмешливых интонаций, – мы и пришли. Сами-то в состоянии догадаться, где правильная развилка?

Они стояли в исполинской пещере, чей потолок скрывался в далеком мареве. Стены зыбко фосфоресцировали; из центра исходили четыре дороги: по одной они пришли, три разбегались в разные стороны. Одна лежала перед глазами; прямая как стрела, с великолепным покрытием, гладкая и широкая, уходившая в просторный тоннель. Вход в тоннель слева был окружен буйной зеленой порослью, откуда приветливо выглядывали яркие цветы, и девушке даже показалось, что где-то там, в глубине, синее чистый небосвод. Ах, как тянуло отправиться именно туда! Ну а третий путь, последний, представлял собой вход в узкий тоннель, откуда торчали колючки и стальные шипы. Кажется, изнутри проглядывает ночное звездное небо...

Алек коротко хохотнул.

– Мы Сумеречные охотники, – сказал он. – Старые сказки впитали с молоком матери. Это же прямоком из Томаса Рифмача. – В ответ на недоумевающий взгляд Клэри он пояснил: – Фейры не любят делиться своими тайнами, но некоторые сумели-таки зашифровать кое-какие секреты под видом древних баллад. В частности, отсюда и взялась история про Томаса Рифмача, которого похитила коварная королева эльфов...

– Вот еще новости! – возмутилась Королева. – Он сам пришел!

– Ага. Она, короче, отвела его к развилке трех дорог и сообщила, дескать, одна ведет в Небеса, вторая в ад, ну а третья – в Эльфляндию. Как там было-то... «Вот этот путь, что вверх идет, тернист и тесен, прям и крут. К добру и правде он ведет, по нем немногие идут»^[13].

И Алек показал на узкий вход.

– Да, он ведет в мир *примитивных*, людей, – любезно сообщила Королева, – где вашим сородичам так нравится жить. Медом, что ли, намазано?

– Теперь ясно, как именно Себастьяну удалось незамеченным подкрасться к Адамантовой цитадели со всей своей дружиной, – брезгливо сморщившись, заметил Джейс. – Сколотил себе войско, расквартировал его тут, у фейров, где у Совета нет глаз, ну а в нужный момент вызвал

подкрепление вот по тоннелю. – Он подарил Королеве зловещий взгляд. – Из-за вас столько нефилимов полегло...

– На то вы и смертные, – пожала плечами та. – Недолговечные.

Алек не обращал внимания на ядовитые шпильки.

– А вот через этот, – он показал на заросший цветами вход, – можно попасть в страну фейров. Ну а здесь, – махнул парень рукой, – здесь начинается дорожка в ад. Наша с вами.

– Та самая, что вымощена благими намерениями, – присовокупил Саймон.

– Вот теперь и удостоверься в этом, светолуб, – отозвалась Королева.

Легким нажатием Джейс напомнил ей о мече, который упирался царственной владычице в спину:

– Откуда мы можем быть уверены, что вы не кинетесь сообщать про нас Себастьяну, едва мы вас отпустим и уйдем?

Королева даже не пискнула от боли; просто пожевала губами – несмотря на всю свою красоту и юность, в этот момент она выглядела древней старухой – и ответила:

– Хороший вопрос. Между прочим, даже если вы меня убьете, мои придворные в любом случае сообщат об этом Себастьяну, а уж он сразу догадается про ваши намерения. Мальчик умненький. Так что не удастся вам обтяпать свои делишки тайком, иначе придется умертвить весь мой народ.

Джейс молчал. Серафимов клинок в его руке упирался Королеве под лопатку, подсвечивая его лицо, оттеняя впадины и заостря скулы, подчеркивая мужественность черт, волевой подбородок. Волосы над его головой светились подобно пылающему терновому венцу.

Клэри следила за его реакцией, и не одна она. Молча, терпеливо, доверчиво. Какое бы решение он ни принял, товарищи его поддержат.

– То-то же, – удовлетворенно кивнула Королева. – Кишка у тебя тонка столько народу перебить. Ведь ты был самым добрым из отпрысков Валентина. – Она подарила Клэри злорадный, победоносный взгляд. *Да-а, дочь Валентина, есть в твоём сердце кое-что темное...*

– Клянись, – приказал Джейс. – Я знаю, что здесь означает клятва. Знаю, что фейры не могут лгать. Вот и клянись, что ничего не сообщишь про нас Себастьяну сама и не дашь это сделать никому из придворных.

– Клянусь, – сказала Королева. – Клянусь, что никто при моем дворе ни словом ни делом не даст Себастьяну понять, что вы сюда приходили.

Джейс отшагнул в сторону, опуская меч к ноге.

– Я знаю, ты думаешь, что посылаешь нас на смерть, – промолвил он. – Но нас не так-то просто погубить. И мы выиграем эту войну. А когда возвратимся с победой, заставим и тебя и твой народ *пожалеть* за содеянное.

С лица Королевы сползла усмешка. Ребята отвернулись и пошли по дороге в Эдом. Молча. Лишь Клэри бросила взгляд за плечо, углубляясь в зев тоннеля, и увидела: Королева замерла истуканом, следя за ними горящими глазами.

Коридор, чьи стены будто оплавилась от адского пламени, уводил вглубь скалы плавным загибом. Отважная пятерка не сбавляла темпа, двигаясь в полной тишине; бледные стены вокруг них понемногу насыщались мраком, временами превращаясь в угольно-черные, словно сам камень выгорел. Гладкий пол уступил место неровностям, под подошвами захрустел щебень. Фосфоричность стен постепенно угасала, так что Алек в итоге был вынужден вытащить из кармана ведьмин огонь и нести его во вскинутой руке.

Когда меж его пальцев начал сочиться свет, Клэри почувствовала, как рядом с ней насторожился Саймон.

– Ты чего? – шепнула она.

– Вроде... шевельнулось что-то?... – ткнул он пальцем в сумрак перед глазами. – Вон там.

Клэри прищурилась, но ничего не увидела. Удивляться тут нечему: зрение вампиров было получше, чем даже у Сумеречных охотников. Как можно тише она извлекла меч из-за ремня и сделала несколько быстрых шагов вперед, стараясь держаться в тени у стены коридора. Джейс с Алеком о чем-то увлеченно перешептывались. Клэри постучала Иззи по плечу:

– Там кто-то есть. Или что-то...

Изабель ничего не ответила, лишь повернула лицо к брату и сделала какой-то жест, быстро рисуя пальцем в воздухе. Тот явно понял, что к чему, и обернулся к Джейсу. Клэри подумала, что годы совместных тренировок сплотили эту троицу в единое целое, они даже думали одинаково. Вот интересно, а ей самой когда-нибудь удастся стать такой же? Или, может, несмотря на всю свою преданность делу Сумеречных охотников, она так и останется как бы в стороне?...

Алек вдруг резко махнул рукой вниз, гася огонек. Вспышка, искра – и куда-то пропала Изабель, хотя только что стояла возле плеча Клэри. Девушка развернулась, выставив меч, и слышала какую-то возню; последовал резкий щелчок, шлепок и тут же вполне себе человеческий вопль.

– Стоять! – рывкнул Саймон, и вокруг все взорвалось ослепительным светом, словно включили студийный софит.

Пару секунд Клэри моргала, приучая глаза к новому уровню яркости. Потихоньку в поле зрения проявилось вот что: Джейс держал вскинутым свой ведьмин огонь, чье сияние расходилось по всему тоннелю как от крохотного солнца. Алек стоял в классической позе лучника, зато Изабель... Изабель сжимала кнутовище, а гибкая плеть обвивала лодыжки какой-то тощей фигуры, сжавшейся в комок у стены. Мальчишка, по сути дела; соломенные волосы, закручивающиеся кудряшки поверх заостренных ушей...

– Батюшки светы, – прошептала Клэри и заторопилась вперед, на ходу убирая оружие за пояс. – Изабель, не надо, отпусти его. Все в порядке.

Одежда паренька была изодрана, чем-то вымазана, ноги босы и черны от грязи. Руки тоже голые, покрыты рунами. Причем рунами Сумеречных охотников.

– Ангел спаси и сохрани...

Хлыст Изабель словно по собственной воле разжал хватку и юркнул обратно на запястье, собираясь в кольца. Алек уронил лук к ноге. Что же касается мальчишки, тот вскинул лицо и угрюмо оскалился.

– Эй, ты что, тоже Сумеречный охотник? – недоверчиво прищурился Джейс.

Мальчишка нахмурился еще больше, показывая зубы. В его взгляде читалась не только злость, но и тоска пополам со страхом. Кто он и откуда, было ясно без лишних вопросов. Те же хрупкие черты лица, что и у его сестры, такой же задорный подбородок и волосы, смахивающие своим цветом на выгоревший от солнца пшеничный колос. Ему что-то вроде шестнадцати, припомнила Клэри. Хотя выглядит куда младше.

– Так это же Марк Блэкторн, – сказала она. – И сомневаться нечего: вылитая копия Хелен. Да и на руки его взгляните.

Марк недоуменно заморгал. Усмехнувшись, Клэри коснулась своего безымянного пальца, и в глазах мальчишки вспыхнуло понимание. Он робко протянул вперед свою худую правую лапку. И действительно, на пальце посверкивало фамильное кольцо с выгравированным плетением терновых веток.

– Ты как здесь очутился? – спросил Джейс. – И откуда узнал, что мы будем в этом тоннеле?

– Я здесь вместе с другими охотниками, Дикими, – тихо ответил паренек. – Случайно слышал, как Гуин рассказывает о появлении чужаков у Королевы... Ну я и потихоньку улизнул,

они все равно на меня не обращали никакого внимания... Стал вас искать... и вот... сам заблудился... – Он махнул рукой. – Но нам надо поговорить, я хочу узнать про нашу семью... – Лицо мальчишки скрывалось в полумраке, однако Клэри заметила, как заострились его черты. – Фейры говорят, их всех убили. Это правда?

На минутку наступила потрясенная тишина, и в глазах Марка проявилась паника; его взгляд заметался между Изабель, которая стояла насупившись, каменным подбородком Джейса и натянутой позой Алека.

– Значит, правда? – выдохнул Марк. – Значит, их всех...

– Отца превратили, да. Но братья и сестры живы! – поспешила объяснить Клэри. – Мало того, они сейчас в Идрисе. Им удалось сбежать, они в безопасности!

Если она ожидала увидеть восторг и облегчение, то была разочарована самым жестоким образом: мальчишка побелел как полотно.

– Эй? Ты чего? Джулиан, Хелен и все остальные в полном порядке, слышишь? – Клэри протянула было руку, чтобы приласкать паренька, но тот испуганно втянул голову в плечи. – Они живы и страшно волнуются за тебя.

– Клэри... – сказал Джейс предостерегающим тоном.

Она бросила досадливый взгляд через плечо; неужели не ясно, что ребенка надо успокоить, рассказать про родственников, объяснить, как у них дела, чем они занимаются. В первую очередь самое важное, разве не так?

– Слушай, ты хоть что-то ел после похищения? Они тебе хотя бы воду дадут? – спросил Джейс, придвигаясь ближе, чтобы повнимательней взглянуть Марку в лицо.

Тот отпрянул, но девушка успела услышать, как юноша присвистнул.

– Чего там такое? – нетерпеливо потребовала Изабель.

– Да с глазами у него... – И Джейс повыше поднял ведьмин огонек, чтобы осветить подростку в лицо.

Марк опять нахмурился, но все же позволил юноше провести коротенький осмотр.

Его глаза были крупными, с такими же длинными ресницами, как у Хелен, но, в отличие от нее, разного цвета. Один типично блэкторновский, аквамариновый и прозрачный как вода. Другой напоминал золотой шарик, внутри которого плавали тени. Копия глаз самого Джейса, только значительно темнее.

У Джейса дернулся кадык.

– Дикий охотник, – тихо промолвил он. – Теперь ты один из них.

Он взглядом ощупывал мальчишеское лицо, словно перед ним была книга, доступная для чтения.

– А ну-ка вытяни руки, – наконец приказал он, и Марк подчинился. Юноша перевернул его ладони к свету, и Клэри увидела, во что превратились запястья. У нее встал комок в горле. На Марке была лишь футболка, и руки от кистей до плеч были изборождены рубцами от ударов плетью. Так вот почему он отпрянул, когда она захотела к нему прикоснуться. Бог знает, какие еще раны прячутся у него на теле, под одеждой. – Так. Когда и где это случилось?

Марк отдернул руки. Сейчас они ходили у него ходуном.

– Это все Мелиорн, – пробурчал он. – Когда меня только-только поймали, он сказал, что перестанет бить, если я начну есть и пить, чего дают. Я и послушался, потому что какая разница, когда вся наша семья погибла... Я же думал, что фейры не умеют врать.

– Мелиорн еще как умеет, – мрачно вставил Алек. – Точнее, *умел*.

– Да когда ж это все случилось? – удивилась Изабель. – И недели не прошло, как тебя фейры забрали.

Марк покачал головой:

– Нет-нет, я с ними пробыл очень долго. Даже сказать не могу сколько.

– Здесь время течет по-другому, – пояснил Алек. – То быстрее, то медленнее.

Марк добавил:

– Гуин говорит, что я теперь принадлежу Диким охотникам и что уйти могу лишь с их разрешения. Это правда?

– Да, – кивнул Джейс.

Мальчишка откинулся затылком на стену тоннеля и обмяк. Бросил взгляд на Клэри:

– Ты их видела, да? Видела моих братьев и сестер? И Эмму тоже?

– Все с ними в порядке, говорю тебе, а с Эммой вообще все замечательно. – Интересно, это поможет? Паренек поклялся, что останется здесь, потому что поверил в гибель всех своих родственников. И эта его клятва нерушима, хоть и принесена из-за чужой лжи. И вообще, что лучше: начать все с чистого листа, считая родную семью погибшей, или жить дальше, сознавая, что у тех, кто тебе дорог, все хорошо, хотя сам ты их никогда больше не увидишь?

Она подумала о собственной матери, пребывающей где-то там, по ту сторону тоннеля. Нет уж, лучше знать, что они живы. Что и с мамой все хорошо, и с Люком, даже если с ними уже никогда не встретиться. Пусть они будут живы.

– Хелен с ними не справится в одиночку, это уж точно, – сказал паренек с ноткой отчаяния в голосе. – Не умеет она. А Джулс еще слишком маленький, не знает, как заботиться о Тае, не знает, что тому нужно. Да он с ним даже общаться не умеет... – У Марка задрожали губы. – Слушайте, а можно, я с вами, а? Ну, пожалуйста!

– Ты сам знаешь, что нельзя, – ответил Джейс, не находя в себе силы взглянуть подростку в лицо и вместо этого ковыряя глазами пол. – Раз уж дал клятву верности Диким охотникам, все, с этого момента ты один из них.

– Нет-нет, возьмите меня с собой! – взмолился Марк. Сейчас он напоминал смертельно раненного человека, который сам еще не понял страшную правду. – Не хочу я быть с ними, не хочу! Мне надо к своим...

– Понимаешь, – развела руками Клэри, – мы идем в ад. Та к что взять тебя с собой никак не получится, даже если ты бы мог свободно покинуть Диких охотников.

– Чего никогда не будет, – подхватил Алек. – Попробуешь сбежать, погибнешь.

– Вот и хорошо. Я так и сделаю, – кивнул Марк, и Джейс резко вскинул лицо. Глаза юноши пылали жидким золотом, словно внутренний огонь расплавил их.

– Они похитили тебя оттого, что в твоих жилах течет не только кровь фейров, но и наша кровь, кровь Сумеречных охотников. Они хотят сделать нефилимам больно, – заявил Джейс, не сводя с паренька взгляда. – Докажи им, что они просчитались; докажи, что Сумеречные охотники ничего не боятся, пусть они знают, из какого теста мы сделаны. И тогда ты сможешь найти в себе силы все это пережить.

В неверном свете ведьминых огоньков Марк вглядывался в лицо юноши. Былые, частые слезы грязными полосками расчертили ему щеки, но сейчас глаза мальчишки были сухи.

– И как мне это сделать? – спросил он. – Научите.

– Найди способ уведомить наших, понял? – сказал Джейс. – Передашь, мол, видел их, они пошли в ад, как и говорила Клэри. А теперь самое главное: может статься, мы не вернемся, поэтому надо обязательно передать, что фейры нас предали, они нам враги, а не союзники. Запомнил? Сделаешь?

– Меня поймают. – У паренька блеснули глаза. – И убьют.

– Если будешь все делать быстро и с головой, то никто тебя не поймает, – возразил Джейс. – Все у тебя получится, я знаю.

– Джейс, – вмешался Алек. – Слушай, ему надо скорее назад, не то хватятся.

– Точно, – кивнул Джейс, но почему-то помедлил. Наконец он взял Марка за руку и вложил ему в ладонь ведьмин огонек, отчего у паренька засветились пальцы. – На вот, – кивнул юноша, – пригодится. Потому что тьма царит в Земле под холмом, а годы долги.

Марк пару секунд стоял неподвижно, держа рунический камень в вытянутой руке. В неверном свете мальчик выглядел таким хрупким, что сердечко Клэри выбило барабанную дробь: как же так? ведь все нефилимы обязаны помогать друг дружке? – но тут Марк развернулся и кинулся прочь по тоннелю, почти беззвучно шлепая босыми ногами.

– Марк... – прошептала Клэри, а затем, встряхнув головой, взяла себя в руки: мальчишка уже скрылся. Его проглотили тени, в поле зрения оставалась лишь крошечная искорка блуждающего болотного огонька, но вот и он слился с темнотой.

Она обернула лицо к Джейсу:

– Что это ты загадками начал изъясняться? Какая-то «земля под холмом»...

Юноша отмолчался; он вообще выглядел каким-то оторопевшим. Уж не увидел ли он самого себя в этом худеньком мальчишке-сироте?

– Земля под холмом – это страна фейров, – объяснил Алек. – Их древнее название. Да не переживай ты так, – обратился он к Джейсу. – Все с ним будет в порядке.

– Ты отдал ему свой огонек. – Изабель не сводила с него благоговейного взгляда. – Он всегда был с тобой, сколько себя помню...

– Да катись он, этот огонек, – вдруг резко выпалил Джейс и даже врезал кулаком по стене тоннеля.

Последовала мгновенная вспышка, и он тут же отдернул руку. На камне остался угольно-черный след, зато сама ладонь продолжала светиться, словно в его жилах текла не кровь, а жидкий фосфор.

Юноша коротко, хрипло рассмеялся:

– Я теперь сам себе огонек...

– Джейс. – Клэри тронула его за руку; он не отпрянул, но, с другой стороны, никак не отреагировал на ее прикосновение. Девушка понизила голос: – Ты не можешь спасти всех. Так не бывает.

– Может, и не бывает. – Свет в его руке быстро меркнул. – Но я что-то вообще пока никого не спас.

– Братцы, – сказал Саймон, который, к слову, последние пару часов вел себя крайне молчаливо, и Клэри даже удивилась, что он вдруг заговорил. – Уж не знаю, видите ли вы это, но в том конце тоннеля что-то есть...

– Свет, поди? – бросил Джейс, сочась сарказмом. У него лихорадочно блестели глаза.

– Ровно наоборот.

Саймон вышел вперед, и после недолгого колебания Клэри последовала за молодым вампиром. На этом участке тоннель был прямой как стрела, но затем слегка сворачивал; достигнув этой точки, она наконец увидела, о чем говорил Саймон, и остановилась как вкопанная.

Тьма. Тоннель заканчивался вихрящейся стеной крошечного мрака. В нем что-то шевелилось, гоняя сгустки темноты подобно ветру, подстегивающему грозные облака. Причем не беззвучно: мрак урчал и гудел, словно самолетная турбина.

К девушке присоединились ее спутники. Они выстроились в шеренгу, не сводя глаз с темноты, следя за ее колыханием. Занавесь на двери в неизвестное.

Первым заговорил Алек, чьи широко распахнутые, чуть ли не восторженные глаза не могли оторваться от этой картины. Вдоль тоннеля метался обжигающий ветер, неся с собой крошечные жгучие пылинки, будто в лицо швыряли раскаленным порошком красного перца.

– Ну вот, – выдохнул Алек. – Ничего глупее мы еще не делали.

– А вдруг мы там застрянем? Не сможем вернуться? – спросила Изабель. Рубин во впадинке у ее горла пульсировал злыми, алыми вспышками, как спятивший светофор, подсвечивая лицо.

– По крайней мере, влипнем вместе, – проворчала Клэри, оглядываясь на друзей. Она взяла Саймона с Джейсом за руки и крепко стиснула пальцы. – Мы пришли сюда вместе, пройдем эту дверь вместе и останемся вместе по ту сторону. Согласны?

Все отмолчались, лишь Алек взял Джейса за руку, а Изабель – Саймона. Ребята замерли, уставившись перед собой. Клэри почувствовала, как напряглись пальцы Джейса в ее ладони: едва заметноежатие.

А затем они все вместе шагнули вперед, и мрак довольно чмокнул.

– Свет мой, зеркальце, скажи... – Мурлыча себе под нос, Королева приложила ладонь к хрустальной поверхности. – Ну-ка, ну-ка, где там моя Утренняя звезда?

Зеркало висело на стене опочивальни и было задрапировано охапками цветов: розами, с которых никто не осмеливался откусывать шипы.

Белесая мгла, колыхавшаяся в зеркале, подернулась рябью, по ней побежали волны, а еще через секунду из тумана вынырнула костистая физиономия Себастьяна.

– Моя прекраснoлика, – клюнул он подбородком. Тон голоса ровный, невозмутимый, хотя щеки и воротничок были заляпаны кровью. Над головой он обеими руками держал вскинутый меч, и звезды на клинке горели алыми самоцветами. – Уж не обессудьте, государыня, я чуточку занят по хозяйству...

– Я просто решила, что тебе захочется узнать: твоя сестрица в компании со сводным братцем только что изволили покинуть мои пределы. Они отыскиали эдомский тракт. Идут к тебе.

По лицу Себастьяна расплылась улыбка, более похожая на волчий оскал.

– Разве они не взяли с вас обещание умолчать о своем появлении при дворе?

– Еще как взяли, – довольно кивнула Королева. – Но только не про свой уход.

И оба расхохотались.

– Убили одного из моих рыцарей, – пожаловалась Королева. – Пролили кровь, перепачкали пол перед тронem, порвали занавеску. Но улизнули. А ты ведь знаешь, мои подданные не выживут в отравленных землях, ну, в Эдоме твоem, так что придется тебе самому взяться за отмщение.

Свет в глазах Себастьяна угас. Королева всегда считала если не блажью, то загадкой его привязанность к сестре и брату, хотя и признавала, что сам он был еще бoльшим ребусом. Когда-то она и в мыслях не допускала, что решится вступить в альянс с Сумеречными охотниками: их, мягко выражаясь, своеобразное понимание чести мешало доверительным отношениям. И ровно по другой причине она поверила Себастьяну: уж он-то был полностью лишен всякого представления о чести и благородстве. Предательство – тонкая материя, но Дивный народец эту науку превзошел, а Себастьян был гением по части лжи.

– Я готов служить вашим интересам в любой форме, моя Королева, – промолвил он. – В скором времени ваш и мой народы возьмут бразды правления миром в свои руки, и уж тогда вы будете вольны поступить как угодно с любым, кто посмел нанести вам оскорбление или обиду.

Она приятно улыбнулась. Ее Тронный зал до сих пор не отмыли от крови, кожу горла даже сейчас саднила царапина, оставленная острием меча Джейса Лайтвуда, так что улыбка не была полностью искренней, но Королева умела пользоваться своей красотой.

– Ты мой душка.

– Да, – скромно потупился Себастьян, пряча молнию, что блеснула в глазах, которые до того успели потемнеть, как предгрозовое небо.

Королева лениво задалась мыслью, видит ли он их отношения под тем же углом, что и она: любовники, которые даже в объятиях друг друга держат за спиной по ножу, готовые в любой момент предать, а если понадобится, то и зарезать.

– Я очень люблю, когда мной восхищаются.

Он улыбнулся, скорее даже оскалился:

– Пусть идут. Жду не дождусь нашей встречи.

<hr/>	
<hr/>	
notes	

Примечания

Шанти, шанти, шанти – заключительные слова «Упанишад». Автор дает их перевод в трактовке Т. С. Элиота, размещенной в автокомментарии к поэме «Бесплодная земля» (1922). Строго говоря, на санскрите это слово означает «покой», в то время как «мир, превосходящий всякое понимание» – это почти прямая цитата из библейского Послания к Филиппийцам, 4:7. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Эти слова часто встречаются в греческом тексте Библии, где, в частности, они относятся к появлению Вифлеемской звезды, пришествию Иисуса Христа и т. д.

Цитата из «Энеиды» Вергилия.

Строки из стихотворения «Закон Джунглей». Перевод В. Топорова.

Уильям Шекспир. Генрих VI, часть 3, акт II, сцена 3. Перевод Е. Бируковой.

Зигфрид Сассун, «Поцелуй». Из цикла «Старый охотник» (1917).

В классической мифологии словом *ихор* (от древн. – греч. *Ιχὼρ*) именуется кровь богов и других бессмертных существ. Это золотистая, смертельно ядовитая для людей жидкость, совмещающая в себе качества нектара и амброзии. См. у Гомера: «... заструилась бессмертная кровь Афродиты, влага, какая струится у жителей неба счастливых: ибо ни брашн не ядят, ни от гроздий вина не вкушают; тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают» («Илиада», Песнь пятая, 339–342; в переводе Н. И. Гнедича). В медицине же *ихор* означает сукровицу или злокачественный гной, а в книгах, написанных в стиле фэнтези, ихор – это также черная кровь демонов.

«*Ла бель Изабель*» (фр.): красавица Изабель.

Альфред Эдуард Хаусман, из цикла «Шропширский парень», XLVIII. Перевод А. Кокотова.

Уильям Шекспир. Ромео и Джульетта, действие 2, сцена VI. Перевод П. А. Каншина.

Аве (лат.) – радуйся.

Редъярд Киплинг. Закон Джунглей. Перевод В. Топорова.

Томас Рифмач. Перевод С. Я. Маршака.